

9(С186)

З-287

Е. ЗАЛКИНД,

ПРИСОЕДИНЕНИЕ  
БУРЯТИИ  
К РОССИИ

nos 604  
крас. 2  
бос. 2

569384









АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

---

Е. М. ЗАЛКИНД

# ПРИСОЕДИНЕНИЕ БУРЯТИИ К РОССИИ



БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
УЛАН-УДЭ \* 1958

**Ответственный редактор**  
*Г. Н. Румянцев*



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Триста лет минуло с той поры, как бурятский народ вошел в состав Русского государства. Событие это коренным образом изменило весь ход его истории и во многом определило его судьбу. Естественно, что эта важная страница бурятской истории привлекала к себе внимание исследователей. До революции эта тема затрагивалась в ряде общих или узкоспециальных работ, но первая попытка систематического освещения истории бурят в целом была предпринята лишь после Октябрьской социалистической революции.

В книге М. Н. Богданова<sup>1</sup>, основывавшегося только на опубликованных источниках и литературных пособиях, при соединении рассматривалось исключительно как насильственное завоевание. Односторонний подход к прошлому отражал в известной мере идейные позиции бурятских буржуазных националистов, а также соответствовал традиции, заложенной еще историками XVIII в. (Фишер).

Крупным событием в бурятской историографии явился выход в 1937 г. книги А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов»<sup>2</sup>. Автор впервые обратился к архивам и собрал обширный документальный материал, позволивший ему изложить историю Бурятии XVII в. на научной основе. Задача эта была выполнена со столь большой добросовестностью, что за истекшие со времени выхода книги 20 лет не было сделано сколько-нибудь существенных дополнений к изложенным в ней фактическим данным. Большой заслугой А. П. Окладникова является то, что он впервые отметил разницу между политикой царизма и отношениями, складывавшимися между бурятами и простыми русскими людьми. Превосходный очерк Братского восстания показал,

---

<sup>1</sup> М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926.

<sup>2</sup> А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Ленинград, 1937.



как крепла дружба народных низов в борьбе против царизма и его местной агентуры.

Но вместе с тем в книге есть и существенный недостаток, присущий в то время подавляющему большинству работ на аналогичные темы. Автор сосредоточивает внимание на зверствах сибирской администрации, на актах насилия, не выявляя тенденции бурятского населения к переходу в русское подданство. Ему представлялось, что к принятию новых порядков склонялись, причем в значительной мере силой оружия, бурятские нойоны, а простые люди были враждебны России. Такая постановка вопроса была естественной реакцией советских историков на зверскую национальную политику царизма, которая в старой исторической литературе обычно оправдывалась. Но концепция завоевания была односторонней и потому объективно неверной. Нарушалось одно из основных требований марксистского диалектического метода — изучать предмет во всех его связях и опосредствованиях. Анализ фактов предпосылалась готовая концепция. С учетом этого недостатка книга А. П. Окладникова сохраняет донныне значение основной монографии по истории Бурятии XVII в.

В предвоенные годы советские историки, глубже исследуя историю малых народов Сибири, начинают отходить от теории завоевания ее «мечом и огнем», чему не в малой степени способствовали известные партийные решения по вопросам истории СССР. В области бурятоведения пересмотр старых взглядов был начат Ф. А. Кудрявцевым<sup>1</sup>. Хотя он еще пишет о завоевании, но большее внимание уделяет положительному влиянию русского народа на хозяйство, общественные отношения и культуру бурят.

Последующее изучение вопроса показало, что наряду с фактами насильственного подчинения существовало в Бурятии и явное стремление к принятию русского подданства, что подводило к мысли о добровольности присоединения бурят к России. Б. Д. Цибикову принадлежит честь авторства первой работы, посвященной специально этой проблеме<sup>2</sup>, но решение ее было дано им неудачно. В Забайкалье, по мнению автора, присоединение носило вполне добровольный характер, а для истории западных бурят предлагается сложная схема: сначала они изъявили желание войти в состав России, затем из-за притеснений приказных людей оказали вооруженное сопротивление и в конце концов «вновь становятся ревностными сторонниками сотрудничества с русскими» (стр. 22—23).

---

<sup>1</sup> Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа. М.—Л., 1940.

<sup>2</sup> Б. Цибиков. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ, 1950.

Автор пытается свести причины вооруженного сопротивления бурят к бесчинствам казачьей вольницы, нарушавшей мудрые предначертания правительства. Тем самым недостаточно показывается антинародная политика царизма; действительно, предписания о приведении сибирских народов к присяге белому царю «лаской и приветом», вызванные стремлением присоединить Сибирь с наименьшими усилиями, имели место, но существовали и иные указы — подавлять всякое сопротивление жестокими мерами. Не следует также забывать, что воеводы и приказчики, сколь бы они ни самоуправствовали, проводили все же политику, продиктованную из центра.

В обоснование своего тезиса о добровольном присоединении к России с момента первой встречи Б. Цибилов предлагает неожиданное доказательство: казаков было немного, а буряты были хорошо вооружены и «ничуть не уступали в этом отношении даже казакам...» (стр. 7)<sup>1</sup>. Поскольку военная организация соответствует уровню развития государства, признание равенства русского войска и ополчения бурятских родов не может рассматриваться всерьез, не говоря уж о том, что оно опровергается всеми известными нам фактами. Впрочем, сам автор скоро забывает о своем оригинальном открытии, сообщая, что служилые «убедившись, что они (буряты—Е. З.) не представляют собой серьезной военной силы, начали громить бурятские улусы» (стр. 11). Вместе с тем выдвигаемый Б. Д. Цибиловым тезис, что при существовавшем соотношении сил, немногочисленные казаки отряды не смогли бы подчинить огромной территории, если бы дело решалось только оружием, сохраняет свое научное значение.

Неудача, которую потерпел Б. Цибилов, объясняется прежде всего неправильным пониманием самого понятия добровольности. Желание присоединиться к России, возникающее, по его мнению, одновременно с приходом русских, происходило, якобы, из двух обстоятельств: во-первых, буряты не могли сами прекратить межродовую борьбу (не совсем понятно, кстати, откуда при живых еще родо-племенных отношениях возникает желание прекратить эту борьбу) и противостоять монгольским вторжениям; во-вторых, бурятские князья желали торговать и искали себе контрагентов.

Стремление к добровольному присоединению не могло, конечно, возникнуть при первых встречах. Прежде чем обнаружилось тяготение к России, нужно было, чтобы буряты узнали Россию, познакомились с русским народом и сумели оценить, что дает им это присоединение. На это ушло не

---

<sup>1</sup> Справедливости ради заметим, что это заявление о равном вооружении сопровождается многозначительной оговоркой: «за исключением, правда, огнестрельного оружия».

менее трех десятилетий. Добровольное присоединение, при отсутствии государственности, может явиться лишь результатом свободного выбора, произведенного всем народом, свободного в марксистском понимании этого термина. Осознание необходимости присоединения в данной исторической обстановке и активное принятие его — вот в чем единственно и может заключаться добровольность. В бурятском обществе, как мы постараемся далее показать, решительный поворот к принятию русского подданства, на основе осознания целесообразности присоединения к России, произошел в самом конце пятидесятих годов XVII столетия.

Ход присоединения был в общих чертах одинаков в обеих частях Бурятии. Попытки доказать, что отношение к русским было различным, в зависимости от того, по какую сторону Байкала проживали те или иные роды, не выдерживают критики. Некоторые особенности объяснялись тем, что продвижение русских за Байкал происходит позднее, когда позиции широких масс в вопросе о вхождении в состав России уже определилась.

Все проблемы истории бурят XVII в., теснейшим образом связаны с присоединением к России. Вопрос заключается в том, каков был уровень хозяйственного и общественного развития у бурят и какие изменения произошли после их присоединения. Прогрессивное влияние русского народного хозяйства на хозяйство бурят общепризнано, но пока не имеется ни одной работы, посвященной специально экономике Бурятии в XVII—XVIII вв. Материалы, введенные в научное обращение, обобщены в «Истории Бурят-Монгольской АССР»<sup>1</sup>.

Вопросы общественного строя более привлекли к себе исследователей. Изучение их с марксистских позиций было начато в 1934 г., когда состоялась дискуссия, результаты которой были опубликованы в специальном сборнике<sup>2</sup>. В своем докладе П. Т. Хаптаев утверждал, что Бурятия к моменту ее присоединения прошла через стадию раннего феодализма, и этот правильный тезис получил поддержку ряда других историков. Старая точка зрения о господстве в XVIII—XIX вв. первобытно-общинных отношений была опровергнута и более уже никем не отстаивалась. Но совещание выявило и невысокий еще уровень разработки истории Бурятии.

Участники его оперировали очень ограниченным и случайным материалом, почерпнутым из литературы, а не из источников, изучение которых еще почти не было начато;

<sup>1</sup> «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Изд. 2-е, Улан-Удэ, 1954.

<sup>2</sup> «К истории Бурят-Монголии», М.—Л., 1935.



слабое знакомство с конкретной историей приводило к тому, что некоторые историки, оспаривая наличие феодальных отношений, пытались решать вопрос об общественном развитии бурят лишь на основе толкования работ Маркса, «подбирая,— по меткому выражению М. А. Гудошникова,— цитаты и факты масть к масти, как карты».

Главная беда заключалась в недостаточно высоком теоретическом уровне совещания. Существование феодализма обосновывалось, главным образом, наличием внеэкономического принуждения, и сам докладчик, видя специфику феодальных отношений в кочевом обществе в том, что крупное скотовладение определяло фактическое владение землей, полагал, что тот, кто ищет «основу феодализма — крупное землевладение,— снимает это своеобразие и тем самым становится на ложный путь»<sup>1</sup>. Ошибки участников дискуссии усугубил редактор сборника проф. А. В. Шестаков, который в своем предисловии утверждал, что у бурят феодализм существовал задолго до прихода русских.

Хотя совещание заложило основы для научного, марксистского изучения общественного строя бурят, был сделан лишь первый шаг в разработке проблемы.

Почти одновременно с названным совещанием вышла в свет книга Н. Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме»<sup>2</sup>. Автор исходил из правильного тезиса о феодальной собственности на землю, как основе феодализма. Но в части, касающейся Бурят, этим достоинства книги и исчерпываются. Исходя из неверного представления о бурятах, как ответвлении монголов, автор относил складывание у них феодализма ко временам Чингис-хана. Его суждение об общественном строе бурят в период присоединения совершенно неправильно, поскольку он находит здесь формы классического феодализма — и заправских сеньоров и крепостных крестьян. Никакого научного значения в части, касающейся бурят, эта книга, стоящая на грани фантастики, не имела.

В 1934 г. был выпущен в свет капитальный труд акад. Б. Я. Владимирцова о монгольском феодализме<sup>3</sup>. Подробный разбор этой книги, посвященной собственно монголам, выходит за рамки нашей темы. Но для изучения социальных отношений бурят она очень важна, ибо в ней нашли освещение многие феодальные институты, существовавшие в несколько иных вариантах и у бурят. Кроме того, Б. Я. Вла-

---

<sup>1</sup> «К истории Бурят-Монголии», стр. 162.

<sup>2</sup> Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934 г.

<sup>3</sup> Акад. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934.

димирцов затрагивал некоторые вопросы, непосредственно касающиеся родовой организации бурят.

А. П. Окладников посвятил одну главу своих «Очерков» общественно-политическому строю Бурятии в XVII в. В отличие от других частей книги автор оперирует здесь больше фольклорным материалом, нежели документальным. Подвергая критике концепции сторонников господства у бурят родового строя и тех, кто говорил о сложении феодализма в дорусский период и чьи взгляды были доведены Н. Н. Козьминым до абсурда, А. П. Окладников приходит к заключению о том, что до прихода русских бурятское общество находилось на стадии военной демократии.

Ф. А. Кудрявцев, не опираясь на какие-либо новые материалы, и не исследуя форм собственности, утверждает, что в XVII в. в Бурятии уже имелись основные классы феодального общества<sup>1</sup>. Исходным пунктом для этого вывода послужили сведения о высоком положении нойонства, что, конечно, не исчерпывает всей проблемы.

Примерно тех же взглядов придерживается и Г. Н. Румянцев, полагающий, что «бурятское общество XVII в. представляло общество патриархально-феодального типа»<sup>2</sup>. В то же время он пишет, что буряты делились на роды, которые объединялись в племена, каждое из которых существовало самостоятельно. «Но это была,— по его мнению,— лишь оболочка, под которой скрывались феодальные отношения». С этим трудно согласиться. Хотя автор и полагает, что буряты платили ясак князям, но пока это никем не доказано. Указываемая им отработочная форма эксплуатации путем отдачи скота на выпас не является чисто феодальным институтом. Убедительного теоретического обоснования тезис о наличии у бурят до прихода русских феодальных отношений тут не получил.

Следует учитывать, что «История Бурят-Монгольской АССР», охватывающая историю бурят с древнего времени до 1917 г. и книга Ф. А. Кудрявцева не являлись специальными исследованиями интересующей нас проблемы и поэтому авторы были вынуждены, в основном, руководствоваться уже имеющимися данными, не имея возможности проводить самостоятельные изыскания по каждому частному вопросу.

Литература же, которую они могли использовать, весьма ограничена. Лишь в недавнее время вышла работа Е. А. Чер-

---

<sup>1</sup> Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа, стр. 26.

<sup>2</sup> «История Бурят-Монгольской АССР», т. 1, изд. 2, стр. 72.

касовой<sup>1</sup>, о разложении родового строя у бурят, написанная по материалам Иркутской приказной избы.

Таким образом, проблема общественного строя бурят в период присоединения еще не была подвергнута обстоятельному изучению. В то же время лучшая изученность более позднего времени и собственные занятия по источникам XVIII—XIX вв. позволили Ф. А. Кудрявцеву дать в «Истории Бурят-Монгольской АССР» правильную оценку общественного строя бурят в этот период.

Предлагаемая вниманию читателя работа основана почти исключительно на архивных материалах. К сожалению, далеко не на все вопросы они дают возможность получить исчерпывающий ответ. Архивные собрания XVII в., в которых можно найти материалы, относящиеся к бурятам, сохранились в небольшом количестве. Человек, изучающий историю Бурятии, находится в несравненно худшем положении, чем историк Якутии, к услугам которого богатейшие архивные фонды. Несчастье заключается и в том, что имеющиеся материалы крайне неравномерно освещают ход исторических событий в отдельных районах Бурятии. Если в нашем распоряжении еще имеются более или менее обширные архивные собрания, из которых можно черпать сведения о западных бурятах, то с источниками по истории забайкальских бурят и особенно хоринцев в XVII в. дело обстоит совсем плохо. В архивных хранилищах уцелело лишь очень небольшое число документов, касающихся коренного населения Забайкалья. И это, конечно, наложило отпечаток и на настоящую работу.

При составлении ее были использованы фонды Сибирского приказа, Иркутской приказной избы, Посольского приказа, Иркутского губернского суда, а также портфели Г. Ф. Миллера из собраний Центрального архива древних актов. Для характеристики общественных отношений бурят, для исследования отношения их к России, особую ценность представляют фонды Иркутской приказной избы, относящиеся, к сожалению, за малым исключением, только к последним двум десятилетиям XVII в. и первым годам XVIII в.

Наряду с перечисленными фондами были изучены копии, сделанные с документов XVII в. по указанию Г. Ф. Миллера, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР, и Иркутский, Нерчинский и частично Якутский фонды Института истории Академии наук СССР. Этим, собственно, и ограничивается перечень архивохранилищ, где сосредоточены материалы по XVII в.

---

<sup>1</sup> Е. А. Черкасова. К вопросу о разложении первобытно-общинного строя у бурят XVII—XVIII вв. Записки Московского Обл. педагогического института по кафедре древней истории, вып. IV, М., 1954 г.



Самый состав документов ограничивает исследователя. В них преобладают описание взаимоотношений с различными племенами и родами, ясачные дела, история острогов, административное управление, описание новых земель и т. д. Это дает возможность восстановить довольно полно события периода присоединения. Но поскольку в переписке с центром воеводы и приказчики сообщали о том, что им казалось наиболее важным, поскольку они не затрагивали мелких дел, документы содержат очень мало данных о взаимоотношениях между русским населением и бурятами, об укладе жизни и общественных отношениях бурят.

Эти пробелы восполняются лишь архивом Иркутской приказной избы, органа местного, в функции которого входило решение административных и, что особенно важно для нашей темы, судебных дел. Но, как уже сказано, этот фонд охватывает ограниченный промежуток времени и невелик по объему. Тем не менее, как читатель может убедиться, именно он позволил осветить более полно такие вопросы, как, например, холопство у бурят, или нормы обычного права в XVII в. и включить в работу свежие, ранее не использовавшиеся архивные материалы.

По XVIII—XIX вв., проблемы истории которых автор не намеревался, как будет показано ниже, в какой либо степени исчерпать, были использованы материалы Ленинградского отделения Центрального государственного исторического архива и местных архивов: Центрального государственного архива БурАССР и Иркутского областного архива.

Работа разделяется на две части. В первой делается попытка охарактеризовать процесс, происходивший в XVII в., показать как с каждым десятилетием все более изменялось отношение широких масс бурятского народа к Русскому государству и как постепенно росло сознание необходимости присоединения к России, что и придало ему добровольный характер. Книга рассчитана на читателя, знакомого, хотя бы в общих чертах, с историей Бурятии, и поэтому она не содержит систематического ее обзора.

Материал противоречив, он отражает сложное переплетение различных социальных движений, обусловливаемых классовыми интересами государства, русских переселенцев в Сибирь, бурятских нойонов и простых улусных людей. Сомнительно было, придя к определенной концепции, аргументировать ее специально отобранными фактами и документами. Но этот метод, к сожалению, получивший некоторое распространение, лежит за пределами науки, в корне противоположен требованиям, которые предъявляет к историческому исследованию марксистско-ленинская методология.

Задача заключалась в другом—разобраться во множестве различных, иной раз противоречивых друг другу показа-

ний документов, определить главные тенденции, основные линии развития. Эту цель и ставил перед собой автор.

Во второй части рассматривается прогрессивное значение присоединения к России для бурят. Разумеется, здесь нельзя было ограничиться хронологическими рамками XVII в., учитывая медленность изменений в хозяйстве и общественных отношениях.

Изложение доводится до середины XIX в., когда развитие капитализма в России ставит перед бурятским обществом новые проблемы.

Эту часть книги не следует рассматривать, как опыт монографического исследования хозяйства и социального строя бурят за целых два столетия. Наша задача, определяемая основным содержанием книги, была гораздо скромнее: выяснить в самых общих чертах состояние бурятской экономики и характер социальных отношений в период присоединения и проследить происходящие в этих областях изменения.

Этим обусловлено ограничение в отборе фактов и исключение из рассмотрения многих очень важных для общей истории бурят вопросов. В частности, политика царизма затрагивается только в связи с непосредственными проблемами темы<sup>1</sup>.

Поскольку опубликованные материалы по XVII—XVIII вв. весьма ограничены, целесообразным представлялось не только изложить определенную концепцию, но дать для историков возможно больше фактических данных, чем и обусловлена обильная документация, с приведением местами обширных извлечений из архивных документов.

Автор отнюдь не обольщает себя надеждой, что все без исключения выдвинутые им положения выдержат проверку временем. Вероятно, дальнейшее изучение обогатит наше представление о прошлом бурят, приведет к появлению новых точек зрения, к пересмотру отдельных вопросов.

Если книга даст читателю представление о том, как протекало присоединение Бурятии к России и каковы были последствия этого важнейшего для исторических судеб бурятского народа события и вместе с тем послужит толчком для новых розысков материалов, для дальнейшего исследования истории этого периода, автор свою сочтет задачу выполненной.

---

<sup>1</sup> Отдельные разделы работы или использованные в ней материалы публиковались мною ранее в виде статей: «К истории западного Забайкалья в конце XVII—начале XVIII вв.», Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 98, 1949; «Новые данные по истории Бурят-Монголии в XVII в.», Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 128, 1952; «Из истории обычного права западных бурят», Советская этнография, № 1, 1952; «К вопросу об образовании бурят-монгольской народности», Записки НИИК, вып. XXII, Улан-Удэ, 1956; «Хозяйство бурят-монголов в XVII—начале XVIII вв.», Записки НИИК, вып. XXIV, Улан-Удэ, 1957.



**ЧАСТЬ I**

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ БУРЯТИИ  
К РОССИИ**







## Г Л А В А I

### ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БУРЯТИИ

В XVI—XVII веках Русское государство отодвигает свои границы далеко на восток. Создание централизованного государства требовало обеспечения его безопасности от вторжения кочевников из азиатских просторов, которым Русская земля подвергалась неоднократно на протяжении своей истории.

В начале XVII века отряды служилых людей и казаков-землепроходцев подходят вплотную к рубежам «Братской землицы». Стремление прочно обосноваться в ее пределах обуславливалось тремя причинами: во-первых, Прибайкалье, по слухам, циркулировавшим в сибирских острогах, и по рассказам туземцев, было богато серебром и пушниной, а наличие значительного населения обещало богатый сбор ясака; во-вторых, обладание Бурятней должно было открыть дорогу в Китай, к установлению торговли с которым стремилась московская дипломатия; в-третьих, через эти земли вторгались ойраты и другие кочевые племена, совершавшие опустошительные набеги на русские и туземные поселения Западной Сибири, защита которых стала важной государственной задачей.

К двадцатым годам XVII столетия в Енисейске было известно, что братья «доброконны и доброоружны», что земля их широка и обильна, но этим, в основном, и исчерпывалась информация. Для сбора более точных сведений снаряжались рекогносцировочные экспедиции. Собиравшиеся в этих походах данные, в совокупности с тем, что русские уже знали о Восточной Сибири, раскрывали сложную картину сложившихся здесь межплеменных отношений.

К сожалению, история межплеменных отношений народов Сибири до сих пор не изучена в сколько-нибудь значи-

тельной степени, но именно в ней следует искать разгадку того обстоятельства, что там, где русские ожидали серьезного и организованного сопротивления своему продвижению, т. е. у бурят, они его на первых порах не встретили.

Но и то немногое в этой области, что известно по документальным памятникам XVII столетия, позволяет установить наличие многообразной связи между племенами Восточной Сибири. Более сильные племена подчиняли себе слабейших, причем степень зависимости одних от других принимала различные формы.

Племена и роды, бывшие в подчинении, именовались в Восточной Сибири кыштымами. Обязанности кыштымов по отношению к их сюзеренам хорошо выяснены С. А. Токаревым, установившим две формы повинности кыштымов: уплату дани и выставление ополчения<sup>1</sup>, из которых первая играла основную роль. Вполне справедливо отмечает С. А. Токарев, что чем ближе жили кыштымы к своим господам, тем прочнее была их зависимость и регулярнее сбор дани<sup>2</sup>. Для племен, расселенных в отдалении, спорадические посещения воинственных дружин бурятских или киргизских князцов, рассматривавших их как кыштымов, приближаются по своему характеру к военным набегам. Обращение мелких племен и родов в кыштымов, по установившемуся в науке воззрению, происходило путем завоевания.

Справедливо подчеркивая первенствующее значение насильственного подчинения кыштымов, эта точка зрения носила все же односторонний характер, не раскрывая полностью этой сложной системы. Обязательства, возникавшие между кыштымами и их повелителями были взаимными: первые платили ясак иставляли вспомогательное войско, вторые обеспечивали охрану своих кыштымов и заботились о поддержании мира на их территории. Это обстоятельство открывало возможность мирного признания кыштымами своей зависимости и обуславливало заинтересованность в подчинении более сильному племени, способному лучше ограждать их земли от вторжений врагов.

Племена, имевшие своих кыштымов, часто в свою очередь попадали в зависимость от более сильных соседей. Так, тувинцы, объясавившие мелкие племена верхнего Енисея, сами были в первой половине XVII века кыштымами киргизских князцов. Буряты, обратившие в своих кыштымов те же приенисейские племена (качинцев, аринов и т. д.),

---

<sup>1</sup> С. А. Токарев. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 2, Улан-Удэ, 1940, стр. 136—156.

<sup>2</sup> С. А. Токарев. Указ соч., стр. 154.

принуждались временами монгольскими ханами к ясачному платежу.

В обстановке беспрестанных набегов монгольских или ойратских феодалов буряты сами предпочитали платить ясак, дабы обеспечить себе спокойное существование. В этом свете очень характерно ходатайство, адресованное бурятами в 1690 году в Удинский острог в связи с требованием монгольского кутухты о платеже ему ясака. «Да били челом нам, великим государем, о своих нуждах брацкие ясачные люди и подали за своими знамены челобитную, чтоб им давать после нашего, великих государей, соболиного сбору кутухте тем же вышеупомянутым ясаком. И в тех де они годах с мунгальским кутухтою жили в совете и наш, великих государей, ясак промышляли без недобору, а от мунгальских людей разоренья им не бывало»<sup>1</sup>. Поздняя датировка документа не должна нас смущать, так как речь идет об издавна установившихся отношениях.

В sporадической кыштымной зависимости от монголов в еще большей мере было население забайкальской Бурятии. В 1647 году казак Иван Самойлов, посланный атаманом Василием Колесниковым на Еравнинские озера, встретил там тунгусов. «И в те поры приехали к ним мунгальские люди Цысан-кана збирать с тунгусов ясак»<sup>2</sup>. При первых встречах с русскими монголы утверждали, что они собирают ясак со всего Забайкалья.

Переговоры, происходившие с монгольскими князьями в течение почти всего XVII века, обычно сводились к настоячивым требованиям вернуть их прежних ясачных, т. е. бурят<sup>3</sup>. Правда, монгольские феодалы сильно преувеличивали зависимость от них бурят. Сколько-нибудь устойчивых форм она не приняла даже и в Забайкалье. В западной же Бурятии дело ограничивалось более или менее систематическими вторжениями вооруженных отрядов, совмещавших сбор ясака с прямым грабежом, в чем с монголами не без успеха конкурировали ойратские и киргизские князцы. Грабеж народов Восточной Сибири их более сильными соседями подрывал хозяйство туземных народностей и постоянная угроза висела над головой как самих бурят, так и их кыштымов.

Отношения господства и подчинения прочно укрепились между племенами Прибайкалья. Ни одно из местных племен не могло вести изолированного существования, обеспечить себя от вражеских погромов, избежать подчинения. Естественно, что интересы каждого племени или рода заключались в приобретении более сильного повелителя, способного

<sup>1</sup> ААН, ф. 21, оп. 4, № 20, № 33, л. 78.

<sup>2</sup> ЦГАДА. Мунг. дела, № 2 (к. 4), л. 9.

<sup>3</sup> Эти вопросы будут рассмотрены в главе, посвященной русско-монгольским отношениям.

стабилизировать жизненные условия и надежно охранять своих подданных от нападений извне.

Такой силы не было на рубеже XVI—XVII веков в Монголии, где чингисиды истощали друг друга в междоусобных войнах, не было ее и в Восточной Сибири: бурятские племена легко одолевали и превращали в кыштымов эвенков и енисейских тюрков, но были слишком слабы, чтобы преградить дорогу в свои земли монгольским и ойратским феодалам.

Такая сила появилась на рубежах бурятской земли в начале XVII столетия, и этой силой были русские.

Наивно думать, что буряты впервые услышали о русских, увидев казаков в своих улусах. Весть о приближении посланцев «белого царя», вооруженных страшным «огненным боем», подчиняющих себе одну сибирскую народность за другой, далеко опережала казачьи дружины. Хорошо известна поразительная быстрота, с которой распространяла новости туземная, так называемая, «степная почта», и нет никаких оснований сомневаться в том, что в XVII веке она функционировала нисколько не хуже, чем в XIX. Если нужны подтверждения, то отыскать их не трудно: в XVII веке русские часто получали от бурят или монголов исчерпывающую информацию о событиях, происходивших во внутренних областях Монголии или у границ Китая.

Появление нового, и притом весьма активного, элемента в сложившейся в Восточной Сибири обстановке, не могло не вызвать здесь серьезных потрясений. В литературе неоднократно отмечалось, что в 1626—1629 гг. в Бурятии развернулась ожесточенная борьба. Два канских князца, бывшие кыштымы бурят, рассказали: «А в брацкой де землице топерво нет ни болшево ни меншево, потому что де мы у них убили болшево князца. А у них де ныне война промеж собою третей год. А на брацких де людей мы итти готовы»<sup>1</sup>.

Приведя это показание, А. П. Окладников сопровождает его замечанием: «Из сообщений канских князцов выясняются контуры глубокой и сложной внутренней борьбы в бурятских улусах. Канва событий такова, что три года с 1626 по 1629 г. шла жестокая война между бурятскими родовыми группами, кипели племенные междоусобицы»<sup>2</sup>. Такая трактовка вопроса может вызвать серьезные возражения. Несмотря на более чем скромный фактический материал, следует попытаться вскрыть подоплеку потрясавших Бурятию событий.

Едва ли случайно острая борьба разгорелась именно в трехлетие 1626—1629 гг. Это были годы, когда русские подступили вплотную к рубежам «Братской земли» и, начав

---

<sup>1</sup> Цит. по А. П. Окладникову. Очерки из истории западных бурят-монголов. Ленинград, 1937, стр. 38.

<sup>2</sup> Там же.

объясачивать приенисейские племена, вторглись в сферу бурятского влияния. Защита русскими своих новых ясачных от нападений их прежних владельцев стала, конечно, хорошо известна бурятским кыштымам. Приход русских сулил избавление от ига воинственных бурятских князцов и замену его более прочной властью.

Поэтому час приближения казаков стал часом расплаты за старые обиды. Предвидя наступление больших перемен, кыштымы поднялись и убили бурятского князца. Эпитет «большой» вряд ли справедлив: нет никаких оснований предполагать наличие у бурят межплеменного объединения под властью одного князца. Скорее всего канские кыштымы хотели просто представить свои боевые достижения в самом выгодном освещении.

Буряты не могли оказать эффективного противодействия нападению своих кыштымов, потому что были вовлечены в военные действия и с другой стороны. Едва ли Бурятия была действительно охвачена всеобщей межплеменной и междоузовой войной. Во всяком случае, этому нет других подтверждений. Естественнее полагать, что монгольские феодалы, в предвидении скорого прихода русских, активизировали свои набеги на Бурятию, используя царившее здесь состояние неуверенности и тревоги. Именно на это указывает сообщение атамана Василия Тюменца, что у бурят «бой живет мало не по вся годы» с китайскими людьми, под которыми следует разумеать, очевидно, монголов. Выражение в цитированном документе: «...война промеж собою» ничего тут не меняет, ибо для канских жителей бурятские князцы и ближайшие монгольские тайши были одинаковы, визиты и тех и других равно сопровождался грабежом.

Бурные события 1626—1627 гг., были, по-видимому, реакцией на приближение русских, которое неизбежно должно было внести радикальные изменения в сложившиеся в Бурятии условия. Вместе с тем, и это чрезвычайно важно отметить, приход русских в Восточную Сибирь и подчинение ими бурят были в известной мере облегчены тем, что отношения зависимости сложились здесь задолго до русских и поэтому избражать подчинение Бурятии Россией, как завоевание племен, пользовавшихся прежде всеми благами мирного существования, в корне неверно<sup>1</sup>. Чем ближе к владениям монгольских феодалов жили буряты, тем меньшее сопротивление оказывали они казачьим отрядам.

Относительно мирный процесс подчинения западно-бурятских групп, встреченных казаками на их пути к Байкалу,

---

<sup>1</sup> Эта точка зрения, господствовавшая в литературе по истории Бурятии в былые годы (см., напр., М. Н. Богданов. Очерки...), ныне уже опровергнута в более новых исследованиях.

обусловливался подготовленностью бурят к признанию иноземного господства, что было вполне в духе местных нравов, достаточной осведомленностью о превосходстве русского оружия и надеждой найти в новопришельцах защитников, способных отстоять своих ясакоплательщиков от всяких посягательств извне. И, наконец, верхушечные слои бурятского общества соблазнила возможность завязать с русскими торговые отношения.

Первая встреча с бурятами произошла в 1629 году, когда сотник Петр Бекетов с отрядом казаков, «уговоря брацких людей, привели под государеву царскую высокую руку князцей Кодогоня да Кульза да Андия с товарищи на том, что им, князцам и брацким людям, быть под государевою царскою высокою рукою неотступным и ясак с себя платить в Енисейский острог и взяли с брацких людей государева ясаку на 157 (1629) год 2 сорока 3 соболей»<sup>1</sup>.

Нам неизвестно, какими посулами или угрозами удалось столь успешно обложить бурят ясаком, но во всяком случае они никакого сопротивления не оказали. Оправдывались слова тунгусов, рассказывавших еще в 1626 г. атаману Максиму Перфильеву, что «ждут брацкие люди к себе тех государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и с служилыми людьми торговаться»<sup>2</sup>.

Дальнейшая история взаимоотношений русских, утвердившихся в Восточной Сибири, с бурятами рисует нам весьма противоречивую картину. С одной стороны, известно большое число столкновений между бурятами и русскими казаками, с другой — с каждым десятилетием все явственней проступает стремление бурят к добровольному подчинению России. В огромном количестве фактов, способных склонить исследователя либо к выводу о насильственном подчинении бурят, либо к заключению о добровольном принятии ими русского господства, следует выделить основную, ведущую линию, найти тенденции, определявшие ход исторического процесса в Бурятии в рассматриваемый чрезвычайно сложный период. Не ставя перед собой задачу последовательного изложения всех событий, связанных с присоединением западной Бурятии к России, что уже успешно выполнено А. П. Окладниковым в его цитировавшейся выше книге, мы уделим здесь основное внимание общей характеристике процессов, происходивших в бурятском обществе в это время, и тому влиянию, которое оказало подчинение Бурятии на

<sup>1</sup> ЦГАДА. Сиб. приказ, ст. 646/402, л. 120.

<sup>2</sup> Там же, ст. 12, л. 89. Приведено у А. П. Окладникова. Очерки..., стр. 33—34.



исторические судьбы бурят и на формирование бурятской народности.

История западной Бурятии в первые три десятилетия после прихода сюда русских, т. е. в 20—50-х годах XVII столетия, знает немало столкновений между казачьими отрядами и бурятами, предводительствуемыми их князьями. Относящиеся сюда факты общеизвестны и публиковались в достаточном большом количестве. Значительно менее выяснена в литературе другая сторона процесса—постепенная стабилизация положения русской власти в Прибайкалье. Причины сокращения бурятских вооруженных выступлений к концу тридцатилетия нельзя объяснять единственно военным превосходством русских. Они лежат значительно глубже и могут быть поняты только из анализа развития русско-бурятских отношений за этот период во всех их проявлениях.

Первые встречи с бурятами носили мирный характер. Полным успехом увенчался поход Петра Бекетова<sup>1</sup> в 1629 году к бурятам, добровольно давшим с себя ясак. Отношения налаживались самым удовлетворительным образом, но в том же году произошли события, резко повлиявшие на дальнейшее их развитие. Яков Хрипунов, потерпев полную неудачу в предпринятой им экспедиции для открытия в Прибайкалье серебряной руды, компенсировал себя насильственным сбором ясака. Отряд же его после смерти своего предводителя учинил подлинный погром Бурятской земли. Одновременно пришла к бурятам и другая беда: казачья вольница вновь учрежденного Красноярского острога, желая ликвидировать монополию Енисейска на сбор ясака с бурят, вторгается в бурятские улусы, уже платящие ясак енисейцам, громит их и захватывает ясырь. Буряты отвечают вооруженным сопротивлением.

Это давало повод утверждать, что именно бесчинства казаков явились причиной столкновений с бурятами<sup>2</sup>. Но наивна, по меньшей мере, тенденция возлагать ответственность за последующие события на слишком ретивых атаманов или детей боярских, бывших непосредственными виновниками столкновений. Политика царизма неизбежно должна была вызвать борьбу, и своеволие краснопяцев лишь

---

<sup>1</sup> Личность Бекетова заслуживает внимания. С его именем связаны первые походы в Якутию, к Охотскому побережью и в Бурятию. Им составлено наиболее раннее описание Забайкалья. Его можно отнести с полным правом к числу тех казаков-землепроходцев, которые прокладывали пути в неведомые области. Его невысокие нравственные качества не должны влиять на общую оценку его деятельности, ибо не следует забывать, что он был человеком XVII века.

<sup>2</sup> См. напр., Б. Ц и б и к о в. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России, стр. 12.

ускорило развитие событий. Не следует забывать, что указы о приведении бурят в подданство «лаской и приветом», отражавшие стремление избежать серьезных военных действий, дополнялись требованиями беспощадного погрома «ослушников» в случае их сопротивления.

Ближайшие годы характеризуются столкновением двух тенденций: стремлением продолжать погром бурят и желанием привести их к миру, найдя общий язык, не с улусной массой, конечно, а с «князцами» — верхушечными слоями бурятского общества. В этих целях воевода кн. Семен Шаховской отобрал весь ясырь у красноярцев, рассчитывая возвращение его сделать козырем в последующих переговорах с бурятами. В наказание красноярцам, ясырь было велено содержать на аманатском дворе и кормить за счет казачьего хлебного жалования.

14 марта 1630 года Шаховской послал «в Брацкую землю енисейских служилых людей десятника Вихорка Савина да Сидорка Оникеева к тем брацким князцам к Абаканю да к Братаю да к Кондогуню<sup>1</sup> с твоим государевым жалованным словом их брацких людей уговаривать, чтоб они брацкие люди были под твоею государевою царскою высокою рукою по-прежнему и ясак тебе государю платили. А с ними, служилыми людьми, послал того брацкого ясырю князца Котогунева сына именем Бугулдайка да Букиева улуса женку именем Уелку, Будачиеву жену...»<sup>2</sup>.

Посольство не достигло поставленной цели: Кодогунь, удовлетворенный возвращением сына, принял казаков мирно, но наехавший на их беду князец Баяркан убил Вихоря Савина. Аникеев, благодаря заступничеству Кодогуня, спас, ограбленный донага.

Эта неудача не повлияла на намерение Шаховского привести бурят к покорности мирными средствами: в том же 1630 году он посылает испытанного казачьего атамана Максима Перфильева, передав ему дочь и племянника князца Кодогуня. Возвращая ясырь, Перфильев добился от князцов шерти «по своей вере» и уплаты ясака. Столь же успешно выполнил он и второе поручение — поставил на Ангаре Братский острог. Горизонт казался совсем безоблачным: даже князца Баяркана, убийцу В. Савина, призвал Перфильев «под государеву высокую руку».

Но вскоре после отъезда Перфильева выяснилось, что благополучие было лишь кажущимся. В острог прибыли три кыштыма во главе с шаманом, которые от имени бурятских князцов отказались от дальнейшей уплаты ясака. Более то-

---

<sup>1</sup> Названный здесь Кондогунь именуется в документах также Кодогунь и Котогунь.

<sup>2</sup> ААН, 17, № 136, л. 197.

го, князцы не намеревались считать принесенную ими Перфильеву пушнину ясаком. «...Они атаману Максиму Перфильеву соболи не в ясак дали, выкупили де теми соболями у атамана у Максима свой ясырь»<sup>1</sup>. Русские рассматривали всякое подношение мехами как ясак, дань русскому царю, буряты же действовали в соответствии со своими обычаями — за пленных, захваченных в бою, полагался выкуп.

По отношению к казакам князцы были настроены агрессивно — «и звали де их служилых людей к себе битца». Готовясь оказать отпор казакам, буряты в 1633 году «взяли к себе в улусы» живших близко от них тунгусов и озаботились приисканием союзников. Межплеменная рознь мешала объединению бурят как в то время, так и впоследствии, но на помощь к Кодогуню и Баяркану прибыл все же от Байкала некий князец Когун с отрядом в сто человек<sup>2</sup>.

В наших материалах нет никаких указаний на мотивы резкой перемены, происшедшей в отношении бурятских князцов к русским, притом в такой момент, когда последние, вернув ясырь и отказавшись от мести за убийство В. Савина, проявили максимум миролюбия. По-видимому, толчком к враждебным действиям князцов явилось сооружение русского острога в их земле. Князцы соглашались платить ясак русским, как раньше они платили его монголам, видя в этом средство обеспечить себя от нападений и рассчитывая на русскую помощь в случае набегов из Монголии. Русские были сильнее монголов, и их покровительство представляло больший интерес. Бурятские князцы полагали, что проникновение русских кончится установлением обычных кыштымных отношений. Но русские пошли дальше монголов: не ограничиваясь периодическими наездами для сбора дани, они строят остроги и прочно обосновываются в Прибайкалье. Число острогов быстро растет, причем соображения военно-административные сочетаются тут с экономическими. Это ярко отражено в донесении Афанасия Пашкова, который в 1654 г. так аргументирует выбор места для строительства Балаганского острога: «И ис тово де, государь Балаганского острогу твоим государевым служивым людям тех мунгальских людей под твою государеву царскую высокую руку приводить будет поблиску и твоими государевыми товары с теми мунгальскими и з большими брацкими балаганскими людьми торговать и на товары их менять будет мочно. И от тово тебе, государю, впредь будет прибыль большая...»<sup>3</sup>. Остроги начинают играть все большую роль в политической и хозяйственной жизни края.

---

<sup>1</sup> ААН, 17, № 136, л. 199.

<sup>2</sup> Там же, № 141, л. 221.

<sup>3</sup> Там же, 22, № 188, л. 292.

В этом князцы не могли не усмотреть угрозы своей власти над родовичами и для них остается единственный путь: попытаться силой оружия удалить гостей, еще недавно бывших желанными, но все более обманывавших надежды, связанные с их приходом. Только так можно объяснить непонятный переход от мира и спокойствия, которые были, казалось, обеспечены осторожными действиями Перфильева, к вооруженным столкновениям.

Подтверждение предположению о постановке острогов, как главной причине сопротивления бурятских князцов, можно усмотреть в сообщении Петра Бекетова о его походе в 1632 году для сбора ясака с князцов Бокоя и Борочоя. Проникнув обманным образом в поставленное казаками укрепление, князцы не только отказались платить ясак, гордо заявив: «ясаку де мы с себя ни в которую землю не даем, а сами со многих земли ясак емлем де», но и грозились разобрать казаков «в холопи»<sup>1</sup>. В разгоревшейся схватке казаки убили сорок бурят и, захватив бурятских лошадей, скакали целые сутки. Остановившись на Лене у устья Тутуры, Бекетов поставил там острожек, где казаки и отсиживались в ожидании новых нападений бурят.

Страх оказался напрасным: буряты не только не предприняли попытки преследовать казаков, но сами обратились в бегство. Не удачное сражение побудило их к этому, а именно постройка острога. Так объясняет дело сам Бекетов: «И те брацкие люди, слыша про то, что на усть Тутуры реки служивые люди поставили острожек и не похотя быти под государскою высокою рукою, и збежали все жити в мунгалы на Ламу озеро»<sup>2</sup>. Князцы отступили, «слыша» про постановку острога. С закреплением русских на Ангаре и Лене становилось ясным, что номинальным признанием власти белого царя и поднесением соболей дело не ограничится.

Несмотря на очевидное обострение отношений, буряты не проявляют озлобления по отношению к отдельным служилым людям, очутившимся в их улусах, точнее, последние почти всюду находят защитников. Буряты князца Братая выручили ограбленных тунгусами десятника Кузьму Кочергина с восемью спутниками, снабдив их «котлом, чем дойти до острогу». Более того Братай поймал и прислал в острог главного обидчика казаков<sup>3</sup>.

Когда бурятские князцы захватили трех служилых людей и хотели их убить, то «брацкой мужик Салмачко с сыном тех служилых людей Ивашка да Бутурку зберег и побить их не дали и до Брацкого острожку их допроводил»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ААН, 22, № 49, л. 66.

<sup>2</sup> Там же, № 45, л. 66.

<sup>3</sup> Там же, № 51.

<sup>4</sup> Там же, № 73, л. 101.

Расположение Салмачки было оценено казаками, и ему возвратили захваченного в ясырь его сына, «чтоб иные брацкие люди на то смотря, на нашу государскую милость были надежны».

Так и в период, казалось бы, крайнего обострения мы всегда обнаруживаем проявление иной тенденции в русско-бурятских отношениях, а именно стремление к установлению дружественных связей. Поскольку казаки чаще получали помощь от простых людей, можно полагать, что улусная масса не была настроена так враждебно к русским, как поднимавшие против них оружие князцы. Следует учитывать, что приход русских не ухудшил положения простых кочевников: сбор ясака, хотя и нерегулярный практиковался и прежде, причем нет оснований думать, что бесчинствующие казаки могли отнять пальму первенства у посланцев монгольских ханов, наведывавшихся прежде в бурятские земли. Скорее, наоборот, злоупотребления сборщиков ясака были меньшими, ибо они контролировались воеводами и приказчиками, которым, при всей их страсти к стяжательству, приходилось думать и о завтрашнем дне. За неоправданный разгром бурят, приводивший к резкому сокращению ясачного сбора, Москва взыскивала строго, и с этим приходилось считаться. Набеги же из Монголии носили нерегулярный и чисто грабительский характер.

Разумные действия кн. Шаховского не произвели, как мы видели, большого впечатления на князцов. Они потеряли своих родичей в ратном деле, уплатили за них, как водилось издревле, выкуп и вернули неудачников в лоно своих семейств. Подобного рода неприятные приключения им приходилось переживать и прежде, и ничего принципиально нового в этих событиях они не усмотрели. Но для рядовых родовичей дело обстояло совсем иначе. Выкуп был для них непосильным, и пленение завершалось, как правило, обращением в рабство, из которого могла выручить только счастливая случайность. Позднее мы не раз встретим предложения о выкупе ясыря, исходящие почти исключительно от князцов и «лучших мужиков», что подтверждает отсутствие у простых людей нужных для этого средств. На сей же раз русские вернули пленных без выкупа. И можно думать, что такой совсем невероятный по местным понятиям, поступок не мог не вызвать чувства благодарности у бурят, уже не надевавшихся увидеть вновь своих захваченных казаками сыновей. Помощь, оказанная казакам в трудную для них минуту «брацким мужиком» Салмачкой, служит тому убедительным подтверждением.

Отказываясь от уплаты ясака, бурятские князцы, однако, намекали, что они не прочь выполнять требования русских, если платежу ясака будет придан характер обмена. Прибыв-

ший из Братска в Енисейск стрелец Иван Колмогор докладывал: «бракские князцы Додогон с товарищи и с улусными людьми нашего ясаку не платят, потому, что де Ждан Кондырев нашего жалования к ним не посылал, а преж того воевода князь Шеховский наше жалованье к ним посылал»<sup>1</sup>.

Подобные заявления играли роль лишь пробного шара, на деле же князцы готовились к войне. Посланный к бурятам с богатыми подарками пятидесятник Дунай Васильев не имел большого успеха. Правда, ему удалось уговорить князца Кодогуня возобновить платеж ясака, соблазнив его государевым жалованьем, но аманатов тот дать отказался. Гарнизон Братска отсиживался в остроге в великой тревоге.

Первый удар князцы направили по своим бывшим кыштымам, ставшим русскими ясачными. Этим преследовались две цели: привлечь кыштымов на свою сторону, и запугав их, заставить отказаться от покорности русским. В 1634 году из Братского острога доносили: «И многих ясачных людей тунгусов и налягов<sup>2</sup> братские люди овладели. Да брацкой же князец Баракан с детьми своими и с улусными людьми на Вихоревой реке по первому зимнему пути приезжал на наших ясачных людей, переграбил и мужика де убил до смерти, иных де живых побрал с собою. Да тот же брацкой князец Баракан приказывал нашим ясачным людям, которые живут на Вихоревой реке, только де кто станет из них нам ясак давать с себя и они де их всех до конца разорят»<sup>3</sup>.

То же повторяется и в 1635 году. «...а брацкие де воровские князцы Котога с товарищи с наших ясачных людей, которые живут близко ж брацких людей, ясак емлют на себя и их побивают»<sup>4</sup>.

Князцам удалось частично достигнуть поставленной цели. Прибывший с Лены атаман Иван Галкин рассказал в Енисейске, «что де на Лене и на Оленеке реке наши ясашные люди, слыша про брацких воровских князцев непослушанье и воровство, учили быти в смуте и ясаку с себя и с людей своих нам полново давати не учили».

Волнения среди кыштымов затрудняли, конечно, положение русских, но бурятские князцы играли с огнем, разжигая и без того достаточно сильную ненависть к ним со стороны кыштымов. Последние, если и боялись выступать на стороне казаков, зато безотказно снабжали их «вожами» в бурятские улусы.

С особенной силой борьба вспыхнула после 1635 года, когда восставшие князцы истребили отряд Д. Васильева и

<sup>1</sup> ААН, 22, № 45, л. 102.

<sup>2</sup> Наляги—тунгусы Наляжского рода.

<sup>3</sup> ААН, 17, № 216.

<sup>4</sup> Там же.

сожгли Братский острог. Однако, в скором времени острог был восстановлен. Эти события хорошо освещены в литературе и нет надобности здесь подробно на них останавливаться<sup>1</sup>. Но они открыли целую полосу в истории бурят: князцы то изъявляли покорность и платили ясак, то побивали ясачных сборщиков и отказывались от подданства белому царю. Эпизод «восстания», употребляемый А. П. Окладниковым для характеристики этих событий, не представляется нам точным.

Трудно говорить о восстаниях там, где еще не сложилось прочной власти, когда самый процесс присоединения еще не был завершен. Кроме того следует подчеркнуть, что на протяжении всей первой половины XVII в., наряду с известиями о столкновениях, в русские остроги поступали систематически и сообщения о мирном приведении бурятских родов к шерти и об уплате ими ясака.

В этой борьбе бурятские князцы иногда проявляли большое упорство, как это случилось, например, при разгроме Чепчугева улуса, когда князец Чепчугуй предпочел сгореть в своей осажденной юрте, но не сдаться на милость победителей. Но такие эпизоды были единичны и в подавляющем большинстве случаев князцы спешили выразить покорность при первых неудачах и «изменить», по тогдашней терминологии, как только обстановка начинала казаться им более благоприятной. Князцы получали неизменно прощение и с полным хладнокровием взирали на разорение и гибель своих подданных при военных столкновениях.

Характер взаимоотношений русских с бурятскими князцами может быть хорошо проиллюстрирован на примере Илана (иногда Ойлана) — крупного булагатского князца, имя которого часто фигурирует в наших документах. Первое упоминание о нем приведено под 1635 годом, когда он произвел, обычное для князцов, нападение на бывших кыштымов. «...Приходил де брацкой князец Иланко з брацкими людьми в Канскую землю крадом и убил де Красноярского острогу ясашного татарина и многих де ясашных татар перебил»<sup>2</sup>. Это нападение, а, по-видимому, также и другие аналогичные действия сослужили Илану плохую службу. Они сильно озлобили канских татар, что позволило казакам использовать их в походе против беспокойного бурятского князца.

В 1638 году красноярский воевода Петр Протасьев послал атаманов Милослава Кольцова и Емельяна Тюменцева, «а с ними было по наряду русских людей и татар 330 человек и божиею милостью и государевым счастьем государевы ратные люди в Братцкой земле тех непослушников князца Илан-

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки., стр. 72—73; Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа. М.—Л., 1940, стр. 44.

<sup>2</sup> ААН, 17, № 203, л. 519.



ка и брата ево князца Нончю Богатырка и их воинских людей и кыштымов побили и живых поймали и привели в Красноярской острог 86 человек да государевых ясашных людей Канские волости, которые взяты были в полон, взяли и те де ясашные 2 человека отпущены на старые свои кочевья»<sup>1</sup>. Повидимому, это поражение сильно повлияло на твердость Илана. К тому же на него нападали монголы и вдобавок он оказался втянут в междоусобную распрю. По словам присланных им в Красноярск в качестве посланцев двух кыштымов «да у них же де была война меж себя». Приходилось смиряться, и посланцы били челом, «чтобы князцей их и их ты. государь, пожаловал, вины их велел отдать»<sup>2</sup>.

Те же два кыштыма добрались в следующем году до Енисейска, где подтвердили, что их князец просит о принятии в подданство московского царя и изъявляет согласие платить ясак. Послы просили, «чтоб де им брацким людям на твою государеву милость быть надежным и князцу б де их Оланку и ево оланковым братьям и детям и племянникам к твоей царской милости для договору и в аманатах и о твоём государеве ясаке приехать бы им безстрашно, а твоим де государевым ясаком учнут оне брацкие люди промышлять ко 156 году сполна»<sup>3</sup>. В аманаты приехал в Красноярск сын Илана Узунь.

Но на этом история Илана не закончилась. В 1650 году он требует перевода своего сына, сидевшего в аманатах, в ближайший к нему Покровский городок, угрожая в противном случае прекращением платежа ясака. Кроме того, он, а вслед за ним и другие соседние князцы не дали «полного ясаку», ограничившись одним соболем с человека. «А иные де многие брацкие князцы и их кыштымы и по соболу не дали. И впредь де они, князцы, с улусными людьми в полном государеве ясаке отказали. Больше де от них государю ясаку тово не будет»<sup>4</sup>.

Вслед за бурятами сократили платеж ясака и их бывшие кыштымы: «полново де ясаку давать им не велят те же брацкие князцы и грозят де им войною. Станете де давать государю полный ясак, мы де станем вас воевать». Изложение всех этих событий красноярские служилые заключают следующим выводом: «чинятца де брацкие князцы Оилан с товарищи и своими улусными людьми государю непослушны»<sup>5</sup>.

Вставала вновь необходимость усмирения Илана, но события приняли неожиданный оборот: узнав о походе на него

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, Сиб. пр., ст. 402, л. 137.

<sup>2</sup> ААН, 17, № 234, л. 449.

<sup>3</sup> Там же, 17, № 234, л. 450.

<sup>4</sup> Там же, 17, № 266, л. 523.

<sup>5</sup> Там же.

монгольского Мергень-тайши с пятьюстами воинами в конце того же 1650 года князец Илан «побежал вверх по Осе в большие братья»<sup>1</sup>.

Так же развивались отношения и с другими бурятскими князцами. Периоды покорности чередовались у них с «изменой». Опасение потери своей власти над родовичами и нежелание подчиняться осторожным приказчикам были не единственными причинами, толкнувшими бурятских князцов на сопротивление. Серьезным стимулом к борьбе являлись бесчинства, чинимые нередко казаками в бурятских улусах. Они основной своей тяжестью ложились на рядовых бурят, которые в большей мере, чем князцы, страдали от войны, теряя жен и детей, скот и домашнее обзаведение. Казаки сами облегчали князцам сплочение улусной массы для выступлений против острогов. Страдающей же стороной, наряду с бурятами, оказались и пашенные крестьяне, обосновавшиеся в Восточной Сибири, которым приходилось расплачиваться своею кровью при возмущениях, вызванных насилиями атаманов и приказчиков, как это имело место, например, во время событий у Братского острога, происшедших в 1635—1636 годах, когда первый удар бурятских князцов обрушился на заимки пашенных крестьян, лежавшие на пути их наступления.

О погромах бурят мы располагаем информацией от самих представителей местной администрации, между которыми шла острая конкуренция за первенство в объяснении непокоренных еще бурятских родов. Даже делая поправку на естественное в таких условиях стремление всячески очернить соперника, мы должны признать, что общая картина, вырисовывающаяся из этих жалоб и доносов, была достаточно неприглядной.

Примеры тут весьма многочисленны. Так в 1646 году к воеводам Пушкину и Супоневу на Ленский волок поступили сведения о походах бурят под Верхоленский острог отрядами численностью до двух тысяч конников. «А смута де в них и измена учинилась от того как их разгромил атаман Васька Колесников с служилыми людьми. А прежде того по коих мест тех брацких людей атаман Василий Колесников с служилыми людьми их не повоевал, задору от них брацких людей и войною приходу под Верхоленской брацкой острог не бывало и в Брацкой де острог к ним брацкие князцы приезжали и ясак с себя иные давали и бивали челом, чтоб они их от атамана Васьки Колесникова с товарищи в Брацком острожке оберегали и повоевать их не дали. А им, де, служилым людям, утеснения от них никакова не было. А как де те брацкие люди государю изменили и то де говорят, что де от одного государя приходят к нам двой люди и одни де от Вер-

<sup>1</sup> ААН, 17, № 266, л. 523.

холенского острожку как с ними были в миру и под государеву царскую высокую руку их приводили и ясак с них на государя имали. А другие, пришед на них войною, побивают и жены их и дети в полон емлют и скот и лошади отгнали...»<sup>1</sup>.

Этот примечательный и вместе с тем типичный документ содержит ясные указания на то, как разрушались с трудом налаживавшиеся отношения с бурятами. Упоминаемые здесь буряты, жившие, согласно цитировавшейся отписке, у Байкала, неподалеку от Верхоленьска, согласились на платеж ясакa, хотя по-видимому, он не носил еще регулярного характера. Но повторный сбор ясакa, да еще сопровождаемый резней и грабежом, не мог не вызвать сопротивления. Обращение в острог за помощью против казаков-новопришельцев оказывается безрезультатным, и отношения резко обостряются.

Межострожная конкуренция, явившаяся следствием увеличения числа острогов и желания их управителей подчинить себе возможно большее число бурят, чрезвычайно осложнила общую обстановку. Яркая характеристика борьбы между острогами, в которую вовлекались и буряты, дана А. П. Окладниковым, правильно отмечающим, что эта борьба «перекрешивалась с межродовой и межплеменной враждой и т. д., а русские власти становились на сторону того или иного князца, помогали ему грабить его врагов и тем разделяли бурятские племена и роды на воюющие друг с другом лагери»<sup>2</sup>.

Приведенное заключение, хотя и правильно определяет существо дела, однако, не исчерпывает всей суммы вопросов, связанных с междоусобицей, развернувшейся в 50—60-е годы. Эта междоусобица, сколь ни парадоксальным кажется подобное утверждение, содействовала укреплению связи между острожными управителями и верхушечными слоями бурятского общества, вследствие возникновения общих интересов. Межплеменная вражда существовала у бурят и до прихода русских. Но если прежде каждый бурятский князец, отправляясь в поход на соседей, должен был действовать на свой страх и риск, то теперь он мог твердо рассчитывать на поддержку из того острога, в который он платил ясак. Под защиту его он мог укрыться в случае неудачи и знал, что местный приказчик не даст его в обиду. Князцы и «лучшие люди» нападали на соседние роды, а приказчики острогов использовали эти походы для сведения своих счетов. Вторгаясь во владения чужого острога, казаки использовали бурят, бурятские же князцы, в свою очередь, призывали на подмогу казаков.

---

<sup>1</sup> ЛОИИ. Акты якутские, к. 3, ст. 2.

<sup>2</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 97.

Такова была почва, на которой происходило смыкание верхушки бурят с русской острожной администрацией. Характерна для иллюстрации этого процесса тяжба между Удинским и Балаганским острогами. Подоплека происшедших там событий заключалась, с одной стороны, в междоусобной вражде между балагатским князем Баахаем и ашабагатами и в давнем соперничестве между красноярцами и енисейцами — с другой.

Борьба началась походом Баахая в 1649 году на ашабагатов, во время которого было убито четыре человека<sup>1</sup>. В 1652 году Баахай дал «вожей» енисейским служилым людям для похода на тех же красноярских ясачных, после чего служилые люди активно включаются в эту междоусобицу. Взаимные жалобы и претензии сыпятся как из рога изобилия.

В 1653 году наезды Баахая на красноярских ашабагатов учащаются. Он дважды угоняет у них лошадей, затем намеревается громить «Корчунские улусы», жители которых со страху «разбежались в черные леса»<sup>2</sup>. Для розыска по многочисленным жалобам на Баахая, с поручением поставить острожек в «Булагацкой земле» из Енисейска был послан сын боярский Дмитрий Фирсов. Последний, прибыв на место, решил использовать сложившуюся здесь обстановку. Он отвечает на погром икинатов Баахая, — произведенный управителем Удинского острога Михаилом Ярлыковым, якобы, в порядке преследования зловредного бурятского князца, по просьбе пострадавших от него ясачных, — тем, что посылает 72 служилых, вкуче с бурятами Баахая, под Удинский острог. Этот сводный русско-бурятский отряд громит ясачных и даже осаждает Удинский острог. Русский отряд бьется вместе с бурятами на подступах к острогу и отсидевшимся в осаде удинцам удается захватить в плен двух служилых<sup>3</sup>.

Невозможно определить, кто был прав и кто виноват в красноярско-енисейском конфликте. По-видимому, равно виноваты были обе стороны. Да это для нас и несущественно. Важно, что буряты находят покровительство в своем остроге и действуют совместно с казаками, что было немыслимо десятью—пятнадцатью годами раньше.

Кардинальную же важность приобретает тот тезис, что, вопреки мнению Фишера, а за ним и А. П. Окладникова, междоусобная борьба не отталкивает бурят от русских, а, наоборот, содействует упрочению связи между ними. В обстановке острой борьбы между острогами, когда сами приказчики не стеснялись поносить жителей других острогов перед бурятами, доходя до объявления конкурентов своими «кыштымами».

<sup>1</sup> ААН, 22, № 186, л. 309.

<sup>2</sup> Там же, 304.

<sup>3</sup> Мы не останавливаемся подробно на ходе событий, так как они хорошо описаны А. П. Окладниковым. Очерки., стр. 91—96.

буряты оказывались вынуждены искать защиты в остроге. Иногда они даже обуславливали согласие платить ясак постройкой острога в их земле. Буряты, отказавшиеся в 1654 г. дать ясак сыну боярскому Дмитрию Фирсову, заявили ему: «де будет в нашей земле острог и мы де тут ясак учнем давать»<sup>1</sup>.

Князцы, как выяснено выше, блокировались с казачьей верхушкой, рядовые же буряты в это смутное время видели в казаках своего острога защитников от нападений как других служилых людей, так и бурятских родов. Вполне естественно, что наблюдая вражду между острогами, буряты воспринимали ее по-своему, считая себя подданными определенного острога в большей мере, чем «белого царя», посланцы которого, к их неоднократно выражавшемуся в челобитиях изумлению, действовали наперекор друг другу.

Обращения бурят за защитой от казаков же весьма многочисленны. В 1653 году в Верхоленский острог прибежал ясачный братский мужик и «бил челом в судной избе перед сотником стрелецким словесно: пришли де русские по Ангаре сниз шесть дощаников и поставили острог при Ангаре пониже Иркута на сей стороне, и мы де их блюдем и прошаем оборони, чтобы де нас ясашных людей русские люди, пришед, не погромили»<sup>2</sup>.

От своего острога буряты требовали недопущения двукратного сбора ясака. В 1648 году булагаты просили приписать их к Красноярскому острогу и выдавать памяти об уплате ясака, чтоб помешать красноярским служилым людям промыслять вторичным сбором ясака<sup>3</sup>. В 1649 году князец Долонко Негодеев адресовался в Енисейск с жалобой, что сверх уплачиваемого ими ясаку в Енисейск, красноярские служилые собирают с них ясак в свою пользу<sup>4</sup>. Буряты могли рассчитывать на полное понимание и содействие; острожные власти, охочие до погрома чужих ясачных, всегда ревностно защищали своих для большего поступления ясака и из опасения, чтобы чрезмерные поборы не вызвали побега бурят.

Подчинение сильному острогу обещало некоторую гарантию от попыток двойного и даже, как иногда случалось, тройного сбора ясака. Буряты, в двадцатых-тридцатых годах бравшиеся за оружие при постройке острогов, теперь сами просят о постановке острога. Д. Фирсов, зазимовавший в Братске во время своей экспедиции, имевшей целью постройку острога в «Балаганской земле», сообщал: «Да Балаганские мужики говорят, Ботак князец приказывает: как придут, острог поставят и мы де ясак дадим, а буде де острогу не поставят и мы

<sup>1</sup> ААН, 22, № 193, л. 323.

<sup>2</sup> Там же, 28, № 174, л. 270.

<sup>3</sup> Там же, 22, № 139.

<sup>4</sup> Там же, № 114, л. 169.

де ясаку не дадим, потому де с волоку (Илимского) у нас ясаку просят, а с Краснова яру войною грозят»<sup>1</sup>.

Буряты «прошают оборони» в «своем» остроге. Так в 1658 г. в Верхоленск прибыли посланцы местных бурят с известием, что ясачные подведомственного Балаганскому острогу Болотского рода побили служилых и бежали в Монголию. «А мы де бьем челом государю, а в Верхоленском острожке приказному человеку атаману казачью Прокопию Зарубину и прошаем служилых людей для бережения, чтоб из Балаганского острогу служилые люди нас не погромили»<sup>2</sup>.

Борьба между острогами за ясачных людей не прекратилась и в 60-х годах. Ярким эпизодом ее является убийство служилых людей бурятами по наущению толмача Кудри, связанное со спорами между Илимским, Верхоленским и Иркутским острогами<sup>3</sup>. Размежевание земель вызвало тут горячую перепалку между енисейским и илимским воеводами, из которых первый поучал второго: «... а что ты писал ко мне в отписке своей, что новой Иркутской острог поставлен в Илимском уезде на верхоленской стороне и то ты, господине, затеваешь напрасно: та земля, где новой острог поставлен, божья и великих государей, а не Илимского уезду. А меж городами и острогами и ясачными людьми межи не поставлено»<sup>4</sup>.

Из изложенного выясняется первая причина, обусловившая изменение отношений бурят к русским. В условиях дальнейшего продвижения казаков на восток, устройство новых крепостей — острогов, тесная связь с острогом, куда платился ясак, была выгодна. Она создавала известную устойчивость для улусной массы и соблазняла князцов и лучших людей безнаказанностью за набеги на территорию чужих острогов.

Второй причиной сближения ясачных бурят с русскими следует считать постоянную угрозу им со стороны их необъясненных единоплеменников. Выше уже отмечалось, что выступая против русских острогов, князцы прежде всего обращали удар на ясачных, которых они рассматривали как изменников, отказавшихся от продолжения борьбы. Ясачные нуждались в помощи против этих внезапных набегов, и, естественно, обращались за нею в острог. Типичен следующий документ: «163 (1655) году августа в 17 день ясашные люди князцы Бура да Тагасай улусной от всех своих улусных людей били челом государю, а в Верхоленском остроге атаману казачью Прокопью Ерасимову. Приезжали де на нас неясашные люди Генвоцкова роду, именем Тиширей с своими улусными людьми, и погромили они у нас четырехста лошадей, не хотят они

<sup>1</sup> Там же, № 195, л. 328.

<sup>2</sup> ААН, 20, № 177, л. 271.

<sup>3</sup> См. А. П. Окладников. Очерки..., стр. 134—135.

<sup>4</sup> ААН, 23, № 53, л. 80.

государю ясак платить, хотят бежать в мунгалы своим улусом и нас бы государь пожаловал, велел бы дать служилых людей, чтоб их сустичь и в мунгалы не отпустить и свой живот и скот отворотить»<sup>1</sup>.

Нападения «изменников» на ясачных приводили, конечно, не к расширению, а к сужению возможностей для князцов, выступавших против русских острогов. Приняв подданство русского царя, буряты искали покровительства казачьих атаманов и пятидесятников, дабы избежать погрома со стороны родов, поднятых князцами на борьбу. Они оказывают прямую помощь казакам, выступавшим против мятежных князцов. Так, по отписке служилого человека Назара Кистенева, поход против «изменников»—князцов Чодока и Дарбая чуть было не сорвался, так как тем удалось похитить казачьих коней, и казаки смогли довести дело до конца лишь благодаря тому, что «наймывали лошадей у брацких людей у ясачных из долгов»<sup>2</sup>.

Немаловажное значение для окончательного усмирения самых воинственных князцов имел военный перевес русских. Казачьи погромы были достаточно жестоки, чтобы вселить ужас в их сердца. Если брату сгоревшего, но не сдавшегося Чепчегуя, нужно было потерпеть крупное поражение, чтобы дать шерть, если беспокойные князцы Бура и Булуй смирились, только узнав о грозящем им повешении в случае очередной «измены», то в пятидесятые годы бурятским князцам достаточно было прослышать про приход русских пополнений, чтобы сменить честолюбивые стремления выражением полной покорности.

В марте 1652 года стрелецкий сотник Максим Перфильев писал из Братска: «...брацкие люди Бараканова да Баратаева да Негодеева улусов князцы Кутугур да Толтокуй да Бахан Баракановы дети да Долон Негодеев да Омегень да Тупчекей с своими улусными людьми, послыша в Брацкой острожек государевых людей приход болши прежнево и убоясь того, чтоб государевы люди не пошли из них войною, государю царю... добили челом и вину свою принесли и к Брацкому острожку прикочевали попрежнему и ясак с себя государю на нынешний на 160-й год учели платить перед прежним с прибылью...»<sup>3</sup>.

Наконец, начинала сказываться, хотя еще и слабая в ту пору, экономическая связь между острогом и улусом.

Действительность была противоречива. Разгром улусов, разоренье, поражения<sup>4</sup>— все это имело место. Но вместе с

<sup>1</sup> ААН, 28, № 175, л. 270.

<sup>2</sup> Там же, 28, № 96.

<sup>3</sup> Там же, 17, л. 549, см. также № 167, л. 250.

<sup>4</sup> Факты, относящиеся к этому, нами здесь не приводятся, ибо они в достаточном количестве приведены в книге А. П. Окладникова.



тем, уже с первых шагов русских казаков по Восточной Сибири наблюдается все усиливающееся тяготение к России. До середины XVII века эта тенденция не проявляется в полной мере, поскольку власть князцов не была поколеблена и они распоряжались судьбой своих подданных. Но в пятидесятые—шестидесятые годы обстановка кардинально изменяется, в связи с активизацией западно-монгольских и ойратских феодалов. В поисках защиты от них, бурятский народ направляет свои взоры в сторону России. И именно в этот период, на основе опыта, приобретенного всем народом в целом, ведущей тенденцией становится стремление к добровольному присоединению к России.

С начала пятидесятих годов западно-монгольские и ойратские феодальные князья учащают набеги на Бурятию, громя улусы, уводя с собою пленных. Чувствуя себя недостаточно сильными, чтобы бороться с русскими, они стараются урвать как можно больше, не смущаясь полным разорением районов, подвергшихся их нападениям, и возможность подчинения себе бурят и других туземцев Восточной Сибири видят в уводе большего числа людей на свою территорию. Они вступают в тайные сношения с бурятскими князцами, стремясь сманить их вместе с их улусными людьми, и всячески поощряют побег бурят в Монголию, ни в малой степени не заботясь, однако, о благополучии таких перебежчиков. Последние, потеряв при побеге скот, имущество, а часто и семью, становились объектом самой безжалостной эксплуатации.

Постоянные набеги монгольских князей были порождением феодального строя. Феодалы заполнили все средневековые, по выражению Энгельса, «шумом битв». Политическая история Монголии XVII в., как и всякой феодально-раздробленной страны, заполнена бесконечными войнами, имевшими своей целью захват чужих подданных и территории.

В каких масштабах это происходило, можно судить по тому, что лишь в 1688 г. Тушету-хан, напав на ойратов, захватил и роздал своим родственникам 10 тысяч человек. А «случаями подобного рода изобилует хроника Монголии XVII в.»<sup>1</sup>.

Естественно, что монгольские князья не ограничивались походами в самой Монголии и разорением монгольских аратов, безмерно страдавших от феодальной усобицы, но нападали и на более слабые бурятские племена.

Перед бурятами вставала дилемма — оставаться на своих землях под русской властью или искать лучшего в Мон-

---

<sup>1</sup> И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957, стр. 21.

голии. На этот вопрос жизнь дала ответ, купленный ценой жестоких страданий народа. В чем он заключался, наглядно показывает изучение истории бурят за этот период, длительностью в 25—30 лет.

Неспособные собственными силами противостоять дружинам монгольских феодалов, население вынуждено было обращаться за помощью в русские остроги, так же, как оно адресовалось туда при бесчинствах пришлых казачьих отрядов.

Разорительные набеги на Прибайкалье совершали Алтын-ханы. Эти незначительные владельцы удела в северо-западной Монголии были первыми монгольскими князьями, установившими дипломатические отношения с Россией. Они даже дали, по мнению московских дипломатов, шерсть московскому царю, но дальнейшая их политика была весьма двусмысленной. В трудные для себя минуты, когда они опасались нападения более сильных соседей, Алтын-ханы стремились заручиться русской поддержкой. В более спокойные годы они вторгались в земли ясачных туземцев, и тщетны были тогда напоминания воевод ханам о зависимости их от русского престола.

В 1651 году серию походов против ясачных открывает племянник Алтын-хана Лубсана Мергень-тайша. Вторгшись в русские пределы, он подступает к самому Покровскому городку, одерживает победу над тамошними бурятами и полностью их разграбляет. «Побрал де Мергель тайша с собою подгородных ясашных людей Корчюнский улус и Манзерсков и Батонов улус и шариатов всех з женами и з детьми душою и телом и побрал де у них кони и юртные заводишки все без остатку...»<sup>1</sup>.

Уходя обратно в Монголию, он увел с собою шесть лучших людей у корчюнцев, а остальные три улуса свел полностью.

Следующий визит Мергень-тайши, вызванный его ссорой с Алтын-ханом и побегом от последнего, зафиксирован нашими документами в 1653 году. На этот раз Мергень-тайша остановился в пяти днях пути от Красноярска. Поведение его несколько не изменилось: «И почал де он, Мергень-тайша, государевых ясашных людей грабить и разорять; и многих де ясашных людей поимал к себе сильно, а иных разогнал врознь»<sup>2</sup>.

Одновременно с Мергень-тайшею подвизался в Бурятии и калмыцкий Кегень-кутухта. Численность отрядов Мергень-тайши определяется нашими источниками в 500 человек в одном случае и в 700 — в другом. Тягаться с таким войском буряты или сойоты, разумеется, и думать не могли. Призыв рус-

---

<sup>1</sup> ААН, 17, № 266, л. 523.

<sup>2</sup> Там же, 18, № 8.

ских на помощь был малополезен по той простой причине, что посылка гонцов в острог требовала часто затраты времени большего, чем нужно было монголам для разгрома улусов. Единственным выходом из положения могла явиться постройка острогов на «мунгальских дорогах», т. е. на тех путях, которыми обычно пользовались монголы и ойраты в своих походах на север. И именно в этом видело для себя спасение само туземное население.

Первое подобное ходатайство, было вызвано слухами о готовящемся в 1653 году походе Алтын-хана в Красноярский уезд. «И по тем вестям прислали ныне в Красноярский острог тубинские земли князцы и все государевы ясашные люди челобитчиков и те челобитчики били челом государю царю... чтоб их государь пожаловал, Алтыну-царю и воинским людем в войну выдать не велел и чтобы их государь, пожаловал, велел в Тубинской земле на мунгальских и на калмыцких сакмах<sup>1</sup> и на переходах поставить острог и пожаловал бы, государь, велел в том остроге для оберегання устроить служилых людей с огненным боем, чтоб было кем их от приходов воинских людей оборонить»<sup>2</sup>.

Этот документ, как увидим далее, отнюдь не единственный, заставляет пересмотреть установившийся взгляд на остроги, как исключительно на опорные пункты колонизации. Случаем обращения самих туземцев Восточной Сибири с просьбой о постройке острогов в литературе до сих пор не придавалось должного значения. Находка нескольких подобных ходатайств позволяет утверждать, что одна из функций острогов, а именно охрана рубежей русских владений от вторжений кочевых народов Центральной Азии, соответствовала интересам и русского и туземного населения. Более того, в борьбе против таких вторжений русские и буряты действовали нередко совместно.

Отмечая воинственные намерения Алтын-ханов, как и других западно-монгольских князей, следует принять во внимание явную двойственность их политики. Нападая периодически на русских ясачных, они в то же время избегали идти на разрыв, на открытый конфликт с Россией. У них таилась надежда на помощь России в случае серьезной для них угрозы. Эти надежды не оправдывались, так как русские дипломаты на всем протяжении семнадцатого века избегали вмешиваться в междоусобицу, охватившую Монголию, и вежливо, но твердо отклоняли неоднократно делавшиеся предложения о союзе. Но каковы были расчеты монгольской стороны с полной откровенностью и большой наивностью раскрыл сам Алтын-хан Лубсан, обратившийся в 1656 году с просьбой о

---

<sup>1</sup> Сакма (тюркское слово) — «дорога».

<sup>2</sup> ААН, 22, № 174, л. 261.

присылке к нему ратных людей для участия в его войне против Саин-хана и даже о постройке в его владениях русского «города» с постоянным гарнизоном. По мысли Лубсана такой «город» должен был служить убежищем, в котором он мог бы спокойно укрываться в случае поражения и побега от неприятеля<sup>1</sup>.

Попутно отметим, что уже в то время русское влияние начинало сказываться в Монголии: одновременно с возбуждением приведенного своеобразного ходатайства Лубсан сообщал о своем намерении завести пашню и просил прислать на посев семян ржи, овса и других культур<sup>2</sup>.

Неизвестно оказали ли сибирские воеводы содействие агрикультурным начинаниям Лубсана, но «город» в его землях поставлен не был. Осторожность, проявляемая Москвою и сибирскими воеводами в таких делах, была связана с опасением закрыть возможность установления торговли с Монголией и, главное, с Китаем. Поэтому сибирская администрация стремилась лишь к поддержанию мира и спокойствия на границах, помогаясь, самое большее, номинального признания суверенитета русского царя и по мере сил налаживая нормальные торговые отношения. Последнему благоприятствовало то обстоятельство, что монголы приходили на русскую сторону не только для грабежа, но и для торговли, которая издавна велась ими с бурятами. Таких торговых людей стремились приохотить к торговле не только с бурятами, но и с русскими, оценивая перспективы ее как с чисто коммерческой стороны, так и с точки зрения возможного приведения монголов «под государеву руку».

Воевода Афанасий Пашков, донося о приходе на Унгу монголов с торгами, присовокуплял: «И ис того де, государь, Балагансково острогу твоим государевым служилым людем тех мунгальских людей под твою государеву царскую высокую руку приводить будет поблизку и твоими государевыми товары с теми мунгальскими и з большими брацкими балаганскими людьми торговать и на товары их менять будет мочно. И от тово тебе, государю, впредь будет прибыль большая»<sup>3</sup>.

Хотя буряты и сильно страдали от монгольских князей, Монголия являлась для них прибежищем в случае непомерных воеводских поборов или казачьих бесчинств в Сибири. Побег заставлял порой воевод строго взыскивать с управителей острогов из опасения потерять значительную часть ясачных из-за хищничества и произвола приказных людей. Но перс-

<sup>1</sup> ААН, 19, № 66.

<sup>2</sup> См. И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957, стр. 46.

<sup>3</sup> ААН, 22, № 186, л. 292.

пектива побега могла казаться сколько-нибудь заманчивой лишь до тех пор, пока бурятам не привелось на горьком опыте познать все «прелести жизни» под властью монгольских владетелей и сравнить ее с теми порядками, какие существовали в Сибири.

Массовым опытом явился побег балаганских бурят в 1658 году в Монголию, вызванный зверствами известного в Восточной Сибири Ивана Похабова, чья жестокость сделала его имя нарицательным среди бурят, прозвавших его Багабаханом<sup>1</sup>. Монголы оказали содействие беглецам: на дороге их ожидали верблюды для перевозки юрт и имущества и стада баранов для пропитания. Монгольские князья могли торжествовать, но, как показали последующие события, недолго.

Мы не располагаем достоверными сведениями о положении беглецов на их новой родине. Трудно предполагать, чтобы монгольские князья, с немалыми трудностями добившиеся побега бурят, сразу же разорили своих новых подданных до такой степени, что вынудили их вновь искать спасения в бегстве. Такая политика была бы попросту нелепой, ибо могущество феодалов определяется не размерами получаемой ими ренты, которые можно было временно резко увеличить, обобрав бурят до нитки, а числом их подданных. С другой стороны, феодальный способ производства предполагает поддержание благосостояния непосредственных производителей на уровне, хотя и низком, но достаточном для ведения самостоятельного хозяйства и, следовательно, для отправления лежащих на них повинностей. Короче говоря, версия о простом ограблении бурятских беглецов не представляется состоятельной.

Вместе с тем резкий переход от условий ранне-классового общества, в которых жили буряты, к положению крепостных монгольских ханов неизбежно должен был вызвать сопротивление, как это происходило всегда при аналогичных обстоятельствах. Лишенные родины, всецело зависевшие от своих новых повелителей, буряты не были в этот момент способны к активному сопротивлению. Они, как люди, не располагавшие ни землей, ни скотом, обнищавшие и беззащитные, не могли найти своего места в феодальной структуре Монгольского государства. Что именно происходило с ними в Монголии — доселе покрыто покровом тайны. Но конечный результат отлично известен: несмотря на ужас перед Багабаханом, несмотря на опасения репрессий за побег, менее чем через год после него буряты массами устремляются на свои «породные земли». Многие из них сложили тут головы, так

---

<sup>1</sup> Мы не будем излагать здесь ход событий, связанных с побегом, так как нам нечего добавить к прекрасному очерку А. П. Окладникова. Очерки..., стр. 98—138.

как монгольские феодалы приняли свои меры, установив на дорогах заставы и карая перебежчиков смертной казнью. Теряя семьи и последний скот, буряты все же вырывались обратно в Россию. И этого вполне достаточно, чтобы утверждать с полной категоричностью о лучших условиях жизни под русским господством, чем под властью «родственных» монгольских ханов и хун-тайджей.

Эти события знаменуют собой крутой перелом в отношениях бурят к монгольским феодалам. Перебеги в Монголию происходят и позднее, но обычно в индивидуальном порядке, причем, главным образом, тяготение к Монголии обнаруживает головка — лучшие люди, сохранившие там определенные связи. Рядовые же родовичи убедились, что искать в Монголии нечего и надеяться на расположение тамошних правителей не приходится. Только угнетателями и разорителями, беспрестанно громящими их кочевья, представляются эти гордые степные владетели простым бурятам, также как и монгольским аратам, еще более страдавшим от непрерывных феодальных войн, и ненависть к ним накапливается с каждым годом.

Поскольку события 1658—1659 гг., т. е. пребывание в Монголии и выход из нее балаганских бурят, явились тем массовым опытом, который при отсутствии элементов государственности был необходим народу для определения своей судьбы и поскольку именно после этой даты ярко проявляется стремление к закреплению в составе России, самый конец пятидесятих—начало шестидесятих годов XVII в. и можно считать датой добровольного присоединения к Русскому государству. Балаганские события — побег и, главное, возвращение из Монголии — были всенародным испытанием для бурят, ибо и те, кто не принимал непосредственного участия в побеге, были, конечно, хорошо наслышаны о его результатах. С этого времени бурятский народ, в основной своей массе, уже не мыслит существования вне России. Отныне ведущей тенденцией, как это неопровержимо явствует из документов, является принятие вхождения в состав Русского государства.

Не следует, конечно, думать, что угроза ухода бурят в Монголию была полностью устранена сразу же после балаганских событий. Требовалось время и повторный опыт, чтобы понимание истинного лица монгольских феодалов прочно вошло в сознание народа. Местами буряты, доведенные до отчаяния насилиями управителей острогов, из которых многие не уступали Похабову, замыслили побег, но очень редко приводили это намерение в исполнение. В 1662 году приказчик Илимского острога Дружина Васильев совершил турне по своему уезду, причем «ясачных брацких князцов и их улусных людей погромили, жен и детей в полон поимали, лошади

и рогатый скот отогнали и до конца их разорили»<sup>1</sup>. Буряты подали словесное челобитье: «...только де по твоему, великого государя, указу на енисейских казаков им, ясачным людям, обороны и уйму не будет и они де ясачные люди хотят бежать к мунгальскому царю»<sup>2</sup>. Подобные угрозы побуждали воевод наряжать следствия, результаты которых обычно были ничтожны, так как наибольшее возможное достижение — сме-на приказчика ровно ничего по существу не изменяло.

Возвращение на русскую сторону балаганских бурят показало западно-монгольским владетелям, что добровольно вывести бурят не удастся. Однако, они не намереваются прекратить борьбу и, используя недостаточность гарнизонов в Прибайкалье и постоянно ощущавшийся недостаток в боевом снаряжении, посылают в бурятские кочевья отряд за отрядом. Монголы насильственно производят сбор ясака и при благоприятных обстоятельствах принуждают бурят к уходу в Монголию. Последним остается только рассчитывать на помощь из острогов, и челобитные бурят об обороне против «мунгалов» следуют одна за другой.

В 1666 году «мунгальские люди мунгальского тайши Киндозея (?)»<sup>3</sup> беспрепятственно собирали ясак с балаганских бурят. Эти «мунгальские люди» явились в Балаганский острог к приказчику Емельяну Мионову и потребовали от него свободного пропуска для сбора ясака к бурятам, ссылаясь на приказ своего тайши «ясак имать по-прежнему, как прежде сего (т. е. видимо, до упрочения русской власти) давали». Такого разрешения монголы, конечно, не получили, но нимало не смутились этим обстоятельством, убедившись в совершеннейшем бессилии балаганского управителя. Сам он сетует на свое положение: «И мне, Емельке, тех мунгальских мужиков задержать стало нечем и розсылать некого, служилых людей мало и казну государеву беречи нечем...»<sup>4</sup>.

Описанный поход ознаменовался весьма показательным эпизодом. Возглавлявший монгольский отряд перебежчик Омеген всячески, добром и угрозами, побуждал своего брата Инкея уйти с ним в Монголию. Но тот наотрез отказался: «не иду де я в мунгалы и умру де я на своей земле»<sup>5</sup>.

От визита монгольского отряда пострадали не только буряты, но и государева казна: пушнина, поступавшая в ясак, была захвачена монголами. Это делало воевод более расположенными к бурятским жалобам.

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 122, л. 213.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> ААН, 23, № 178, л. 216.

<sup>4</sup> Там же, 23, № 181, л. 217.

<sup>5</sup> Там же. Приведено у А. П. Окладникова. Очерки..., стр. 136 (с ошибочной датировкой 1669 г.).

Тревога, вызванная нападениями мелких монгольских отрядов, усиливалась известиями о подготовке монгольских феодалов к большим походам. В 1668 году распространились слухи о намерении Сенге-нойона, погромившего годом раньше русские деревни Красноярского уезда, идти войною на Иркутск. Иван Перфильев, один из выдающихся русских деятелей тогдашней Сибири, доносил из Иркутского острога: «ведомо де ему, Ивану, учинилось в Иркутском острошке от брацких людей: с Китою реки идет де на Ангару реку с мунгальские степи из-за камени мунгальской Сенгун-тайша с войною на ангарские остроги и великого государя на ясачных людей»<sup>1</sup>.

В целях укрепления южной границы сибирские власти считали нужным произвести «проведывание» Косогола, и, при невозможности осуществить эту операцию, требовавшую большого числа служилых людей, во всяком случае поставить острог на «мунгальской дороге», которая, примерно, соответствовала нынешнему Тункинскому тракту. От такого острога предвиделась двойная польза: во-первых, он явился бы оплотом против монгольских вторжений и, во-вторых, обезопасил бы возвращение прежних бурятских выходцев, которых перехватывали на монгольских заставах. Кроме того он избавил бы ясачных от постоянного страха, мешавшего им свободно кочевать в отдалении от существовавших острогов.

Все эти соображения хорошо изложены в донесении Перфильева: «А буде за малолюдством немочно Косогола озера проведать, и вверх Иркуты реки на Тунке реке на мунгальской большой дороге без острогу быть отнюдь немочно для обережи великих государей ясачным людем от мунгальских и тувинских и от соетских людей. А ныне все ясачные люди живут в большом утеснении под острогом, не смеют никуда отойти, бояся на себя приходу мунгальских и тувинских и соетских людей»<sup>2</sup>. Перфильев указал также, что шестьдесят бурят, возвращавшихся в 1667 году из Монголии, все были побиты на дороге. Та же участь постигла и бурят Болотского рода, шедших на свои породные земли. «...и их де на дороге мунгальские люди многих побили, а достальных к себе назад поворотили». Только два мужика «ушли пеши, без жен и без детей» и принесли в Иркутск весть о случившемся<sup>3</sup>.

Отправленные из Иркутска на разведку по Китою и Иркуту служилые люди Степан Костарев с товарищами также ратовали за постройку острога: «И вверх Иркуты пристойт поставить новый острог ближе к Тувинской и Соецкой земле на мунгальской на большой дороге у Кукоя камени, для того,

<sup>1</sup> ААН, 23, № 166, л. 209.

<sup>2</sup> Там же, № 133, л. 178.

<sup>3</sup> Там же, № 134, л. 180.



которые люди придут из мунгал или в мунгалы пойдут и тово им места минут отнюдь нельзя... А мунгальские выхотцы брацкие люди и иные Иркутского острогу великих государей ясачные люди живут на тех же местах, где быть новому острогу, а боятца те мунгальские выхотцы и ждут на себя беспрестанно войны от мунгал, потому что уходили они из Мунгальской земли таем без отпуску и за боем и нам их будет из Иркутского острогу оберегать не мочно, потому что от Иркутского острогу то место удалено, конным путем ехать дня четыре или пять»<sup>1</sup>.

«Запереть» мунгальскую дорогу настойчиво просили и буряты. В 1669 году явились в Илимский острог ясашные буряты Цозан Багунов с товарищами и били челом на «мунгальских немирных иноземцов», которые приезжают «к ним ясачным брацким людям почасту и чинят им де обиды и утеснение большое и угрожают де воинским приходом, похваляюцца де повоевать и разгромить в конец». Буряты указали, что перевоз, по которому «мунгальские люди из-за Ангары реки на Верхоленскую сторону приходят и за реку Ангару перелазят», лежит между Иркутом и Балаганском у устья реки Иды. Именно здесь просят они поставить острог. «Надобно де тут быть острошку и служилым людям из острошку мочно будет хотя и больших воинских людей через реку Ангару на Верхоленскую сторону не пропустить и великий государь пожаловал бы их иноземцов, велел бы из Илимского острогу у Ангары реки на мунгальском перевозе на усть Иды реки для перелазу, чтоб не пропускать воинских людей и им брацким ясачным людям для прибежища и для крепости острожек поставить и в острошке быть служилым людям»<sup>2</sup>.

Это ходатайство было успешным. Много позднее верхоленские служилые люди писали в челобитной, перечисляя свои заслуги: «Да в прошлом же во 177 (1669) году по челобитию братских людей на Мунгальском перевозе Ангары реки на усть Иды речки для обережи от воровских мунгальских людей мы, холопи твои, острог поставили»<sup>3</sup>.

А. П. Окладников, приводя в своих «Очерках» ходатайство Багуна, полагает, что активность монголов была связана с враждой, существовавшей между отдельными русскими острогами и воеводствами. В шестидесятые годы, стараясь оттягать друг у друга возможно большее количество ясачных, приказчики острогов, находя полную поддержку у своих воевод, совершали систематические набеги на соседние уезды и, факт поистине поразительный, пропускали туда

<sup>1</sup> ААН, № 134, л. 180.

<sup>2</sup> Там же, № 185, л. 221.

<sup>3</sup> Там же, 28, № 173, л. 269.

монголов. Дав красочное описание царившей в Восточной Сибири междоусобицы, которое мы не находим нужным, за отсутствием дополнительных материалов, здесь повторять, А. П. Окладников заключает: «Убеждение в безнаказности, а может быть и в «праве» на военную добычу на территории соседнего уезда, рассматриваемой как иная страна, как неприятельская территория, было настолько велико, что енисейцы свели дружбу с монголами, торговали с ними и пропускали их ...собирать ясак с бурят, плативших дань в Верхоленске»<sup>1</sup>.

Такой вывод представляется нам весьма преувеличенным. Конечно, и речи быть не может о взгляде на соседний уезд как на «иную страну» или «неприятельскую территорию». Дело заключалось в том, что феодальное государство создало на присоединенной территории весьма своеобразную, феодальную же по своему существу, систему управления. Воеводы и управители острогов действовали как мелкие удельные князья, причем кратковременность их хозяйничанья (в связи с частой сменой) и непрочность положения заставляли их развивать бурную энергию для скорейшего личного обогащения. В целях наживы они и вторгались в чужие владения. Но прекрасно зная, что их походы предпринимались не против «неприятельской территории», не против внешнего врага, а против «государевых ясачных людей», они стремились всячески очернить своих конкурентов и выставить свои действия в самом выгодном свете. Взаимные обвинения в «воровстве» сыпались одно за другим, и воеводы не жалели бумаги на истинное, а подчас и ложное «разоблачение» своих соперников. Но никаких военных действий, не считая случайных мелких стычек между «неприятельскими территориями», не происходило. Враждующие стороны отыгрывались на ясачных, расплачивавшихся за эту усобицу жестокими страданиями.

Единичный случай пропуска монголов енисейцами, желая насолить верхоленцам не дает еще права на широкие обобщения. Тем паче нельзя ссылаться на торговлю их с монголами, поскольку установление торговых отношений входило в задачи тогдашней русской политики на Востоке.

Если рассматривать челобитную Багуна изолированно от событий, происходивших на всей территории Прибайкалья, только в свете столкновений, разыгравшихся в этом уголке «Братской земли», то тогда можно думать, что оно вызвано усобицей между острогами. Но если сопоставить его с многократными ходатайствами бурят «запереть мунгальскую дорогу» через долину Иркута, с призывами выходцев оборонять их от монгольских набегов, с просьбами за-

---

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 132.

байкальских тунгусов о постройке острогов для защиты их, станет ясно, что мы имеем здесь дело с явлением отнюдь не местного значения.

Будь для бурят вражда между острогами главным злом, разве стали бы они просить о постановке в их землях еще одного острога, служилый люд которого неизбежно должен был включиться в конкурентную борьбу, что и произошло в действительности. Нет, как ни тяжелы были для бурят посещения служилых из чужих острогов, главную опасность они видели в набегах из Монголии, в грабеже монгольских тайш. Пережитое перебежчиками, побывавшими в Монголии, и погромы, производимые отрядами монгольских ханов на русской стороне, свидетелями которых невольно стали почти все буряты, и послужили в сумме своей общественным опытом, который побудил бурят тянуться к России, искать у нее защиты. Массы осознали, что освобождение от русского господства, чего добивались их князцы своими вооруженными выступлениями и нападениями на остроги, неизбежно привело бы к горшему злу—подчинению монгольским феодальным владетелям. Третьего пути перед бурятским народом не было. И он делает свой выбор, прося о постройке острогов и усилении казачьих гарнизонов. Ходатайство Багуна—лишь один из многих эпизодов, знаменовавших поворот в отношении к России.

И дальше события сохраняют противоречивый характер. Как и в тридцатых-сороковых годах элементы добровольности переплетаются с вспышками сопротивления. Старые беглецы толпами бегут из Монголии, но и побеги туда не прекращаются. Однако окончательно определяется ведущая линия этого противоречия: западные буряты связывают свою судьбу с судьбами России.

Защита бурят от монгольских феодалов вполне соответствовала русским интересам в более широком их понимании, чем узко-местные интриги енисейцев. Идинский острог был поставлен, а также проводились работы по укреплению других острогов.

Это не прекратило набегов на бурят, но оказало все же некоторое отрезвляющее действие на феодалов, избегавших прямого столкновения с русскими. Андрей Бурнашев, посланный в 1671 г. для перестройки Иркутского острога, доносил, что ставил он новый острог наскоро днем и ночью, потому что «шло на Иркутской и на Брацкой и на Верхоленской остроги семь тайшей с войском двадцатью тысяч и то войско было на иркуцких степях и божею милостью и твоим государским счастьем, слыша острожную поставку, те мунгальские люди с иркуцких степей отошли назад»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> ААН, 23, № 225, л. 250.

В семидесятые годы борьба против монгольских ханов, пытавшихся подчинить себе бурят, еще более усиливается. В этой борьбе буряты уже стоят рядом с русскими казаками и служилыми, обороняющими рубежи «Братской земли».

## ГЛАВА II

### ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

За Байкал русские переходят в конце сороковых годов семнадцатого века, уже прочно закрепившись в Прибайкалье и основав там целую сеть острогов<sup>1</sup>. В северной части Забайкалья — на северо-восточном побережье озера, в Баунтовской тайге и к северу от Еравнинских озер, т. е. в районах, имевших исключительно эвенкийское население, события развивались так же, как и по всей Сибири. Основывались остроги, туземцы обкладывались ясаком и давали аманатов. В последующем развертывалась борьба, выражавшаяся, как обычно у эвенков, в нападениях на ясачных сборщиков и остроги. Короче говоря, здесь повторялись события, аналогичные происходившим во всех областях расселения эвенков. Непосредственного отношения к истории бурят они не имели.

Совсем иная обстановка складывалась на южных рубежах Забайкалья. Здесь русские столкнулись с монгольскими князьями, владевшими значительным числом подданных, хорошо организованными и бывшими в сношениях с Тушету и Цецен-ханом.

Первые шаги обеих сторон носили мирный характер. Монголы были достаточно осведомлены о русских успехах в Сибири, а также имели некоторое представление о Московском государстве. Немногие из них успели уже побывать и в самой Москве. К числу их принадлежал лама-советник забайкальского князя Култуцина, посетивший русскую столицу в составе одного из первых монгольских посольств, вероятнее всего, посланных Алтын-ханом. Это обстоятельство было достаточным, чтобы побудить гордых степных аристократов к умеренности.

Что же касается русских, то пустить в ход оружие без

---

<sup>1</sup> Промышленные и охочие люди еще до посылки казачьих отрядов проникали в самые глухие уголки Забайкалья. Когда казаки, посланные Яковом Похобовым в 1650 г. из Верхне-Ангарского зимовья, пришли на Мую, то обнаружили там пятьдесят промышленных людей. ААН, 22. № 144, л. 211.

основательной разведки было слишком рискованно. Кроме того, снаряжая казаков и служилых в забайкальские походы, воеводы не упускали из внимания одну из главных задач тогдашней восточной политики — «проведывания» пути в Китай и установления постоянных торговых отношений как с Небесной империей, так и с Монголией. Военные действия могли, конечно, лишь наглухо закрыть все дороги в Китай.

Поэтому даже такие отважные и жестокие казачьи атаманы, как Иван Похабов или Василий Колесников, очутившись на восточном побережье Байкала, оказываются в непривычном для них амплуа дипломатов. Более того, чтобы не вызвать обострения отношений с Турухай-табуном, Похабов спешит возвратить опрометчиво погромленных им подданных этого князя.

Первыми князьями, встреченными русскими в Забайкалье, были Турухай-табун, зять Цецен-хана, и Култуцин. Личность обоих до сего дня не раскрыта. Можно согласиться лишь с неоднократно делавшимся предположением о том, что Култуцин — искаженное написание титула хун-тайджи, который и много позднее воспроизводился в русских документах в неправильной форме контайши. Но, какой из монгольских хун-тайджи находился в то время в Селенгинской Даурии, еще не установлено.

Турухай-табун был, по-видимому, влиятельным князем, даже если считать названную им цифру в двадцать тысяч подданных сильно преувеличенной. Достоверная информация о нем ограничивается лишь тем, что он носил титул табунанга, полагавшийся ему как зятю Цецен-хана. Попытка идентификации его с Тураки — зайсаном бурятского Галзутского рода<sup>1</sup> не выдерживает критики: слишком разного масштаба были эти две фигуры.

Ивану Похабову и Якову Кулакову, посланцам Колесникова, удалось в 1647 году завязать отношения с Турухай-табуном и Култуцином, а при посредстве первого — и с самим Цецен-ханом. Переговоры с Турухай-табуном и Култуцином протекали мирно: последний даже предложил уступить государю своих кыштымов, живущих по соседству с русскими острогами северо-восточного побережья Байкала. Жертва Култуцина, впрочем, не была велика, так как зависимости прибайкальских эвенков от монголов фактически не существовало, и, если они и собирали здесь ясак, то лишь при sporadических наездах в их земли.

Турухай-табун весьма благожелательно отнесся к казакам и без обычных в сношениях с монголами препирательств выполнил приличествующий случаю дипломатический

---

<sup>1</sup> Б. Цибиков. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России, стр. 25.

церемоннал—«государево жалованье у них (т. е. у Кулакова) принял честно, стоя без шапки»<sup>1</sup>, и вообще подчеркивал свою готовность служить русским. Цецен-хан государево жалованье принял только на четвертый день и сидя, но держался дерзательно.

Цецен-хан дал исчерпывающие разъяснения по наиболее интересовавшему русских вопросу — о происхождении серебряных изделий, в большом числе распространенных в Забайкалье. Узнав, что они поступают из Китая, Похабов вознамерился немедленно отправиться туда, но Цецен-хан отказал ему в пропуске, и послы, перезимовав у Турухай-табуна, были отправлены обратно.

Сами князья сильно интересовались русским оружием. «...да Туркай же взял у него Ивана сильно топорок да натруску с порохом да у казака взял пищаль»<sup>2</sup>. Цецен-хан велел на прощанье казакам стрелять из пищалей по цели и тоже отобрал у Похабова одну пищаль, с лядункой и натрускою<sup>3</sup>. Вполне понятен интерес монголов к русским пищалям, поскольку огнестрельное оружие уже начало распространяться в их стране. Но отобрав для лучшего ознакомления оружие, они вместе с тем адресуют казакам наивную просьбу, прекрасно выражающую вожделения степной аристократии: «Да слыхом де они слышат, что есть на Москве аргомаки, а глазом не видали. Чтoб государь пожаловал, велел прислать им аргомака»<sup>4</sup>.

Вместе с возвращавшимися казаками Цецен-хан и Турухай-табун послали дары государю, а также отправили первое свое посольство в Москву. По сообщениям из Иркутска вырисовывались самые радужные перспективы: «Цецен-хан и Турухай-табун, призывали жить «за одно, в любви и в совете и в ссылке», «а их де улусные люди учнут царскому величеству платить ясак». Беда заключалась лишь в том, что эта информация основывалась на толковании монгольской грамоты послами, которые все были неграмотны. Грамоте так и не суждено было стать прочитанной, но последующие события не оправдали преувеличенного энтузиазма иркутян.

Так или иначе, а дорога в Забайкалье была проложена, и русские начинают постепенно утверждаться за Байкалом.

Туда двинулся в 1653 году сын боярский Петр Бекетов с целью проведывания пути на Шилку и к озеру Иргень и основания там острогов. Готовясь к походу, Бекетов отправил трех служилых людей к Култуцину. Встреча носила дружественный характер. Култуцин рекомендовал Бекетову двигаться по Селенге, а затем вверх по Хилку, предупредив, что

<sup>1</sup> ЦГАДА, Мунгальские дела, № 2, (к. 4), л. 6.

<sup>2</sup> Там же, № 2 (к. 4), л. 6.

<sup>3</sup> Там же, л. 8.

<sup>4</sup> Там же, л. 103.

суда, вмещающие по тридцать человек, которыми намеревался воспользоваться Бекетов, не пройдут в верховья этой реки, «потому что велики суды, не по воде». «А скажите де своему приказному человеку, чтобы де шел по Селенге реке и по Килке на ту государеву службу без боязни, людей де моих по Селенге реке и по Килке нет. Хотя бы де и были люди и я де государю вашему не лиходей, хочю де я вашему государю во всем добра»<sup>1</sup>. В подтверждение этого Култуцин проявил заботу о служилых: велел поить их, кормить и беречь, запретив лишь ходить ночью «по худым юртам».

Любопытно, что монголы уже кое-что понимали в русских документах. Упоминавшийся выше советник Култуцина — лама, побывавший в Москве, рассмотрев память, привезенную служилыми, определил, что там поставлена не государева печать и тем принудил их к сознанию, что память послана не государем, как они сначала говорили, а приказным человеком. Был известен и дипломатический этикет: про государево здоровье царевич и лама слушали стоя.

Култуцин вознамерился послать с служилыми своих послов, но не решился этого сделать «без табунаевы думы». Табуная же, кочевавшего в верховьях Шилки, отыскать не смогли.

Несмотря на удачное начало, Бекетов все-же подвергся на Хилке нападению, в чем, впрочем, монгольские князья не были повинны. Его атаковали те же «бращкие немирные мужики, улусные люди Туркая-табуна», которые убили раньше Заболоцкого<sup>2</sup>.

В донесении Бекетова об этом походе содержится указание на границу монгольских кочевий в Забайкалье. Излагая предложение Бекетова поставить на Хилке острог (что никогда не было выполнено), воевода Афанасий Пашков писал: «...да и для того тот новой, государь острог на той Килке реке пристойит поставить, что есть твонх государевых ясачных тунгусов и неясачные многие люди те все живут по той Килке реке в кочевьях своих у соболиново и у звериново и у рыбных промыслов, идучи тою рекою Килкою по левую сторону (т. е. по правому берегу Хилка), а по правую (по левому берегу), государь, сторону по той Килке реке кочуют мунгальские царевичи с своими улусными людьми и брацкие немирные мужики»<sup>3</sup>.

Поскольку и по левому берегу Хилка кочевали «бращкие мужики» и улусные люди «царевичей», среди которых тоже были буряты, это свидетельство доказывает, что область расселения бурят простиралась и к югу от Хилка. Нетрудно вы-

<sup>1</sup> ААН, 22, № 178, л. 269.

<sup>2</sup> Там же, 22, № 184, л. 287.

<sup>3</sup> Там же.

вести отсюда заключение о бесосновательности позднейших притязаний монгольских ханов на все Забайкалье и даже на западную Бурятию вплоть до Верхоленска.

Сношения с восточными монголами, начатые на несколько десятилетий позднее, чем с западными, продолжались и впредь. Но преемственная линия не вполне ясна, так как и Турухай-табун и Култуцин бесследно исчезают из документов. Трудно думать, что оба закончили свое земное существование за 10 лет, отделяющих первые встречи с ними от последующих, более регулярных, отношений с монголами. Скорее они фигурируют под другими, более точными, именами. Но так или иначе они исчезают с нашего горизонта.

Главным контрагентом в переговорах с монгольской стороны становится Кукан-хан. Происхождение этого имени не вполне ясно, но в определении лица, которого оно обозначало, никаких расхождений в литературе не было. Кукан-хан это Тушету-хан. Сомнений в этом и быть не может, ибо сын его, называемый в русских документах Очирой-Саин ханом не кто иной, как Тушету-хан Чихунь-Доржи. Наряду с Кукан-ханом в архивных материалах часто встречается имя Калка-хана. Но это одно и то же лицо, в чем нас убеждает наименование его в одном деле Посольского приказа попеременно то Кукан-ханом, то Калкою<sup>1</sup>. Самый эпитет Калка-хан, очевидно, обязан своим происхождением ознакомлению русских с Халхой. Причем первым халхасским князем, с которым были установлены регулярные посольские отношения, был Тушету-хан.

Постоянные сношения с Кукан-ханом завязались после постройки в 1665 году<sup>2</sup> в устье Чикоя Селенгинского острога, из которого предполагалось объяснить местных эвенков, бурят и монголов. Обосновавшись в Селенгинске, русские оказались близкими соседями Кукана. По сообщению устроителя острога Гр. Ловцова, в трех днях пути от Селенгинска стоял «каменный город» Тушету-хана. Это же подтверждают в своем челобитье селенгинские служилые люди: «новой Селенгинской острог поставлен близ мунгальских царей и близ их каменного города, итти пешею ногою из Селенгинского острогу тот мунгальский город в трех днишах и место прилегло многлюдное и царства разные и орды многие»<sup>3</sup>.

Тут мы сталкиваемся с какой-то загадкой. Казаки сами побывали у Кукана и поэтому нет никаких оснований сомневаться в истинности их сообщения. С другой же стороны, ни в близком, ни в дальнем соседстве с Селенгинском нет никаких

<sup>1</sup> ЦГАДА. Мунгальские дела, к. 5, № 2.

<sup>2</sup> Там же, к. 4, № 2, л. 6. Обычно датой постройки Селенгинска считается 1666 год, но это ошибка. См. ААН, 21, л. 1—5.

<sup>3</sup> Там же, л. 10—11.



остатков «каменного города» и о них не упоминают и путешественники XVIII столетия. Для разъяснения этого странного обстоятельства у нас, к сожалению, нет никаких данных. Возможно, что речь идет об одном из дацанов Северной Монголии.

Григорий Ловцов посетил Кукан-хана и призывал его под государеву руку. Кукан-хан сразу же «вёликому государю учинился послушен» и отправил своих послов в Москву. Посольство это завершилось большим конфузом: перезимовав в Иркутске, послы весною 1666 года убежали неведомо куда. Отправленные в погоню за ними служилые люди вернулись с пустыми руками<sup>1</sup>.

Ловцову не оставалось ничего другого, как ехать обратно к Кукану. «Съехав» на его кочевье, Ловцов стал грозиться, велел толмачу говорить: «только де он мунгальский Кукан-хан с своими улусными людьми тебе великому государю послушен не будет и на нево де Кукана хана будут твои великого государя многие ратные люди». Угрозы перемежались с жалобами на побег послов. Кукан распорядился произвести розыски беглецов, но они не были, якобы, обнаружены и в его земле<sup>2</sup>. Причина же их побега, по словам монголов, заключалась в том, что в бытность их в Иркутске «некоторые воровские люди сказали им на ссоре будто Калка на Селенге реке острожек выжег и царского величества служилых людей вырубил»<sup>3</sup>. Не желая отвечать за проявленную Куканом, по этим слухам, дерзость, послы в испуге поспешили покинуть гостеприимный Иркутск.

Дело закончилось отправкой Куканом нового посла Рюкт-зайсана, который и прибыл благополучно в Москву в январе 1667 года. По словам посла, Кукан «великого государя под высокою рукою в подданстве быти хочет и чтоб великий государь пожаловал, велел ево Калку держать в своем милостивом призрень». О покорности его можно судить по тому, что даже о мере наказания своим беглым посланцам Кукан просит государя учинить указ<sup>4</sup>.

Помимо этих общих заявлений о горячем желании Кукана стать верноподданным московского царя посол поведал и о более конкретных его запросах к России, принеся жалобу на Алтын-хана Лубсана, который, «надеясь на его царского величества милость и жалованье, ходил на него войною и многих ево людей повоевал и в полон поимал. А Калка де своими людьми против Лоджана царя без указа царского величества не противился». Эту жалобу Рюкт-зайсан закончил просьбой о посылке Лубсану указа, запрещающего ему оби-

<sup>1</sup> ЦГАДА. Мунгальские дела, к. 5, № 2, л. 4.

<sup>2</sup> Там же, л. 5.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

жать Кукана. Посол держался с большим смирением: на адресованный ему вопрос, даст ли Калка аманатов в Иркутск, он заверил, что тот поступит «по государевой воле»<sup>1</sup>, что не помешало его владельцу позднее категорически отказаться от дачи аманатов.

Раскрытие дипломатического хода, сделанного Тушетуханом, не представляет большого труда. Речи посла нельзя, разумеется, принимать за чистую монету. Слишком уж грубой лестью отдает, прежде всего, его неправдоподобное заявление о непротивлении Кукана Алтын-хану из-за боязни навлечь гнев царя. Истинные мотивы куканового подбострания заключались в том, что он непрочь был последовать примеру Алтын-ханов, отлично зная, что принятие ими русского подданства было чисто номинальным и ни к чему их не обязывало. Выгоду же для себя он пытался извлечь немедленно, рассчитывая, что Москва окажет давление на Лубсана, на стороне которого оказался временный перевес в очередном военном столкновении.

Однако, русских дипломатов послу Кукана не удалось ввести в заблуждение. Они не могли не обратить внимания на то, что пылкие речи посла явно не согласовывались с нарочитой убогостью привезенных им даров, состоявших из шкуры барса да камки белой с золотом, общей стоимостью, по оценке торговых людей, в 4 рубля 26 алтын 4 деньги<sup>2</sup>.

Но при всех этих обстоятельствах стремление Тушетухана к миру было искренним: прижимаемый своими воинственными соседями, он должен был избегать всякой ссоры с могущественным Русским государством. Доказательства тому уже имелись у русских: в 1664 году Кукан «по пословианию и призыву» служилых людей выпустил на породные земли около трехсот бурят, убежавших ранее из-под Иркутского, Балаганского и Братского острогов<sup>3</sup>. Число выходцев было бы, по донесению казачьего десятника Осипа Васильева, и большим, если бы не погром их пятидесятником Дружиной Даурским, который послужил монголам предлогом для временного прекращения «выпуска». «И ныне нас мунгальские люди тем дружинным погромом упрекают, как де вам и впредь отъезжих брацких людей из Мунгальской земли выпускать, потому, что их, выходцев, по вся годы громите и воюете»<sup>4</sup>. Тяготение к обратному выходу у бурят было, однако, слишком большим, и Кукан не рисковал портить отношения с русскими, препятствуя ему. Кроме того монголы, также как и русские, были заинтересованы в расширении обоюдовыгодной торговли.

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, Мунгальские дела, к. 5, № 2, л. 6.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> ААН, 23, № 135, л. 183—184.

<sup>4</sup> Там же.

Кто же были ближайшие соседи русских острогов за Байкалом? В низовьях Селенги, как известно, в 40-х годах жили «большие брацкие люди»<sup>1</sup>. Но последующие документы редко упоминают о коренном населении Забайкалья, содержа, однако, много сведений о живущих там бывших ясачных, беглецах из-под западно-бурятских острогов. Число «беглых» ясачных настолько велико, что трудно думать, чтобы подобные массовые побеги не были отмечены в дошедшей до нас переписке ангарских и ленских острогов. Суть дела заключается, по-видимому, в том, что Байкал не представлял собою непреодолимой границы, и обитатели его прибрежий переходили свободно с одного берега на другой. Поэтому строгое разделение бурят на до- и забайкальских, в период до присоединения, не имеет под собой почвы. Лучшим свидетельством тому являются хоринцы, о которых доселе идут споры, западные ли они или восточные, хотя доподлинно известно, что в XVII веке они кочевали по обе стороны Байкала<sup>2</sup>.

Буряты, кочевавшие по Селенге, были часто теми же верхоленскими, иркутскими и балаганскими ясачными. Переход в Забайкалье позволял им уклоняться от уплаты ясака и от насилий воевод. Но, расселяясь «среди мунгалов», они часто попадали в зависимость от последних и тогда устремлялись обратно, увеличивая все нараставшую с годами волну «мунгалских выходцев».

В отличие от Прибайкалья, в Забайкалье мы почти не встречаемся с фактами вооруженного сопротивления русским со стороны бурят. Это следует объяснить тем, что утверждение России в этом крае происходит позднее, чем в западной Бурятии, в основном, в конце сороковых и пятидесятих годов XVII века, когда уже произошел поворот в сторону признания русского подданства. Забайкальские буряты, можно полагать, были и более подготовлены к добровольному признанию присоединения, ибо их опыт взаимоотношений с монгольскими феодалами был гораздо богаче, чем к западу от Байкала. Наезды за ясаком здесь происходили чаще, а многие буряты оказывались временно в феодальной зависимости различной степени от монгольских владетелей. Поэтому здесь сразу же после постройки острогов массовый характер приобретает «выход под высокую государеву руку»; буряты ищут у казаков помощи против ненавистных им ханов и принимают непосредственное участие в вооруженной борьбе с ними.

---

<sup>1</sup> См. напр. С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. Записки НИИКЭ, вып. 1, Улан-Удэ, 1939, стр. 124.

<sup>2</sup> Вандан Юмсунов сообщает, что хоринцы, бежав к Байкалу в дорусский период, поселились в Кударинской степи и по устью реки Селенги, на острове Ольхоне, а также по северному (т. е. по западному—Е. З.) берегу Байкала. «Летописи хоринских бурят», М.—Л., 1940, стр. 46.

Итак, к востоку от Байкала у русских не происходило сколько-нибудь крупных столкновений с бурятами. Здесь добровольный характер присоединения совершенно очевиден. О мирном принятии русского подданства наиболее многочисленной группой живших за Байкалом бурят — хоринцев, согласно говорят и архивные документы XVII в., и основанные частично на устной традиции, частично на официальных источниках хоринские хроники XIX в<sup>1</sup>. Присоединение земель хоринцев было завершено в 1658 г. с постройкой Нерчинского острога, что подтверждает датировку добровольного присоединения концом пятидесятих — началом шестидесятих годов XVII в.

Более сложен вопрос о монгольских группах, расселенных в среднем течении Селенги. Кем были прилежавшие к Селенгинскому «царства разные и орды многие»? С начала шестидесятих годов в документах начинают попадаться упоминания о табангутах или табунутских людях, т. е. о табангутах. Приведя все известные ему сообщения о табангутах, С. А. Токарев приходит к выводу, «что в 1660-х годах табануты кочевали где-то в бассейне Селенги, по крайней мере, к востоку от нее, доходя до Еравнинского озера, и что они держались независимо и не платили ясака»<sup>2</sup>. Это заключение подтверждается отпиской 1666 года из Селенгинска Ивана Поршенникова: «А к Селенгинскому острогу прилегли орды большие и цари разные и тайши многие. И иные живут в миру и покорности великим государем, а табанутские люди Ирким тайша с своими улусными людьми живет самовольно и ворует и угрожает Селенгинскому острогу убойством служилым людям. И коней от острогу служилых людей отгоняют...»<sup>3</sup>

Очевидно, табангуты и были ближайшими соседями русских по Селенге. Сравнительно же позднее появление их имени в русских документах объясняется тем, что лишь в шестидесятые годы русские начали разбираться в принадлежности отдельных монгольских групп, объединявшихся ими прежде под общим названием «мунгалы».

Табангуты были, наряду с бурятами, коренными обитателями Забайкалья: в восьмидесятые годы они живут на тех же самых местах, где мы с ними впервые встречаемся в шестидесятых. Ценные своей точностью сведения о расселении табангутов содержатся в статейном списке сына боярского Василия Турсково, посланного в 1681 году для переговоров к Тушету-хану. Выйдя из Селенгинска 2 июня, Турсково в тот же день дошел до речки Таганцары, по которой кочевали

<sup>1</sup> «Летописи хоринских бурят», М.—Л., 1940, стр. 17 и 46.

<sup>2</sup> С. А. Токарев, Указ. соч., стр. 126.

<sup>3</sup> ААН, 25, № 182, л. 220.

улусные люди табангутских тайш Серен-Цокулая и Дзяб-Ирдени, числом около полутораста человек. 5 июня посол заночевал на берегу Чикоя, где обнаружил пятьдесят юрт табангутского тайши Чин-табуная и его подданных. 4 июня Турсково достиг речки Посольской, «а та речка пала в Чикой реку, а около тое речки кочует табунуцкий тайша Ирдени Заб, а с ним ево улусных людей юрт с шёсдесят...» 5 июня посольство переправилось через Чикой, и табангуты в статейном списке более не упоминаются. Тайшей, живших южнее, Турсково называет мунгальскими<sup>1</sup>. Отсюда можно было бы сделать вывод, что Чикой служил южной границей для табангутов, но это не подтверждается другими сведениями, согласно которым они жили и южнее:

Табангуты были монгольской группой, и их часто называли просто мунгалами, а иной раз и бурятами. В документах иногда одни и те же лица, вплоть до самого Тушету-хана, называются то монголами, то табангутами, или же и табангутами и бурятами. Но это относится ко времени после 1688 года, когда в Забайкалье происходили большие передвижения населявших его народностей. До этих событий табангуты несомненно представляли собою обособленное целое, что явствует из заявления, сделанного в 1682 году потомками Кукуан-хана при их переговорах с селенгинским толмачом: «а за табунут они, кукуановщина, не шертовали. Те де люди живут особе не под нашими тайшами»<sup>2</sup>. Так как все близлежащие к Селенгинску местности, населенные монголами, были подведомственны именно «кукуановщине», то есть Тушету-хану, у нас не остается сомнения в независимости табангутов от него.

Можно согласиться с С. А. Токаревым в том, что «табангуты представляли собой не этническую, не родовую и не племенную группу»<sup>3</sup>. К этой теме мы вернемся в связи с вопросом о роли табангутов в формировании бурятской народности. Пока же ограничимся констатацией того факта, что именно табангуты жили в непосредственной близости к Селенгинску, и они, вкупе с «кукуановщиной», и составляли тех «мунгальских людей», с которыми поддерживались из Иркутска и Селенгинска постоянные сношения.

Отношения с Кукуаном и табангутами складывались по-разному. Первый вел умеренную политику, со вторыми же происходили частые столкновения. Это проявилось уже в 1666 году, когда Ив. Поршенников вступил с монгольскими владельцами в переговоры о возвращении беглых ясачных. Кукуан ответил согласием, и лишь «прошал сроку до весны».

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 18 (ст. 13), л. 1—2.

<sup>2</sup> Там же, № 23, (ст. 35), л. 64.

<sup>3</sup> С. А. Токарев, указ, соч., стр. 123.

Ирким же тайша — глава табангутов, не только отказался платить государю ясак, но и угрожал походом на Селенгинск<sup>1</sup>.

Не только табангуты, но и тушету-хановские тайши, не взирая на дружественные жесты, не упускали случая напасть на русских ясачных бурят и особенно эвенков. Этот грабеж вызывал те же результаты, что и аналогичные явления к западу от Байкала: эвенки и буряты устремились под защиту русских острогов и охотно оказывали активную помощь служилым, выступавшим против вторгавшихся с юга монгольских отрядов.

В 1663 году баргузинские ясачные тунгусы «били челом (идти) в поход вместе с служилыми людьми на ослушников на мунгальских воровских людей, которые живут мунгальские люди блиско селенгинского устья и приезжаючи в баргузинские урочища, те воровские мунгальские люди ваших великих государей ясачных тунгусов побивают до смерти и разоряют, и жены и дети и статки их с породной их земли увозят к себе в Мунгальскую землю»<sup>2</sup>. Такой совместный поход состоялся. Служилые и ясачные тунгусы, одержав победу и захватив у монголов немного скота, были вынуждены к отступлению. Очень любопытен разговор состоявшийся между служилыми и монгольскими «воровскими людьми». Служилые призывали монголов платить ясак, те же отвечали: «мы и де сами хотим взять ясак с ваших ясачных тунгусов»<sup>3</sup>.

После постройки Селенгинского и Удинского острогов доступ в Баргузин стал затруднителен для монголов, и они перенесли свои действия к Еравнинским озерам. Помимо частого приезда для торговли с эвенками, монгольские тайши посылали сюда военные экспедиции. В конце концов эвенки, не имевшие, конечно, возможности отстоять свои стойбища собственными силами, били челом в Баргузинском остроге, «чтоб их великие государи пожаловали, велели б на Яравне в новом месте острог поставить для призыву вновь и неясачных людей под царскую высокую руку в вечное неотступное холопство и в ясачный платеж и для их прибежища и кормли»<sup>4</sup>.

Первый аргумент — призыв новых подданных выдвигался как наиболее доходчивый до русской администрации. Истинное же стремление эвенков заключалось в обретении ими «прибежища» от разорительных визитов непрощенных гостей.

Острог на Еравне был поставлен в 1667 году, и немедленно подвергся нападению, но не монгольских и не табангутских тайшей, а приказчика соседнего Телембинского острога Лариона Толбузина, который сжег заготовленный для постройки лес и увел служилых, продержав их у себя около 5 не-

<sup>1</sup> ААН, 23, № 179, л. 216.

<sup>2</sup> Там же, № 75, л. 125.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, 23, № 129, л. 172—173.

дель. Истинных мотивов своих действий Толбузин не считал нужным скрывать, говоря: «что де Андрею (Андрею Бурнашеву — строителю Еравнинского острога — Е. З.) наши камки и бархаты в зависть стали». В гневе он грозился: «хотя бы де были поставлены башни и то все велел срыти и сожесть»<sup>1</sup>.

Несмотря на этот непредвиденный инцидент, бывший, впрочем, вполне в духе того времени, Бурнашев не сдался и поставил зимовье, на месте которого вскоре был воздвигнут острог. Восточная Бурятия все более покрывалась сетью русских крепостей, наиболее значительной из которых являлся Нерчинский острог.

Обеспечение русской «обороны» вызвало приход «выходцев», в значительной своей части бывших ясачных, убежавших раньше в Монголию. С 1667 года начинается выход к Нерчинску бурят, бежавших при приближении русских из Баргузина<sup>2</sup>. В 1669 году казачий десятник Иван Астраханцев «призвал иноземцов братцких людей разных родов шюленег Тураку с товарищи многих шюленег во многолюдстве с ясаулы разных улусов... в вечное холопство и в ясашный платеж в Нерчинской»<sup>3</sup>.

С этого времени проблема «мунгальских выходцев», число которых все возрастает, становится центральной для Забайкалья. Самый этот термин требует некоторых комментариев, так как утвердилось неправильное представление о том, что «мунгальскими выходцами» называли монголов или бурят, вышедших из самой Монголии. На самом же деле такой «выход» часто сопровождался очень незначительным территориальным перемещением, ибо монголы и русские жили в середине XVII столетия бок о бок, и «выходцы» лишь меняли подданство. Большинство их состояло из коренного забайкальского населения, оказавшегося под властью монгольских тайш, или из западных бурят, стремившихся на свои «породные земли», которых, пожалуй, правильнее было бы называть не выходцами, а «возвращенцами».

Выход Тураки очень характерен в этом отношении. О дальнейшей его судьбе в цитированной челобитной говорится: «...и в прошлых, государь, годех по челобитью тех нерчинских братцких ясашных иноземцов, я Ивашка с казаками из Нерчинска шюленгу Тураку с товарищи разных родов со всеми их улусы поставил в Нерчинском уезде под Итанцынское зи-

---

<sup>1</sup> ААН, 23, № 132, л. 176—177.

<sup>2</sup> Там же, 23, № 264, л. 290.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 192—193. Этот шуленга Турака и был тем главой Галзутского рода, которого пытались отождествить с Турухай-табуном. Нетрудно заметить, что в цитируемом документе речь идет отнюдь не о таком крупном феодальном владетеле, каким был Турухай-табун.

мовье край Селенги реки и к морю на Кударинскую степь, на породное их место, где жили прадеды и деды и отцы их»<sup>1</sup>.

Постоянные конфликты из-за выходцев и военных набегов вкупе с желанием подчинить монгольских владетелей вызвали оживление дипломатических отношений. В связи с заверениями, данными послом Кукана, в 1668 г. из Енисейска, по предписанию Москвы, был отправлен в ставку Тушету-хана сын боярский с грамотой и государевым жалованием, чтобы окончательно склонить хана к признанию русского подданства. Предложения Кукану были сформулированы совершенно ясно: «И будучи под твоею... высокою рукою, тебе, великому государю, служить и всякого добра хотеть и на неприятелей и непослушников, где твое царского величества повеление будет, войною он Калка с улусными своими людьми ходил и поиск чинил и аманатов с родственников своих людей в Енисейской прислал и ясак тебе великому государю давал...» и т. д.<sup>2</sup> Речь шла о низведении крупнейшего монгольского феодала до положения шуленги ясачных бурят. Сын боярский Иван Перфильев, ездивший с этим поручением, вернулся в Иркутск не солоно хлебавши. Калка ничего не сказал ему ни об ясаке, ни об аманатах, а ограничился отправкой ответного «листа» да, по обыкновению своему, более чем скромных подарков («бабр да полфунта бумаги хлопчатой»).

Несмотря на явное оскорбление, нанесенное гордому чингисиду подобными предложениями, Кукан-хан вновь не пожелал обострять отношений с Москвой. И надо отдать должное его дипломатическому такту — такая линия поведения была наиболее правильной с точки зрения национальных интересов Монголии. При постоянно висевшей над монгольскими князьями угрозе вторжения воинственных и честолюбивых ойратских правителей, перед лицом явно активизировавшейся Цинской династии столкновение с Россией грозило положить конец самостоятельности Монголии. И наоборот, поддержание дружественных отношений с северным соседом укрепляло положение монгольского владетеля.

Сама же Россия в это время не представляла реальной опасности для независимости Монголии. Прилагались, как мы видим, старания склонить монгольских ханов и тайшей к принятию русского подданства, но исключительно мирным путем. Развязывание большой войны противоречило основным целям тогдашней русской политики — закрепить новые владения и расширить торговые связи с Китаем и Монголией. Мирное расширение владений не исключалось, но даже при самых серьезных столкновениях дело ограничивалось только организацией очередного посольства. Об отсутствии агрессивных на-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 193.

<sup>2</sup> ААН, 23, № 169, л. 211.



мерений достаточно убедительно свидетельствует слабость и малочисленность гарнизонов в забайкальских острогах.

Итак, крупных столкновений избегали обе стороны. Даже табангуты, постоянно беспокоившие служилых людей и ясачных своими нападениями и угоном скота, подчас проявляли сговорчивость. Так, в 1670 году, после ограбления двух баргузинских тунгусов и убийства дочери одного из них, табангутского тайшу Серен-Цакулая посетили служилые люди с требованием произвести расследование. «И великих государей счастием табунуцкие тайши в своей земле тех воровских людей сыскали и грабежной живот тунгусской лицом отдали»<sup>1</sup>. Неудовлетворившись этим, служилые стали просить «за тое убойственную голову», то есть головщину.

Табангуты признали и эту претензию и лишь «упрошались до весны». Надо, однако, признать, что много чаще обращения к табангутам оставались безрезультатными.

После смерти Кукана в 1668 году русским пришлось иметь дело с его преемником Очирой Саин-ханом (Тушетуханом Чихунь-Дорджи). Он сразу предпринял шаги к полному урегулированию отношений с русскими на основе совместной эксплуатации бурят. Его послы, прибывшие в Иркутск заявили, что их «царь» согласен выпустить беглых бурят на их породные земли в Иркутский и Верхоленский уезд, но на том условии, чтоб монголам было предоставлено право собирать ясак соболями с бурят, платящих ясак в Иркутский острог<sup>2</sup>. Это требование было отклонено, что не помешало монгольским тайшам осуществлять его де-факто в местностях, отдаленных от острога. Это сразу сказалось на сборе ясака русскими, так как буряты резко сократили соболиный промысел, опасаясь промышлять по Иркуту и Китою<sup>3</sup>.

Добравшись в следующем году до Верхоленска, послы Очиры повторили свои претензии, дав им надлежащее обоснование: Очирой-хан и его брат Батур-контайша просили де, «чтоб верхоленские брацкие ясачные люди сверх ясаку великого государя дали с себя ясак же, хотя не по большому окладу, в Мунгальскую землю им Чирою Саину кану и брату ево Батору контайше, потому что де те брацкие люди преж сего де до русских людей ясак с себя плачивали им в Мунгальскую землю»<sup>4</sup>. Эта историческая справка несколько грешила против истины: систематически ясак верхоленские буряты в Монголию не платили. Визиты же монгольских сборщиков ясака в старину мало чем отличались от их наездов в шестидесятые годы XVII века, когда буряты бежали от них под защиту острогов.

<sup>1</sup> ААН, 23. № 200, л. 239.

<sup>2</sup> Там же, № 181, л. 213.

<sup>3</sup> Там же, л. 219.

<sup>4</sup> Там же, № 171, л. 213.

Конфликт из-за выходцев и ясачных обострялся, но потребовалось вмешательство третьей стороны, чтобы мирные отношения сменились военными угрозами и вооруженными столкновениями. В эту борьбу все более и более втягиваются сами ясачные.

### Г Л А В А III

## РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 70—80-х ГОДОВ XVII ВЕКА

С начала семидесятых годов вторжения монгольских феодалов следуют одно за другим. И буряты, и русские в своих острогах и заимках живут в великой тревоге. То разгром нескольких юрт, то отгон скота из-под острога — подобные происшествия случаются каждодневно. Из острогов одно за другим сыпятся донесения о «шатости», охватившей страну; отовсюду просят оружия и подкреплений. «Приезжают де с мунгальской степи от мунгальских тайшей в Брацкие земли мунгальские люди по вся годы и збирают с брацких и иркуцких ясачных людей ясак на своих тайшей сильно и чинят де ясачным людям обиды и налоги, отымают у ясачных людей жен и детей и увозят к себе в Мунгальскую землю и от того де в твоём великого государя ясачном зборе во всех острогах чинитца многая поруха и в ясачных иноземцах смута, а оборонять де государь ясачных людей служилым человеком от мунгальских людей некем, потому приезжают мунгальских людей в Брацкие земли человек по двести и по триста, а служилых, государь, людей в острогах за малолюдством бывает мало»<sup>1</sup>.

Монгольские тайши, чувствуя полную безнаказанность, живут по году и больше в бурятских улусах и чинят бурятам «насильства и обиды и налоги и всякое разоренье и ясак на своих тайшей емлют за угрозою сильно». Буряты, стекаясь к «брацким» (то есть Братскому, Балаганскому и Верхоленскому) и Иркутскому острогам «бьют челом... чтоб их служилые люди от мунгальских людей оберегали»<sup>2</sup>. Служилые же, малочисленные и недостаточно вооруженные, «задору с мунгальскими людьми чинить не смеют». Так характеризуется положение вещей в обстоятельной отписке из Иркутска в 1673 г.

---

<sup>1</sup> ААН, 23, № 234, л. 258.

<sup>2</sup> Там же,

За монгольскими тайшами, разузнав о положении в Прибайкалье, потянулись и калмыцкие, хотя они не имели возможности обосновать свои мнимые права на сбор ясака даже сомнительной ценности историческими справками, коими обычно оперировали монголы. Тем не менее свои притязания на ясачных бурят они заявляют с большой решительностью. Прибывший в марте 1673 г. в Красноярск посол калмыцкого Кегень-кутухты (?) сначала, для устрашения, сообщил, что его владетель расположился с восьмьютысячным войском на Кемчике, а затем, перейдя к делу, потребовал чтобы ясачные Красноярского острога платили также ясак Кегеню, «...а будет де не станут платить, и он де будет войною»<sup>1</sup>, — скромно закончил свою речь посланец.

Подобные притязания твердо отвергались, но угроза серьезных военных столкновений делалась все более реальной<sup>2</sup>.

Еще более опасная обстановка складывалась в Забайкалье, где не только ясачные тунгусы и буряты, но и сами русские становились объектом частых нападений. В 1677 году монголы перехватили под Селенгинском двух служилых людей, отняли у них коней, оружие и продовольствие, возили связанными три недели по своим улусам и «конми их по степе волочили»<sup>3</sup>.

В 1678 году в Селенгинске распространились слухи о готовящемся походе Очирой Саин-хана на острог: «хотят де мунгальские люди Селенгинский острог взятъем взять, до конца разорить». Вокруг острога ежедневно гарцевали сто или двести монгольских всадников, побивавших всякого, пытавшегося выбраться из Селенгинска, и отгонявших скот и коней, как только их выпускали за околицу на пастбище. Гарнизон фактически сидел в осаде, испытывая сильную нужду из-за прекращения подвоза продовольствия<sup>4</sup>.

Страшным бедствием был отгон скота и коней. Правда, буряты и служилые тоже не пропускали случая угнать попавшийся им монгольский табун, но это было лишь слабой компенсацией за понесенный ущерб. Рыскавшие по степям монгольские отряды высматривали стада и табуны, и те быстро становились их военной добычей.

Приведем несколько примеров. В 1681 году отогнали от Селенгинского острога весь скот без остатка<sup>5</sup>. В 1682 году «воровские мунгальские люди» отогнали у бурят с Итанцы

<sup>1</sup> ААН, 23, № 273, л. 259.

<sup>2</sup> Мы не можем привести здесь большого количества примеров, так как это потребовало бы значительного расширения объема работы и поэтому ограничиваемся типичными иллюстрациями.

<sup>3</sup> Там же, № 307, л. 338—339.

<sup>4</sup> Там же, № 292, л. 316.

<sup>5</sup> ААН, 28, № 139, л. 238.

около двухсот коней и из-под Удинска шестьдесят верблюдов, принадлежавших нерчинским казакам. Погоня за «ворами» привела к кровавому столкновению, в результате которого служилые и промышленные люди, потеряв несколько человек убитыми, были вынуждены отступить<sup>1</sup>.

В Удинском остроге была составлена роспись коням и верблюдам, отогнанным в ноябре 1681 года, по которой можно судить, насколько велик был ущерб, причиняемый «воровскими людьми». У сына боярского Никифора Сеногурсова было сведено 4 верблюда, у служилого человека Максима Обросимова — 1 верблюд, у посадского Ивана Ушакова — 15 верблюдов, у торгового человека Афанасия Бушковского — 14 верблюдов и т. д.<sup>2</sup>

Подобные происшествия случались близ всех забайкальских острогов; отовсюду приходили дурные вести. В 1682 году буряты Базигадай и Даланчей, «от своей братьи таясь», извещали в Тункинске о серьезных приготовлениях, проводимых Цецен-нойоном. По их словам, он намеревался пригнать к Тункинскому острогу тысячу лошадей и раздать их бурятам «пасти и беречи», что явно означало подготовку к походу. Дабы снискать благорасположение бурят, Цецен-нойон, по словам осведомителей, «сулит нам брацким мужикам и хочет прислать по бахче табаку да по стреле, а нас брацких мужиков. Тураевщину, отдаст своему меньшому сыну». Обратила на себя внимание бурят и необычная заготовка продовольствия: «А он Цецен-ноен в Мунгальской земле своим людям велит пасти всякому человеку по тулуну<sup>3</sup> дикие капуста и тово де мы не ведаем, какое у него умышление; преж сего у него не было». Рассказ завершился сообщением о допросах учиненных бурятам, ездившим в Монголию навестить своих родственников, «колько де людей в большом остроге и в Тункинском колько де ружья»<sup>4</sup>.

Хотя «братские мужики» и затруднялись определить, «какое у него умышление», намерения Цецен-нойона были ясны: заблаговременная заброска заводных лошадей, интерес к обороноспособности Тункинского острога не оставляют сомнения в его намерении атаковать Тункинск. Да и каким иным способом мог монгольский князь отдать своему сыну тураевщину, то есть бурят Тураева рода, издавна кочевавших близ Тункинского острога.

Смута царила и под Нерчинском. «...В неясашных иноземцах и в мунгальских людех учинилась шатость и воровство большое» — доносят в 1678 году из Нерчинска. И здесь

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 23, л. 54.

<sup>2</sup> Там же, л. 101.

<sup>3</sup> Тулун — кожаный мешок.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 23, л. 95—96.

систематически отгоняют скот и убивают служилых. И над этим острогом нависла угроза войны: Даин-контайша<sup>1</sup> требует возвращения ему вышедших из мунгал «в вечное ясачное холопство Тураки да Абахая с товарищи сорок человек». «А будет де тех брацких людей ему Дай-Контайше не отдадут и он де Дай-Контайша будет войною под нерчинские остроги и тех де брацких людей и ясачных тунгусов из-под Нерчинского острогу возьмет к себе поневоле»<sup>2</sup>.

Наиболее тяжело господствовавшая повсюду «шатость» сказалась на бурятах, которым негде было укрыться и нечем защищать себя от во много раз более сильного противника.

В 1673 году в Телембинском остроге били челом ясачные эвенки, жившие на своих «породных землях» по Хилку, Куде, Худуну, Уде и около Еравнинского озера на обиды, чинимые им улусными людьми «Учероя кона», которые опромышливают зверя в их урочищах и «приезжают на них изгоном многими людьми, ясашных людей побивают до смерти и жен их и детей емлют в полон и животы их и статки грабят и лошади и всякую животину от них отгоняют». Убитых этими «воровскими людьми» только лучших людей тунгусы насчитывали тридцать человек. В конец разорившиеся тунгусы вызывают об «обороне»<sup>3</sup>.

Такого же содержания челобитная подана двумя годами позднее уже не тунгусами, а бурятами в другой части Бурятии — в Иркутской округе. И здесь читаем: «...неприятельские мунгальские люди чинят обиды и пононе, приезжают в их ясашные улусы и збирают на своих тайшей ясак сильно и их жен и детей их емлют к себе и увозят в Мунгальскую землю. А которые государь, брацкие ясачные люди... учнут из Мунгальской земли на свои породные земли к брацким острогам уходить и тех брацких людей, наехав на дороге, мунгальские люди побивают...» Кончается челобитная просьбой поставить вверх по Иркуту реке новый острог<sup>4</sup>.

Уже приведенные документы достаточны для характеристики тех невзгод, которые обрушились в это смутное время на бурят. Поэтому мы ограничиваемся лишь еще немногими примерами, хотя число их может быть значительно увеличено, ибо стон стоял по бурятским улусам, и мольбы о защите постоянно достигали ушей управителей острогов, готовых оказать бурятам покровительство, чтобы не допустить падения

---

<sup>1</sup> Имена, приводимые в наших документах, не совпадают с имеющимися в монгольских источниках. Мы не ставили здесь задачи выяснить о каких собственно монгольских владетелях идет речь, так как это тема для специального и весьма сложного исследования.

<sup>2</sup> ААН, 23, № 291, л. 315. В используемом документе «Тураки да Бабука». Исправление сделано по более точной копии (№ 297).

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. 1. № 22.

<sup>4</sup> ААН, 23, № 287, л. 308.

ясачного сбора, но неспособных принять действенные меры, поскольку они не располагали для этого достаточными силами.

В 1682 году «неприятельские люди» неоднократно нападают на бурят под Ильинской слободой. И туда адресуется ясачными просьба об «обороне»<sup>1</sup>. В 1683 году люди Далай Цецен-нойона, «двадцать человек в куяках, а иные многие без куяков», приехали вместе с «подозванными» Цецен-нойоном бурятами под Тункинский острог «и взяли погромом в свою Мунгальскую землю тункинских братцких людей Байбугура, Хенкюя, Тюлюка, Окина с товарищи, а сколько де всех юрт взяли, того сказали (буряты, убежавшие от монголов—Е. З.) не ведают». Спасшиеся от погрома буряты перекочевали вниз по Иркуту к заимке Вознесенского монастыря<sup>2</sup>.

Иногда нападения на бурят провоцировались русскими управителями, нападавшими на монголов или сойотов, обращавших затем свою месть на русских подданных — ясачных бурят. Примером может послужить нападение ясачного сборщика Григория Ермолаева на тувинских князцов Манзу и Керхона. Озлобленные погромом тувинцы, «хотя его, Григорьеву, войну отомстить, за ним гнались и на дороге де у многих удинских ясачных людей многие лошади отогнали»<sup>3</sup>. Бурятам, разумеется, было нисколько не легче от понимания справедливости тувинских действий. Однако, жалобу свою они принесли не на тувинских князцов, а на Ермолаева, вызвавшего нападение своим «воровством».

Подвергаясь постоянным притеснениям, буряты не относились пассивно к своей участи и не ограничивались жалобами и призывами казаков. Они поднимались на борьбу, и частые совместные с русскими служилыми людьми действия против «неприятельских воровских людей» привели к сближению русских с бурятами, содействовали лучшему взаимному пониманию.

Такой совместный поход был предпринят в 1682 году, когда монгольские тайши особенно досаждали жителям забайкальских острогов. По сообщению Гр. Ловцова «...за те их обиды (отгон скота монголами и табангутами — Е. З.) они, селенгинские и нерчинские острогов служилые и промышленные и гулящие люди и ясачные иноземцы, собрався четыреста человек, а в том числе было селенгинских двести шестдесят человек, нерчинских семьдесят человек да иноземцев ясачных людей семьдесят человек, ходили за мунгальскими воровскими людьми и за своим отгонным табуном»<sup>4</sup>. С

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 23, л. 58—62.

<sup>2</sup> Там же, № 24 (ст. 50), л. 24—25.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, ст. 1020, л. 180.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 22, (ст. 34), л. 19.

середины семидесятых годов ясачные—полноправные участники таких походов.

Между русскими и бурятами складывались на этой почве дружественные отношения. В 1685 году двадцать служилых людей и проводники-буряты были отправлены для препровождения за Тункинский острог монголов, пришедших с торгом. На одной из ночевок на речке Моте между казаками и монголами произошел бой. То ли, как утверждали на следствии и служилые и буряты, монголы ночью пытались истребить конвой, то ли сами русские, решив использовать выгодное соотношение сил (двадцать против шестнадцати) и поживиться добром, напали на монголов, но битва была горячая. Буряты решительно примкнули к русским и «пособили справитца против тех мунгальских людей». Это было полностью оценено служилыми, которые бурятам в захваченных лошадях и верблюдах «пай дали»<sup>1</sup>.

Ожесточенные погромами буряты не только выступают в роли соучастников в военных предприятиях русских, но местами начинают проявлять инициативу к активному отпору монгольским тайшам. В 1685 году тункинские буряты бьют челом, «чтоб великие государи пожаловали их, велели им брацким людям и тунгусам дать русских людей казаков в помощь, чтоб де брацким людям и тунгусам итти на тех мунгальских людей и на соетов в поход»<sup>2</sup>.

В стремлении обеспечить себе мирное существование красноярские буряты были готовы итти на жертвы, вплоть до уплаты двойного ясака. В 1690 году монгольский кутухта адресовался к присланному к нему для переговоров казачьему атаману Федору Кольцову с претензией, чтобы с отпускаемых им на прежние урочища удинских ясачных ему по-прежнему «мяхкой рухлядью имать же голыми соболями и копорулями и железом, и стрелами и перем орловым и оленими кожами»<sup>3</sup>. Одновременно и ясачные буряты подали за своими знаменами челобитную, «чтоб им давать после нашего великих государей соболиного збору кутухте тем же вышеупомянутым ясаком. И в тех де они годех с мунгальским кутухтою жили в совете и наш, великих государей, ясак промышляли без недобору, а от мунгальских людей разоренья им не бывало. А ныне де за ссорою в пору ясаку не будет». Чрезвычайно любопытно заключение этой челобитной: «А буде им подарков не давать и чтоб поставить острог и поселить беломест-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 69 (ст. 177), л. 23. ДАИ, т. XI, стр. 235.

<sup>2</sup> Там же, л. 24. Призывая к походу на монголов и сойотов, челобитчики делают оговорку: «букто те захребетные соецкие люди платят ясак невольню мунгальским тайшам».

<sup>3</sup> ААН, 20, № 133, л. 78.

ных казаков и им де мунгалам будет опасно, разорять их, ясачных людей, не будут»<sup>1</sup>.

Таким образом, буряты обуславливают запрет двойного платежа ясака постройкой острога. Они ставят вопрос о поселении казаков, ища защиты в России. И сколько ни «приятно» было их существование «в совете» с кутухтой, о возвращении к нему и речи не идет. Народ, испытавший так много превратностей, уже нельзя сдвинуть с «породных земель».

Выше отмечалось, что ранние побегі бурят в Монголию обогатили их опытом. Теперь, за годы погромов и насильственных уводов, этот опыт значительно расширился. Перспектива оказаться под властью монгольских ханов для подавляющего большинства бурятского и эвенкийского населения казалась страшной.

Эти настроения полностью раскрываются в расследовавшемся в Тункинске в 1681 году деле тунгуса Менея, который, по-видимому, являлся агентом монгольского Цецен-нойона. Пытаясь подготовить массовый побег, Менея соблазнял окрестных бурят «конми добрыми, и скотом и животом», которым их наделит Цецен-нойон, если они уйдут к нему, перебив казаков и сжегши острог. Для вящей убедительности Менея чередовал свои посулы с угрозой «мунгальскими тайшами» и своим шаманством, в котором он был весьма искусен. Но все было напрасно: уже однажды Менея «подзывал» монгольских тайшей, и память об этом была слишком свежа, чтоб он мог найти в эвенкийских и бурятских улусах многочисленных последователей. Даже жена Менея не только не пожелала сопровождать своего супруга, но грозилась удавиться или зарезаться, если он приведет в исполнение свое намерение<sup>2</sup>.

Отношение всего населения к агитации Менея было резко отрицательным. Брат его тунгус Мунгол в расспросе жаловался: «Да в прошлых годах от него ж мы Менейка погибаем: он же подзывал (тайшей—Е. З.) и ныне мы стали без детей и без скота и без живота. А ныне мы великому государю изменить не хотим и бежать в мунгалы не подумаем. Для того на него Менейко извещаем, чтоб нам от него, Менейка, в конец не погибнуть».

Допрошенные буряты Тураева рода не только дали аналогичные показания, но и проявили сильную боязнь возобновления изменнической деятельности Менея: «От него мы, Менейка, в конец разорились, скота и живота своего отстали.

---

<sup>1</sup> ААН, 20, № 133, л. 78.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 17 (ст. 12), лл. 25—26.



А только де ево, Менейка, из крепі выпустят, то де нам брацким мужикам на Тунке реке житъя отнюдь не будет»<sup>1</sup>,

Подвергать эти показания сомнению, как данные при следствии, не приходится, так как они находятся в полном соответствии с изложенным выше материалом. Кроме того мы имеем и прямое подтверждение их истинности: тункинские служилые люди и казаки «сказали, что де тот Менейка тунгус в прошлом во 186-м (1678) году изменял и отъезжал в мунгалы и подозревал мунгалских людей под Тункинский острог и брацких ясачных людей побили и государевы кони и казачей скот отгонили»<sup>2</sup>.

В семидесятые-восемидесятые годы у бурят исчезают последние колебания: сравнение господства монгольских тайшей с русским оказалось не в пользу первых. Мы позволяем себе здесь говорить о бурятах в целом, но не следует, конечно, игнорировать расслоение, уже достаточно четко выраженное в бурятском обществе. В сторону России тянули все его слои, но по мотивам различного характера. Князцы и лучшие люди пошли на верную службу самодержавию, убедившись, что их власти над сородичами ничто не угрожает.

Простой же народ убедился, что русская власть прочнее и надежнее, требует меньших материальных жертв и крови, которая щедро проливалась в Монголии при непрекращавшихся там столкновениях князей. Начинало сказываться положительное влияние экономических связей между деревней и улусом. В процессе соседства и совместной борьбы с монгольскими тайшами начинает возникать взаимное понимание и взаимное уважение между бурятскими улусниками и рядовой массой служилых. Разумеется, эти новые явления находились еще в начальной стадии своего развития, но они оказались уже достаточно сильны, чтобы послужить основой серьезной боевой дружбы, проявившейся во время событий 1688 года.

Итак, одной из центральных проблем, определившей русско-монгольские отношения в рассматриваемый период, была претензия монгольских тайшей, подкрепляемая ссылками на якобы искони установившиеся отношения, на сбор ясака с ясачных бурят. Другим, не менее важным, был вопрос о так называемых «мунгалских выходах», в большинстве своем являвшихся бурятами, возвращающимися на свои породные земли.

В 1675—1678 годах выходят из Монголии баргузинские и ольхонские буряты. В 1677 году ведет переговоры о выходе

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 17 (ст. 12), л. 26.

<sup>2</sup> Там же, л. 28.

«под государеву руку» монгольский князь Мунгутей<sup>1</sup>. Тогда же селенгинские служилые люди явились свидетелями жестокого боя между выходцами и посланной за ними погоней<sup>2</sup>. Волна переходов все более нарастает. И это очень показательно, если учесть, что выходцам приходилось бежать тайком или прорываться через монгольские заставы, а затем претерпевать немалые трудности, чтобы не быть пойманными острожными управителями, которые рассматривали их как свою военную добычу. Особенно отличался в этом отношении хозяйничавший в Нерчинске приказный человек Павел Шульгин. Он погромил вышедшего князца Зербо, чинил обиды баргузинским выходцам и даже, рискуя вызвать гнев своими самовольными действиями, подговаривал тунгусов нападать на бурятских выходцев и отнимать у них скот, значительная доля которого доставалась ему самому<sup>3</sup>.

Выходцы страдали не только от произвола управителей, но и от бурят, особенно если они выходили небольшими группами и не могли быстро добраться до своих сородичей, либо таковых вовсе не имели. Лишенные той общественной защиты, которую давал своим сородичам род или улус, они становились добычей любителей легкой наживы. Образцом жалобы на такой грабеж может служить челобитная выходцев Бинтура и Бороина на верхоленских бурят Бадана и Абука, которые пользуясь беззащитностью выходцев, отняли у них их «родника», пять лошадей и верблюда, данного им на выпас<sup>4</sup>.

Часто происходили конфликты с выходцами и вследствие того, что их породные земли оказывались занятыми ко времени их возвращения из чужой земли. Так в 1685 году произошло столкновение между выходцами «Коринского и Бутуринского родов» — с одной стороны и верхоленскими ясачными. Перекочевав на свои породные земли на «верхоленскую сторону» и расположившись кочевьями у Байкала, эти выходцы «верхоленских ясачных братцких людей потеснили и з житей згонили»<sup>5</sup>. На этой почве возникали серьезные земельные конфликты, тянувшиеся иногда десятилетиями<sup>6</sup>.

Но невзирая на все эти трудности, выходы продолжались и вызывали часто обострение русско-монгольских отношений.

Наконец, третьей проблемой, занимавшей одинаково обе стороны, была торговля. Налаживалась она с трудом, по-

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. 1, № 58.

<sup>2</sup> ААН, 23, №293, л. 316—317.

<sup>3</sup> См. напр. ДАИ, т. VII, стр. 371—373.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 35 (ст. 657), л. 16.

<sup>5</sup> Там же, № 53 (ст. 661), л. 32.

<sup>6</sup> Проблема выходцев будет нами рассмотрена в полном объеме позднее.

тому что русские власти не допускали торговли с туземцами до сдачи ясака, опасаясь утечки пушнины в Монголию. Кроме того большая осторожность проявлялась при пропуске торговых людей, которых отнюдь не безосновательно подозревали в шпионаже или подговоре бурят к побегу. Русские власти стремились сосредоточить торговлю у острогов, но не позволять свободного торгога по кочевьям ясачных.

В 1672 году посол Очирой-Саин-хана Касогурлук бил челом, «чтоб ему, посланнику, итти через землю Брацкую в Верхоленский острог с торгом». В этом ему было отказано и посла с честью проводили «за камень». Заниматься торговлей и заодно осмотром Братской земли ему не дали<sup>1</sup>. Во многих других случаях монголы въезжали с торгом и беспрепятственно отбывали обратно, завершив свои коммерческие операции. «...Мунгальские люди... с торгом трои были от разных тайшей, и все со смирением, а дурна ничево не слыхали...» — сообщали в Баргузинский острог об одной такой поездке<sup>2</sup>.

В целом же эту торговлю, имевшую хорошие перспективы, ограничивало то, что из-за неурегулированности политических отношений, в условиях «шатости», она была далеко небезопасна.

Нерчинский воевода, проведая в 1677 году про проезд в ясачные волости монгольских торговых людей и горя желением содействовать процветанию коммерции в своих владениях и предотвратить падение государственного ясака из-за отторговывания ясачных, отправил служилых людей с поручением «тех мунгальских людей съехать в государевых ясачных волостях и которые они соболи выторговали у ясачных людей преж государственного ясачного платежу и тех мунгальских людей с соболями... и с китайскими товары привезти для торгу в Нерчинский острог, чтоб им мунгальским людям от иноземцов какие обиды не было»<sup>3</sup>. Служилые отбыли и через неделю воротились, привезя воеводе 34 соболя. Но никаких торговых людей с ними не оказалось: они убежали по дороге, о чем было доложено с некоторым удивлением. Удивляться тут, впрочем, нечему. Сначала эти монголы были ограблены тунгусами, отнявшими у них часть китайских товаров в компенсацию за старые отгоны лошадей (учиненные, разумеется, какими-то другими монголами). Затем на них нагрянули служилые и начали разговор с отобрания всех вымененных соболей, после чего полунасиленно повели их в Нерчинск. Странно ли, что монголы не очень поверили

<sup>1</sup> ААН, 23, № 220, л. 246—7.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 3 (ст. 243), л. 182.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. 1, № 59.

в добрые намерения приказчика и предпочли в подходящую минуту бежать.

Также с риском были связаны и поездки служилых людей и казаков с торговыми целями в Монголию. Но предпринимались они постоянно, особенно из Нерчинска, где ощущался острый недостаток в скоте, побуждавший казаков часто возбуждать ходатайства о разрешении им поездки в мунгалы «для животинные покупки». Подобные поездки решались с наставлением «ехать дорогою с великим бережением и на станах становитца в крепких местах и караулы ставить крепкие... чтоб на них не пришли безвесно какие воровские люди и никакова б над ними дурна не учинили»<sup>1</sup>.

Такие предосторожности были не излишни, потому что часто поездки заканчивались плачевно. Так Степан Позняков с товарищами, возвратясь из Монголии, могли лишь поведать о полной своей неудаче: «ездили де оне в мунгалы для животинные покупки и торговали де оне с мунгалами за Аргуню рекою у Далай озера и их де хотели убить до смерти»<sup>2</sup>.

Подобные приключения обуславливали, в ущерб обеим сторонам, весьма скромные размеры торговли. Но она все же существовала, и велась не только из Нерчинского, но, надо полагать, и из других острогов, хотя соответствующие упоминания в документах носят единичный характер. Например, в 1682 году из Иркутска была отпущена по их челобитью, большая группа казаков мимо Тункинского острога в Монголию «для скотиной покупки»<sup>3</sup>.

Вот тот фон, на котором продолжались дипломатические, в узком смысле слова, отношения России с Монголией. Они развивались, казалось бы, в прежнем духе: взаимные попреки и претензии, перемежающиеся с призывами жить «в мире и совете», характеризуют почти все монгольские посольства. Но чем дальше, тем решительней требует Очирой-Саин-хан от русских принятия своих требований, потворствуя одновременно засылке отрядов на русскую территорию и грозя войною. Причины отхода Очиры от умеренного курса, проводившегося его отцом, объяснялись отнюдь не тем, что он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов России. Дело заключалось в активизации маньчжурской политики на северо-западных окраинах Китая. Стремясь, во-первых, к экспансии в Монголии и, во-вторых, к приобретению союзников в назревавшей решительной схватке за Албазин, маньчжурские дипломаты усиленно старались втянуть монгольских владетелей в русло своей политики, подогревая

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. I, № 27.

<sup>2</sup> Там же, № 59.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 23, л. 74.

их недовольство действиями русских и обещая помощь<sup>1</sup>. Очирой-хан поддался уговорам и повлек свой крупнейший в Халхе удел по пути, приведшему Внешнюю Монголию в конечном счете к национальной катастрофе. За Очироем последовали, судя по принятой ими линии поведения, и некоторые другие крупные монгольские владетели.

Этот новый курс обозначился в 1672 году, когда Нерчинский острог посетил «богдойский воевода Мынгатей». «И тот де богдойский ис-под Нерчинского острогу государевых ясачных людей иноземцов отзывает к себе и угрожал, будет де они, ясачные иноземцы, к ним добром не пойдут, и они де под Нерчинский острог сего лета по траве придут большим войском и Нерчинский де острог разорят, а их де ясачных иноземцов возьмут к себе неволею»<sup>2</sup>.

Во всем этом, впрочем, не заключалось ничего нового: конфликт из-за Гантимура, о котором, по-видимому, идет речь, принимал часто и прежде весьма обостренные формы. Новым же было то, и это для нас очень важно, что к военным угрозам богдойского воеводы присоединились монгольские ханы: «И мунгальские де люди угрожают же войною».

Решительное переключение на про-маньчжурскую политику произошло, однако, не сразу. Очирой в 1673 году разговаривал еще очень мирно. Его послы в Москве просили о посылке посланника с грамотой; об указании «великого государя ратным украинным людям» жить с ним и братом его «в миру и совете и задоров никаких не чинить». Сам Очирой также обещал заботиться о поддержании мира и порядка и беспрепятственно пропускать послов и купцов в Китай, снабжая их продовольствием и провозатыми<sup>3</sup>. Только один вопрос таил в себе зародыш будущих столкновений — о Селенгинске, который был бельмом на глазу у Тушету-хана. Но и тут формулировка была сугубо осторожной: «Селенгинского острога жителям тут ли жить или на иное место их перевести великий государь изволит, о том бы к ним отписать».

Столь же мирным духом был проникнут и русский ответ, предлагавший Очирою жить в мире и обещавший, что в случае исполнения этого его и его улусных людей государь «учнет жаловать». В Москве уже убедились, что рассматривать Очироя как подданного не приходится, и примирились с этим. Русская политика строилась тогда на стремлении избегать всяких осложнений с Монголией, а в период албазинского конфликта это было особенно важно. По вопросу о Се-

<sup>1</sup> См. И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957, стр. 35—36.

<sup>2</sup> ААН, 23, № 252, л. 269.

<sup>3</sup> ЦГАДА, Мунгальские дела, к. 5, св. 2, № 1, л. 1—2.

ленгинске был дан ответ твердый и определенный: поставлен он по государеву повелению и жителям указано жить на этом самом месте<sup>1</sup>.

Все казалось текло тихо и мирно, но уже двумя годами позднее происходит острый конфликт, о существовании которого мы узнаем из статеиногo списка посланных к Очиroy сына боярского Федора Михайловского да приказные избы подъячего Гаврилы Шешукова<sup>2</sup>. Послы должны были дать ответ на претензии, заявленные Очирой-ханом. Последние сводились к следующему: русские ясычные ходили в поход в Монголию и свели оттуда много людей; подданный Очиroy Чекир-Батур «с улусом своим трицать луков» убежал под «царского величества руку» к Селенгинскому и свел с собою восемьдесят два человека; русские люди не велят бывшим монгольским ясачным платить ясак Очирой-хану; Селенгинский острог поставлен на земле Очирой-хана.

Насколько основательны эти претензии? Русские документы не сохранили никаких следов насильственного увода монголов русскими ясачными бурятами или тунгусами. Да и обстановка была такова, что эти последние сами пребывали в страхе, как бы их не увели монголы. Зато случаев добровольных переходов мы знаем очень много. Едва ли увод многих людей никак не отразился бы в наших источниках. Скорее всего — это тушету-хановская интерпретация факта добровольного побега его ясачных, из которых, то есть из беглецов, подавляющее большинство и не являлось его коренными подданными, а попало к нему и его тайшам, лишь бежав от казаков в период присоединения Прибайкалья.

Притязания на Селенгинск тоже более чем сомнительны. На Чикое, в устье которого он поставлен, преобладало в XVII веке эвенкийское население. Что же касается монголов, то ближайшей к Селенгинску их группой были не тушету-хановцы, а табангуты, которые, напомним, не были подвластны «кукановщине». Не подлежит сомнению, что Селенгинск был поставлен не в уделе Очирой-хана. Достаточным доказательством является то, что лишь в 1676 году, через 10 лет после постройки Селенгинска, Тушету-хан вспомнил о своих мнимых правах на устье Чикоя. Территория, заселенная бурятами, судя по всем имеющимся данным, не входила в исторически обозримое время до прихода русских в состав какого-либо государства.

Русский ответ, согласно инструкции, начинался с традиционного заверения, что жителям острожков государевым указом накрепко запрещено чинить задор с монголами. Все

<sup>1</sup> ЦГАДА, Мунгальские дела, к. 5, св. 2, № 1, л. 6—7; ААН 23, № 226, л. 251—252.

<sup>2</sup> ААН, 23, № 317, лл. 354—356.

же домогательства Очироя отвергались. Относительно возвращения ясачных послам велено было говорить: «...таких людей, которые из улусов своих перейдут на вечное жителство в ыное государство и ис того государства таких людей никогда не отдают и потому великому государю нашему... тех людей отдать вам не доведетца». С бурят, перешедших на русскую сторону, также «ясак вам иметь не доведетца».

Версия о самовольной постройке Селенгинска вторично отвергалась: «И Селенгинский острог поставлен в его царского величества Сибирского государства земле и в том остроге живут для ясачных промыслов его царского величества люди не своевольные». В утешение Очирою сообщалось, что обо всех случаях «обида разорения и убийства», причиненных его людям, государевым указом велено «сыскать в правду».

Разумеется, такой ход переговоров не предвещал ничего хорошего. Подстрекаемый маньчурами, Очирой стремятся добиться сноса Селенгинска и расширения своих владений. Борьба за ясачных бурят между монгольскими и русскими феодалами обострялась.

Дипломатические сношения с монголами в начале восьмидесятых годов свидетельствуют об их колебаниях, между политикой мира, уже оправдавшей себя, и подготовкой к авантюре, на которую их подбивали маньчуры.

Пять «кукановых детей»<sup>1</sup> заключают с селенгинским толмачом договор о поддержании мира и порядка на рубежах русских владений<sup>2</sup>. В Иркутске с 1682 по 1687 г. наблюдается паломничество послов различных монгольских владетелей (имена которых дошли до нас, по-видимому, сильно искаженными): Вайснахая, Далай Цецен-ноена, Обошерика Ахая, Мергень Ахая, Чинтасия (он же контасий, то есть, вероятно хун-тайджи), Дайсикосючи, Эркидачи, Данзан-ноена, Цецен-ноена. Все они говорят в один голос о мире и об установлении торговых отношений<sup>3</sup>.

Многие из монгольских владетелей стремятся к миру, другие явно колеблются. Каким идилическим спокойствием веет от просьбы «золотого царя тайши Кинтасия», — того самого Кинтасия, о военных приготовлениях которого давно уже ходят слухи, — к иркутскому воеводе прислать ему двадцать тулунов доброй пшеничной муки, экстренно требовавшейся потому, «что мы де ныне пишем своему богу книги, а вершить те книги без муки нельзя». И не свидетельствуют ли о самых благих намерениях его богатые дары воево-

---

<sup>1</sup> «Кукановы дети» — братья Очироя.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 23 (ст. 35), л. 64.

<sup>3</sup> ААН, 28, № 4, лл. 18—19.

де — «восемь сажень атласу да коня да десять бахчей чаю да две китайки»<sup>1</sup>.

Но тучи на горизонте уже сгущались. Послы Очироя говорили более резким тоном, пугая русских богдойцами, с которыми они заодно. Его посланец Серенчин Зорикту, нарушив дипломатический этикет, ушел тайком ночью из Тункинска и отправился в бурятские улусы на Белую и Китою «для подзыванья в Мунгальскую землю братских людей, угрожая воинским приходом». Послов пришлось искать и под конвоем препроводить в Иркутск, где они «на посольстве говорили: велел де им посланцам мунгальской Очирой-Саин-хан в Иркутском сказать, идет де богдойское войско большое—девять тысяч по всем верхним острогам и до Енисейска, а запасу де с ним идет на всякого человека на двадцать лет...»<sup>2</sup>.

Еще дальше зашли прибывшие в том же году в Селенгинск посланцы Очироя, требуя немедленной «отдачи» своему господину ясачных бурят Селенгинского, Иркутского Верхолесского и Балаганского «бращких» острогов. «А буде вы тех ясачных бращких людей не отдадите и прежнее де послованье не в послованье, и мирное поставленье не в мирное поставленье. Да он же посланец говорит: у них де Саин Очирой-кана з богдойскими (людьми) заодно, а богдойская сила большая пошла вверх Онону реки под нерчинские остроги»<sup>3</sup>.

Это была, выражаясь современным языком, угроза разрыва дипломатических отношений. Став «с богдойскими заодно», Очирой начал готовить пагубную для своего аймака войну. В последний раз он предъявил требование о возврате его беглых людей уже накануне военного столкновения, в 1687 году, проезжавшему через его улус, посланному для переговоров с маньчжурами подьячему Посольского приказа Никифору Венюкову. Жалуясь на непрекращающиеся побегы его людей к Селенгинску и другим русским острогам, Очирой ссылался на то, что ему, якобы, обещали в Москве вернуть беглецов, «а как де переехали в сибирские города посланые его ханов люди и в сибирских украинских городех в том ему отказали». Вновь просит Очирой довести его претензию до сведения царя<sup>4</sup>.

Приближение военного столкновения явственно ощущалось. Из всех острогов приходят требования усилить гарнизоны и снабдить их вооружением. Тревога охватывает Бурятию. Всюду появляются монгольские отряды, подзывающие бурят к переходу на сторону монгольских тайшей. Был излов-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 22 (ст. 34), л. 97.

<sup>2</sup> Там же, № 67 (ст. 84), л. 105.

<sup>3</sup> Там же, № 62а (ст. 74), л. 17.

<sup>4</sup> ЦГАДА, Китайские дела, № 1.



лен некий индеец Панди (не тибетский ли банди-лама?), который «у братских мужиков в юртах воровские и изменные слова говорил»<sup>1</sup>.

Происходят нападения уже не разрозненными мелкими отрядами, а крупными соединениями. В 1686 году Цецен-нойон и Шиптар-Батур с десяти тысячным войском осадили Тункинский острог. Но это первое выступление монгольских ханов явилось одновременно и первой их крупной военной неудачей. Средств для взятия острога у них не было и 34 его защитника благополучно выдержали осаду<sup>2</sup>.

Не успело закончиться это сражение, как ясачный сойотский мужик Торгу известил в Тункинске, что «поднялся де из-за Косоголу озера с войском войною мунгальской Гилен Кутухта по Окинской вершине на Белую и на Китой и под Балаганской острог воевать братских людей»<sup>3</sup>.

Наконец, сам Очирой Саин-хан решил действовать. В 1687 году войска, предводительствуемые его братом Шараширеем, вторгаются в Бурятию, осаждая Селенгинск и Удинск. Осажденные гарнизоны острогов мужественно отбивают атаки во много раз превосходящего врага. Вопросы, неурегулированные в переговорах, предстояло теперь решать оружием.

## Г Л А В А IV

### ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ В СОСТАВЕ РОССИИ

Мотивы, толкнувшие Очироя на открытые военные действия, нами уже выяснены — решение действовать «заодно с богдойцами» стало окончательным. На это указывает и дата выступления — 1687-й год, когда развернулась решающая борьба за Албазин. Многочисленность и хорошая оснащённость маньчжурского войска, пошедшего на Албазин, были известны монголам.

Маньчжуры всячески побуждали монголов к выступлению, которое должно было дезорганизовать русские тылы. Мы не имеем прямых указаний на формы, в которых оказывалось давление на Очироя, но располагаем очень ценным свидетельством о прямом участии представителей маньчжурского двора в военной подготовке монгольских князей. Маньчжуры не ограничились подстрекательством, а приняли на себя

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 67 (ст. 84), л. 131.

<sup>2</sup> ААН, 28, № 16, л. 64.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 71, (ст. 156), л. 1.

руководство организацией войск. Захваченные нерчинскими казаками два мунгальских мужика улуса Даин-Контайши дали показание «про китайские и мунгальские замыслы», которое ввиду уникального характера этого документа, приводится здесь полностью:

«В прошлом де во 195 (1687) году весною присылан был из Китай ко всем мунгальским тайшем дьяк, а по-китайски именем Карай-жаргуча<sup>1</sup> для совету, чтоб идти войною под селенгинские и нерчинские остроги и мунгальские де тайши китайского царя в том послушны учинились. И по его де Карай жаргучееву наряду посланы в осень под Селенгинск мунгальские люди во многое число. А сбираны де те люди у всех тайшей с юрта по двадцати человек и болши и корм де тем выбранным людям иман со всех же мунгальских людей. А Далай де контайши люди посланы под селенгинские остроги с Даяком Зайсаном.

Да в нынешнем во 196 (1688) году марта в последних числах собрано вновь Далай контайши людей со всякого улусу по двадцати человек. А запасу де сбирано по два барана с человека и те де люди посланы в прибавку под Селенгинск же. А под Нерчинский де острог вышеписанный же Кара жаргучей отрядил мунгальских тайшей Ахай-Дайчина да Тархана контайджи со многими людьми и чтоб де им тайшам дожидаться из Китай его Кара жаргучея с ратными людьми и с пушками и со всяким огненным боем. А срок де поставлен быть ему жаргучею в мунгалы в марте месяце нынешнего 196 (1688) году»<sup>2</sup>.

Комментарии к этому показанию излишни. Надо лишь отметить предательскую политику маньчжуров. Спровоцировав монголов на совместное выступление, они, согласившись на переговоры, бросили своих союзников на произвол судьбы.

Монгольские тайши рискнули отказаться от своей традиционной политики мирного «послованья» и перейти к войне, вопреки интересам собственного народа, только чувствуя за собой «богдойскую силу большую», только по наущению маньчжурского двора. Расплачиваться же за эту ошибку им предстояло одним.

Первоначально военные действия сосредоточились у Селенгинска и Удинска. Уже осада Тункинска показала, что монголы не располагали техническими средствами для штурма острогов и не могли противопоставить равноценное оружие «огненному бою» русских. Казаки отсиживались в относительно безопасной за стенами острогов и предпринимали вылазки, причинявшие неприятелю серьезные потери и по-

---

<sup>1</sup> Жаргуча — жаргучей.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. IV, № 222. Китайским царем здесь именуется, конечно, маньчжурский император.

рой переходившие в ожесточенные сражения, заканчивавшиеся более или менее крупным поражением монгольских отрядов. Хотя монгольские князья и были нападающей стороной, казаки сохраняли инициативу в своих руках.

Положение тем не менее было серьезным. По степям рыскали отряды монгольских всадников, остроги подверглись правильной осаде. Селенгинск и Удинск были отрезаны от внешнего мира.

Помощь пришла со стороны. Шедший в сопровождении полуторы тысячи стрельцов в Нерчинск для переговоров с Китаем окольный Федор Головин решил покончить с угрозой Забайкалью. На первом этапе военных действий он потерпел, однако, неудачу. Головину удалось прорваться в Удинск, но там он оказался отрезанным монголами. Связь прервалась, и в Иркутск не поступало никаких известий о Головине. В этот опасный момент местные воеводы действуют с большой энергией: по всем острогам идет набор промышленных, торговых и гулящих людей, посылаемых в Ильинск в «полк» Федора Скрипицина, который к лету 1688 года должен был идти на выручку Головину. Приходилось отзывать служилых и казаков из прибайкальских острогов, что создавало большую опасность и для них и вызывало увеличение набегов и учащение погрома ясачных бурят.

В это трудное время мы находим совершенно ясное доказательство тому, что буряты уже окончательно произвели выбор между монгольскими тайшами и русскими. Не сомневаясь в их полной лояльности, воеводы не только призывают их на помощь, но и доверяют им охрану рубежей. Приказчик Идинского острога получает строгий выговор за «мешкоту» с посылкой бурят в Тункинск и строжайшее предписание «идинских брацких людей ис улусов по половине или по сколько человек пригоже из улуса в Тункинской на бережные от неприятельских людей выслать с запасы и с ружьем, хто с чем служит, тотчас безо всякого мотчания, не дожидаясь о том к себе иного великих государей указу и нарочные к себе присылки». За промедление ему грозят смещением с приказа и взысканием большой пени за «отгонный скот весь»<sup>1</sup>.

В январе 1688 г. из Иркутска посылается казак Мельников в «братские улусы на Китой и Белую» с наказом привести с собою лучших мужиков и шуленг<sup>2</sup>. О чем шли с ними переговоры в Иркутске явствует из памяти, данной в марте того же года толмачу Епифанову и казаку Белобородову; «ехать им из Иркутска в уезды в брацкие улусы на Китой и на Белую реки и собрав в тех во всех родах и улусах брац-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 191 (ст. 253), л. 5.

<sup>2</sup> Там же, № 128 (ст. 147), л. 27.

ких людей по выбору и по разветке, привести в Иркутской сто пятьдесят человек тотчас с конми и с ружьем, саадаки, куяки и пансыри»<sup>1</sup>.

В Верхоленск прибыл гонец от стольника и полковника Федора Скрипицина, «чтоб в Верхоленском и Верхоленского присуду собрать сколько мочно брацких людей, прислать к нему, Федору, в полк для выручки Селенгинского и окольничего и воеводы Федора Алексеевича Головина с товарищи»<sup>2</sup>. Буряты набирались также в Балаганске и других острогах.

Буряты, призываемые в помощь русским войскам, не только собрались строго в установленный срок, но и проявили, стремясь расплатиться с монгольскими тайшами за старые обиды, столь сильный боевой задор, что их пришлось удерживать во избежание новых осложнений с монгольскими князьями, не примкнувшими к Очирию.

Собравшись к Тункинску, буряты, раздраженные убийством нескольких человек, гнавшихся за монголами с целью возвращения отгонного табуна, подали челобитную о разрешении им похода на «крайних мунгальских людей». Обеспокоенный перспективой открытия военных действий на новом фронте, воевода Синявин срочно предписал тункинскому приказчику сыну боярскому Остафию Перфильеву «брацких людей на мунгал войною отнюдь не отпускать и разговаривать их ласкою и приветом всячески и обнадеживать их государевым жалованием, чтоб они без указа великих государей, с крайними немирными людьми ссоры никакой не чинили»<sup>3</sup>.

Такой же боевой подъем охватил и верхоленских бурят, подавших «сказку», что служить де они великим государям рады и у которых де нарочитые кони сыщутся и они де брацкие люди будут збиратца к морю и дожидатца из Иркутка и из Балаганска братцких же людей и с теми де людьми готовы итти за море и на Селенгу в полк к нему Федору Скрипицину»<sup>4</sup>.

Следует подчеркнуть, что несмотря на обращение администрации к шуленгам и лучшим людям, на борьбу поднялись все простые буряты. Они не только не попытались использовать трудный момент для выступления против острогов, но даже составили основной костяк их гарнизона, например, в Тункинске, откуда с подходом бурятского ополчения были выведены в полк Скрипицина почти все казаки и служилые.

Впоследствии во многих бурятских челобитных фигурирует упоминание, что деды и отцы их бились в полку околь-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 128 (ст. 147), л. 68.

<sup>2</sup> Там же, л. 70.

<sup>3</sup> Там же, л. 17.

<sup>4</sup> Там же, л. 71.

ничего Головина, «не щадя голов своих». И это, как видим, вполне соответствует истине. Буряты отстаивали рубежи русских владений плечом к плечу с казаками. Совместное выступление русского и бурятского ополчения быстро решило исход борьбы. Но и задача очищения Забайкалья была намного облегчена тем, что большая часть монгольских войск была спешно отозвана обратно: в Халху вторглись отряды ойратского хун-тайджи Галдана (Бушукту-хана русских документов).

Это нападение, приведшее к потере Монголией независимости, показало всю гибельность политики Тушету-хана. В момент, когда маньчжуры постепенно прибирали к рукам одного монгольского владельца за другим, когда на западе учащались набеги воинственных ойратов, Чихунь-Дорджи, отправил свои войска воевать на север, в пределы русских владений, откуда ему не угрожало никакой опасности.

Поход Галдана роковым образом сказался на исторических судьбах Монголии, хотя его предприятие и было попыткой покончить с феодальной раздробленностью страны, восстановить впервые после распада державы, созданной Чингис-ханом, единое государство. Главную угрозу для Монголии представляла маньчжурская династия, только что сломившая героическую освободительную борьбу китайского народа. Бросая ей вызов, Галдан обрушился на предательских монгольских ханов и, громя их уделы, причинил столь большой ущерб народу, что уничтожил те силы, которые еще способны были противостоять маньчжурской экспансии. Честолюбивые стремления увлекли ойратского хун-тайджи на путь, губительный для Монголии в целом. Объективно он играл на руку маньчжурам, облегчая им овладение Монголией.

Предвидя неизбежность столкновения с маньчжурами, Галдан пытался заручиться поддержкой России. Поэтому он выбрал для крупных наступательных операций 1688-й год, когда русские воевали с тушету-хановскими монголами и, казалось скорее могли склониться на уговоры о совместных операциях. Его послы заверяли в Иркутске, что поход предпринят только на Очироя и Шара-Ширея с их тайшами и улусными людьми и просили, «чтобы великие государи велели своим Иркутского и Нерчинского острогов ратным людям итти войною на тех же мунгалских людей, разорить с обеих сторон»<sup>1</sup>. Желая снискать расположение русских, Галдан предоставил им право свободной торговли в своей урге (ставке) и даже приказал завоеванным им тувинцам платить русским ясак<sup>2</sup>.

Но все эти авансы не были приняты. Русская политика

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 4, л. 20—21.

<sup>2</sup> Там же, 20, № 65.

не преследовала тогда иных целей, кроме установления мира и урегулирования отношений с Китаем. Вмешательство в войну, начавшуюся в Монголии, привело бы к диаметрально противоположным результатам, и никакой реальной помощи со стороны России Галдану добиться не удалось. Головин ограничился очищением территории Забайкалья, не сделав и малейшей попытки преследовать тушету-хановские и иные монгольские войска в их собственной земле.

Завоевание Халхи Галданом сопровождалось жесточайшим погромом монгольских тайшей и их улусных людей. Избегая подобной участи, многие феодалы обратились в бегство. Одни искали спасения у стен Китая, спеша повергнуть свои верноподданические чувства к стопам богдыхана, другие устремились на север — к русским острогам. Прибыв туда, они приступили к мирным переговорам. В январе 1689 года семь монгольских тайшей заключают договор с Головиным, которым они обязуются признать подданство русского царя, подчиниться местным властям и уплачивать со своих улусов небольшую, носящую, скорее, символический характер, дань<sup>1</sup>. Три месяца спустя за этим договором следует другой, заключенный с табангутскими сайтами<sup>2</sup>. Этот договор не содержит уже никаких ограничений и ставит табангутов в положение ясачных людей.

Кто же были эти монгольские тайши и в каком отношении они находились к табангутам? С. А. Токарев полагает, судя по именам тайшей, что они, хотя и именуются тайшами, но представляли собою «ту же табунутскую группу»<sup>3</sup>. Вывод этот основан на недоразумении: автор ссылается на частое наименование этих тайшей табангутами, но это объясняется уже отмеченным выше обстоятельством: смешением монголов с табангутами, когда последние перестали существовать, как обособленная группа.

А. П. Окладников, путем остроумного анализа документов, устанавливает, что один из упоминаемых тайшей — Эрдени-контазия (хун-тайджи) или Дайчин-контазия, был хотохойтом, братом Алтын-хана Лубсана, а с 1686 года являлся сам правителем хотохойтов под именем Гендун-Дайчина<sup>4</sup>. А остальные тайши — были они хотохойтами, тушету-хановцами или табангутами? Их имена не дают ответа на этот вопрос, поскольку в известных нам монгольских источниках тайшей с такими именами не имеется, а кроме того в договоре и в иных русских официальных документах вместо имен часто стоят титулы, типа Эрдени-батур.

---

<sup>1</sup> ПСЗРИ, изд. 1830 г., т. III, № 1329.

<sup>2</sup> Там же, № 1336.

<sup>3</sup> С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 127.

<sup>4</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 189 и сл.

Русские называют отдельных из этих тайшей то табангутами, то монголами, реже «лозоновщиной», то есть хотохой-тами. Но основное разграничение шло между «мунгальскими тайшами» и табангутами, у которых было также два своих тайши, называемых в документах только «табангутскими тайшами» — Дзяб-Ирдени и Серен-Цокулай. Ни того, ни другого, так же как и зайсана Окина—виднейшего табангутского деятеля, никогда не называли «мунгалами».

Любопытно сопоставить свидетельство русских архивных материалов с китайскими. Судьбе тайшей, вышедших в Россию, отведено много внимания в дошедшем до нас переводе «листа» маньчжурских послов, ведших в 1727 году переговоры с Рагузинским. Нота сохранилась в тогдашнем, весьма несовершенном переводе и местами выглядит как набор слов, до смысла которых можно добраться лишь с трудом. Хотя она и составлена почти через сорок лет после заключения договора с тайшами, маньчжуры показывают в ней хорошую осведомленность об этом деле. Этому не приходится удивляться, так как договор подписывался (вернее, по нему монголы давали шерть) в бытность в Нерчинске маньчжурского амбана Сунготу, прибывшего для переговоров с Головиным.

Маньчжуры настойчиво повторяют, что эти тайши поданные Тушету-хана. «Они все тусету-хановы братья, их тело и кость тусетуханово»<sup>1</sup>. Они называют их «мунгальскими тайшами», но дважды мы встречаемся с другими эпитетами. Отрицая русское обвинение в приеме беглецов, маньчжуры отвечают, что они не пропускали других перебежчиков кроме семи «тайшей табанингут»<sup>2</sup>. Наконец, в одном месте упоминаются «семь тайшей черинчав»<sup>3</sup>.

Первый эпитет, очевидно, дань позднейшему смешению бежавших со своей земли табангутов с халхасами. Ведь мы помним, что табангуты «кукановщине» не подвластны, а следовательно и не могут быть подданными Тушету-хана. Но это неосторожное упоминание табангутов может рассматриваться как подтверждение того, что они были в какой-то мере причастны к договору, не только сайтов, но и тайшей. Китайцы не могли, конечно, не знать, что среди тайшей были хотохой-ты. Зачисление их всех огулом в «тусету-хановы тело и кость» обуславливалось, скорее всего, политическими соображениями, так как маньчжурские дипломаты выступали под личиной защитников Тушету-хана, предъявляя от его имени притязания на все Забайкалье, бывшее, якобы, до прихода русских его владением, что, как уже установлено, было весьма далеко от истины.

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. 4, № 239, л. 1.

<sup>2</sup> Там же, л. 3.

<sup>3</sup> Там же, л. 1.

Термин «черинчав» полезен здесь быть не может, так как это, вероятно, искаженное серенчин (от монгольского цэриг), как в русских документах XVII века называли монгольских воинов.

Одно неясное место в маньчжурской ноте заслуживает пристального внимания. «По розыску Торги амбань был Сунготу с вашим послом Федором Алексеевичем Головиным при Нерчинском договоре учинили онкот, братция, Калха, Церинтабунан с товарищи их роды в то время хотели к нам в подданство поклониться»<sup>1</sup>.

О чем здесь идет речь? Кто, по мнению маньчжурских дипломатов, так горячо стремился к ним в подданство?

Разберем по порядку все перечисленные термины. Онкоты — это прежде полноправное название эвенков, ныне почти вышедшее из употребления. Доказательством правильности такого отождествления может служить упоминание Избрантом Идесом, что вокруг Байкала во время его проезда жили «монголы, буряты и онкоты»<sup>2</sup>. Нам точно известно, кто жил у Байкала в 1692 году: монголы, буряты и тунгусы. Следовательно, термин онкоты мог относиться только к ним. Это архаическое название донныне сохранилось в эвенкийской этнонимике, а именно в названии онкор — солоны, где только т заменено другим оформителем множественного числа — р. Итак онкоты — тунгусы.

Братция, конечно, братские, буряты, название которых искажено переводчиком, не уловившим смысла текста. Калха — халхасы, к числу которых относятся и хотохойты. Наконец, «Церинтабунан с товарищи» — это табангуты во главе со своим тайшей Церен-Цокулаем.

Все это наталкивает на мысль — не были ли в числе «мунгальских тайшей» представители разнородных групп и не ошибочны ли попытки установить их общее происхождение. Во-первых, наряду с Гендун-Дайчином (Эрдэни-контазий) мы встречаем в договоре, по списку Бантыш-Каменского, несколько отличающемуся от опубликованного в Полном Собрании законов, имя Дзяб-Ирдинея, хорошо знакомого нам табангутского тайши. Во-вторых, в пользу подобной гипотезы явно служит разделение всех «мунгалов», оказавшихся в пределах России, на две группы. Это разделение было воспринято от бурят русскими и довольно четко прослеживается в наших документах.

Первая группа — табангуты. Вторая обозначается громоздким термином «боронкошеуновщина». Расшифровка его не представляет затруднений: он состоит из двух монгольских слов, из которых первое **барун** означает «западный»

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, к. 4, № 239, л. 1.

<sup>2</sup> Recueil des voyages au Nord, t. VIII, Amsterdam, 1727, стр. 100.



и второе **хошун** — «удел, хошун». В совокупности **барунхошеуновщина**, или, правильное **барунхошуновщина** означает (по аналогии с **лозоновщиной**, **кукановщиной**) «жители западных хошунов», выходцы из западных хошунов. В одном или двух документах **барунхошуновщина** идентифицируется с **лозоновщиной** и, следовательно, хотохойты включались в это понятие, что вполне справедливо с географической точки зрения. Можно предполагать, что так же буряты называли и жителей Тушетухановского аймака, что подтверждается в отношении позднейших выходцев. Это название сохраняется и употребляется именно в противопоставлении **табангутам**. С исчезновением последнего этнического термина мы не встречаем более и **барунхошуновщины**.

Приведем несколько примеров. В 1696 году сын боярский Остафий Перфильев сообщает о выходе в Россию табунцовского Окин-Зайсана и приводит его рассказ о бежавших «изменнически» несколькими годами раньше мунгальских тайшах **баронкошеуновщины** **Бинту-Ахас** и **Мерген-Ахас**<sup>1</sup>. Селенгинский приказчик Демьян Многогрешный в своей отписке извещает иркутского воеводу Льва Кислянского, что он у казачьего десятника Ивана Сургуцкого «збору мунгальских людей з **боронкошеуновщины** на нынешний на 199 год принял в казну великих государей деньги...»<sup>2</sup>.

Отсюда мы делаем заключение, что тайши и сайты, подписавшие договоры с Головиным, принадлежали к двум различным группам: **барунхошуновщине** и **табангутам**. Соотношение этих двух частей определить невозможно. Однако, материалы позволяют утверждать, что **барунхошуновщины** было вначале больше, а в результате массовых побегов и значительного перемещения населения в девяностых годах осело в Бурятии гораздо меньше, чем **табангутов**. Соответственно наличию этих двух групп договоры Головиным были заключены с разными группами степной аристократии. Это, впрочем, очевидно и из того обстоятельства, что размер **ясака**, установленный для улусных людей тайшей и сайтов, был совершенно различен.

Перешедшие в Россию тайши обнаруживали, казалось, намерение прочно здесь обосноваться. Один из них — **Мерген-Ахай** даже поспешил принять крещение, за что был хорошо вознагражден в надежде, что найдутся охотники последовать его примеру. Были обласканы и остальные, особенно **Эрдени** и **Ирки-контасия**, а также **Бинту-Ахай** (или **Бинтухай**), крупнейшие из тайшей. **Ирки-контасия** в приведенной А. П. Окладниковым совместной с **Эрдени-контасией** челобитной называет себя братом последнего и сыном **Алтын-**

<sup>1</sup> ААН, 28, № 63, л. 137 (подчеркнуто мною—Е. З.).

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 234а, л. 16.

хана. Братом же их именуется в русских документах Бинтухай, а остальные тайши считаются его племянниками. Но в монгольских источниках, скрупулезно внимательных к княжеским родословным, нет ни брата с таким именем (Ирки) у Гендуна, ни вообще второго хунтайджи у хотогойтов. И это заставляет отнестись с серьезным сомнением к подлинности их родственных отношений. О Бинтухае же точно известно, что он был не братом Гендуна, а сыном монгольского тайши Кунделен-Дайчина<sup>1</sup>.

Но как бы то ни было, эти трое были наиболее влиятельными из тайшей. В 1690 году они отрядили посольство в Москву с просьбой оказывать им такие же милости, как и отцу их Алтын-хану. Послы были отправлены назад с милостивой грамотой, призывавшей их жить в мире и совете и обещавшей разные милости, а также с государевым жалованьем<sup>2</sup>. Но все — и посулы милостивого жалованья и «призрения», и обнадешивание, что «служба забвенна не будет», и портища сукна и нити корольков — оказалось совершенно бесполезным. Эрдени-контасия и Бинтухай бегут обратно в Монголию.

Что же касается Ирки-контасия, то он исчезает бесследно. В документах, по этому периоду достаточно многочисленных, не сохранилось никаких упоминаний о побеге и смерти его. Мы найдем в них имена всех тайшей, и малых и больших, но об Ирки-контасии, казалось бы самом значительном из них, после 1691 года достоверных сведений не имеется.

После выступления маньчжуров на помощь монгольским ханам, вынужденным в результате галданова погрома идти на поклон в Пекин и просить о принятии их в лоно Поднебесной империи, ситуация в Монголии резко изменяется — Галдан вынужден к отступлению. Гордые степные аристократы, лишь в минуту смертельной опасности «приклонившиеся к белому царю», начинают помышлять о возвращении домой. Первым, еще до вытеснения Бушукту-хана из западной Монголии, открывает серию побегов Эрдени-контасий.

В начале похода Галдана Эрдени-контасий откочевал на Селенгу и обосновался по соседству с Селенгинском. Но внезапно, без всяких видимых оснований, он снялся с места и бежал со всеми своими улусными людьми.

Причиной его стремительного побега явилась, якобы, паника, вызванная некоей «бабой-ясыркой», которая оповестила, прибежав в его улусы, о приближении с дурными намерениями русских воинских людей. Что эти слухи (если вообще правильна вся версия) были ложными, доказывает изумление служилых людей селенгинского толмача Петра Киргиза с то-

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 53, л. 123. Вопрос о личности этих тайшей будет выяснен в главе об образовании бурятской народности.

<sup>2</sup> Там же, № 24—26, лл. 81—84.

варищами, отправленных на расследование обстоятельств этого загадочного дела. Все указывало на паническое бегство: на следу попался брошенный хромой верблюд, потом убитый «мужик», далее мертвый ребенок. «...а знатно, что оставлен был живой, дано ему корму мясо» — замечают служилые. Стоянки укрепились: «А он тайша по ночам становился в крепкие прикрытые места и скот де был на стоянках привязан к деревьям и юрты на стоянках не расставляли, а в которых де местех у него были юрты и ставлены, и у юрт покладены были крепости, учинены городки каменные».

Эрдени-контазий бежал с такой скоростью, что ехавшие налегке служилые не могли его «постичь» и установили лишь, что он бежал не той дорогой, «которою ездят в Китайское», а на Селенгинские вершины к Косоголу<sup>1</sup>. По слухам, он отправился на свою «породную землю близ Красного Яру»<sup>2</sup>. Наступление Галдана побудило его возвратиться на русскую сторону и примкнуть к тайшам, заключившим договор с Голвиным.

Прошло немного времени и он, ввязавшись, сначала с успехом, в царившую в Монголии междоусобицу, оказался в конце концов в подданстве Галдана. Об этом сообщил в Иркутск посол Дайчина, объяснявший новое положение своего повелителя насильственным захватом его Галданом<sup>3</sup>. Иркутские воеводы пытались протестовать, но хитрый посол отговорился тем, что переход Эрдени-Дайчина в русское подданство не был известен его повелителю.

Впрочем и Галдану не долго пришлось наслаждаться ролью господина воинственного хотохойтского князя. Уже в 1691 году имя последнего фигурирует в списке тайшей, «изменивших» Бушукту-хану и бежавших под защиту богдыхана.

Весной 1692 года, выбрав удачный момент вскрытия Селенги, ледоход на которой должен был затруднить погоню, бежали в Монголию к прежнему своему владельцу Очирою Бинтухай со своими племянниками, и, что особенно возмутило местные власти, «наш вскормленник» — крестившийся тайша Мерегень-Ахай. На побеге своем беглецы не преминули ограбить «государеву казну» у подвернувшихся им по пути селенгинских казаков<sup>4</sup>.

Основной причиной побега являлось стремление вернуться в свои уделы, уже очищенные от ойратов, освободиться от опеки царя и его воевод, восстановить свою власть в родных кочевьях. Но было, по-видимому, еще одно обстоятельство,

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 348 (ст. 400), л. 4.

<sup>2</sup> ААН, 28, № 49, л. 119.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Иркутск, к. I, сс. 26—28.

<sup>4</sup> ААН, 28, № 53; ЛОИИ, Иркутск, к. I, № 85. А. П. Окладников. Очерки..., стр. 185.

способствовавшее решимости тайшей и позволившее им без особого труда увести с собою своих улусных людей. Эти притеснения и обиды, которые им чинились селенгинскими приказчиками и служилыми людьми.

Двадцать казаков Итанцинского острога, подведомственного Нерчинску, обвиняли селенгинских и удинских служилых людей в том, что из-за их «досад и обид» «из-под Селенгинского города мунгальских тайшей — тайшу Бинтухая, тайшу Чюван, тайшу Аюшу, тайшу Ахай мерген и табунуцких тайшей — тайшу Сокулай, тайшу Заб с зайсаны и з шюленги разных родов и с ясаулы ясашных иноземцев во многолюдстве ушли з женами и з детьми, покиня в аманатстве детей своих и братьей...»<sup>1</sup>.

Совершенно совпадает с этим обвинением текст челобитной нерчинских бурят<sup>2</sup> 1703 года: «...Да в прошлых же, великий государь, годах полномочный посол боярин и воевода Федор Алексеевич Головин с товарищи, будучи на Селенге, по твоему, великого государя, указу призвал много мунгальских тайшей: тайшу Бинтухая с товарищи во многолюдстве и иных многих со всеми родами их во многолюдстве под Селенгинской город и под Удинской в ясашный платеж и боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи принял тех вышеписанных тайшей, твоим, великого государя, жалованьем их пожаловал и оне, тайши, детей своих и братьей в Селенгинской город отдали в аманатство и твой, великого государя, ясак они платили по вся годы и селенгинские и удинские служилые люди тех тайшей и с родами их со всеми улусы отогнали своими обидами и налогами, и они тайши, не моча их обид и налогов терпеть, покиня братьей и детей своих в аманатстве, приклонились к китайскому хану»<sup>3</sup>.

К этим сообщениям приходится относиться с некоторой осторожностью, так как исходят они от нерчинцев, люто враждовавших с селенгинцами, причем, как увидим далее, в этой своеобразной борьбе казаки и буряты действовали единым фронтом. Поэтому допустимы в их взаимных жалобах значительные преувеличения. Особую же настороженность вызывает сочувствие горестной судьбе тайшей, покинувших своих «братьев и детей в аманатах», если учесть, что в других своих челобитных нерчинцы обвиняли селенгинских служилых и самого приказчика острога Демьяна Многогрешного в отпуске всех аманатов за взятки.

Но тем не менее картина, нарисованная в нерчинских челобитных, настолько соответствует духу времени, что ее

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 195. Этот документ очень интересен тем, что в нем тайши названы не титулами, а монгольскими (надо полагать, истинными) именами.

<sup>2</sup> Основным ядром нерчинских бурят были хоринцы.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 169.

можно признать отчасти справедливой, отнеся на счет пристрастности жалобщиков лишь некоторые преувеличения.

Барунхошуновщина, в лице своих тайшей, бежала в Монголию. Были сведены туда и улусные люди, но часть их осталась на русской территории. Судьба их, по свидетельству цитировавшихся выше документов, была плачевна: селенгинцы нещадно разграбили этих «остальцов», перебили и побросали в Селенгу мужчин; женщин и детей распродали. Спаслись благополучно лишь те, кто оказался под ведением Нерчинска или успел туда бежать.

В Нерчинске были живы традиции совместной борьбы с бурятами под знаменами «Даурского полка» Головина и отношение казаков к ним приобретало все более дружественный характер.

Эти «остальцы», обжившиеся на новом месте и ставшие платить ясак вместе с бурятами, явились первой монгольской струей, влившейся в гущу бурят в период присоединения. Но значение их в этом процессе невелико, как в силу их малочисленности, так и потому, что они не составляли целых племен или родов, а представляли собой пеструю массу случайно отбившихся людей.

Значительно более важную роль сыграли табангуты, почему на их истории в первые годы после принятия ими русского подданства надлежит остановиться подробнее. Табангуты находились в сложном положении потому, что у них шла борьба как между низами и верхушкой, так и внутри самой верхушки, а именно три лица: Дзяб-Ирдыней, Церен-Цокулай и Окин конкурировали за верховенство.

Разобраться во взаимоотношениях этой троицы, из которой двое последних были родными братьями, нелегко. Дзяб-Ирдени и Церен-Цокулай были тайшами. Окин же имел лишь титул зайсана. Судя по ранним сообщениям, главным лицом у табангутов был Дзяб-Ирдени, в восьмидесятые годы на первые роли выдвигается Церен-Цокулай, а в конце XVII века центральной фигурой становится Окин-зайсан. Первоначально он считался подданным Дзяб-Ирдени, но позднее называет последнего своим улусным человеком. Взаимная конкуренция и использование любой поддержки для своего выдвижения заставляет вести очень тонкую политику по отношению к русским властям. В наибольшей мере это удастся Окин-зайсану, всегда выставляющему на показ свою пламенную преданность российскому престолу.

Уже в 1689 году он обращает на себя внимание действиями своего брата шуленги Темдека, отправившегося в погоню за табангутским мужиком Батом, задумавшим побег в Монголию. Хотя Бат и ушел со своими тремя товарищами, но старательность Темдека, отбившего у беглецов «юрты с женами, и конный табун и рогатый скот», была должным образом оце-

нена<sup>1</sup>. Правда, старые привычки мешали Окину быстро заслужить благорасположение начальства и годом позже он чуть было не попал в опалу за слишком ревностную защиту «воровских людей», угнавших коней из-под Селенгинска<sup>2</sup>. Заметим, кстати, что покровительствуя этим ворам, Окин позаботился и о надлежащем укрытии их четвероногих спутников.

В 1691 году Окину представилась возможность разделиться с Церен-Цокулаем. Проведав про намерение того бежать в Монголию (так доносил сам Окин), он послал, якобы, к нему своего шуленгу Карцагая для отговору, что де «ему Серен-Цакулаю ни от кого никакой обиды не будет». Но тайша, ссылаясь на слухи о намерении русских убить трех его лучших людей, а самого его «взять в город и посадить в крепь», не отказался от своей цели. Надо полагать, что время проходило не только в разговорах, так как Церен Цокулай оказался в засеке, а Окин-зайсан перешел к аргументам совсем другого рода. «И видя они, Окин зайсан, что де он, Серен-Цакулай призову их не слушает и из засеки вон нейдет, зажегши степь со всех сторон, почали стрелять и убили у него трех человек, а иных переранили. И он де Серен Цакулай ис той засеки с женою своею и с детьми и с холопи бежал вдаль и они де Окин зайсан с товарищи ево Серен Цакулаев всякий борошень и скот да пять человек ясырей взяли»<sup>3</sup>.

Церен-Цокулай после этого происшествия совсем оскудел. Жена его принесла в Селенгинск жалобу и началось следствие. Для прокорма Церен-Цокулаю было дано небольшое количество скота из стад, отнятых у монголов, бежавших из России. Ему даже удалось оправдаться в побеге, но он остался под подозрением и утратил всякое влияние. Зато Окин извлек из этого дела тройную пользу: отделался от конкурента, возвысил себя во мнении русской администрации да еще прихватил малую толику чужого добра. Карьера его успешно развивалась.

Окина всегда считали верным слугой сибирской администрации. Доверие он заслужил неоднократными доносами властям на своих сородичей, готовивших побег в Монголию, а также кажущимся стремлением послужить России. Его пространные реляции ввели в заблуждение не только иркутских воевод, но и такого вдумчивого историка, как А. П. Окладников, который изобразил его как союзника русского царизма, в своих корыстных целях препятствовавшего уходу в Монголию, к которому, якобы, стремились его улусные люди<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 527 (ст. 188), л. 57.

<sup>2</sup> Там же, № 194 (ст. 280).

<sup>3</sup> Там же, № 192 (ст. 272), л. 33.

<sup>4</sup> Страницы, посвященные А. П. Окладниковым Окин-зайсану (Очерки, стр. 180—183), едва ли не самые неудачные в его книге. Не говоря о неубедительной концепции,— понятной, если учесть, что автору были

Здесь правильно и обвинение Окина в преследовании корыстных целей и суждение об острой борьбе между зайсаном и рядовыми родовичами. Однако, нельзя согласиться с тем, что интересы широких масс толкали их на побег в Монголию. Как увидим далее, дело обстояло совершенно иначе.

Окин действительно дольше других тайшей и табангутских шуленг оставался в пределах России. В октябре 1691 года шуленга Нормо мергень извещал в Селенгинске, что «октября де в 27-й день... табангутские ясашные люди шуленги Соттулай, Карцугай с товарищи с улусными своими людьми стах в четырех и болши, презрев вашу, великих государей, милость и забыв свое обещание, изменя вам, великим государям, из стороны вашего царского величества бежали с юртами и со всяким своим скотом, а Батур де Окин-зайсан и Нормо Дархан-батур остались не з большими людьми»<sup>1</sup>.

Несмотря на очевидную благонамеренность Окин-зайсана, в Селенгинск поступили сведения об его соучастии в подготовке к этому побегу. Окин категорически отрицал обвинение и ссылался на то, что он в 1689 году «вышел в сторону царского величества из Мунгальской земли от своего породного табунуцкого тайши Дзяб Эрдинея со многими улусными людьми»<sup>2</sup>. В этом заявлении особого внимания заслуживает подчеркивание Окином того, что он ушел от своего тайши. Ведь в то время, когда велись эти разговоры, «породный табунуцкий тайша» Дзяб Эрдени находился не за тридевять земель, а тут же, в ведении Селенгинского острога. Нетрудно разглядеть намерение Окина восстановить русские власти против Дзяб Эрдени и с их помощью избавиться от последнего соперника, оставшегося у него после разгрома Церен-Цокулая.

Именно под этим углом зрения следует рассматривать события, происшедшие в следующем, 1692 году. Возвратясь в свои улусы из поездки в Иркутск, Окин-зайсан обнаружил, что его «улусные люди» намереваются последовать примеру прочих монгольских выходцев и табангутов и бежать в Монголию. Не добившись успеха в своих уговорах, он посылает в Удинск толмача Петрушку Киргиза за служилыми людьми. Узнав от зайсана про скорый приход ратных людей его сородичи «убоявся, от побегу остались».

Для удержания табангутов был отправлен крупный отряд в составе 250 служилых и 500 «нерчинских братских людей».

---

известны не все относящиеся к делу документы, А. П. Окладников перепутал хронологию: возвращение Окина он считает его первым выходом, погром Церен-Цокулая в 1691 г. относит ко второй половине 90-х гг. и т. д.

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 261, л. 18.

<sup>2</sup> Там же, № 230, л. 42.

Показательно участие в этом походе такого большого количества бурят. «Нерчинские братские люди», т. е. хоринцы — это те буряты, которые сражались «не щадя голов своих» в полку Головина и чья лояльность не вызывала сомнений.

Эффект от появления войск превзошел все ожидания: «И те табунцкие люди, увидя наших, убоясь, почали бегать по камению»<sup>1</sup>. Без особого труда, даже не применяя силы, их удалось «от побегу поворотить».

Опасаясь новых попыток к побегу, воевода кн. Матвей Гагарин велел «тем табунцким людям Батуру Окин-зайсану с шуленгами и с улусным их людьми кочевать до нашего, великих государей, указу на баргузинских степях»<sup>2</sup>.

Проявив покорность, Окин-зайсан достиг своей цели. Его признают единоличным главою табангутов. И Окин, еще недавно почтительно именовавший Дзяб-Эрдени своим «породным тайшою», впредь называет его улусным человеком.

Вопрос заключается в том, был ли искренен Окин-зайсан в своей преданности России или же он лицемерно преследовал цели своего возвышения, откладывая побег до полного их осуществления.

В том же 1692 году Окин бежит в Монголию. Почтя впоследствии за благо вернуться обратно в Россию, он обвинял в организации побега Дзяб-Эрдени и изображал себя невинной овечкой, насильно увезенной злоумышленниками<sup>3</sup>. Так повествовал он в Селенгинске о своих злоключениях: «...идучи на баргузинские степи, на Курбе реке, улусные его окинины люди, спамятавав прежнюю шатость, рнясь на него Акиню, разорив его и убив провожатых четырех человек служилых людей да ближних его сородичей шесть человек и у него Акин жен и детей по себе разобрав и взяв ево Акиню неволею с собой, бежали в Мунгальскую землю и привезли ево к тайше к Ердени-тонну»<sup>4</sup>. Для усиления впечатления Окин присокуплял, что везли его связанным.

Эти жалобы и ввели в заблуждение А. П. Окладникова, рассматривавшего побег улусных людей Окина, как бунт «черной кости», вопреки воле их повелителя<sup>5</sup>.

Уже тот факт, что Окин сохранил и в бытность в Монголии свое положение главы табангутов, заставляет усомниться в такой трактовке его побега в Монголию.

Едва ли табангуты, взбунтовавшись, не воспользовались бы случаем, чтобы разделаться с ненавистным зайсаном, а лишь увезли его в Монголию и там вновь стали его послуш-

<sup>1</sup> ААН, кн. 28, № 53, л. 126.

<sup>2</sup> Там же, л. 127.

<sup>3</sup> ИПИ, № 441, л. 56.

<sup>4</sup> ААН, 28, № 63, л. 138, приведено у А. П. Окладникова (Очерки..., стр. 180).

<sup>5</sup> Там же.



ными подданными. Справедливость нашего сомнения подтверждается наличием документов, совершенно иначе рисующих всю деятельность Окина и его роль в обоих упоминавшихся эпизодах истории табангутов.

Выслушаем показания нерчинских бурят, изложенные в их челобитной в 1701 году. «И в то де время тот Окин-зайсан с улусными своими людьми изменил и селенгинского приказного Федора с казаками побили шестьдесят человек... и с улусом своим убежал в Мунгальскую землю. А мы де зайсаны и шуленги с ясаулы и с улусными людьми гонялись в погоню с казаками за ним Окин-зайсаном и сугнали его на Хилке реке и его Окина с улусом с Хилки реки поворотили и везли его, Окина, нага, связана»<sup>1</sup>

Вот когда, оказывается, пришлось Окину попутешествовать в связанном виде. Нечего и говорить, что эта версия сильно расходится с той, которая основывалась на рассказах самого Окина.

Столь же категорически утверждается в цитируемом челобитии и руководящая роль Окина в побеге с Курбы. «И по нашему челобитью указано ему, Окину-зайсану, с улусом своим стоять в Барбузине (Баргузине) остроге, и за ним посланы были в провожатые селенгинских казаков двадцать человек Осип Иконин с товарищи. И с теми казаками он дошел до Удинской степи до Курбы реки и с той реки изменил же великому государю и тех провожатых казаков всех побил и убежал в Мунгальскую ж землю»<sup>2</sup>.

И здесь, как видим, события разворачивались совсем иначе, чем их изображал сам Окин.

От Окина и его людей пострадали и сами жалобщики—буряты. «...и они вышеписанные изменники, живучи в степе многие времена и годы, и у нас, холопей и сирот твоих, по часту конные табуны отгоняли и наших голов побивали»<sup>3</sup>. Главными виновниками нерчинцы считали «вора и изменника» Окина и его единомышленника селенгинского толмача Гурия Уразова.

Нерчинские буряты, от которых исходили цитируемые челобитные, должны были иметь точные сведения о прошлом Окина. Вспомним, что в походе для удержания табангутов участвовало около 300 человек из их среды и несмотря на десятилетний промежуток времени, память об этих событиях была еще достаточно свежа.

В Монголии Окин-зайсан попал под власть уже знакомого нам Эрдени-тоина, который передал его своему брату Нормо-Ирки-тазию, а этот последний годом позже—тайше Эрки-

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, II, № 614, с. 2.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 191.

белею (бейле). Если верить Окину, то он стремился обратно в Россию и в 1694 году даже посылал в Иркутск для переговоров своего брата Менкетуя. Готовя побег, он отпросился у Эрки-белея кочевать в лесные места и в 1695 году, воспользовавшись общей паникой, вызванной вторичным вторжением Галдана в Халху, возвратился на свои старые «породные места» под Селенгинск, сопровождаемый немногочисленными подданными<sup>1</sup>.

В истинности и этого рассказа Окина позволительно усомниться. Трудно верить, что тайша Эрки-белей сохранил доверие к табанутскому зайсану, если бы последний был действительно доставлен к нему против своей воли. Значительно вероятнее выглядит другая версия о причинах, побудивших Окина к возвращению в Россию.

В декабре 1695 года приказный человек Остафий Перфильев доносил из Селенгинска, что «вышел... в Селенгинской из Мунгальской земли табунуцкой Окин зайсан с людьми своими. А сказывал: стоял де он зайсан на Ононе реке с мунгальскими тайшами з Бинтухаем с товарищи и ныне де в Мунгальской земле с войною ходит калмыцкой Бушуктухан и мунгальских тайшей по Курулюну (Кэрулену) реке погромил. А тайша Бинтухай с товарищи с Онону разбегались на низ по Онону и по разным местам. А он, зайсан, вышел на имя великих государей в Селенгинской»<sup>2</sup>.

Второй поход Галдана, оказавшийся в конечном счете роковым для самого ойратского повелителя, вызвал в Монголии такие же последствия, как и первое его вторжение. Тайши разбегались во все стороны, улусные люди спасались от погрома по глухим улусам. Часть тайшей искала убежища в России. К ним шел, по-видимому, за благо присоединиться и Окин. Именно страхом перед Галданом и склонны мы объяснить окончательное водворение на русской территории будущего первого бурятского тайши.

Вероятно, русским властям была известна истина, но они предпочитали верить Окин-зайсану, проводя политику привлечения тайшей и зайсанов, даже из числа «изменников», в русское подданство.

При своем скоропалительном побеге Окин бросил табангутов на произвол судьбы. Массы их стремились обратно в Россию не ради милости воевод, не для приобретения чинов и наград, а в поисках более спокойного и мирного существования. Предоставленные самим себе, табангуты с большим трудом пробивали дорогу на родину в течение последующих тридцати пяти лет.

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 63, л. 137.

<sup>2</sup> Там же, № 21, л. 76.

История приключений Окин-зайсана рассмотрена здесь с такой подробностью потому, что она показывает истинные устремления каждой социальной группы. Старая точка зрения — социальная верхушка шла на сговор с царизмом, а народные массы поднимались на борьбу и искали спасения в побегах в Монголию. — не может быть нами принята.

То, что «князцы» и зайсаны находили общий язык с острожной администрацией, в основном, верно. Но они проявляли значительные колебания и искали покровительства то «белого царя», то монгольских ханов и не раз изменяли как первому, так и вторым, прежде чем приходили к окончательному решению. Карьера Окин-зайсана в этом отношении очень поучительна.

Народные же массы, как показывают факты, определили свою позицию значительно тверже. И недаром в еще случающихся побегах в Монголию руководящая роль принадлежит именно представителям верхушки, пытающимся совлечь своих подданных с избранного ими пути. Но независимо от дальнейшей политики своих повелителей, рядовые люди, в одиночку или группами, стремятся вернуться назад в Россию.

Такова была участь табангутов, покинутых своим зайсаном. Известия о них были привезены семь лет спустя улусным человеком Оненко, съездившим в Монголию для лечения. Рассказ его был записан в Селенгинске: «...которые табунуцкие люди многие преж сего были в подданстве в стороне царского величества в пребытии боярина Федора Алексеевича Головина с товарищи под Селенгинским и неустойками своими и шатостью изменя великому государю бежали в степь в прошлом 200-м году и поддалися китайскому богдыхану, и нынешнего лета загнаны были они неволею, для шатостей их, китайскими и мунгальскими людьми под стену и ныне де те табунуцкие люди, учиня китайским людям погонщикам шкоту, ис-под китайской стены на степь многими людьми юрт большы пятисот вышли декабря в 10 числе и стоят на Толе реке выше Ханколая камени на речке Кульнилеху, а намерение де у них есть итти в сторону царского величества к Селенгинску в подданство...»<sup>1</sup>.

Устремления табангутов ясны. Но осуществить их было чрезвычайно трудно: «...И они, мунгальские тайши, со многими своими людьми збираютца, будет их одолеть могут, погромить, а естли одоления не будет, задержать их и в сторону царского величества не пропустить»<sup>2</sup>.

Мы не знаем, как развивались события, но, очевидно, монгольским тайшам удалось преградить дорогу табангутам, ибо основное ядро перебежчиков, положивших основание трем

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 457, л. 47.

<sup>2</sup> Там же, л. 48.

табангутским родам бурят, вышло на русскую сторону только в 1735 г. Но отдельным табангутам, может быть и группам их, удалось миновать кордоны. Об этом свидетельствует то, что еще в 1699 году монгольские владельцы Цецен-Гун и Бинтухай требовали выдачи «беглых табунуцких людей, которые разбегались от смертной казни за шатости их и неустойки»<sup>1</sup>.

Побег табангутов и их возвращение далеко не единственный пример, подтверждающий правильность того тезиса, что стремление к возвращению в Россию преобладало над другой тенденцией — побегов в Монголию.

Если Окину удалось «свести» за собой табангутов, то некий табунан Дайбун, замышлявший побег в конце 1691 года, не смог собрать и нескольких попутчиков. Более того, принуждаемая им к побегу «мунгальская баба» Чирен донесла на него в Селенгинск<sup>2</sup>. Ее сообщение было подтверждено «мужиками» Нормо и Арга, которые также отказались спутствовать Дайбуну.

Сам Дайбун и его сын Окин на допросе заявили, что они и не помышляли о побеге, хотя и слышали о таком намерении буряты Нормо. Но на втором допросе, производившемся, надо полагать не без «пристрастия», Дайбун дал совсем иное показание, заслуживающее быть приведенным полностью: «хотел де он Дайбун с сыном своим Окином из Ыльинской слободы бежать в Мунгальскую землю, а звал де он с собою вместе бежать мунгальских мужиков Нормо да Аргая да Енда да Дзамия. И они де Нормо с товарищи, услышав де от него Дайбуна такие речи, промолчали. Да он же де Дайбун звал с собою бежать в Мунгальскую землю мунгальскую бабу Чирена и она де с ним Дайбуном бежать в Мунгальскую землю не похотела, и он де Дайбун тое бабу Чирена бил за то многожды. А в побеге де своим и умысле он Дайбун великим государем виноват»<sup>3</sup>.

Достаточно красноречивый документ. Ни побои, ни угрозы не помогают табунану, и максимум его достижений заключается в том, что его слушатели «промолчали».

Антагонизм между бурятами и монгольскими ханами питался из тех же самых источников, что и до событий 1688—1689 гг. В промежутке между первым и вторым нашествием Галдана на Халху, а отчасти и после него, дружины монгольских феодалов не перестают беспокоить бурятские улусы. В 1690 г. отряды «мунгальских воровских людей» навестили Тункинскую долину и отогнали у бурят 125 лошадей из Койморского улуса и 100 с Торской степи<sup>4</sup>. Подобные визиты

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 457, л. 104.

<sup>2</sup> Там же, № 230, л. 61.

<sup>3</sup> Там же, л. 64.

<sup>4</sup> Там же, № 194 (ст. 280), л. 5.

столь часто повторялись на старинной «мунгальской дороге», что жизнь для бурят стала там совершенно невыносимой. В современном описании Иркутского уезда сказано: «Степь Торская верст на пятнадцать... по ней кочевали ясачные брацкие люди и от приходов воровских мунгальских людей разорены и ныне на ней никою нет»<sup>1</sup>.

Подобная обстановка складывалась и в других пограничных местностях, тогда как вторжения вглубь русской территории в 90-е годы уже не наблюдаются.

Особенно часто набеги происходили в районе Нерчинска и Селенгинска. Хоринский зайсан Бадан Туракин принес жалобу «на разорителей наших на мунгальских и на табунцких воровских людей», громивших и разорявших улусы на Итанце<sup>2</sup>. Подобные донесения часто поступали в местные остроги.

Инициатива в этих набегах принадлежала монгольским тайшам, хотя в переговорах по поводу отгонов скота они обычно ссылались на то, что грабеж производится людьми, потерявшими своих владетелей во время галдановых войн, и во всяком случае без их ведома. Если и нет оснований сомневаться в возможности нападений аратской бедноты, потерявшей в военное время скот, а зачастую и семьи, то ряд документов прямо указывает на тайшей, как на вдохновителей грабительских вторжений на русскую сторону.

В 1692 году тунгусы Дуликагирского рода организовали погоню за монголами, угнавшими у них лошадей. Догнав одного из похитителей, они тяжело его ранили. Раненый рассказал: «а ездят де под Нерчинской для отгону табунов по приказу тайшей своих»<sup>3</sup>. Такого же рода вести поступили в Нерчинский острог и тремя годами позднее, судя по «ведомости по степи»: «Далая Контайши улусные люди хотят быть для воровства под нерчинские (остроги), как уступят великие жары»<sup>4</sup>. Население нищало. Ясачные сборщики, ездившие в 1699 г. к тунгусам Луникирского рода, рисуют в своей отписке со слов этих тунгусов безрадостную картину: «коней и рогатого скота стало мало, потому что де ездят к нам мунгальские воровские люди, громят наши юрты, а в полон себе берут наших жен и детей. А от того де мы разорились»<sup>5</sup>.

Все чаще доведенные до отчаяния буряты и эвенки принимают ответные действия либо самостоятельно, либо помогая казачьим отрядам, посылавшимся в погоню за «ворами». В 1695 году сын боярский Василий Казанцев

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 138-б, сс. 13. Составлено это описание около 1697 г.

<sup>2</sup> Там же, Нерчинск, III, № 503, сс. 15.

<sup>3</sup> ААН, 28, № 53, л. 124.

<sup>4</sup> ЛОИИ, Нерчинск, I, № 200.

<sup>5</sup> Там же, Нерчинск, II, № 310.

был послан с нерчинскими служилыми людьми и ясачными иноземцами (бурятами и эвенками) по Онону в погоню за монголами, разорявшими ясачных ведения нерчинских острогов. Нагнав воров и не добившись успеха в мирных переговорах, казаки и ясачные «промышляли воинским поведением» и разбили противников, после чего отобрали как угнанных лошадей, так и весь скот монголов<sup>1</sup>. Интересно, что эти монголы имели огнестрельное оружие, так как в числе трофеев оказалось 9 пищалей. Часто такие походы предпринимались ясачными на собственный риск, и не всегда удачно. Так в 1701 г. еравнинские конные тунгусы били челом приказному человеку Нерчинского острога на поинкитских (?) монголов, убивших у них 9 человек и «отпрашивались на них воров итти поиском». Несмотря на запрещение, тунгусы, в количестве 25 человек, вышли в поход и отогнали у обидчиков табун. Но дело кончилось для них плачевно: «поинкитские мунгальские мужики» перехватили их на дороге и убили 22 человека<sup>2</sup>.

Подобные столкновения, заканчивавшиеся с переменным успехом, были типичны для конца XVII века.

От неустойчивости на границе страдало, разумеется, не только бурятское, но и монгольское население. Раздраженные нападениями, русские казаки, буряты и эвенки не упускали случая отогнать скот у монголов, причем сплошь и рядом жертвою становились мирные араты, нисколько не повинные в «задоре», царившем на рубежах русских и монгольских владений. Ханы и тайши поощряли набеги на русскую сторону. Страдать от последствий неурядицы приходилось угнетенному и обездоленному монгольскому крестьянству.

Типичным в этом отношении является такой эпизод. В 1697 году зайсан Бадан Туракин просил в Итанцинске отпустить его в погоню за «мунгальскими ворами», отгонявшими лошадей и в прошлом захватившими в полон жен их и детей. Удержав бурят от похода, итанцинский приказчик отправил в Монголию для переговоров служилого человека Петра Клепалова и толмача Гурия Уразова. Монгольские тайши, к которым прибыли посланцы, и не думали отрицать факт угона или скрывать, что отогнанные кони находятся в их владениях. Но они ссылались на то, что еравнинские тунгусы отогнали у них 160 лошадей. «И как де тунгусы их мунгальские табуны отдадут, что угонили у них, тогда де они мунгалы и брацкие отгонные табуны все отдадут же»<sup>3</sup>.

Неудачный исход переговоров побудил Бадана с 10 товарищами, предводительствуемыми «вожом» из еравнинских тунгусов, отправиться «самовольством» в Монголию, где они

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, I, № 177, ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 116.

<sup>2</sup> Там же, Нерчинск, III, № 601.

<sup>3</sup> Там же, № 376, сс. 3.

угнали 15 лошадей, из которых только одна оказалась украденной раньше у них: «А у каких иноземцов отогнали, того де в отписке не написано»<sup>1</sup>.

Так и происходило постоянно: монголы угоняли табуны у тунгусов, те отплачивали тем же, но часто другим монголам. Эти последние похищали бурятский скот, буряты в свою очередь устремлялись в Монголию и т. д. Сказывались еще и пережитки кочевых традиций: угон скота привлекал и монгольских и бурятских удальцов.

Отношения обострялись, и страдали равно все стороны, втянутые в конфликт, за исключением некоторых монгольских тайшей, хорошо охранявших собственные стада и получавших свою долю из табунов, отогнанных их подданными.

Было бы однако неправильно представлять себе отношения, существовавшие в приграничной полосе, как сплошные столкновения из-за угона скота, набег и погромы. Если грабительские нападения монгольских ханов и подстрекательство бурятских князцов и шуленг приводили к столкновениям, то у простых монгольских аратов и бурят — улусных людей, в жизнь которых набег вносили элемент неустойчивости и постоянной тревоги, проявлялось стремление к упрочению издавна существовавших дружеских отношений. Торговля в бурятских улусах не была бы возможна для небольших групп монголов без благожелательного отношения бурят.

О нормальных отношениях свидетельствуют и частые поездки бурят в Монголию, а также традиционный обмен подарками. В начале XVIII в. в отписке из Нерчинского острога сообщалось: «бращие ясашные люди кочуют от Итанцынского острогу в дальном расстоянии по Темнику и по Хилку рекам под мунгальские степи и ходят в Мунгальскую землю во многолюдстве без твоего великого государя указу самовольством и не являсь к Ытанцынску, и вывозят де от тамошних мунгальских людей многие себе подарки китайские товары. И мунгальские мужики такожде к ним брацким людям почасту бывают. И они де братцкие твои великого государя ясачные люди дают им подарки, многой скот и кони»<sup>2</sup>.

Русские часто получали информацию о событиях в Монголии от бурят, ездивших туда для лечения или навестить своих родственников. О мирных отношениях свидетельствуют и частые браки между монголами и бурятами. После установления границы власти нашли даже нужным прекратить подобные браки, что и было записано в инструкцию, данную пограничному дозорщику в 1728 г. Одним из ее пунктов запрящалось брать жен из Монголии и отдавать туда своих девиц, «дабы колымом и прочим таким непорядком российских

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерч. III, сс. 4.

<sup>2</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1388, л. 589.

подданных не разорять и под причиную свойства за границу друг друга не переходить, из чего может произойти ссора и противность»<sup>1</sup>.

Таким образом, традиции мирных, добрососедских отношений между бурятами и монголами продолжали сохраняться и в дни тяжких испытаний.

С течением времени налаживаются отношения между русскими людьми и рядовыми монголами. Как правило, русские, разъезжая по Монголии, «никакого дурна не видели». Как показано выше, расширялись, при всех неблагоприятных обстоятельствах, торговые связи. Монголы не препятствовали заниматься на своей территории варкой соли, для чего казаки частенько туда выезжали. К началу XVIII в. относится такое сообщение: «Да на той же речке за мунгальским караулом промышляют русские люди железную руду и плавят железо доброе. А в том железном промыслу от мунгальских людей никаких обид и претензий русским людям нет»<sup>2</sup>.

К концу столетия в дипломатических отношениях России с Китаем появляется новая тенденция; обе стороны начинают стремиться к мирному разрешению конфликтов, возникавших из-за похищения скота. Это объяснялось не только осознанием нетерпимости сложившегося положения, но и серьезными государственными соображениями. И русская и обосновавшаяся в Монголии маньчжурская администрация обнаруживают намерение считаться с 6 статьей Нерчинского договора, в котором содержалось постановление о пресечении грабительских набегов: «...а естли с сего постановленного миру для каких промыслов обоих государств промышленные люди переходити будут и разбой или убийство учинят и таких людей, поймав, присылать в те стороны, из которых они будут, в порубежные города к воеводам, а им за то чинить казнь жестокую; буде же, соединясь многолудством и учинят какое вышеписанное воровство, и таких своевольников, перелова, отсылать к порубежным воеводам, а им за то чинити смертная казнь... а о таких ссорах писати, из которые стороны то воровство будет, обоих сторон государем и разрывати те ссоры любительными посольскими пересылки»<sup>3</sup>.

О пунктуальном соблюдении цитированной статьи, впрочем, говорить не приходится. Требования о наказании нарушителей ее предъявлялись, но ни одной стороной не удовлетворялись, тем более виновники не подвергались смертной казни. Но стремление мирно урегулировать взаимные пре-

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 58, лл. 196—197.

<sup>2</sup> ААН, 28, № 36.

<sup>3</sup> Цит. по «Исторической записке о китайской границе», сост. Сычевским. Москва, 1875, стр. 6.



гензии вызывает ряд посольств, иные из которых увенчались успехом.

Русская администрация в Восточной Сибири не желала обострять отношений с монголами и их новыми повелителями — маньчжурами, по-прежнему придерживаясь курса на установление нормальных дипломатических и, главное, торговых отношений со Срединной империей. Пекинский же двор — хотя и противился, вопреки экономическим интересам Китая, открытию регулярной русско-китайской торговли, — ограничивал в это время свои задачи в Монголии закреплением власти над халхасскими князьями. Поэтому «задор» и «воровство» на рубежах русских и монгольских владений, поддерживавшие здесь постоянную напряженность отношений, не соответствовали интересам обеих сторон. Русские старались пресечь переходы в Монголию с целью грабежа.

О стремлении к нормализации отношений с Китаем свидетельствует беспокойство, вызванное в Москве известием, что Галдан, предприняв в 1696 году свой второй поход на Халху, распространяет среди китайцев слухи о том, что он начал войну с ведома русского царя и что на помощь ему ожидаются русские ратные люди.

Государевым указом предписывалось нерчинскому воеводе через своих посланцев и торговых людей, а также маньчжурских чиновников, приходящих в Нерчинск, довести до сведения правительства Китая, что Галдан не подвластен Москве и ведет войну самовольно. В Москве опасались, «чтоб от той ево бушухтухановской самовольной войны по посольским договорам вечному миру нарушения не учинилось и наших великого государя торговых людей, которые в Китай с товары по посольским договорам караванами ходят, не задерживали и им никакой школы не чинили...»<sup>1</sup>.

Маньчжуры запретили набеги на русскую территорию. 21 марта 1697 года в Селенгинск прибыло посольство от группы монгольских пограничных тайшей в составе 39 человек. Посланцы подали «за печатью богдойский лист». Содержание «листа» и переданные устно предложения тайшей сводились к тому, чтобы поддерживать мир на границе<sup>2</sup>.

Толмач Гурий Уразов, в том же году посланный в Монголию, был уведомлен влиятельными тайшами Бинтухаем и Чин-тазием (контайшей?) о распоряжении, полученном ими еще два года назад от маньчжурского сановника Алехамбы о поддержании мира и добрососедском урегулировании конфликтов. Что это распоряжение не было пустой фразой доказывает возвращение другими двумя владельцами Арья-засак-

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, I, № 205.

<sup>2</sup> Там же, Иркутск, I, № 60.

тайшею и Орсолон-зайсаном угнанных у ясачных бурят лошадей, оказавшихся в их кочевьях. К своему отчету Уразов присовокуплял, что «ни о каком злом намерении мунгальских людей он ни от кого не слыхал»<sup>1</sup>.

Годом позже Уразов снова поехал к Бинтухаю искать угнанные табуны. Тайша, бывший в курсе событий, ответил, что похищение произведено «китайскими подданными» тунгусами, подведомственными тайше Чинтазию. Вернув 5 лошадей, угнанных участвовавшими в этом предприятии двумя его подданными, Бинтухай отправил Уразова к Чинтазию, велел передать тому, что если лошади не будут незамедлительно возвращены, то он, Бинтухай «будет на него (Чинтазия) писать в неправдах и в воровстве в Китайское»<sup>2</sup>.

Тайша Чинтазий предъявил Уразову встречную претензию, требуя возвратить более 200 лошадей, угнанных у монголов еравнинскими тунгусами. Со своей же стороны он обещал поехать к своим подданным тунгусам отыскивать русские отгонные табуны, «а будет у них тунгусов русским отгонам сыску и отдачи не будет и учинятца сильны и он, тайша, соглася с сынами монгольскими ж тайшами, за многое их воровство и за споны против приказу китайского богдыхана над ними учинят воинской промысел, потому что они тунгусы чинятца непослушны и воровством своим промеж государств делают споны»<sup>3</sup>.

На обратном пути Уразову пришлось еще раз убедиться в серьезности намерений монгольских тайшей. Получив сведения о новом отгоне лошадей из-под Удинска людьми застрявшего в Монголии табангутского Монгой-шуленги, он довел об этом до сведения Бинтухая, и тот незамедлительно отправил своего племянника Дундука Ирки-Ахая «и приказал он Бинтухай ему Дундуку на воров табунуцких людей китайским боярам о сыску бить челом»<sup>4</sup>.

На русской стороне также принимают меры к возвращению отогнанных из Монголии коней. В феврале 1699 года из Селенгинска в Нерчинск адресуется просьба отыскать и вернуть лошадей, угнанных у подданных тайши Бинтухая улусными людьми шуленги Бадана. При этом в документе, особенно ценном тем, что он предназначался для внутреннего употребления, содержится ссылка на государев указ, повелевающий избегать «споны» и «задору»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 64.

<sup>2</sup> Там же, № 79, сс. 1.

<sup>3</sup> Там же, сс. 2. Нерчинский воевода Николев отрицал справедливость обвинения Чинтазия. По версии Николева, еравнинские тунгусы не ограбили монгольских, а лишь отбили обратно отогнанные теми табуны. ЛОИИ, Иркутск, I, № 97.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 201 (ст. 514), л. 147.

<sup>5</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 503, сс. 17.

На практике обещания отыскать воров и вернуть награбленное далеко не всегда выполнялись. Да и слишком слаба была еще местная русская администрация, чтобы полностью контролировать действия бурят и тунгусов. Монгольские тайши не всегда проявляли добросовестность в отыскании «воровских людей». Жалобы на угон скота и на грабеж встречаются и впредь, но уже значительно реже.

Если столь долго неразрешимая проблема прекращения грабежей имущества и скота начала постепенно утрачивать свою остроту, то много трудней оказалось урегулировать другой сложный вопрос — о перебежчиках. Монгольские тайши, поощряемые маньчжурским двором, по-прежнему принимали бурятских беглецов и препятствовали их обратному выходу. Взаимные жалобы сыпались как из рога изобилия, причем часто обе стороны заявляли претензии на одних и тех же лиц, рассматривая их как своих подданных.

Переход монгольско-русских рубежей происходил в обоих направлениях. Но если на юг, в Монголию, устремлялись по преимуществу «остальцы» после ухода монгольских тайшей, из числа близких к ним людей или одиночки, то в обратном направлении — на русскую сторону непрерывным потоком идут целые роды или значительные группы бурят, которых не останавливают ни заставы, ни угроза сурового наказания, вплоть до смертной казни.

Наиболее крупным побегом в Монголию в конце XVII века был бунт, поднятый под Иркутском сыном боярским из крещеных иноземцев Петром Тайшином. Главными соучастниками в этом предприятии были сын боярский Василий Степанов, в прошлом доверенный тайши Мергень-Ахая, носивший тогда имя Дайчин, и «мунгальская законница» Эрдени-тоин. Краткие сведения о нем, приведенные в летописях г. Иркутска, привлекали внимание исследователей, причем одни рассматривали выступление Тайшина, как предприятие, чуждое интересам простого народа и ни в какой степени не поддержанное массами трудящихся бурят<sup>1</sup>, другие ошибочно расценивали его, как проявление национально-освободительного движения.

А. П. Окладников, располагавший весьма недостаточными материалами, допускал возможность того, что Тайшин был бурятом. Но ему удалось совершенно правильно понять характер выступления этого сына боярского из новокрещенных, как антинародный мятеж.

Характер восстания явно раскрывается уже из состава его руководителей и их соучастников. Васька Степанов, как уже отмечено выше, — приближенный князя Мергень-Ахая. Прямых указаний на происхождение Тайшина мы не имеем.

---

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 197.

но косвенных—более чем достаточно, чтобы утверждать, что он принадлежал к монгольской аристократии. К этой мысли подводит уже самая его фамилия «Тайшин», которая обычно присваивалась детям монгольских владетелей, оказавшимся в России и выразившим желание креститься. Эту фамилию дали, например, сыновьям табунутских тайшей Дзяб-Ирдени и Церен-Цокулая, которые вышли или были вывезены в малолетнем возрасте на русскую сторону<sup>1</sup>.

Кроме того, буряты и «мунгальские выходцы», допрошенные по делу о побеге, показывали, что «Петрушка ушел в свой край», то есть в Монголию. И, наконец, видимо о Петре Тайшине идет речь у Избранта Идеса, когда он рассказывает о встреченном им в Вознесенском монастыре под Иркутском монгольском князьке или тайше, принявшем греческую веру<sup>2</sup>.

Вместе с Тайшиным Идес видел в монастыре его сестру, буддийскую монахиню. Это и была Эрдени-тоин, принадлежность которой к буддийскому духовенству, надо полагать, стремились отметить в современных документах, неизменно именующих ее «мунгальской законницей». Этот эпитет, перекочевавший в позднейшие иркутские летописи, ввел в смущение историков и вызвал чуть ли не дискуссию. В частности, А. П. Окладников потратил немало страниц в своих «Очерках», чтобы доказать, что Эрдени-тоин вообще не существовала, и упоминание ее имени в связи с Тайшиным — лишь искаженное отражение того факта, что в организации побега руководящую роль играл уже известный нам хотохойтский князь Эрдени-тоин (Гендун-Дайчин).

Справедливость требует заметить, что все споры были связаны с утратой подлинного дела о побеге Тайшина, которое было обнаружено лишь в 1948 г. в Центральном архиве древних актов.

Итак, трое руководителей мятежа принадлежали к привилегированному слою мунгальских выходцев. Самый бунт протекал весьма трафаретно: угнав из-под Иркутска весь городской табун, беглецы устремились в Монголию. Так поступали все тайши, временно признавшие русскую власть и затем бежавшие в свои старые кочевья.

Главный вопрос для нас заключается в том, удалось ли Тайшину придать своему предприятию массовый характер, увлечь народ. Материалы следствия по делу о побеге показывали, что он подготавливался заблаговременно, причем Тайшин развернул широкую агитацию среди бурят и, главным образом, мяхочинов, т. е. самой обездоленной части

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 47, л. 118.

<sup>2</sup> М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, ч. II, Иркутск, 1936, стр. 145.

«мунгалских выходцев». Однако его старания успехом не увенчались и ему удалось собрать не более 40 человек<sup>1</sup>, а если исключить «13 баб», следовавших за своими мужьями, то число активных участников побега еще более уменьшится. К тому же следует учесть, что Тайшин увел своих холопов, двое из которых были доставлены в Иркутск. Показательно, что обоих покинули в дороге, одного из-за ранения, а другого «те изменники от себя прочь отбили для того, что будто он Ивашка стрелять не умеет»<sup>2</sup>. Оказавшись в опасности, княжики думали лишь о спасении собственной шкуры, нисколько не заботясь об участии, ожидавшей их холопов<sup>3</sup>.

Очевидно, говорить о поддержке массами Тайшина не приходится. Более того, реакция бурят на его выступление показывает, что оно расценивалось ими, как антинародное. В своей отписке о погоне за беглецами воевода Савелов пишет: «и я холоп ваш за теми изменниками из Ыркуцкого посылал в погоню иркутских сына боярского Григорья Турченинова, а с ним иркутских служилых и посадских людей и пашенных крестьян и ясачных иноземцов брацких людей шуленг с улусными их людьми, всего сто тридцать человек...»<sup>4</sup>.

Буряты активно участвовали в погоне и приняли участие в двух боях, где двое из них были ранены. Непосредственно угон табуна Тайшиным бурят задел мало, но слишком велико было их озлобление против монгольского княжича, собратья которого причиняли им в недавнем прошлом своим «воровством» ощутительный ущерб.

Результат побега Тайшина мог послужить предостережением тем немногим выходцам из монгольской аристократии, которые помышляли еще о бегстве. Правда, главные герои этого дела спаслись, — Степанов возвратился к своему прежнему патрону Мergenь-Ахаю, а Тайшин направился в Южную Монголию<sup>5</sup>, — но «мунгалская законница», а с нею и многие другие были убиты, а табун пришлось бросить, спасаясь бегством.

Рядовым выходцам из бурят мятеж принес лишь страдания. Много их было заключено в тюрьму и подвергнуто допросам. Те, кто под пытками сознались в связи с Тайши-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 552 (ст. 420), лл. 22, 26, 28.

<sup>2</sup> Там же, л. 26.

<sup>3</sup> Заметим, что тем меньше оснований для идеализации Тайшина и Степанова, что они начали свое выступление преступлением, удавив «Васькину жену русской породы».

<sup>4</sup> Там же, л. 22.

<sup>5</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 201 (ст. 541), л. 147—148.

ным, были казнены, а остальные отданы на поруки родственникам или сородичам<sup>1</sup>.

Побег Тайшина был наиболее крупным, но не единственным побегом в Монголию в конце века. В 1695 году замыслили бежать шуленги нерчинских бурят Балбухай и Дахи<sup>2</sup>. Тогда же шуленга Ашехабатского рода Немней доносил о подобных же намерениях его людей<sup>3</sup>, а из Ильинска сообщали о побеге монгольских аманатов<sup>4</sup>. В 1699 году к родственнику Алтын-хана Сунжин-белею (бейле) прибежали князья Керень и Бадыкор с группой своих улусных людей<sup>5</sup>.

Конечно, побег прекратились не сразу, и не последнюю роль сыграли суровые меры, принимавшиеся против изменников. О характере их дает ясное представление отписка, присланная из Нерчинска в 1692 г.: «...а которые де нерчинские ясачные брацкие мужики Орхонко с товарищи в нынешнем 201-м году ноября в 18 день... из стороны царского величества бежать хотели в Мунгальскую землю, которых я, не мочи разговорить, велел побить их всех на смерть»<sup>6</sup>.

Но опасение жестокой кары нельзя считать основной причиной сокращения числа побегов, потому что, несмотря на короткую расправу монгольских ханов с перебежчиками, идущими в Россию, число их непрерывно возрастает.

Выходцами были либо буряты, ранее ушедшие в Монголию, либо монголы, искавшие в России лучших условий существования. Определить соотношение этих двух частей наши материалы не позволяют. Обычный характер сообщений о выходе может быть проиллюстрирован типичным примером, относящимся к 1688 г. В отписке из Тункинского острога до сведения Головина доводилось, что «вышли в Тункинской из Мунгальские землицы прежних братцких платечных мужиков Конкодырского роду двое человек с родники да с ними мунгальских мужиков всех пятьдесят три человека юртами з женами и з детьми, с конными табунами и с рогатым скотом»<sup>7</sup>.

Из таких данных, конечно, трудно черпать точный статистический материал. При этом надо учесть еще дополнительную трудность, а именно, что коренных обитателей Забайкалья — табангутов документы конца XVII столетия и начала XVIII называют «мунгалами». Поэтому невозможно хотя бы приблизительно определить, какой процент выход-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 352 (ст. 420), лл. 4, 6, 7—12, 18, 24, 25.

<sup>2</sup> Там же, № 319, л. 28.

<sup>3</sup> Там же, л. 27.

<sup>4</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 68, сс. 13—14.

<sup>5</sup> ААН. 19, № 54.

<sup>6</sup> ЦГАДА, ИПИ № 290, л. 2.

<sup>7</sup> Там же, № 135 (ст. 164), л. 124.

цев действительно являлся таковым и сколько было среди них людей, возвращавшихся в родные места.

О масштабах переходов можно судить по современным им документам. В 1690 году «вышли в Нерчинской прежние изменники два человека шуленг з брацкими мужиками с четыреста юрт... и побежали те шуленги с онкотцкими тайшами и со многими их улусными людьми, а преж сего де они те выходцы братские шуленги с улусами своими ис-под Нерчинского изменили великим государем трижды<sup>1</sup>. Колебания, обычные для низшей родо-племенной верхушки, привели этих шуленг в конце концов на русскую сторону.

В 1692 г. пришли в Красноярск посланцы тувинского князя Шанду, который просил принять его в русское подданство со всеми его улусными людьми. Свой приход в Канскую землю они объясняли разорением, причиняемым им Бушуктуханом, люди которого у них «имали скот»<sup>2</sup>.

Второе нашествие Галдана на Халху вызвало новую волну переходов к Нерчинску. Один за другим выходят монгольские тайши Шандукугун (он же, видимо, Хундукугон), Контогон Батуров (?) и Хандук-Ирки-Батур. Это были крупные владельцы: количество их подданных исчислялось у второго двадцатью, а у первого — десятью тысячами человек. Однако значительная часть их подданных взбунтовалась (крупные междоусобицы конца XVII века сопровождалась в Монголии острыми вспышками социальной борьбы, исследование которой выходит за рамки нашей работы), а многие разбежались из-за лихоимств местных приказчиков.

Что здесь речь шла о людях влиятельных, можно судить и по тому, что специальные посольства, прибывшие в Нерчинск, требовали их возвращения в соответствии с Нерчинским договором<sup>3</sup>.

Буряты относились с подозрением к выходящим на русскую сторону крупным монгольским тайшам и особенно к их посланцам, направляемым якобы для переговоров о принятии их властителей «под высокую руку белого царя».

Когда в 1692 году пришел в Иркутск некий Дамба Ги-чюл, отрекомендовавшийся братом Далай Маньчжушири хутухты и объявивший от имени последнего о его желании выйти к русским острогам, иркутский воевода Леонтий Кислянский «многих шуленг и ясаулов призвал... и говорил им зайсанам и шуленгам, чтоб они дали ведомость вышеписанному Далай Манжиширей кутухте, чтоб он прикочевал в сторону нашего царского величества и они де зайсаны и шуленги ему Леонтию сказали, что де ему Дамбе верить нечему, знатно

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 120 (ст. 120), л. 5.

<sup>2</sup> ААН, 20, № 38, л. 86—87.

<sup>3</sup> Там же, 28, № 64.

он от воровских мунгальских людей в лазутчиках с обманом или для подзыву подданных тайшей и ясачных иноземцов»<sup>1</sup>.

В сравнении с массовыми и непрерывными переходами в Россию, даже крупнейшие из известных нам побегов в обратную сторону, включая и бунт Тайшина, выглядят очень скромными предприятиями.

Много селенгинских бурят вышло в самом конце XVII века из Монголии, куда они ранее при различных обстоятельствах убегали. Характерно при этом, что возвращались не только лично свободные улусные люди, но и беглые холопы, которых на родине ждало рабство. Даже это не могло остановить перебежчиков. Так, в 1699 году вернулись убежавшие из Итанцинска два холопа казака Василия Гурyleва<sup>2</sup>.

Буряты, не нашедшие дороги на родину, все же не остались в Халхе. Жестокое обращение монгольских ханов заставило их, вследствие невозможности пробиться на север, откочевать на восток — на территорию Барги, где буряты донные составляют значительный процент населения. Часть этих баргинских бурят, именуемая чипчинами или старыми бурятами (хукшин бурят), переселилась во время галдановых войн, другие же — новые буряты (шинэ бурят), покинули Халху в 1735 г., когда окончательно выяснилось, что соблюдение пограничных статей Буринского договора наглухо закрыло дорогу в Россию. Численность этих бурят определялась в 1906 г.: чипчинов — 5800 чел. и, шинэ бурят — 23 200 чел<sup>3</sup>. Эти цифры не могут быть, конечно, использованы применительно к XVII веку, но они дают возможность, хотя бы и приблизительно, определить численное соотношение обеих групп.

Для тех, кто благополучно добирался до русских владений, трудности отнюдь не заканчивались переходом границы. В более благоприятном положении оказывались перешедшие большими группами. Одиночки же часто оказывались добычей как русских казаков, так и бурят, промышлявших разбоем на «мунгальских дорогах». Даже по немногочисленным дошедшим до нас документам можно установить наличие по крайней мере одной шайки в составе четырех человек, специализировавшихся на погроме выходцев. Сманивая их в глухие места, «Дай с товарищи», как называют их документы, беспощадно истребляли мужчин, грабили имущество и обращали в рабство немногих уцелевших женщин и детей.

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 53, л. 124.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 435 (ст. 525), л. 50.

<sup>3</sup> Ф. Боржисский. Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области. Известия ВСОРГО, т. XIV, Иркутск, 1915, стр. 24.



В 1690 году на них бил челом племянник погромленно-го ими выходца Бахал-Тархана. От большого семейства в живых остались только две «погромных бабы», которые на допросе рассказали: «...а созвали де их селенгинские брацкие люди Дай, Соно, Батма, Гарма к Байкалу морю и сказали де, что жить у моря добро. И созвав, довели нас вниз по Селенге реке в нынешнем во 198 году апреля в последних числах... и стали де они брацкие люди повыше Тюхины заимки и почали де брацкие люди отцу нашему Бахале-Тархану говорить, как де мы поведем вас мимо заимки и казаки отберут у вас весь скот и живот и луки и вас де всех перебьют. И мы де вас обведем окольною дорогою по камению. И теми речами они брацкие люди отца нашего и мужевей обманули и в камень завели и луки такожде обманом взяли, а отца нашего и мужевей и детей прибили, а поголовьем всех приби-то восьмеро человек»<sup>1</sup>.

Подобные акты насилия над выходцами были очень часты. Это и естественно, так как одиночные выходцы не имели защиты рода, что в тот период, когда родовые связи играли очень большую роль в жизни бурятского общества, делало любые насилия над ними безнаказанными. Не говоря о злонамеренных нападениях на мяхочинцев — выходцев, по отношению к ним не считалось обязательным соблюдение каких-либо правовых норм. Если мелкие преступления у бурят, как, например, хищение нескольких голов скота, по действовавшим тогда нормам обычного права, влекли за собой лишь материальную ответственность, то совершенные мяхочинцами они вызывали самую беспощадную месть. Призванные за погром мяхочинцев к ответу упомянутые «Дай с товарищи», признаваясь в убийстве трех человек за угон двух лошадей, отвергали обвинение в самоуправстве: «А преж, государи, того указа не бывало, какие мяхочинские люди у ясачных людей покрадут какую скотину или конной табун и таких воров постигши, видя свой скот, что не побить»<sup>2</sup>.

Поводов для подобных столкновений было тем больше, что для нищих мяхочинцев, пробавлявшихся часто лишь случайным заработком или сбором подавания, кражи скота оказывались нередко единственным источником пропитания. Жалобы бурят на набеги мяхочинцев в большом количестве приходили в русские остроги. Толкала их на эти кражи ужасающая нищета<sup>3</sup>.

Русская администрация, во избежание осложнений и в целях прекращения «воровства», стремилась рассредоточить выходцев и закрепить их по бурятским улусам. Во всяком

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 183 (ст. 237), л. 17—18.

<sup>2</sup> Там же, № 236, л. 54.

<sup>3</sup> См. А. П. О к л а д н и к о в. Очерки..., стр. 179.

случае выходцев предписывалось возможно скорее удалять от границы вглубь русской территории. Впервые такое решение мяхочинской проблемы было дано Ф. Головиным. Из отписки Федора Кряжа мы узнаем об указной памяти последнего, коей было велено: «А буде которые брацкого роду родники их хотят прежних выходцев брацкие шуленги, чтоб им кочевать вместе с ними у моря, и таких выходцев, переписав их имянно сколько числом будет на роспись, и давать бы на поруки тем брацким прежним шуленгам в кочевья, которые в том по ним во всякой верности ручатись будут»<sup>1</sup>.

Но и эта мера не могла предотвратить конфликтов между бурятами и мяхочинцами. Не успели выполнить предписание Головина, как бурятский шуленга Гулюгуй явился в Кабанск со словесным челобитьем на взятых на поруки выходцев, прося, «чтоб их от моря збить всех к Удинску и к Селенгинску, потому что де от выходцев стоит воровство и многие пропажи чинятца и скоту у моря утеснение, потому что место непространное и скоту ходить негде и оголодали»<sup>2</sup>.

Последний документ рисует отношение бурятской вершушки к обнищавшим выходцам. Вместо реальной помощи разоренным соплеменникам они могут предложить только «збить» их долой, то есть снова превратить их в бездомных бродяг. Но поскольку это зависело от нее, русская администрация проводила свою линию на закрепление выходцев среди бурят. Помимо указанных выше соображений, эта политика определялась еще с начала 90-х годов XVII в. и тем, что после начала обратных побегов перешедших на русскую сторону монгольских владетелей масса мяхочинцев, бродивших по бурятским кочевьям и русским заимкам, являлась той средой, в которой монгольские тайши и зайсаны легче могли вербовать своих соучастников. Поэтому князям и лучшим людям вменялось в обязанность строго наблюдать за переданными в их ведение выходцами и предупреждать всякое проявление шатости среди них. С этой же целью был проведен учет всех осевших в бурятских родах мяхочинцев.

Политика, принятая по отношению к выходцам, хорошо отражена в наказной памяти приказчику Кабанского острога, данной в 1693 году: «Да ему же Ивану с товарищи, езда в улусех, проводить ясачными людьми мунгальских выходцев накрепко, которые вышли из мунгал в прошлых во 196 и во 197 и во 198 годах. А в которых волостях и улусах и родах сколько человек кто имяны, которого роду тех выходцев живут и им Ивану с товарищи писать в книги или на роспись имянно и по переписке с тех выходцев по тому ж на великих государей ясак имать со всяким радением неоплошно. И тое

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 151 (ст. 230), л. 19.

<sup>2</sup> Там же, л. 20.

государей ясачную казну писать в особе по родам особ статьям. А тех выходцов, которые есть в ясачных волостях и улусах, приказывать по переписке смотреть и беречь накрепко прежних ясачных людей князям и улусным добрым надежным людям, чтоб те выходцы кочевали с ними в волостях и улусах, а не собою улусами и в Мунгальскую землю не откочевали. Також велеть тем людям, князям и улусным людям, проведывать про тех выходцов всяким тайным обычаем накрепко, нет ли в них какой шатости и иного злого намерения; и буде есть, и те б князцы и улусные люди, приехав в Иркутской, на тех людей извещали...»<sup>1</sup>.

В результате такой политики выходцы постепенно растворялись в массе бурятского населения. Значительная часть их добралась и до своих сородичей. Когда после побега Тайшина многие мяхочины, жившие в улусах близ Иркутска, были схвачены и заключены в тюрьму, их новые сородичи подавали челобитные, в которых, ссылаясь на невиновность арестованных, просили об их освобождении. Судя по этим челобитным, задержанные мяхочины принадлежали к Конгодорскому, Ашебагатскому, Алагуевскому, Куркутскому, Абаганатскому, Харанутскому и Булагатскому родам<sup>2</sup>. Уже один этот перечень показывает, что выходцы оказывались людьми либо отставшими от своих родов, когда те возвращались из Монголии, либо, в том случае, когда роды в целом вообще не покидали родных кочевьев, искателями счастья, совершившими побег индивидуально, или их потомками. Наконец, многие уже успели прижиться в тех родах, к которым были приписаны.

Разумеется, кроме «выходцев» из бурят были и коренные монголы, переселявшиеся на север в поисках лучшей доли. Они вливались в существовавшие бурятские роды или же образовывали новые. Этот процесс будет рассмотрен подробно ниже в связи с вопросом о родовых отношениях.

Результатом перемещений, побегов и «выходов», все более сокращавшихся в результате основанной на соответствующих статьях Нерчинского договора политики, направленной на урегулирование пограничных дел, была относительная стабилизация населения. И хотя приток переселенцев, временами в значительных масштабах, еще продолжается в начале XVIII столетия, можно считать, что, в основном, состав населения Бурятии уже определился к концу XVII века. И, главное, все новые подданные московского царя прочно связали свою судьбу с Россией и не искали иной доли.

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 234, лл. 2—3.

<sup>2</sup> Там же, № 352 (ст. 420), лл. 2—16.

К концу XVII столетия положение в Бурятии относительно стабилизируется. События, завершившиеся военным столкновением 1689 г. и последующими крупными перемещениями населения, подвели известный итог той неустойчивости, которая наблюдалась и в русских владениях, и в зарубежной Халхе. Вместо слабых монгольских князей России противостоит теперь Китай, и решение спорных вопросов, территориальных и, особенно, о перебежчиках, переключается в сферу дипломатических отношений. Это не ослабляет их остроты, но исключает возможность возобновления военных действий, в которых обе стороны не были ни в какой мере заинтересованы.

Нельзя сказать, чтобы в эти годы мы совсем не встречались с давнишними претензиями монгольских князей на возвращение тех бурят, которых они считали своими прежними данниками, или, как минимум, на право сбора с них ясака. Не прекращаются и набеги на ясачных бурят. Но состояние тревоги на порубежных территориях и принявшая угрожающие размеры утечка их подданных заставляет монгольских князей, побуждаемых к тому маньчжурами, признать фактическое положение вещей и стремиться к его закреплению.

Общий обзор документов начала XVIII столетия может создать впечатление, что ничто не меняется на русско-монгольских рубежах по сравнению с предшествующими десятилетиями. Так же мирные посольства, особенно многочисленные в 1700 году, когда Иркутск посетили сразу посланцы 9 монгольских князей<sup>1</sup>, перемежаются с нападениями «воровских людей», для охраны от которых пограничные буряты «с краю степи держат отъезжие караулы»<sup>2</sup>. Так же вспыхивают конфликты и посылаются в обе стороны требования вернуть перебежчиков, столь же настойчивые, сколь и безуспешные. Но все явственнее проявляется тенденция к нормализации отношений.

Фактически устанавливается граница, еще слабо охраняемая, еще непризнанная никаким договорным актом, но уже серьезно и не оспариваемая. Претензии на значительное перенесение ее к северо-западу, выдвинутые маньчжурскими дипломатами при их переговорах с Рагузинским в 1727 г., преследовали скорее цель оказать давление на своих контрагентов, чем добиться каких-либо реальных результатов.

Размежевание прошло в зависимости от подданства жителей порубежной территории. Русские власти выставляли к югу от кочевий ясачных бурят казачьи кордоны, и им противопоставлялись монгольские караулы.

---

<sup>1</sup> ААН, 28, № 29, л. 86.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Нерчинск, II, № 512, сс. 1; ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 186.

В ведомости, составленной в 1726 году в Селенгинском дистрикте с описанием «каждого города, земель, рек, лесов, мест и прочего пограничного соседства», которая, очевидно, должна была служить материалом для Рагузинского, говорится: «А о подлинной границе в Селенгинской канцелярии неизвестно для того, что как от Российской, так и Китайской империи в здешнем месте границы не бывало, но токмо признавается нами за границу по определенным российским въезжим караулам, тако ж и мунгальским сарачинам<sup>1</sup>. И по которым местам обретаются русские жительства и где кочают селенгинские брацкие ясашные иноземцы со удовольствием их кочевий, понеже о тех местах от мунгальских иноземцов никаких претензий прежде сего и поныне не бывало»<sup>2</sup>.

Заключение этой тирады может вызвать недоумение, поскольку нам уже хорошо известно, что претензии о тех местах «прежде сего» бывали, и притом не так уж редко. Надо полагать, что стабилизация положения на рубежах с начала XVIII века не стерла из памяти селенгинских служилых людей воспоминания о недавнем прошлом. Но то, что граница, не будучи установленной законным порядком, уже существовала, сказано здесь совершенно определенно.

Как же проходила линия этой границы? Наш источник позволяет определить ее довольно точно. Расположение караулов было таково: на реке Иге стоял монгольский караул, другой «мунгальский караул сарачины» находился на речке Буре. В трех верстах от последнего на речке Кяхте стоял русский караул. Следующий русский караул располагался в месте впадения Желтуры в Джиду и в пяти верстах от него, вверх по Желтуре, был поставлен караул монгольский. Далее, два караула — русский и монгольский, стояли вниз по Джиде в Бот-пади, на расстоянии в четыре версты один от другого. Ближе к Селенге караулы были поставлены на Цаган-Усуне. На Чикое монгольский караул был у речки Ара-Кудары. Русский причикойский караул стоял «от мунгальского караулу от Урукидуры речки вниз по день езду на Чикую же реке на правой стороне в расстоянии день езду на заимке Семена Кузнеця». Урочище Урлук и Киранская степь указаны, как лежащие в русских владениях.

Этот обзор границы показывает, что уже в первой четверти XVIII века она проходила по той линии, которая была в 1727 году санкционирована Буринским договором.

Только в одном пункте произошли территориальные изменения. В 1717 году для прекращения набегов на Тунку и охраны перешедших в русское подданство сойотов была пост-

---

<sup>1</sup> Сарачины — монг. циики «воины».

<sup>2</sup> ААН, 28, № 36.

роена русская «крепостца» на Косоголе<sup>1</sup>. По сведениям тункинских бурят и сойотов «к Косоголу озеру они мунгалы никогда не кочуют» и караул их стоял южнее, но они вторгались в сойотские урочища для сбора ясака. Кроме того, сойоты жаловались: «а ныне с тех урочищ гонят их к себе в Мунгальскую землицу»<sup>2</sup>.

История острожка на Косоголе неизвестна. Неизвестна и дата его разрушения, произведенного, как сообщал в 1726 г. Рагузинский, «по прошению монголов»<sup>3</sup>. Внимание к этому «прошению», связанное с нежеланием обострять отношения накануне переговоров о заключении пограничного договора, означало практически отказ от борьбы за довольно многочисленную группу прикосогольских сойотов, отдавших под власть России и искавших здесь защиты от «несносного озлобления», проявляемого к ним монгольскими ханами.

Обстоятельства, сопутствовавшие переговорам 1726—1727 гг., и заключению пограничного трактата, второго равноправного договора России с Китаем, освещены в литературе и поэтому могут быть здесь опущены. Напряженная обстановка, в которой они проходили, вызвала у русского посла серьезные опасения. Он доносил о намерении маньчжуров перебросить «две тысячи фамилий» из Науна на Косогол и об усиленной военной подготовке: «... и по всему виду они или трактатом или ружьем намерены все мунгальские земли, чем мунгалы прежде владели, от Российского империя оторвать. Того ради доведется ея императорского величества поданным жить в осторожности и удовольствовать аммуницию»<sup>4</sup>.

Беспокойство Рагузинского было преувеличенным. Дальше военной демонстрации дело не пошло. «Трактатом» маньчжурам также не удалось добиться успеха. Несмотря на настойчивые требования в переговорах отдать бурятские земли, которые, якобы, были исконным владением Тушуту-хана, и возвратить перебежчиков, они потерпели поражение, натолкнувшись на упорное сопротивление русского посла. А претензии были не малые: «то было ныне Селенгинск, Удинск, Байкал, те земли и сперва все наши мунгальское старое кочевье»—говорится в современном переводе с маньчжурского «листа»<sup>5</sup>. Еще более широко трактовался вопрос о перебежчиках.

В итоге граница была утверждена в соответствии с фак-

<sup>1</sup> ААН, 28, № 9, л. 47. «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. II, 1713—1724. СПб, 1885, стр. 169.

<sup>2</sup> ААН, 28, № 35.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, IV, № 238, л. 3.

<sup>4</sup> Там же. Мунгалами Рагузинский здесь явно именует и монголов и бурят.

<sup>5</sup> Там же, № 239, л. 4.

тическим положением вещей. Требования возврата перебежчиков были отвергнуты обеими сторонами. В распоряжении маньчжур осталось только одно средство давления, которым они в дальнейшем довольно широко пользовались, а именно — затруднение русско-китайской торговли, даже в том небольшом объеме, который был установлен договором.

Наиболее важным для урегулирования положения в пограничной полосе был пункт о запрещении впредь всяких переходов границы. Не приходится говорить о скрупулезной добросовестности в его выполнении, но русские власти принимают в ряде случаев серьезные меры, вплоть до применения воинской силы, для недопущения массовых переходов. Это соответствовало общей линии на нормализацию отношений с Китаем. Кроме того, приток беженцев из Монголии, хотя и вел к увеличению числа ясакоплательщиков, имел свои темные стороны. Нередко изъявление желания переселиться в Россию было лишь маскировкой: «новоприбранные люди» занимались грабежами, а затем, уловив удобную минуту, уходили обратно.

Но переходы из Монголии в Россию не прекращались<sup>1</sup>. В 1730 году через границу перекочевали 2132 юрты, в которых насчитывался 2261 мужчина, годный к военной службе. Для 1732 года соответственные цифры: 1003 юрты и 1646 мужчин, для 1733 г. — 101 юрта и 110 чел. (по 27 юртам число людей не указано). Все эти перебежчики удалялись либо «по увещанию», либо «движением на них войска», причем был отмечен ряд повторных переходов<sup>2</sup>. Охрану границы от подобных переходов несли буряты под присмотром служилых людей, а иногда и своих собственных зайсанов<sup>3</sup>.

Массовое движение в Россию объяснялось продолжающимся стремлением бывших беглецов (или их потомков) вернуться на свои «породные земли», а также усилением феодальной эксплуатации в Монголии, протест аратов против которой выражался, как это еще отметил академик Б. Я. Владимирцов, в побегах от своих владельцев. Увеличению числа переходов содействовало, несомненно, установление чуждой народу маньчжурской власти и связанное с инациональным угнетением увеличение всяческих поборов.

Далеко не всегда переходы границы завершались так неудачно, как в указанных выше случаях. Прилив населения на русскую сторону продолжался. В 1735 году пробились, наконец, на родные кочевья табангуты, и поскольку давнее принятие ими русского подданства не вызывало сомнений, они

---

<sup>1</sup> См. мою статью «Из истории западного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.» в «Ученых записках Восточного факультета ЛГУ», вып. I, Л., 1949.

<sup>2</sup> ЦГАДА, фонд Г. Ф. Миллера, № 481, VII, л. 65—66.

<sup>3</sup> Там же, л. 67—69.

были пропущены через границу, и требования о их возвращении отклонялись русской стороной. Но, по-видимому, это был последний крупный эпизод в многолетней истории передвижения населения. К середине XVIII столетия переходы прекращаются и состав населения приграничных областей окончательно стабилизируется. Вместе с тем определяется этнический состав бурятского народа.

В середине XVII века буряты представляли собою разрозненные племена, каковыми они и представлены в русских исторических документах. Процесс консолидации их в народность был еще далек от завершения. Приход русских ускорил его и видоизменил. В результате значительных перемещений населения в него включились монгольские группы, в первую очередь табангуты, которые при ином ходе исторических событий могли и не войти в состав бурятской народности.

Активное участие бурят в охране границ явилось результатом оживления экономической жизни с приходом русских<sup>1</sup>, нового административного устройства, в котором принцип территориальный нередко превалировал над родо-племенным, общности интересов в борьбе против нападений монгольских ханов, единства в классовой борьбе, развернувшейся в конце столетия, и ряда других новых явлений, возникших в жизни Бурятии, когда утверждение здесь России разрушило относительную ее изолированность.

Присоединение Забайкалья к России имеет свои особенности. Русские утвердились здесь позже, чем в добайкальской Бурятии, когда вопрос о принятии вхождения в состав Русского государства уже был решен всем народом в целом. Забайкалью пришлось пережить бурные события, связанные с пагубной для самой Монголии авантюрой Тушету-хана. Здесь осело большее количество выходцев, самым своим выходом определивших избранный ими путь. Все это усилило те же основания для добровольного присоединения к России, которые имелись и в Западной Бурятии.

Присоединение к России открыло новую страницу в истории бурят.

## Г Л А В А V

### ЗАРОЖДЕНИЕ ДРУЖБЫ

Постепенное сближение с русскими, усиливавшееся на протяжении всей второй половины XVII столетия, оказало чрезвычайно большое влияние на исторические судьбы бурят-

---

<sup>1</sup> Соответствующие данные читатель найдет в главе, посвященной хозяйству.



ского народа. В частности, это влияние сказалось существенно и в развитии общественного строя бурят.

Все многогранные связи между русским и бурятским народами не могут найти отражения в настоящей работе. Эта тема требует специального исследования. Как проявлялась связь с русской культурой в области хозяйства и социальных отношений будет рассмотрено в специальных главах. Здесь же мы остановимся лишь на том, как укреплялся контакт между русским и бурятским населением, впервые установившийся в совместной борьбе против вторжения монгольских ханов, которую буряты сами рассматривали как одну из наиболее ярких страниц своей истории, неизменно ссылаясь в своих челобитных XVIII, а также XIX в. на то, что их предки сражались в рядах Даурского полка окольного Головина «не щадя голов своих».

Сближение между русскими и бурятами происходило по двум линиям. С одной стороны, на почве совпадения интересов находили общий язык с атаманами и приказчиками бурятские шуленги и князцы; с другой — росло взаимопонимание между пашенными крестьянами, служилыми, рядовыми казаками и улусными людьми, короче говоря, между угнетенными массами русских и бурят<sup>1</sup>. Разумеется, не сотрудничество между господствующими классами, а рост дружественных связей между трудящимися массами послужили основанием действительного сближения русского и бурятского народов.

Обычная в литературе мотивировка перехода туземной верхушки на сторону царизма в результате прямого подкупа не представляется нам убедительной. Не так уж жалки и убоги были западно-бурятские князцы, не говоря уже о забайкальских зайсанах, чтобы продаться за чечевичную похлебку «государева жалованья». Если оно и представляло некоторый соблазн для князцов из отдельных бедных улусов, то крупным степным владельцам, одевавшимся в узорчатые шелка и евшим на серебре, было мало корысти в оловянных блюдах и полотнищах красного сукна на штаны. Не мелкие подачки, а значительно более глубокие причины определили поворот верхушки бурятского общества к признанию власти царя.

Во-первых, оживление экономической жизни в Восточной Сибири после прихода русских расширило возможность обогащения для князцов и шуленг. Отличным примером является

---

<sup>1</sup> В самых общих чертах эта проблема поставлена в статье Ф. А. Кудрявцева «Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII—XX вв.». («Вопросы истории», № 10 за 1946 г.), в его же брошюре «Боевые традиции бурят-монгольского народа». Улан-Удэ, 1942, в моей брошюре «Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов». Улан-Удэ, 1942 и в одноименной брошюре Б. Д. Цибикова, изданной в Улан-Удэ в 1957 г.

коммерческая деятельность бурятки Марфы Нагальной и ее соперника князца Ерубгарки, превосходно описанная А. П. Окладниковым<sup>1</sup>. Заинтересованность в их предприятиях острожной администрации вызвала острую вражду между приказчиками Балаганского и Братского острогов и породила две взаимно борющиеся партии, состоявшие из русских приказных людей и связанных с ними бурятских князцов.

Во-вторых, крепнувшая и все более обособлявшаяся от народа верхушка бурятского общества нуждалась в установлении прочной власти. Побег в Монголию показали им, что междоусобные войны и беззащитность халхасских ханов, под чье покровительство они отдавались, перед лицом внешнего врага ставят на карту их благосостояние. Вторжения из Монголии, подрывавшие хозяйство их улусных людей, тем самым сокращали возможность эксплуатации последних. Это побуждало их отказаться от ориентации на монгольских владетелей.

Убедившись в том, что русская политика стнюдь не посягает на их власть над улусными людьми и, наоборот, в целях исправной уплаты ясака и скорейшего установления мира во вновь осваиваемых областях содействует ее укреплению, они переходят к верной службе самодержавию.

Наконец, в-третьих, на этот путь князцов и шуленг толкала боязнь перед выступлениями их улусных людей. У нас есть лишь косвенные указания на обострение классовой борьбы, вполне естественное в период тех серьезных потрясений, которые переживало бурятское общество. Как мы видели выше, не все было благополучно в отношениях Окин-зайсана с его улусными людьми, разгром вышедшего к Нерчинску Кунделен-тайши его подданными также, несомненно, свидетельствовал о росте недовольства среди рядовых родовичей. Восстание под руководством улусного мужика Богачея в самом конце столетия<sup>2</sup>, несмотря на неясность его политических устремлений, было грозным предзнаменованием.

Тайши и шуленги еще могли полновластно распоряжаться судьбой своих подданных. Но нарастание народного движения требовало от них скорейшей ликвидации состояния неопределенности и тем самым подчинения русскому самодержавию.

Не следует, конечно, думать, что произошел полный альянс между князцами и острожной администрацией. Много-

---

<sup>1</sup> А. П. Окладников, Очерки..., стр. 151—163.

<sup>2</sup> Там же, стр. 213—214. Нельзя согласиться с автором «Очерков» в оценке восстания Богачея, как проявления национально-освободительного и антифеодального движения. Имеющиеся материалы не дают оснований для такого вывода. Ему очевидно противоречит то, что Богачей после поражения укрылся в Монголии. Тамашние князья отказались выдать его России и маловероятно, чтобы они проявили такое благородство по отношению к своему врагу.

численные инциденты, больно ударявшие по самолюбию, а иной раз и по карману представителей складывавшейся степной «аристократии», причиняли им чувствительное огорчение. Упомянувшийся выше князец Ербугарка, имевший покровителей в одном остроге, был закован в другое в железа и подвергнут жестоким истязаниям. Силу управительской палки испытал на своей спине самый влиятельный в конце XVII в. из забайкальских зайсанов — Окин, безжалостно избитый за сопротивление приказчику селенгинского острога Сидору Шестакову, пытавшемуся отобрать у него в свою пользу 50 голов скота<sup>1</sup>.

Подобные «мелкие недоразумения» происходили нередко, но они не могли повлиять на общую характеристику процесса.

Услуги, оказанные «князцами» и лучшими людьми, оплачивались существенными наградами. Еще при Головине некий бурят Цаган был освобожден от уплаты ясака «для его цаганковы многие службы и для ясачного збору посылок»<sup>2</sup>. Один из таких старательных по части «ясашных посылок» людей, новокрещенный иноземец Федор Кульмецкий, был поверстан в 1708 г. в дети боярские. Наивысшего же поощрения добился Окин-зайсан, в 1710 г. утвержденный первым тайшею среди бурят.

Ориентацию туземной верхушки на верную службу сибирским воеводам прекрасно иллюстрируют челобитные «тунгусской породы князя» Павла Гантимурова на нерчинских служилых людей. В 1696 году последние подняли бунт и «отказали» нерчинскому воеводе Антону Савелову. Несмотря на очень невыгодное соотношение сил, Гантимуров принимает сторону свергнутого воеводы и на призыв бунтовщиков принять участие в их предприятии («а ево... нерчинские всяких чинов служилые люди в тот свой воровский совет призывали») отвечает уговорами смириться. Это вызвало соответствующую реакцию: сначала «его князь Павла бранили и называли басурманом», а потом применили к нему более крутые меры — «били и увечили на смерть»<sup>3</sup>. Кроме того, казаки прекратили выдачу князю хлебного жалованья.

Преданность Гантимурова была достойно оценена в Москве. В наказе сменившему Савелова воеводе Николеву Сибирский приказ предписывал держать к нему «всякое бережение и ласку и привет» и неукоснительно выдавать годовое жалованье. Сверх того, самого князя, всех его братьев и детей, в количестве 21 человека, велено наградить «портищем сукна доброго каждого»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 465 (ст. 564), лл. 118—121.

<sup>2</sup> Там же, № 192 (ст. 272), л. 13.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, I, № 207, сс. 2—3.

<sup>4</sup> Там же, сс. 4.

Совсем на иной почве происходило сближение между низами русского и бурятского населения, между трудящимися массами. Оно обуславливалось двумя причинами: сближением в повседневной жизни между русской деревней, с одной стороны, и бурятским улусом — с другой, а также завязыванием дружественных отношений казаков и служилых с бурятами в процессе совместной борьбы против вторжений монгольских ханов.

К концу XVII века забайкальская Бурятия покрывается уже сравнительно густой сетью русских поселений. Начинается земледельческая колонизация и Забайкалья, в первую очередь низовьев Селенги.

Ранние сведения о забайкальских деревнях содержатся в сообщении казачьего десятника Михаила Колесарева и его спутников, вернувшихся в 1679 году из поездки по Селенге. В ту пору русская колонизация только делала первые шаги. Между Селенгинском и Удинским острогом еще не было ни одной деревни, но ниже Удинска они уже появляются: «...да от того де Удинского острогу вниз же по Селенге реке день езду конем же поставлены три двора служилых людей Ивашки Максимова, Васьки Бурлака, Фетки Шадра». Ниже этих дворов в пяти верстах построена Ильинская слобода, в которой тогда насчитывалось семь дворов служилых людей и три двора пашенных крестьян. Против слободы стояли два двора пашенных крестьян. Четырьмя верстами далее находилась «пустыня» с церковью, при которой были два двора пашенных крестьян и «двор посацкой». «От той же пустыни вниз же по Селенге верст с пятнадцать над озером и над Селенгой рекой стоит двор пашенного крестьянина»; на противоположном берегу Селенги — двор казака Мокея Федорова. Еще через пятнадцать верст на устье Кабан-реки лежала последняя деревня в четыре двора<sup>1</sup>.

К концу XVII века, судя по современному описанию, от которого сохранился, к сожалению, только фрагмент, колонизация имела уже некоторые успехи.

Неподалеку (в трех верстах) от Брянского стояла деревня Тряскова, «на левой стороне Селенги реки против Трясковой деревни деревня ж», в шести верстах дальше деревня селенгинских служилых людей Таракановского с братьями, еще через две версты деревня посадского человека Ильинского острога Пашки Кожевина, от нее в пяти верстах деревня Югова, в версте от нее деревня Кокуй, через полторы версты от последней — Троицкий монастырь. Как видим, на небольшом отрезке пути по Селенге вырос целый ряд деревень.

---

<sup>1</sup> ААН, 23, № 294, л. 319.

Но деревни эти еще очень невелики: в Трясковой «трое жильцов», в Кокуе — тринадцать, в Юговой — десять, у Пашки Кожевина четыре двора<sup>1</sup>.

Русские земледельцы только обосновываются за Байкалом. Между Удинском и Еравнинским острогом по Уде, Курбе и Оне русских деревень не отмечено, хотя в этом направлении пролегли важные пути: по Уде — к Еравнинскому и Телембинскому острогам, по Курбе «через камень» — в Баргузин. Нет русских деревень по притокам Селенги, а также и в долине Иркутта.

Русское население за Байкалом концентрируется, в основном, по острогам: Удинскому, где насчитывается около ста изб посадских и служилых людей, Селенгинскому (40 дворов) и т. д. Займки острожных жителей расширяют сферу земледельческой колонизации.

В первой половине XVIII века территория, осваиваемая русскими, заметно увеличивается. В 1726 году уже отмечены первые русские поселения по Чикюю: одна деревня в два двора, займка Семена Кузнеца и два промысловых зимовья<sup>2</sup>.

Более подробные сведения имеются для 1740 года, когда границы русских поселений значительно расширяются, но сами эти поселения все еще невелики и разбросаны далеко друг от друга. Вверх от Селенгинска по Селенге, Джиде и Желтуре на расстоянии в 150 верст числилось по мелким деревням всего 16 дворов. От Селенгинска же вверх по Чикюю деревни, в которых насчитывалось в общей сложности 29 дворов, растянулись на 289 верст. По Хилку поселения встречались до Буйской деревни, лежащей в 249 верстах от устья. В них имелось 24 двора. Любопытен социальный состав этих первых поселенцев: дворян — 4, служилых — 27, посадских — 11, пашенных крестьян — 21, «селенгинский житель» — 1, Троицкого монастыря вкладчик — 1, дьячок — 1, ясашных — 2, тайша — 1. Во всех деревнях отмечено земледелие, по большей части покрывающее лишь собственные потребности. Но, как бы то ни было, первые очаги агрикультуры с постройкой этих деревень уже появляются и среди забайкальских бурят.

Между Селенгинском и Удинском по Селенге и Убукуну обосновались «разных чинов обывателей, которые пахотные земли имеют, пять дворов». От Удинска до Тарбагатай в деревнях числился 21 двор. В иволгинских Краснояровской, Жирковской и Каленовской деревнях было всего 8 дворов. Наконец, на Саянтуе стояла деревня в один двор иркутского

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 138-6. Русская колонизация Бурятии — тема еще ждущая своего исследователя. Научная ее актуальность общепризнана и можно надеяться, что в скором времени мы увидим работу, восполняющую существеннейший пробел в изучении истории Бурятии в XVII в.

<sup>2</sup> ААН, 28, № 36, л. 100.

дворянина Федора Бейтона и вверх по Уде также один двор имелся на речке Березовке.

Если южнее Удинска во всех деревнях не насчитывалось и сотни дворов, то вниз по Селенге от острога деревни встречались много чаще. Здесь наша «ведомость» называет следующие поселения (в скобках указывается количество дворов): Сотниково (5), Посельская (1), Бурдуковская (7), Ильинский острог (65), Покровская слобода (16), Юговская (14), Беломоинская (2), Таловская (7), Мостовская (7), Таракановская (3), Архангельская слобода (29), Кударинская Благовещенская слобода (85), Бурлаковская (10), Дунаевская (8), Кабанский острог (67), Яланская (15), Колесниковская слобода (25), Твороговская (26)<sup>1</sup>.

Всего здесь насчитывалось 392 двора. При этом деревни были расположены неподалеку друг от друга, обычно в 4—7, иногда в 1—2 верстах. Максимальное расстояние между деревнями — 19 верст. Все это дает основание заключить об успешной колонизации нижнего течения Селенги уже в начале XVIII века.

Последним районом колонизации был Баргузинский край, где в самом остроге и в мелких деревнях насчитывали 83 двора<sup>2</sup>. Как ни были рассеяны русские деревни, все же соприкосновение между русским и бурятским сельским населением было достаточно велико. Оно возникло на почве хозяйственных дел, в процессе торговли, в связи с наймом работников (экономические формы связи и характер форм зависимости будут рассмотрены позднее). Повседневная практика деревенской жизни неизбежно влекла за собой широкий контакт, в процессе которого трудящиеся массы находили общий язык и постепенно, хотя медленно и с трудом, подходили к осознанию общности интересов в борьбе против их угнетателей.

Документальный материал XVII в. в очень слабой степени отразил этот вопрос, поскольку он и не мог быть предметом официальной переписки. Однако ряд отдельных указаний источников, свидетельствующих о дружественных отношениях между русскими и бурятами, позволяет установить истинное положение вещей и тем самым опровергнуть ложные теории бурятских националистов, не жалевших черной краски для характеристики русско-бурятских отношений и не желавших замечать в них ничего, что свидетельствовало о сближении народных низов.

Чрезвычайно интересно в этом смысле дело о побеге в 1696 г., почти одновременно с Тайшиным, небольшой группы бурят под предводительством крещеного мяхочина Павла

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. Правит. Сената, именные указы, кн. 59, № 7642, лл. 293—303.

<sup>2</sup> Там же, л. 304.

Астафьева. Побег этот оказался неудачным, и все его участники были скоро захвачены и доставлены в Иркутск. На допросах выяснилось, что Астафьев с товарищами хотели бежать не в Монголию, а на запад — в Енисейск. О цели побега Астафьев сказал: «а хотели де в Енисейской уйти для того, что де жить бы им на воле, а не в холопстве»<sup>1</sup>.

Мысль об обретении воли в Енисейске была более чем наивна. Там сидели воеводы и приказчики, как две капли воды похожие на своих иркутских собратьев. Одинакова была, разумеется, и система феодального угнетения во всей Сибири. Важно тут другое. Когда сыны степной аристократии, подобные Тайшину и Степанову, мчатся с награбленными табунами под защиту своих ханов и тайшей, простые люди уже не смотрят на ханскую Монголию как на землю обетованную. Они хорошо знают, что никакой воли не сулит им побег в Монголию, и они ищут выхода из невыносимо тяжелого положения в родной Сибири.

Но откуда могла возникнуть самая мысль о побеге в Енисейск в поисках свободы? На этот вопрос Астафьев и его товарищи дали ответ, что их «подзывал» (т. е. уговаривал) русский человек «Бодороев строчной Андрюшка». Естественно, что появление русских срочных, т. е. наемных, работников у бурят (ибо Бодорой это несомненно бурят)<sup>2</sup> должно было привести к общению с ними батрачивших на тех же бодороев обнищавших мяхочинов. Ясно и другое: если б не было доверия к своему собрату — русскому труженику, то наверно мяхочины не послушались бы его совета и не предприняли побега, за который им пришлось расплачиваться дорогой ценой.

В ряде случаев русские люди выступают заступниками за бурят, попавших в беду. Среди поручительств за мяхочинов, арестованных в большом числе по делу Тайшина, мы находим одно, подписанное 12 десятниками и рядовыми казаками, поручившимися за двух бурят<sup>3</sup>. Также за бурята Аюшу, подозревавшегося в замысле бежать в 1695 г., поручились двое казаков<sup>4</sup>. Этот документ тем интересней, что здесь исключается возможность корыстных мотивов у поручителей; Аюша был дворовым человеком князя Павла Гантимурова.

Показателем сближения с русскими являются все участвующие с годами челобитные бурят об оставлении переводимых приказчиков или служилых людей на прежнем месте. Такие ходатайства мотивировались обычно хорошим отношением такого служилого человека к ясачным людям. Особенно старались буряты сохранить доброжелательно относящихся к

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 372 (ст. 441), л. 15.

<sup>2</sup> Надо оговориться, что это пока единственное известное мне упоминание на батрачество у бурят русских в XVII в.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 352 (ст. 420), л. 18.

<sup>4</sup> Там же, № 469 (ст. 568), л. 26.

ним низших представителей администрации, с которыми им приходилось непосредственно сталкиваться и, в первую очередь, толмачей. Нередко, однако, можно сомневаться, отражают ли эти челобитные интересы действительно ясачного населения, или шуленг, сживавшихся с приказчиками или толмачами на почве взаимных «мелких услуг».

Типично, например, ходатайство шуленг и ясачных людей 11 родов об оставлении в Иркутске толмача казака Кузьмы Зверева, прослужившего в этой должности 15 лет, с 1693 по 1708 г. Желание сохранить Зверева объясняется: «... а пороку де от него Кузьмы в толмачестве и никаких обид и налог к ним иноземцам не бывало»<sup>1</sup>.

В 1695 году по челобитью «братских людей зайсана Бодоря» был послан на приказ в Итанцинск пятидесятник Фирс Потапов. Буряты желали иметь Потапова приказчиком потому, что «наперед сего в Ытанцынску на приказе будучи», он оказывал им всякую помощь и «разправу чинил вправду»<sup>2</sup>.

Значительно отчетливее прослеживается установление дружественных отношений на почве совместной борьбы против вторжений из-за рубежа. Как выяснено выше, бурятские ополчения принимали участие в охране границ и в преследовании ханских отрядов, нападавших на бурятские улусы и русские деревни. Участвовали они и в кампании Головина против Тушегу-хана. Поэтому нерчинские казаки, выдержавшие главную тяжесть военных столкновений, относились к бурятам, в массе своей, как к союзникам в общей борьбе.

О характере новых отношений между бурятами и русскими прекрасное представление дает отписка приказчика Стеньки Казанца из Кабанского острога: «...да в нынешнем же 201 (1692) году октября в 11 день били челом великим государем, а в Кабанском остроге в судной избе говорили мне словесно селенгинские братские ясачные люди, которые под Кабанским присудом, шуленги Бинтуй, Колдой с товарищи. Служили де они великим государем и Кабанский острог и казну великих государей оберегали, а ныне де оне пошли для ясаку на соболиные промыслы врознь по рекам и по хребтам, а остались де жены их и дети с табунами их на старых кочевьях их около Байкала на степях и чтоб де великие государи их иноземцов пожаловали, велели б кабанским казакам и селенгинским служилым людям, которые живут в Кабанском, беречь их жен и детей от приходу воинских воровских мунгальских людей, чтоб без них, услыша малолюдство, жен и детей воинские мунгальские люди в полон не поимали и табунов бы их не пограбили...»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ЛОИИ, Иркутск, II, № 14.

<sup>2</sup> Там же, Нерчинск, I, № 194.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 303 (ст. 693), л. 52—53.



К изложению бурятской челобитной Казанец присовокупляет: «... и я тех селенгинских служилых людей по иноземскому челобитью из Кабанского острога в Селенгинск город, покамест иноземцы выйдут из леса, не отпустил, боясь того, чтоб воровские мунгальские люди над иноземцами какова дурна не учинили».

Нам неизвестно, да и нет нужды догадываться, руководствовался ли Казанец сознанием взаимного долга или просто практическими соображениями административного характера. Существенно то, что буряты говорят о защите их семейств русскими разных чинов людьми, как о вещи вполне естественной, и без колебания вверяют защиту своих жен и детей, своего имущества селенгинским служилым людям. Очевидно, они могли вполне полагаться на последних.

Доверили бы в середине столетия улусные люди князцов Илана или Унзегедея охрану своих улусов соратникам Ивана Похабова? Ответ на этот вопрос вполне ясен. А в конце XVII века буряты Нерчинского присуду делают это бестрепетно; они боятся уже не прихода, а ухода русских. Вот то новое, что внесли боевые дела в жизнь Бурятии.

Возросшее доверие к русским объясняется не тем, что преемники и наследники Ивана Похабова стали гуманнее и выше в моральном отношении. Отнюдь нет. Но буряты за годы близкого соседства и совместных походов узнали простых служилых людей, и между ними возникли общие интересы, в частности, по взаимной охране от нападения «воровских людей».

На почве этого сближения открылась возможность к зачислению бурят на казачью службу при поручительстве русских казаков. Даже единичные случаи являются тут симптоматичными<sup>1</sup>.

Сохранилась такая поручная запись от 1694 г., которой десятник Ерофеев и 5 казаков поручились перед стольником и воеводой кн. Гагариным «по новоприверстанном пешем казаче по Матюшке Федорове сыне Нахойке в том, что с нынешнего 202-го года служить ему Матюшке за нашею порукою по Иркутскому городу пешую казачью службу»<sup>2</sup>. О том, что поверстанье в казачью службу бурят не было случайным яв-

---

<sup>1</sup> Не следует забывать, что иркутский пожар, во время которого погибли богатейшие архивные собрания, нанес непоправимый ущерб изучению истории Бурятии XVII в. Случайный характер сохранившихся документов не позволяет часто определить, что является случайным и что типичным. Последним приходится считать те явления, которые соответствуют общему направлению исторического процесса.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 300, л. 23.

лением, свидетельствует челобитная, поданная в 1698 г. семью иркутскими казаками, возмущенными тем, что после убийства казака Петра Брюхова его «дворовым человеком мунгальской породы» Иваном, «вместо Петра поставлен в службу дворовой же его Петров человек новокрещенный иноземец брат ево родной Ивашкин Стенька»<sup>1</sup>. Считая такую компанию для себя зазорной, казаки просили: «Вели, государь, тех новокрещенных иноземцов, которые в прошлых годах поверстаны по Иркутскому... из службы выписать и не вели... новокрещенных иноземцов по Иркутскому верстать в службу». Речь здесь идет, очевидно, не об одном-двух чело- веках.

Разумеется, только крещение открывало доступ к каза- чьей службе. Но число крещенных было в ту пору, судя по документам, довольно велико, особенно среди выходцев, ко- торые не имели собственного хозяйства и были вынуждены искать пропитание в острогах и русских деревнях, где приня- тие православия открывало значительно большие возможнос- ти. Кроме того, многие холопы, среди которых также преобла- дали выходцы, подвергались принудительному крещению.

Совместная служба также содействовала сближению русских и бурятских рядовых казаков, из которых последние рекрутировались порой из самых низших по социальному по- ложению слоев населения. Зачисление бурят в казачье сосло- вие было первым шагом к образованию утвержденного не- сколькими десятилетиями позднее бурятского казачьего войска.

Таким образом на различной почве происходило сближе- ние бурят с русскими и соответственно возрастало взаимопо- нимание.

Насколько далеко зашел этот процесс, показывает раз- биравшийся несколько лет в Сибирском приказе конфликт между селенгинскими служилыми людьми и нерчинскими бурятами, причем первых поддерживали селенгинские буря- ты, а вторых — нерчинские казаки. то-есть буряты и казаки приписанные к одному острогу, выступали, употребляя совре- менный термин, единым фронтом.

Причины, вызывавшие столкновения между самими буря- тами, будут рассмотрены в своем месте, здесь же мы ограни- чимся именно вопросом об этом «едином фронте».

В изложении Сибирского приказа дело это, возникшее в самом конце XVII века, выглядело так: «Тех иркуцкого при- суду острогов казаки и посадские и крестьяне бьют челом, что итанынские ясачные люди круга сена и хлеба городьбу ломают и скот свой нарочно пушают и травят; и скотину у них казаков украдут беспрестанно. И их, казаков и посад-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ № 501, л. 34.

ских и крестьян бьют. А Итанцынские прикащики управы не дают.

А итанцынские казаки и ясачные люди бьют челом, что селенгинские и иных Иркутского присуду острогов казаки и посадские и пашенные поселились за землях итанцынских ясачных людей на Кударинской степи деревнями и около пашен и сен городят худо. И оттого де в потравах чинятся меж ними многие ссоры. И им иноземцам — разорение»<sup>1</sup>.

Тут знаменательны и жалоба на потворство итанцинцев (то есть нерчинских казаков) подвластным от них бурятам и единоподушие казаков и ясачных бурят. Даже самая доставка челобитной бурят за их знаменами была выполнена нерчинскими служилыми людьми<sup>2</sup>. При расследовании дела Сибирским приказом нерчинские служилые люди, в противоположность селенгинским, давали показания в пользу бурятских челобитчиков<sup>3</sup>.

Особенно пугала бурят перспектива оказаться под присудом Иркутска, перечисления их куда из ведения Нерчинска настойчиво добивались селенгинцы (сам Селенгинск был приписан к Иркутску). В числе возражений, выдвигавшихся бурятами против такого перевода, мы находим постоянные указания на давнюю боевую дружбу с нерчинскими казаками. «А мы, холопи твои, в Нерчинском уезде в Ытонцынском зимовье многие годы служили с нерчинскими старыми казаками тебе, великому государю, за едино радетьельно без пороку и против неприятельских воинских людей бьемся, не щадя голов своих»<sup>4</sup>.

И так всегда. Указывая на старые связи с нерчинскими казаками, на их хорошее к себе отношение, буряты ссылаются на совместные боевые походы.

Сближение между русскими и бурятами в конце XVII века уже принесло свои плоды. Отмечая это несомненное явление, полностью игнорировавшееся националистическим «бурятоведением», мы, конечно, не можем рисовать идиллическую картину мира и дружбы в Восточной Сибири и за Байкалом, игнорируя жесточайший гнет царизма и его местной агентуры как над русским, так особенно над бурятским населением. Влияние русской культуры на бурятскую неоспоримо. Но не следует забывать ленинского положения о наличии двух культур в каждом народе. Соприкосновение бурят с носителями подлинно народной культуры — простым людом мы проследили выше. Но «культура» правящих классов по-прежнему давила над трудовыми массами бурят.

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 197—198.

<sup>2</sup> Там же, ст. 1422, сс. 62.

<sup>3</sup> Там же, кн. 1372, лл. 172 и сл.

<sup>4</sup> Там же, л. 169.

Не говоря уж о тяжелом ясачном обложении и более или менее «законных» повинностях, вроде подводной, буряты в конце XVII века столь же часто становились жертвой хищничества и произвола приказных людей, как и в его середине.

В 1695 г. нерчинские зайсаны и шуленги били челом на сборщиков ясака и иных проезжающих по служебной надобности людей в том, что они их разоряют, «берут своими руками подводы и корм насильно», причем «те подводы многие к нам не доходят»<sup>1</sup>. Речь здесь идет о внешне легализованном хищении лошадей. И это лишь один из многих аналогичных инцидентов.

Иные из приказных людей не уступали по виртуозности грабежа своим предшественникам, оставившим по себе печальную память. Ограничимся одним колоритным примером: жалобой шуленг Атаганова и Сартолова родов на приказчика Ильинского острога Григория Турчанинова. Буряты этих родов кочевали к Байкалу мимо Ильинского острога. «И он, Григорей, нам, холопом твоим, приказывал кочевать со всяким скотом посередь Ильинского острогу по проезжей улице, а не около, и загородя ворота на проезде, нас, холопей твоих, со всяким скотом в тесных местах останавливал и выслав своих холопей он, Григорей, у нас, холопей твоих, ис табунов наших жирных баранов, сколько ему понадобится, отъемом сильно на выбор отнимал. А хто из нас, холопей твоих, в том ему, Григорию, не стерпя досады и грабежу ево, оспорит и баранов дать не похочет и он, Григорей, нас, холопей твоих, посадя в колоду и морил голодною смертью долгое время, и есть и пить не давали»<sup>2</sup>.

В таком же стиле чинил суд и расправу удинский приказчик стрелецкий и казачий голова Андрей Бейтон, который «нерчинских братцких ясашных людей садит в колоду и расправу над братцкими мужиками чинит для ради своей бездельной корысти»<sup>3</sup>.

Чем отличаются эти деятели от подвизавшегося в западной Бурятии Христофора Кафтырева, чей портрет мастерски нарисовал А. П. Окладников в своих очерках?

Не останавливаясь далее на этом вопросе, достаточно полно освещенном в литературе, отметим, что для нас особенно ценно, что даже в обстановке полного бесправия и жестокого гнета начался процесс сближения русских и бурятских народных низов. О том, насколько далеко он зашел, свидетельствует участие бурят в двух восстаниях, поднятых в конце XVII века русскими казаками, посадскими и служилыми людьми, из которых одно, Братское, освещено А. П. Окладни-

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, I, № 190.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, 446 (ст. 546), л. 182.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 602.

ковым со всей подробностью, какую позволяли наличные источники, другое же — Удинское, не менее интересное для науки, все еще, к сожалению, ждет своего исследователя<sup>1</sup>.

Не имея возможности, в рамках настоящей работы, вдаваться в изложение всех событий, связанных с этими восстаниями, мы попытаемся лишь проследить, в какой мере отразилось в них крепнущее взаимное доверие между русскими и бурятами. Если бы мы даже не имели изложенных выше сведений об укреплении этого доверия, одного факта совместных бунтов было бы достаточно для доказательства тесных отношений между массой бурят и русскими крестьянами, казаками и посадскими людьми.

В конце XVII столетия по острогам Восточной Сибири прокатилась волна восстаний, вызванных жестокостью и произволом приказных людей<sup>2</sup>. В 1692 г. поднимаются пашенные крестьяне Бирюльской волости, с 1695 по 1698 год происходят восстания в Красноярском, Братском, Илимском острогах. Движение перебрасывается и за Байкал — в Удинск и Нерчинск, где волнения затягиваются на несколько лет.

Это были обычные для того времени крестьянские восстания, носившие объективно антифеодальный характер, но которым были присущи все недостатки, обычные для народных движений того времени. Правда, участникам братского восстания ставились в вину заявления: «Как мир восстанет, так и царь ужаснет», «как мир голкнет, так и царь умолкнет»<sup>3</sup>, но и эти скромные антицаристские лозунги были в ходу лишь среди более сознательных казаков и посадских. Настроения же подавляющего большинства отлично выражены в заявлении бирюльских повстанцев приказчику Павлу Халецкому: «Мы государеву указу послушны, а тебе, Павлу, не послушны»<sup>4</sup>.

Поднимаясь на борьбу, крестьяне «отказывали» ненавистным управителям; а затем били челом государю, ожидая от него назначения добрых приказчиков. Никаких серьезных изменений в управлении Восточной Сибирью в результате восстаний не произошло, но размах их был настолько велик, что в ряде случаев правительство, из опасения новых волнений, не рискнуло покарать участников мятежей.

Известно активное участие бурят в Братском восстании 1696 г. Судя по доносам главного «пострадавшего» — управителя острога Христофора Кафтырева, у казаков и посадских

---

<sup>1</sup> Это тем более обидно, что документальный материал по этому восстанию довольно обширен.

<sup>2</sup> См. А. П. Окладников. Очерки... и Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939.

<sup>3</sup> Ф. А. Кудрявцев. Указ соч., стр. 85.

<sup>4</sup> Там же.

был с ними предварительный сговор. Хотя руководители восстания категорически отводили это обвинение, утверждение Кафтырева в данном случае следует считать правильным. Привлеченные к следствию русские люди отлично знали, что сговор с «иноземцами» рассматривался как одно из самых страшных преступлений и, желая избежать полагавшейся за него суровой кары, в один голос твердили, что буряты примкнули к движению без всякого приглашения с их стороны. Но уже то, что буряты прибыли в большом количестве в острог в «богоявлениев день», на который было намечено начало восстания, может послужить весьма весомым доказательством в пользу их предварительной связи с зачинщиками выступления.

Буряты в такой же мере как и русские казаки и крестьяне страдали от лихонмца Кафтырева и вполне естественно, что готовя устранение его от должности, казаки договорились с окрестными балаганскими бурятами, среди которых они имели своих «сородичей»<sup>1</sup>.

Буряты приняли участие в мирском совете, отрешившем Кафтырева от должности и в выборе «судеек» для управления острогом. В эту новую администрацию вошли девять казаков, трое посадских, четверо пашенных крестьян и десять ясачных. Под руководством избранных управителей Братского острога казаков Дмитрия Кириллова и Даниила Терентьева они ведали всеми делами по уезду.

Имена всех десяти бурятских представителей в мирском совете сохранились<sup>2</sup>. Они, безусловно, — простые люди, рядовые «улусные мужики». Ни одно из этих имен не встречалось как имя князца или лучшего человека; в документальном материале представители социальной верхушки упоминаются неоднократно.

Итак, в ходе Братского восстания возникла, хотя на короткое время и на небольшой территории, народная власть, в которой равноправными участниками были угнетенные массы русского населения и ясачные буряты.

В оценке братских событий можно целиком согласиться с А. П. Окладниковым, говорящим: «Это явление само по себе входит в историю бурятских восстаний XVII в. на правах наиболее замечательного политического события, оно обозначает по существу кульминационный пункт освободительного движения бурят-монгольской народности в то время, ибо только размежевание с собственной аристократией, готовой на любые сделки с царем или монгольскими ханами, только союз улусников с русским крестьянством могли в этих

<sup>2</sup> Там же, стр. 74.

<sup>1</sup> Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939, стр. 13.

условиях обеспечить последовательную и сколько-нибудь успешную борьбу бурятских улусных масс с царизмом»<sup>1</sup>.

Стремилась привлечь бурят на свою сторону и казаки, бунтовавшие по всем забайкальским острогам в 1696—1698 гг. К сожалению, это движение, по своему размаху и значению намного превосходившее Братское восстание, очень мало изучено. Забайкальские казаки не ограничились смещением негодных им управителей, но и предприняли поход на Иркутск и Иркутский уезд. Попадавшие им приказные люди испытывали на собственной шкуре всю силу возмущения измученного ими народа.

Еще рано высказываться сколько-нибудь определенно о степени участия бурят в этих выступлениях. Но уже установлено, что казаки рассматривали бурят как союзников и привлекали их на свою сторону. При разгроме домов и избивании приказчиков Ильинской волости Никиты Гладкого и Тутурской—Ивана Васютинского казаки действовали «собирався з брацкими мужиками многолюдством разбоем»<sup>2</sup>.

Политика самодержавия, имевшая целью разжигание национальной розни, стравливание русского и туземного населения, не могла не вызвать отдельных острых конфликтов, особенно на почве землепользования, так как, несмотря на обширный свободный колонизационный фонд, земли русским переселенцам часто выделялись из издавна освоенных бурятами угодий.

Тем ценнее, что в таких, сугубо неблагоприятных, условиях происходило сближение трудящихся масс, закреплявшееся в практике повседневной жизни, в общих хозяйственных делах, в смешанных браках, которые уже в XVII веке были нередким явлением, и т. д.

От общей борьбы с монгольскими ханами, посягавшими на жизнь и достоинство простого люда, до объединенных восстаний против местных агентов царизма,—таковы первые шаги в сближении трудовых масс и росте их взаимопонимания. Непонимание этого процесса, замалчивание его, характерное для буржуазных националистов и их последователей, приводило к искажению подлинной истории взаимоотношений русского и бурятского народов, к игнорированию классовых противоречий внутри как русского, так и бурятского населения Восточной Сибири, к попыткам приписать злодеяния царизма всему русскому народу.

Но достижениями советской исторической науки «теории» буржуазных националистов, преследовавших враждебные народу политические цели, полностью опровергнуты.

---

<sup>1</sup> А. П. Окладников. «Очерки...», стр. 169.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ. № 405 (ст. 521), л. 79.

Предпосылки для союза трудовых бурятских и русских масс возникли уже в период присоединения Бурятии к России; взаимное понимание и взаимное уважение крепили вопреки политике царизма и бурятских нойонов и лам на протяжении последующих двух столетий, когда общение с русским народом обогатило культуру бурят. Великий же Октябрь открыл новую эру — эру братской дружбы всех народов могучего социалистического государства.





**ЧАСТЬ II**

**ВЛИЯНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ  
К РОССИИ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЕ  
И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ  
БУРЯТИИ**





## Г Л А В А I

### ОБРАЗОВАНИЕ БУРЯТСКОЙ НАРОДНОСТИ

По вопросу о времени сложения бурятской народности в науке не существует единого мнения. По мнению одних авторов, к моменту прихода русских в Восточную Сибирь буряты уже представляли собой сложившуюся народность<sup>1</sup>, другие полагают, что формирование ее завершилось после присоединения<sup>2</sup>.

Иной, компромиссной, точки зрения придерживается Г. Н. Румянцев, полагающий, что в начале XVII в. уже «шел интенсивный процесс консолидации разрозненных бурятских племен в Прибайкалье и мы вправе рассматривать их как бурятскую народность». Но этот процесс, по мнению автора, еще не был завершен, и «временем окончательного слияния бурятских племен в народность следует считать конец XVIII века»<sup>3</sup>.

Для решения этого очень сложного вопроса необходимо не только проследить процесс сложения народности из различных племенных и родовых групп, но и выяснить социально-экономическую их структуру, поскольку народность, вопреки мнению С. А. Токарева<sup>4</sup>, складывается лишь в классовом обществе.

Менее всего полезным для выяснения поставленной задачи является привлекавший внимание исследователей вопрос о времени распространения названия буряты среди всех племен, позднее вошедших в состав народа. Дело в том, что рас-

---

<sup>1</sup> С. А. Токарев. О происхождении бурятского народа. Советская этнография, 1953, № 2, стр. 45.

<sup>2</sup> Б. О. Долгих. Некоторые данные к истории образования бурятского народа. Советская этнография, 1953, № 1, стр. 62.

<sup>3</sup> Г. Н. Румянцев. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. Записки НИИК, вып. XVII, Улан-Удэ, 1953, стр. 60—61.

<sup>4</sup> С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 52.

пространение единого названия не является решающим аргументом. Тунгусы, например, в XVII веке, хотя они часто упоминаются в документах под родовыми именами (наляги, намясинцы и т. п.), назывались так повсеместно, но однако они не являлись, конечно, единой народностью. Сибирская этнонимика богата аналогичными примерами. К тому же хоринцы общее имя бурят приняли сравнительно недавно, «когда стали жить по-соседству с бурятами», как говорят их хроники<sup>1</sup>. Хотя трудно приурочить это событие к определенному времени, такое сообщение заставляет усомниться в повсеместном распространении названия б у р я т ы в XVII столетии, тем более, что табангуты тогда себя так не называли. Общераспространенное мнение, что этот термин первоначально обозначал лишь булагатов и эхиритов и, может быть, некоторые родственные им племена, представляется вполне правдоподобным.

Из каких же компонентов слагалась бурятская народность? Прежде всего, в состав ее вошли те «братские» племена, которые русские обнаружили к западу от Байкала. Первые русские донесения, на протяжении двух-трех десятилетий после проникновения в Прибайкалье, не содержат почти никаких сведений о родовой структуре бурят. Поскольку родовые отношения у них уже подвергались разложению, в ранних отписках различные их группы фигурируют как люди такого-то «князца». В этом отношении бросается в глаза разница между сообщениями о бурятах и тунгусах, ибо родовая принадлежность последних указывалась обязательно.

Лишь с течением времени мы начинаем находить сведения о родовой принадлежности бурят, причем вплоть до конца XVII столетия наряду с родом считалось возможным и достаточным указывать принадлежность к определенному улусу.

Аналогичная картина наблюдается и за Байкалом. В русских документах странным, на первый взгляд, образом не нашло никакого отражения членение забайкальских бурят на родовые или какие-либо иные группы. Упоминаются лишь братские улусы или «большие братья» без всяких дальнейших пояснений. Это дает С. А. Токареву основание полагать, что «будучи издавна связаны с феодальной Монголией, забайкальские буряты, подобно самим монголам, вероятно, уже давно утратили родо-племенные деления. У них классовые, феодально-крепостнические отношения были развиты больше»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> «Летописи хоринских бурят». М.—Л., 1940, стр. 46. К этому сообщению нужно относиться с некоторой осторожностью, потому, во-первых, что хроники составлялись в XIX в. и, следовательно, их авторы опирались на устные традиции и, во-вторых, остается неясным, было ли знакомо имя «буряты» хоринцам еще до их ухода в Монголию.

<sup>2</sup> С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 51.

Подобное объяснение принято быть не может. Во-первых, подчинение тому или иному князю при более развитых феодальных отношениях должно было резче бросаться в глаза. Говоря о монголах, русские документы никогда не забывают упомянуть о «людях» какого контайши или зайсана идет речь. При первых встречах с западными бурятами такого рода подчинение выяснялось раньше, чем в русских острогах освоили родовую структуру бурятского общества. Отсутствие подобных указаний в отношении забайкальских бурят свидетельствует прямо против гипотезы С. А. Токарева.

Во-вторых, монголы в XVII веке еще помнили о своей принадлежности к определенному роду, и образование позднее чисто монгольских по своему происхождению родов (например, Цонгольского) нельзя объяснить только соображениями фиска.

Наконец, совершенно справедливо замечание Б. О. Долгих о том, что в Забайкалье не зарегистрировано никаких предков нынешних обитателей этого края, кроме нескольких перечисленных им родов<sup>1</sup>.

Утверждать, что Байкал являлся в XVII веке глухой преградой, «китайской стеной», разделявшей различные группы бурят, нет никакого основания.

Хотя и в ту эпоху различия между бурятами, жившими к западу и к востоку от озера, были значительны, хотя бы вследствие несравненно большего влияния монголов на забайкальских бурят, многие роды обнаруживаются и в Прибайкалье, и на Селенге или в Кудинской степи. Лучшим доказательством тому является пример хоринцев, расселение которых по обе стороны Байкала не вызывает сомнений.

Русские впервые вступили в Забайкалье в смутное время, когда военные столкновения, восстания и набеги вызвали большое передвижение населения. То, что за Байкалом оказались многие выходцы с западного побережья озера или с Ольхона неоспоримо в свете их позднейших ходатайств о возвращении на «породные земли». В ходе такого массового переселения неизбежно было смешение различных групп населения. Многие оторвались от своих «князцов», отдельные группы беглецов должны были потерять связь со своим родом. Разобраться в родовой их структуре действительно было не легко. Здесь, очевидно, происходит то же самое, что было ранее в западной Бурятии: русские казаки и служилые люди лишь с течением времени усвоили эту структуру, но и то, видимо, не вполне, так как постоянные передвижения чрезвычайно запутали всю картину.

---

<sup>1</sup> Б. О. Долгих. Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа. Советская этнография, № 1, 1954, стр. 57.

Вхождение в состав народности в качестве основного компонента племен и родов бурятского происхождения, независимо от того, жили ли они западнее или восточнее Байкала, не является вопросом дискуссионным.

В документах упоминаются, особенно в числе выходцев из Монголии, многочисленные группы «конных тунгусов», которые к XIX веку обнаруживаются лишь небольшими островками среди русского или бурятского населения. Поскольку нет оснований говорить о катастрофическом сокращении численности этих тунгусов, а также и потому, что процесс их ассимиляции развертывался на протяжении XVIII—XIX столетий и явственно прослеживается по источникам более позднего времени, здесь имело место поглощение тунгусов их соседями, от которых они заимствовали тип хозяйства, культуру, в широком смысле этого слова, а позднее также и язык. В значительной мере обрусели урульгинские и частично баргузинские тунгусы. Обурячиванию подверглись тунгусы армакские и частично баргузинские, хотя среди последних и сохранились родовые группы, члены которых говорят доселе на эвенкийском языке.

Аналогичной была судьба и тункинских тунгусов в частности Тыртеевского рода, нередко именуемого тунгусским. Также полностью ассимилированы были и тунгусы селенгинских родов, находившиеся, видимо, в зависимости от бурят и приобретшие вследствие этого их родовые названия. В качестве одного из многих возможных примеров можно сослаться на нерчинскую ведомость 1735 года, где упомянуты яшашные тунгусы Табунуцкого рода<sup>1</sup>, а в числе тунгусских родов названы также Сартоцкий и Озенский (по-видимому, Узонский), носящие чисто бурятские имена.

Установить количественную характеристику этого процесса весьма затруднительно, если вообще возможно. Статистические сведения, которые можно почерпнуть из документов XVII — начала XVIII века не могут претендовать ни на полноту, ни на особую достоверность. Подобный подсчет, выполненный со всей тщательностью, допускаемой архивными источниками, все равно оказался бы бесполезным для нашей цели, поскольку невозможно проследить дальнейшую судьбу этих людей и определить, какое число из них сумело сохранить свои национальные черты, сколько обрусело и сколько вошло в состав бурятского народа.

Важной проблемой является роль монгольских элементов в формировании народности. Надлежит выяснить, вошли ли они попросту в складывающуюся, или, как полагает С. А. Токарев, уже сложившуюся бурятскую народность, или

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, портф. Миллера, № 481, VII, л. 130.

же последняя оформилась позднее, когда происходило слияние и бурятских и монгольских элементов.

Прежде всего следует установить, какие именно монгольские группы вошли в состав бурятского народа. В их числе были автохтоны, каковыми являются табангуты, и пришельцы, осевшие в Забайкалье во времена погрома, учиненного Галданом, либо вышедшие из Монголии уже после установления там маньчжурской власти.

Табангуты являлись к середине XVII века коренными обитателями Забайкалья с центром расселения в междуречье Хилка и Чикоя, откуда они нередко совершали дальние перекочевки или военные походы вплоть до района Еравнинских озер. После выхода статьи Б. О. Долгих<sup>1</sup> можно считать уже окончательно установленным, что табангуты отнюдь не тождественны подданным тем семи монгольским тайшам, с которыми Ф. А. Головин заключил договор в 1689 году. Но уже достоверность подчинения их Турухай-табуну, а тем более происхождение их названия от имени последнего<sup>2</sup> представляется весьма сомнительным. Турухай-табун, надо полагать, искаженное написание монгольского Турухай-табунанг, где второй компонент имени является одним из феодальных титулов, присваиваемых обычно ханскому зятю.

Если считать слово «табангут» производным от «табунанг», то оно должно было бы звучать как «табунангуд». В этом варианте имя табангутов встречается, но в переводе на русский язык это значит просто «табунанги». Подобного типа образования в монгольской этнонимике очень редки. Можно указать лишь на Тайшинский род в Алари, происхождение названия которого неясно.

Между тем, может быть предложена иная, хотя тоже гипотетическая, но кажущаяся более вероятной расшифровка имени табангутов. В обоих, наиболее распространенных вариантах — табангуд и табудут — это просто множественное число от числительного пять. Дать объяснение происхождению названия табангутов от пятерки весьма затруднительно, но в монгольской этнонимике встречаются аналогичные образования. Укажем для примера долонгутов, чье название представляет собой также множественное число от числительного семь.

Предложенное осмысление этнонима, если и оставляет невыясненным самое происхождение названия, то во всяком

---

<sup>1</sup> Б. О. Долгих. «Некоторые ошибочные положения...», стр. 63.

<sup>2</sup> Б. О. Долгих. «Некоторые данные...», стр. 52; С. А. Токарев, указ. соч., стр. 50.

случае лингвистически обосновано и, по-видимому, соответствует монгольским традициям<sup>1</sup>.

Кстати сказать, необоснованные лингвистические упражнения завели исследователей и дальше, к попытке породнить Турухай-табуна с известным хоринским зайсаном Галзутского рода Баданом Туракиным. Эта идея хоринских родоначальников длительное время кочует из одной работы в другую, несмотря на более чем очевидную произвольность такого сопоставления. Чтобы покончить с этой путаницей, следует напомнить, что пресловутый Бадан был, судя по всем имеющимся данным, сыном некоего шуленги Тураки, вышедшего в 1669 году из Монголии, или, вернее, вернувшегося оттуда на родину<sup>2</sup>.

К этому можно добавить, что признание Турухай-табуна одновременно и главой табангутов и хоринским зайсаном неизбежно приводит к выводу о подчинении табангутов хоринцам, что уж никак не согласуется с историческими фактами<sup>3</sup>.

Включение в состав формирующейся народности, монгольской по своему происхождению, группы табангутов очевидно. Позднейшие Табангутский, Цонгольский, а возможно и некоторые другие забайкальские роды до подчинения этого края России входили в число табангутов. Говорить о большой их этнической чистоте, конечно, не приходится. Побег, иногда неоднократные, в Монголию, переселения, война и ассимиляция,— все это не могло не наложить своего отпечатка на эти роды. Но основное ядро продолжало оставаться табангутским.

После 1689 года табангуты уже не фигурируют в русских документах как значительная и обособленная группа. И это естественно. Их непрочное объединение распалось, и русские власти смогли безболезненно утвердить у них родовую административную систему, основанную во многих случаях на соединении в единый административный «род» обломков многих подлинных родов.

Но табангуты не были единственной монгольской группой, принявшей участие в процессе бурятского этногенеза. Б. О. Долгих справедливо обратил внимание на существование так называемой барункошеуновщины, каковым термином обозначались подданные семи тайшей, заключивших договор

---

<sup>1</sup> Мне уже случалось предлагать такое объяснение имени табангутов. См. Е. М. Залкинд. Из истории Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в. Ученые записки ЛГУ, № 98, 1949, стр. 219.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, кн. 1372, лл. 192—193.

<sup>3</sup> Возможно, что Турухай-табун исчезает с нашего горизонта потому, что он откочевал вглубь Монголии. В 1681 г., по сообщению Василия Турского, на реке Сельбее кочевал зайсан Тархан табунан, зять Засакту-хана. Если предположить, что Турское ошибся, указав Засакту-хана вместо Цецен-хана, то этот зайсан и может быть нашим старым знакомцем Турухай-табуном. ЦГАДА, ИПИ, № 18, (ст. 13), л. 3.



с Головиным<sup>1</sup>. Приведя этот термин, Б. О. Долгих не пытается, однако, объяснить его.

Барункошеуновщина, как выше уже сказано, — это явно искаженная запись термина барунхошуновщина, происходящего от двух монгольских слов: барун — «западный» и хошун. Следовательно, на русский язык это можно перевести описательно как «выходцы из западных хошунов». Поскольку А. П. Окладниковым убедительно доказано, что один из тайшей, пришедших в Россию, был хотохойтский князь Гендун-Дайчин<sup>2</sup>, было бы соблазнительно усмотреть в этом термине указание на западно-монгольское происхождение всех семи монгольских тайшей. Но смещение основных координат в географических представлениях бурят не дает для этого права; «запад» должен был лежать в северной Монголии. По-видимому, этот термин обозначал просто монголов, не являвшихся, в отличие от табангутов, коренными обитателями края.

Чтобы установить, что собой представляла барунхошуновщина имеется один путь, тот, которым шел в своем исследовании А. П. Окладников, а именно — установление личности тайшей, выступивших контрагентами Ф. Головина. Эрдени-Контайша являлся потомком Алтын-хана и правителем Хотохойтского улуса. Но остальные тайши были, можно полагать, из других мест.

Маньчжурская нота, адресованная Рагузинскому, настойчиво повторяет, что эти тайши «все тусетухановы (т. е. Түшөтү-хана — Е. З.) братья, их тело и кость тусетуханово...»<sup>3</sup>. Поскольку биография Гендун-Дайчина была известна маньчжурским дипломатам, они, очевидно, имели в виду большинство тайшей. Подтвердить это утверждение трудно, потому что, несмотря на наличие генеалогий родовитых монголов XVII в., непреодолимое препятствие создает здесь то, что русские фиксировали часто лишь титулы, а не собственные имена. Но наличие нескольких исключений позволяет все же установить, кем были отдельные из этих тайшей.

Наши материалы позволяют установить личность Бинтухая, одного из трех, наряду с Эрдени-контайшей или Гендун-Дайчином, главных тайшей, с которым впоследствии, после обратного побега монголов на родину, постоянно встречались русские толмачи и посланники в непосредственной близости от русских рубежей. В цитированной маньчжурской ноте он именуется Сорын Бинту Ахаем. Бантыш-Каменский называет

---

<sup>1</sup> Б. О. Долгих. Некоторые ошибочные положения..., стр. 60.

<sup>2</sup> А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, Л., 1937, стр. 192—195.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, IV, № 239, л. I.

его Серень-Дзяб Бинтухай Тайша<sup>1</sup>. Таким образом, его монгольское имя было Церен или Церенчжаб.

Монгольские источники упоминают о Церенчжабе, бежавшем от галданова погрома в 1688 году и позднее вернувшимся с 600 подданными. «Последнее знамя среднего левого крыла Тушету-ханского аймака. Знамя это служит кочевьем чжасака тайцзи 1-й ст. Церенчжаб... в 1688 г., спасаясь от грабежей Галдана, перекочевал со своими подданными в пределы России. В 1693 году<sup>2</sup>, собрав 600 человек подданных, он поддался Китаю...» — сообщает «Записка о монгольских кочевьях»<sup>3</sup>.

Аналогичные данные содержит и монгольская летопись «Эрденийн эрихэ», сообщающая, что по примеру других перебежчиков из России вышел с шестьюстами подданных тушету-хановский цзасак Церенчжаб<sup>4</sup>. «Богдыхан, во внимание к тому, что отец его Даши был старшим халхаским чжасаком, произвел Цырен-чжаба в тайцзи 1-й степени с оставлением в должности чжасака»<sup>5</sup>.

Однако, если судьба Цыренчжаба и не была столь плачевной, как участь Гендун-Дайчина, сделать карьеру в маньчжурском стане не удалось и ему. Богдыхан, учитывая слабость сил Церенчжаба, отклонил его просьбу о включении в действующую армию и возложил на него гораздо более скромное поручение — заведывание походными табунами лошадей<sup>6</sup>. Позднее, по императорскому указу, он ведал также большим овечьим пастбищем, с которого двору ежегодно поставлялось 3500 баранов<sup>7</sup>. Едва ли громкий титул «главнокомандующего делами коннозаводства и скотоводства» утешил гордого монгольского тайчжи, вынужденного отказаться от военной славы, и, конечно, сопутствующего ей грабежа ради столь прозаических занятий.

Владения Цыренчжаба находились в непосредственном соседстве с русским Забайкальем, что и объясняет частые поездки к нему казаков по конфликтным делам, связанным главным образом с угонами стад или табунов и переходами границы. Мэн-гу-ю-му-цзи так определяет рубежи подвластной Цыренчжабу местности Боро: «По обеим сторонам ее все горы. Река Орхон, направляясь с юго-востока на запад, впа-

---

<sup>1</sup> Б а н т ы ш-К а м е н с к и й Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г., Казань, 1882, стр. 59.

<sup>2</sup> Эта дата не точна.

<sup>3</sup> Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки РГО по отд. этнографии, т. XXIV, СПб, 1895, стр. 68.

<sup>4</sup> А. П о з д н е е в. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ», СПб, 1883, стр. 228, 200, 197.

<sup>5</sup> Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 68.

<sup>6</sup> А. П о з д н е е в. Указ. соч., стр. 245.

<sup>7</sup> Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 289.

дает в Селенгу, которая, проходя с юго-запада, окружает горы с северной стороны и, направляясь на северо-запад, проходит через Чикой в пределах России»<sup>1</sup>.

Первый китайский посол, посетивший проездом к калмыцкому хану Аюке Россию, Тулишень, пересекавший северную Монголию в 1712 году, пишет: «...В десятый день прибыли мы к северной границе Калкаского владельца Джасак Тайцзи Черин-чжаба, к пограничному его караулу, Каруньбора называемому»<sup>2</sup>. В примечании поясняется, что этот караул лежит на речке Буре в 8 верстах от Кяхты. Итак, Цыренчжаб, или Бинтухай русских документов, был сыном чжасака Тушету-хановского аймака и оставался ближайшим соседом русских после пограничного урегулирования.

Если вопрос о личности Бинтухая мы можем считать решенным, то о других монгольских тайшах, его сотоварищах по договору 1689 года, можно говорить лишь предположительно.

Наряду с Эрдени-Контайшей (Гендун-Дайчином) и Бинтухаем, русские документы выделяют Ирки-контасию. Именно эти три тайши, как самые главные, посылали свои посольства в Москву, были обласканы и богато одарены. В «Эрденийн эрихэ», которая помогла идентифицировать Эрдени-Контасию с Гендун-Дайчином и Бинтухая с Цыренчжабом, имени Ирки или Эрхе-тайчжи, обстоятельства жизни которого были связаны с событиями 1689 года, мы не находим. Но там упоминается цзасак Цэбдэн, игравший большую роль в интересующих нас событиях: «...в том же 1691 году сэцэн-хановский цзасак Цэбдэн собрал и привел в подданство к маньчжурам более тысячи семей своих данников, которые при нападении Галдана под начальством своих родоправителей Цэрэн-цохора, Вэйчин-бурцзая, Гарма-гуйэна и Дурал-табунана перешли в русские пределы и приняли русское подданство»<sup>3</sup>. Цыренчжаб (Бинтухай), по мнению летописи, лишь последовал их примеру.

Из числа названных здесь «родоправителей» в русских документах мы находим одного Дурал-табунана<sup>4</sup>. Не обнаруживаем мы там и самого Цэбдэна. Но на помощь приходит следующая генеалогия из Мэн-гу-ю-му-цзи: «У Цэбдэна, третьего двоюродного брата Умухэйя (Сэцэн-хана — Е. 3.), был дед Падма-даши, по прозванию Далай-хунтайцзи, доводившийся восьмым сыном Шолой-хану; у отца его, Даньба, было два сына, из коих старшим был помянутый Цэбдэн, вна-

<sup>1</sup> Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 359.

<sup>2</sup> Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах, август, 1764 г., стр. 99—100.

<sup>3</sup> А. Н. Позднеев. Указ. соч., стр. 228.

<sup>4</sup> Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 59.

чале прозывавшийся Эрхэ-тайцзи»<sup>1</sup>. Итак, Цэбдэн носил имя Эрхэ-тайцзи и поскольку мы уже знаем, что его подданные были в России, задача кажется решенной. Но она осложняется сообщением А. Позднеева об обстоятельствах, сопутствовавших воцарению на сэцэн-ханский «стол» в 1708 году после смерти Умэхей его сына Гунцэна. «По бурятской летописи табунангутских родов оказывается, что Гунцэн был женат на дочери Эрхэ-хун-тайчжия, одного из правителей тушету-хановского аймака и в приданое за нею получил три рода табунангутов»<sup>2</sup>.

Теперь противоречие кажется неразрешимым. С одной стороны, перед нами Цэбдэн, или Эрхэ-тайчжи, который побывал в России и являлся цзасаком сэцэн-хановского аймака, с другой стороны, он же, или его тезка, но уже один из правителей другого — тушету-хановского аймака. Но нас настолько удивляет А. М. Позднеева, отлично разбиравшегося в генеалогических связях своих героев, по поводу брака между людьми, принадлежавшими к одному «поколению» или «кости». Это заставляет думать, что Гунцэн и Эрхэ-хун-тайчжи были связаны родственными узами, а из «Мэн-гу-ю-му-цзи» мы уже знаем, что Цэбдэн был двоюродным братом Умэхэйдэ. И мысль снова возвращается к предположению, что Цэбдэн, он же Эрхэ-тайчжи, он же Эрхэ-хун-тайчжи и был Ирки-контасией русских документов.

Предположение это выглядит тем более вероятным, что Цэбдэн, также как и Цыренчжаб, был ближайшим соседом русских. В «дальные улусы к Цынбену тайше» посылал своих людей в 1675 г. Спафарий для покупки коней и верблюдов<sup>3</sup>. Василий Турсково на следующий день после перехода через Иро встретил «крайних людей» Цыбдена, а двумя днями позже имел дружественную встречу с их повелителем, которого он называет «Цыбден Контаси», подтверждая тем самым, что Цэбдэн имел, как и Ирки, титул контайши<sup>4</sup>. К сожалению, вопрос о принадлежности его к тушету-хановскому или сэцэн-хановскому аймаку так и остается невыясненным, но в обоих случаях его подданные были выходцами из северной Монголии, а не из удела Алтын-хана. Вкупе с решением вопроса о Бинтухуе, это позволяет утверждать, что не хотохойты, а северные халхасы составляли основную массу переселенцев.

Сведения монгольских и позднее маньчжурских источни-

---

<sup>1</sup> Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 89.

<sup>2</sup> А. Позднеев. Указ соч., стр. 267.

<sup>3</sup> «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году». Записки РГО по отделению этнографии, т. X, вып. I, СПб, 1882, стр. 135.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 18 (ст. 13), лл. 2—3. Не был ли, кстати, этот Цэбдэн тем самым Култуцином, которого русские встретили в Забайкалье в середине XVII столетия?

ков подтверждают переход на русскую сторону многих монгольских аристократов, чьи имена, однако, не соответствуют тем, которые зафиксированы в договоре 1689 года. Часть их могла вообще не принимать участия в соглашении с русскими, имена же других искажены, или, вернее, заменены титулами. Среди этих людей попадаются родственники крупнейших ханов. Тулишень, например, сообщает, что Бинтухая сопровождал Вачир-дара, внук дяди Тушету-хана<sup>1</sup>.

Наконец, свидетельством того, что переселенцами были северные халхасы, являются события более позднего времени. В тревожный для Монголии 1735 год два монгольских княжича, называемые один Батур хонтайджи, или Батур-Чебак засак хонтайджи, а другой — Чучан Закрыркичи, заводили переговоры о переходе в русское подданство, причем предъявили имеющийся у них и данный их ближайшим родственникам государев указ<sup>2</sup>. Копия этого указа приложена к донесению бригадира Якобия и оказывается хорошо известной грамотой, данной Ирки, Ирдени и Бинтухаю. Родственные отношения просителей к монгольским деятелям XVII века определяются следующим образом: «Мунгальские Батур-хонтайджи да Чучан Закрыркичи повторительно желают и просят о принятии их в российское подданство, предъявляя, что помянутого Батур хонтайджи дядя Ирдени да Ирки и отец Чебак Бинтухай хонтайджи наперед сего уже были в подданстве российском...»<sup>3</sup>.

Таким образом, перед нами сын Бинтухая, что подтверждается унаследованным им от отца титулом цзасака. Поминание Ирки и Ирдени, как его дядей, соответствует тексту грамот, посылавшихся этой троицей в Москву, где они называли себя братьями. Поскольку даже не столь близкое, но и более отдаленное их родство представляется весьма мало вероятным, можно предположить, что очутившись в России в одинаково плачевном положении, тайши стали побратимами.

Не вдаваясь в подробности родственных связей монгольских аристократов, мы можем констатировать, что экскурс в область генеалогии позволяет нам прийти к выводу, что за исключением Гендун-Дайчина остальные монгольские тайши были выходцами из удела Тушету-хана и, может быть, также Цецен-хана.

Поскольку все монгольские владельцы приходили со своими подданными, и именно эти последние являлись основным контингентом монгольского населения, влившегося в число жителей Забайкалья, мы имеем все основания утверждать, что именно халхасы были представлены в тех родах, которых

<sup>1</sup> Ежемесячные сочинения..., стр. 99.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, № 886, л. 12.

<sup>3</sup> Там же, л. 16.

позднее называли русскими монголами. То, что княжичи бежали из России, сводя своих подданных, о чем согласно говорят и русские и китайские документы, не должно нас смущать. Известно, что многие «остальцы» осели на русской стороне после побега, а также погрома, учиненного селенгинскими казаками. Кроме того, не следует недооценивать и последующих переходов, статистические сведения о которых заставляют предполагать, что не только значительная часть сведенных тайшами монголов вернулась в Россию, но что в своем передвижении беженцы увлекали за собою и некоторые группы соотечественников, ранее к северу от пограничной линии не бывавших.

Обстановка, сложившаяся в Монголии, где маньчжурское завоевание, законсервировав феодальные отношения, привело к значительному увеличению гнета, а также тяготы военного времени в связи с продолжавшимся наступлением на Джунгарию, усиливали сопротивление народа, принимавшее большей частью пассивную форму побегов<sup>1</sup>. Беглецы искали спасения в России, и имевшие широкое хождение среди монголов легенды, сильно приукрашивавшие российскую действительность, свидетельствуют о популярности таких переходов в Северной Монголии. Если уж тайши в конце XVII—первой половине XVIII в. готовы были бежать, спасаясь от маньчжуров<sup>2</sup>, то тяга простого люда к переходу в Россию была гораздо большей.

Особенно полагаться на статистику XVII века не приходится. Но в XVIII веке она становится, в связи с лучшей организацией фиска, более точной. В Атагановом роде числилось в 1735 году 405 ясакоплательщиков, в Сартоловом — 239, Бабай-Хурумчиевском — 51, Олзоновом — 65, Бомольском — 73, Харанутском — 45<sup>3</sup>. Если сопоставить эти цифры с имеющимися у нас сведениями об уводе Бинтухаем 600 своих подданных и учитывать, что число подданных других тайшей едва ли было большим, то окажется, что монголы в довольно большом числе остались в России, особенно принимая во внимание, что приведенный перечень не является полным; в нем отсутствуют Подгородный и некоторые другие роды. С другой стороны, картина несколько затуманивается тем фактом, что роды, частично расселенные в Бурятии, частично в Монголии, например, ашебагатов, рискованно принимать в расчет, поскольку невозможно определить численное соотношение обеих частей.

Во всяком случае в составе селенгинских бурят было, по видимому, много монголов и табангутов, так же как и запад-

---

<sup>1</sup> И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957, стр. 78—81.

<sup>2</sup> Об этом говорят документы, а также такие факты, как выход к Нерчинску Хунделен-нойона и некоторых других феодалов.

<sup>3</sup> ЦГАДА, № 133, IV, т. 354, лл. 59—60.

бурятских переселенцев. В XVII—XVIII вв. монголов отличали от бурят, но терминология, по-видимому, не отличалась точностью. Смещение терминов начинается рано—в последние годы XVII в., причем преобладает название буряты, а термин табангуты исчезает вовсе, сохранившись лишь в наименовании «брацкого Табунуцкого рода», одного из действительных родов табангутов. Здесь сказывается, очевидно, процесс слияния различных по происхождению групп в единую бурятскую народность.

Разница между монголами, забайкальскими и западными бурятами бросалась в глаза наблюдателям. Но бурят за Байкалом и даже к западу от него называли иногда мунгалами. В начале XVIII века Тулишень пишет о Селенгинске: «В онном их городе в срубленных бревенчатых избах живут русские люди и мунгалы смешанно...»<sup>1</sup>. Аналогично и замечание в описании Удинска: «...живут русские люди и мунгалы более двухсот семей смешанно»<sup>2</sup>.

Но, может быть, китайский посол был не очень искушен в этнографических тонкостях? Отнюдь нет. В селениях, лежащих на пути от Иркутска до Енисейска, по его словам, «живут русские, буряты и солоны смешанно»<sup>3</sup>. Поскольку Тулишень, зная разницу между монголами и бурятами, все же говорит о монгольских жителях Иркутска, где, нет сомнений, преобладали буряты, он, очевидно, не видел большой разницы между этими двумя наименованиями.

Классификация Тулишеня в основных её чертах — монголы за Байкалом и буряты к западу от него — повторена участниками больших академических экспедиций XVIII столетия. И Миллер и Георги отличают бурят от монголов. Отправляясь за Байкал, они упорно называют местных жителей монголами, и лишь очень редко можно встретить термин «забайкальский бурят». По-видимому, здесь играла роль традиция. Забайкальских жителей называли не бурятами, а монголами, причем часто «российскими мунгалами», в отличие от подлинных монголов.

Но при всех этих обстоятельствах сравнение трудов Миллера и Георги, не говоря об официальных источниках, позволяет установить тенденцию замены названия монголов именем бурят. По-видимому, как сказано выше, это было следствием сближения монгольских выходцев с местными — селенгинскими и удинскими бурятскими родами.

Новые сведения по этому вопросу обнаружены в оставшемся неизвестным исследователям сочинении, написанном в 1788 году надворным советником Францем Лангансом, обра-

---

<sup>1</sup> Ежемесячные сочинения..., стр. 110.

<sup>2</sup> Там же, стр. 112.

<sup>3</sup> Там же, стр. 130—131. Упоминаемые здесь солоны—эвенки.

ботавшим и дополнившим по поручению иркутского генерал-губернатора сведения, доставленные с мест. Автор — человек, хорошо знающий местный край и не лишенный наблюдательности. Об этом свидетельствует хотя бы его замечание, что «большая еще разность (бурят с монголами — Е. З.) состоит в том, что они, т. е. настоящие буряты, никогда над собой ни князей ниже дворян не имели и рабство было им прежде, как и ныне, вовсе неизвестно»<sup>1</sup>. Хотя замечание об отсутствии рабства у бурят в патриархальной его форме и опровергается новейшими данными, автор правильно отмечает отсутствие у бурят развитых феодальных отношений.

Относительно же названия российских монголов Ланганс пишет: «Монголы, в российском подданстве находящиеся, в разговорах между собой и бурятами называют себя м о н г о л, а когда с россиянами дело имеют, то именуются братскими. Сему причиною объявляют, что будто бы им монголами называться от российских правительств давно запрещено. В ревизиях действительно писаны они братскими»<sup>2</sup>.

Здесь мы находим ценное подтверждение изменения названий монгольских родовых групп. Но мнение о том, что постепенное исчезновение имени монголов было следствием запрета со стороны администрации, вызывает большие сомнения. Прежде всего, если бы такое запрещение действительно имело место, сведения о нем должны были бы сохраниться в архивных фондах. Даже если предположить, что случайно соответствующие материалы еще не обнаружены, то можно ли допустить, чтобы подобное административное распоряжение осталось неизвестным участникам академических экспедиций — современникам Ланганса?

Скорее то, что среди монгольских переселенцев этноним «буряты» постепенно приобрел наибольшее распространение, объясняется их стремлением слиться с бурятами. Ведь они сами определили свою судьбу, переселившись за пограничный рубеж. Не следует забывать, что процесс добровольного присоединения к России был процессом длительным, так как многочисленные монгольские группы, вливавшиеся в состав бурятской народности, стали подданными Русского государства в самом конце XVII и даже в начале XVIII века. Добровольность их присоединения к России нет нужды доказывать. Она очевидна, ибо никто не гнал их на север. Более того, имеется обширный документальный материал, свидетельствующий о массовом бегстве монголов в Россию. На основании пограничных трактатов их вытесняли обратно вооруженной силой, многих везли, чтобы сломить их сопро-

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, ф. 1264, оп. 1, № 2, л. 93.

<sup>2</sup> Там же, л. 120.



тивление, связанными<sup>1</sup>. Понятно, что те, кому удалось уже обосноваться в России или, прорвавшись через кордоны, добраться до забайкальских кочевий, стремились прочно обосноваться на своей новой родине.

Тесный и разносторонний контакт с бурятами на протяжении одного-двух поколений привел не только к установлению прочной связи между старожилами и новопришельцами, но и к фактическому объединению в единую народность. Русская администрация способствовала этому, установив единообразные порядки для всего забайкальского населения, а местами создав «роды», в составе которых оказались и коренные буряты, и «мунгальские выходцы». Кроме того, следует учитывать политику разрушения традиционных связей между жителями пограничной полосы, проводившуюся для стабилизации состава населения и предотвращения столкновений и конфликтов по обе стороны границы, как русской, так и маньчжурской администрацией.

Память о монгольском происхождении, естественно, сохранялась среди выходцев из-за рубежа и она проявилась позднее в широком распространении среди селенгинских бурят названия «монголо-буряты».

С. А. Токарев замечает по этому поводу, что «буряты — народ смешанного происхождения, а отнюдь не простое ответвление монголов, как представляли себе дело бурятские буржуазно-националистические ученые, введшие по этому поводу как раз и искусственное обозначение: «бурят-монголы», вместо самоназвания народа — «буряты»<sup>2</sup>.

Нельзя не согласиться с С. А. Токаревым, что буряты — народ смешанного происхождения, а не ответвление монголов. Но ссылка на буржуазных националистов, якобы впервые введших в обращение термин «бурят-монголы», несерьезна. Он существовал много раньше. Едва ли кто-нибудь станет утверждать, что бурятские националисты появляются раньше конца XIX столетия, когда капиталистические отношения проникают в бурятский улус и вызывают к жизни первые ростки национальной буржуазии. А между тем, протонерей Орлов, которого и по времени его жизни (первая половина XIX в.), и по характеру деятельности никак не назовешь националистом, назвал первый составленный им бурятско-русский словарь «Словарем монголо-бурятского языка». Хоринско-агинскими монголо-бурятами называл хоринцев К. Стуков<sup>3</sup>. Ряд бурятских хроник, особенно селенгинских, составленных до появления первых буржуазных на-

<sup>1</sup> И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 78—79.

<sup>2</sup> С. А. Токарев. О происхождении бурятского народа. Советская Этнография, 1953, № 2, стр. 45.

<sup>3</sup> Иркутские губернские ведомости, 1859, № 33.

ционалистов, именуется также историями монголо-бурятских родов<sup>1</sup>. Правда, термин «бурят-монголы» заменен здесь другим — «монголо-буряты», но этим термином селенгинские и отчасти хоринские буряты подчеркивали участие монголов в формировании забайкальских бурят.

Следовательно, термин «бурят-монголы» имел некоторое распространение в Забайкалье, преимущественно среди образованной части бурят, хотя в повседневной жизни и заменялся обиходным «буряты». Термин этот мог возникнуть только там, где действительно шло слияние бурятских и монгольских элементов в единую народность. Численный перевес бурят и здесь был несомненным, но вхождение в состав селенгинских бурят заметных по своему составу монгольских родовых групп — факт неоспоримый. Дать количественное определение удельного веса их невозможно, ибо уже Ланганс сперировал лишь общей численностью бурят, «нераздельно с русскими мунгалами».

Хотя термин «бурят-монголы» или «монголо-буряты» и не является одиозным, он не точен. Ибо если процент монгольских по происхождению элементов был значителен в Селенгинском ведомстве, то по отношению ко всем бурятам он был невелик. Термин этот и не пользовался повсеместным распространением: западные буряты его не употребляли вовсе. И даже на востоке люди, как правило, называли себя бурятами, а не монголо-бурятами. Поскольку единая народность складывалась в масштабе всей Бурятии, а не только забайкальской ее части, то правильнее говорить об образовании бурятской народности. И это вполне соответствует фактическому положению вещей, так как исконно бурятские роды не только явились основным ядром складывавшейся народности, но и составляли в ней абсолютное большинство<sup>2</sup>.

Монголы включились в состав бурятской народности в процессе ее формирования. Но, может быть, они просто были постепенно ассимилированы уже сложившейся ранее бурятской народностью? Для решения этой проблемы нужно рассмотреть вопрос о степени консолидации бурят к моменту прихода русских.

В литературе, как уже указано выше, проблема иногда

---

<sup>1</sup> См., напр., Л. С. Пучковский. Монгольские рукописи и ксилографы Института Востоковедения. М.—Л., 1957, стр. 128—130.

<sup>2</sup> Должен отметить, что в прошлом я, переоценивал значение монгольских элементов в образовании народности, ошибочно полагал, что она складывалась, как бурят-монгольская. Отсюда же происходили и некоторые другие ошибки, в частности утверждение о строгом различении учеными XVIII в. бурят от монголов. См. мою статью «К вопросу об образовании бурят-монгольской народности». Записки НИИК, вып. XXII, Улан-Удэ, 1956, стр. 36.

сводится к спорам — было ли у бурят единое имя, или о времени, когда название буряты становится принятым у всех бурятских племен. Вопрос этот не лишен известного интереса, но самая его постановка в данной связи неправомерна. Распространение единого имени является отражением осознания национальной общности, но порой возникает и благодаря случайным обстоятельствам. Нередко группа родственных племен получает название от соседних народов и это имя входит в употребление вне всякой связи с процессом консолидации. Преобладание в сибирской этнонимике, названий, данных соседними народами над самоназваниями является лучшим тому доказательством. Чукчи, тунгусы, гольды, якуты — все эти названия не являются самоназванием.

Проследим историю термина «бурят». Впервые он встречается в «Сокровенном сказании», где при перечислении монгольских племен упоминаются булия (буряты), а наряду с ними — хори-туматы, икересы, бархуны (баргуты)<sup>1</sup>. У Рашид эд-дина находим хори-туметов, булагачинов, икиресов и баргутов. Наконец, в летописи Санан-Сэцэна упоминается термин ойрат-бурят<sup>2</sup>, относимый к 1189 г. Вот, собственно, и весь круг источников, которые фигурируют, за отсутствием иных, во всех трудах по ранней истории бурят.

Нетрудно убедиться, что буряты соседствуют здесь с другими племенами — хори-тумэтами, ихиритами, баргутами, сохранившимися до наших дней. Но никакого племени или рода, именуемого бурятским, к XVII веку не было. Предположение, что такое племя, «не выделявшееся из ряда других племен» (по словам С. А. Токарева), существовало, мало вероятно. Хотя распространение племенного имени на союз племен или даже народность, как это было, например, с монголами, вещь весьма обычная, но самое это племя не забывает своего старого имени, по крайней мере в тот период, когда еще сохраняются черты родо-племенного строя. А у бурят они были живы еще и много позднее XVII столетия.

Считать, что термин бурят в XIII или XIV веках уже обозначал целую народность, противоречило бы нашим представлениям по ранней бурятской истории, а равно и показаниям источников, в которых, как мы видели, это имя употребляется на одинаковых основаниях с именами, безусловно обозначавшими отдельные племена. Это наводит на мысль, что перед нами термин собирательный, обозначавший племенные объединения, первоначально, надо полагать, весьма нестойкие. То, что в «Сокровенном сказании» имеются буряты, но отсутствуют булагаты, а у Рашид эд-дина, как из-

---

<sup>1</sup> Сокровенное сказание. Пер. С. А. Козина, т. 1, М.—Л., 1941, стр. 174.

<sup>2</sup> I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen, 1829, стр. 75.

вестно, прекрасно ориентированного в источниках по монгольской истории, наоборот, есть булагаты, но нет бурят, наталкивает на мысль о правильности старого предположения, что основным ядром бурят были именно булагаты.

Но все это гипотетично, ибо этнонимика дает нам немало примеров исчезновения конкретных носителей имени, при сохранении этого последнего, впоследствии «принимаемого на вооружение» отдаленными потомками. Между XIII и XVII веками никаких упоминаний о бурятах в источниках нет, может быть, в силу малочисленности их и замыкания монголов в последующий период истории в рамках их собственной страны.

Сведения Санан-Сэцэна тут малополезны, потому что он мог использовать, сообщая о бурятах те же источники, на которые опираются и нынешние исследователи, а во-вторых, сам он жил в XVII веке, в пору, когда русские уже распространились по всей территории «братской земли» и перешагнули за Байкал и когда термин буряты не мог быть неизвестным в Монголии. Позднее монголы не употребляли другого имени, кроме бурят, и никогда не называли их монголами, хотя близость бурятского языка к монгольскому и наличие общих черт в культуре были им, конечно, известны.

Следовательно, терминологический анализ не оказывается полезным для нашей темы, и решения следует искать в степени консолидации бурят и выяснении наличия здесь элементов национальной общности. С. А. Токарев явно переоценивает ее. Его высказывания заслуживают быть приведенными полностью: «...в момент прихода русских все буряты очень отчетливо сознавали себя людьми одной народности. В отписках служилых людей, о какой бы племенной группе бурят ни шла речь, все они именуются обычно «братскими людьми», видимо, русские служилые нисколько не затруднялись отличать их от тунгусов, монголов и других народов. В своих довольно многочисленных челобитных буряты всегда, независимо от племени, рода, уезда (? — Е. З.), называли себя общим этническим именем (очевидно, «бурят»), которое в русских документах переводилось—«братские люди», «братские мужики»<sup>1</sup>.

Ссылка на бурятские челобитные тут мало полезна, ибо естественно, что буряты называли себя именем, принятым у русских, да и писали эти челобитные русские толмачи. К тому же, обязательным имя бурят было только на западе; на востоке, за Байкалом, оно встречается всегда лишь в документах, написанных по-русски, что подтверждает высказанную выше мысль. В документах же, челобитных и иных, составленных по-монгольски, селенгинские буряты довольство-

---

<sup>1</sup> С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 47.

вались часто указанием своего рода, а хоринцы и в XVIII, и в XIX веке нередко называли себя хоринским народом.

Это расхождение в терминологии документов, писанных по-русски и по-монгольски, ускользало от внимания исследователей. Следовательно, в Забайкалье указание на принадлежность к бурятам не считалось обязательным даже среди хоринцев, которые были безусловно племенем не монгольским, а бурятским. Как обстояло дело на западе, сказать трудно, ибо здесь иной письменности, кроме русской, не существовало, и сила традиции, восходящей к творчеству толмачей XVII века, сказывалась в полной мере.

Первый же аргумент — то, что русские никогда не смешивали бурят с тунгусами, прямо противоположен выводам, сделанным С. А. Токаревым. Прежде всего, мудрено было спутать скотоводов-бурят с оленеводами-тунгусами при бросающемся в глаза своеобразии культуры тех и других. А, кстати сказать, в отношении конных тунгусов такая путаница порой возникала. Тэртеевский род в Тунке называют то бурятским, то тунгусским. Главное же здесь заключается в том, что ссылки на тунгусов подрывают всю аргументацию. Русские их называли тоже одним именем, хотя довольно очевидно, что тунгусы, не имеющие общей территории, рассеянные на огромном пространстве от Оби до Тихого океана, жившие еще в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя, являлись тогда не народностью, а этнографической группой.

С какой стороны мы ни пытались бы, следуя своим предшественникам, связать распространение этнонима с консолидацией народности, везде критическое рассмотрение доказательств подводит нас к выводу, что на таком шатком базисе решать вопрос о становлении народа невозможно.

Но подобный критический обзор является абсолютно необходимым, поскольку именно этот аргумент играл большую роль во всех существующих концепциях. Так, например, решается вопрос и в «Истории Бурят-Монгольской АССР»: «Эти племена уже (к приходу русских — Е. З.) составляли народность, о чем свидетельствует общее имя — буряты, которое их объединяло. Они стояли на одной ступени социально-экономического развития и имели одинаковую культуру, которая при всех местных различиях представляла собой определенную этнографическую общность»<sup>1</sup>.

Основное — общность имени, а все прочее с успехом может быть сказано и о любой группе близкородственных племен.

Чтобы определить степень национальной консолидации, нужно рассмотреть вопрос об общности территории, общности

<sup>1</sup> История БМАССР, изд. 2-е т. 1, Улан-Удэ, 1954, стр. 56.

языка, общности культурного склада и, наконец, общности экономической жизни. Наконец, и это главное, надо выяснить уровень социально-экономического развития бурятского общества, ибо если нация является категорией капиталистического общества, то народность складывается в предшествующие формации, но лишь со становлением классового общества, т. е. в данных конкретных условиях — феодального. Хотя подробное рассмотрение социального строя бурят будет дано позднее, уже здесь нам необходимо выяснить некоторые его черты.

Расселение бурятских племен в XVII веке уже достаточно хорошо выяснено по архивным материалам, приведенным в двух этнографических обзорах С. А. Токаревым<sup>1</sup> и Б. О. Долгих<sup>2</sup>, из которых более совершенным, соответствующим материалам, имеющимся в нашем распоряжении, представляется второй. Карта Б. О. Долгих свидетельствует о наличии единой территории, разорванной, однако, полосой горной тайги в Прибайкальских хребтах, где кочевали тунгусы. В бассейне Ангары и Верхней Лены жило компактно подавляющее большинство бурятских племен, а в восточную группу входили атаганы, сартолы и хоринцы, жившие по Уде и в низовьях Селенги, а также частично на Ольхоне и примыкающем к нему участке побережья Байкала. Эта восточная группа непосредственно соседствовала с табангутами, а также с монголами, занимавшими, вперемежку с бурятами, весь бассейн Джиды, низовья Темника и долину Селенги вплоть до северной оконечности Гусиного озера.

Следовательно, восточные буряты теснее соприкасались с чисто монгольскими племенами Забайкалья, нежели со своими сородичами к западу от озера. Разграничение между западными и восточными бурятами, несомненное в XVIII—XIX веках, существовало, как отмечено выше, и в XVII веке. Оно проявлялось не только в языковых или культурных особенностях, но и в различии политической судьбы. Если западные буряты подвергались лишь sporadическим вторжениям монгольских князей, то восточные, в частности хоринцы, оказывались в непосредственной от них зависимости. Хоринские предания утверждают, что хоринцы были в подчинении у одного из монгольских ханов и перешли на те земли, где их застали русские, лишь в самом конце XVI века<sup>3</sup>. Заметим попутно, что Тугулдур Тобоев отмечает: «Вследствие того, что поблизости существует издревле находящийся на северной и южной стороне Байкала (т. е. на западной и восточ-

---

<sup>1</sup> С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. Записки ГИЯЛИ, в. 1, 1939 г.

<sup>2</sup> Б. О. Долгих. Некоторые данные к истории образования бурятской народности. Советская Этнография, 1953, № 1, стр. 50.

<sup>3</sup> Летописи хоринских бурят. М.—Л., 1940, стр. 15—16.

ной — Е. З.) народ по имени буряты, они стали, в подражание им, называться русским наименованием—бурятами одиннадцати родов хоринских»<sup>1</sup>. Не вдаваясь в проверку утверждения Тобоева, отметим, что для просвещенного хоринца середины прошлого столетия имя буряты представлялось не национальным, а данным русскими.

Оставляя в стороне дискуссию о времени расселения хоринцев на указанной территории, следует упомянуть о несостоятельности утверждения С. А. Токарева о том, что хоринцы лишь после прихода русских появляются в Забайкалье. Это утверждение может быть оправдано только в свете уже подвергнутого критике мнения названного автора о проживании за Байкалом неких феодализованных бурят «без роду и племени», о дальнейшей судьбе которых он ничего не говорит. Это и понятно, ибо ничего похожего на такие, полностью утратившие родовые связи группы в XVIII веке, когда данные становятся неизмеримо достовернее, найти невозможно. Русские документы молчат потому, что они вообще ничего не сообщают о родовой структуре забайкальских бурят. Но нельзя, конечно, игнорировать собственно хоринские летописи, основанные на народных преданиях, а для более позднего времени — на добротных архивных материалах.

Да и русские документы проливают некоторый свет на это дело. В конце XVII и особенно в начале XVIII века весьма обильны челобитные хоринцев о возвращении им их исконной территории, «породных земель» по тогдашней терминологии, причем наряду с Ольхоном и Приольхонским краем, тут фигурируют и долины Уды, Ингоды и даже Итанцы<sup>2</sup>.

Тесной и непосредственной связи между хоринцами и западными бурятами не существовало. В тех временных объединениях, которые складывались в Бурятии во время присоединения и в которых в различных комбинациях принимали участие многие западные роды, насколько позволяют судить наши материалы, хоринцы никогда не были партнерами.

Отсюда следует вывод, что тесного контакта между западной Бурятией и землями хоринцев не существовало до прихода русских. Возможно, что не было также и общего имени. Хотя состав бурят, как это теперь твердо установлено, и не ограничивался тремя племенами, хоринцы составляли весьма значительную часть бурятской народности, в дорусский период, как видим, весьма мало связанную с прочими племенами. Подлинное единство территории этого и других

---

<sup>1</sup> Летописи хоринских бурят, стр. 17. Аналогично смотрел на дело и другой летописец — Вандан Юмсунов. Там же, стр. 46.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ф. 1121, ст. 43, лл. 144—145; ст. 71, л. 32 и сл., ст. 19, лл. 29 и сл.

племен устанавливается лишь в самом конце XVII века, когда переселения и побег, завершавшиеся обратным выходом на русскую сторону, привели ряд эхиритских и булагатских по своему происхождению родов, или, точнее, обломки этих родов в Забайкалье, где они сближались с расселившимися там хоринцами.

Второй обособленной группой являются селенгинские буряты. До конца XVII века, т. е. до событий 1689 года, начиная от района Селенгинска и к югу от Чикоя, а также, по-видимому, и несколько севернее его, бурят было мало. Правобережье Селенги заселяли табангуты, а по левобережью и долине Джиды—монголы. Кроме того, здесь было многочисленное тунгусское население, сохранявшееся в этом районе и много позднее. Наиболее достоверные сведения, относящиеся к 1681 году, т. е. ко времени, когда табангуты сохраняли еще независимость от русских, содержатся в статейном списке сына боярского Василия Турсково, отправленного в Монголию с посольством. Первых табангутов Турсково встретил у реки Таганцары в первый же день по выезде из Селенгинска. В следующие два дня, на пути до Чикоя и вдоль по этой реке посольство все еще оставалось в земле табангутов. Лишь перейдя на третий день через Чикой, Турсково более табангутов не видел и местных жителей называет мунгалами<sup>1</sup>. В том, что табангуты не принадлежали к числу бурят, сомнений в то время не было и не появилось их даже и у последующих авторов, потрудившихся над бурятской историей. Отличали их и от монголов, как самостоятельную в политическом отношении группу. Потомки Кукан-хана (Тушету-хана) отказывались нести ответственность за воровские действия табангутов — «те де люди живут особе не под нашими тайшами»<sup>2</sup>. Итак, перед нами вторая группа, скорее политическая, чем племенная, в отношении взаимоотношений которой с бурятами не может быть даже тех слабых колебаний, какие возникают относительно хоринцев. Табангуты, безусловно, не входили в состав бурят до их формального подчинения в 1689 году и фактического, который должен быть отнесен к 90-м годам XVII столетия и первой трети XVIII, когда они с трудом прокладывали дорогу на свои «породные земли», где их ждали новые условия, но где жизнь была все же более легкой, чем под властью маньчжур и монгольских ханов. Лишь к исходу первой трети XVIII века можно говорить о действительном включении табангутов в процесс формирования единой с бурятами народности.

Третья группа, также не связанная тесно с бурятами, это те, кого позднее называли российскими мунгалами (ве-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 18 (ст. 13), лл 1—2.

<sup>2</sup> Там же, № 23 (ст. 35), л. 64.



роятно, этот термин прилагался не только к собственно монголам, но и к табангутам). Б. О. Долгих совсем не выделяет чисто монгольских родов. По его мнению, «бурятское население, находившееся в ведении Селенгинского острога, состояло из трех групп: 1) четырех отдельных родов-атаганов, сартолов, хатаганов и узонов, 2) племенной группировки табангутов, 3) булагатов и эхиритов — выходцев из Прибайкалья»<sup>1</sup>. Это неточно, так как помимо растворения одиночных выходцев среди всех почти родов селенгинских бурят здесь существовали и особые роды, составленные из одних монголов.

Прежде всего, может быть назван Подгородный род, красочная история выхода которого под водительством вождя Андахая, спасавшегося от преследований разгневанного монгольского хана, изложена в рукописной его истории, составленной одним из потомков названного Андахая<sup>2</sup>. То, что в этом «роде» не было реэмигрантов, подтверждается отсутствием упоминания о «породной земле», обычного в таких хрониках. Род был поселен поблизости от Селенгинска, по каковому поводу он и получил свое название. Иногда, впрочем, его называют Тураевым родом и сопоставляют с одноименным родом тункинских бурят. Но это сопоставление основано на курьезном недоразумении. При переводе данного им имени с русского языка на монгольский местные грамотеи осмыслили приставку «под» как «полу» и соответственно перевели ее как «половина» — х а г а с, для города был избран один из имеющихся в монгольском языке терминов т у р ё. В итоге и получилось х а г а с - т у р ё н н о т о к, в обратном переводе на русский язык — «полугородской род». С течением времени нелепая приставка х а г а с отпала и название рода стало Тураевым. В этом роде уже в 1735 году числилось 103 ясакоплательщика, число по тем временам не малое. Высказаться положительно по вопросу, были ли еще роды, объединявшие только монголов, трудно. Но в составе всех селенгинских и отчасти хоринских родов были «мунгальские остальцы» и «выходцы». Контакт между этой группой и чисто бурятскими племенами начинается также, как и с табангутами, лишь после присоединения к России. Сложение селенгинских бурят, важной и по численности, и по своему удельному весу части бурятской народности, никак не может быть приурочено ко времени ранее начала XVIII века.

Окончательно состав этой бурятской группы стабилизировался после заключения Буринского трактата 1727 года, когда прекратилось массовое передвижение населения между Россией и Монголией и прочно осели на новых землях за-

<sup>1</sup> Б. О. Долгих. Указ, соч., стр. 52.

<sup>2</sup> Я смог познакомиться с ней в копии, хранящейся в частной коллекции.

падные буряты, очутившиеся здесь в подавляющем большинстве случаев в результате вторичной миграции, завершившей их более ранние побеги в Монголию. Их прежние «породные земли» оказались занятыми или не хватало сил и средств для достижения родных мест. С другой стороны, за Байкалом многие земли до возвращения их прежних владельцев пустовали. Резмигранты располагались тут своими кочевьями и в конечном счете акклиматизировались.

Соотношение составных элементов селенгинских бурят было по наиболее достоверным сведениям, доставленным в 1735 году Миллеру, примерно следующим: табангутов (3 Табангутских и Цонголов роды) — 707 ясакоплательщиков; родов, по-видимому, не бурятского, а монгольского происхождения (Атаганов, Сартолов, Узенов) — 665; родов чисто монгольских (Подгородный) — 103; западных бурят (булагатов и эхиритов) — 789. Таким образом, забайкальских бурят и монголов (включая табангутов) было 810, а западных бурят лишь немногим менее. Здесь то и следует видеть истоки объединения в процессе национальной консолидации западных бурят и восточных. Отметим, что условия для такого контакта были прямым следствием присоединения к России.

Наконец, четвертая группа, также включающаяся в состав бурятского народа, это «конные тунгусы», которых, как уже указывалось, документы XVII века называют в очень многих местах — по Чикюю, под Нерчинском, там, где их позднее почти не обнаруживается. Поскольку поглощение их бурятами было следствием процесса ассимиляции, а не национальной консолидации в строгом смысле слова и поскольку их судьба может послужить темой специального исследования, здесь нет надобности подробно на ней останавливаться.

Наш обзор подводит к выводу, что общность территории для всех, и бурятских, и монгольских групп, связанная с постоянным общением между ними и с возникновением общих интересов складывается в конце XVII — начале XVIII века после прихода русских и под его непосредственным воздействием.

Мы выяснили лишь одну сторону вопроса, установив, что присоединение Прибайкалья, в широком смысле слова, к России сблизило различные этнические группы населения, способствовало сложению единой территории, в частности, еще и путем окончательной ликвидации на этнографической карте расселения бурят широкой белой полосой, отделявшей в середине XVII в. западных от восточных. Это явилось следствием, с одной стороны, распространения бурятских кочевий на всю территорию нынешнего Усть-Ордынского национального округа вплоть до Ольхона, с другой — заселения бурятами долины Иркутка после основания Тункинского остро-

га. И здесь линия кочевьев подошла к гольцам, за которыми через Санагу шли тропы в долину Джиды. Этот путь, теперь почти не используемый, не считался в те времена непреодолимым и по нему совершались даже перекочевки со скотом. Короче говоря, территория расселения бурят сомкнулась и на юге, и на севере.

Этим значение присоединения к России для стабилизации территории не ограничивается. Оно устранило помехи обособлению местных племен от монгольских феодалов, чье влияние простиралось прежде за пределы их уделов. Рассматривая бурят, как объект для грабежа и сбора дани, носившего по преимуществу нерегулярный характер, монгольские ханы препятствовали объединению бурят, задерживали развитие их экономики, в частности делая невозможным полное освоение богатых пастбищных угодий по Ангаре и Иркуту, в местах, где проходили обычно их воинственные дружины, или лежащих слишком близко к ставкам ханов, особенно досаждавших бурятам своими захватами и притеснениями.

Еще в начале XVII века здесь было много свободных земель. Тункинские бурятские шуленги и тувинский шуленга в 1726 г., будучи расспрашиваемы о пограничных местах, сообщили: «По Иркуту реке вниз от Турана камени... по правую сторону до Тункинского острогу и ниже Тункинска по обе стороны до речки, именуемые Телбете, санных покосов и пахотных земель довольно число и можно селить пашенных крестьян и братских ясачных иноземцов»<sup>1</sup>.

Монгольские нападения были нередким явлением. Жалобы бурят, что приезжают к ним «в брацкие землицы мунгальские люди по вся годы и збирают с брацких и иркутских ясачных людей ясак на своих тайшей сильно и чинят де ясачным людям обиды и налоги, отымают у ясачных людей жен и детей и увозят к себе в Мунгальскую землю»<sup>2</sup> сыпались как из рога изобилия в первые десятилетия после постройки русских острогов.

Иные из монгольских или калмыцких тайш, причем не только светские, а и уже появившиеся тогда духовные феодалы, не довольствуясь подобными визитами, облагали местное население постоянной данью, взимавшейся неукоснительно под угрозой военного разгрома. Таковы были, например, взаимоотношения бурят, подведомственных Красноярскому острогу, с калмыцким Геген-Кутухтой, который и после постройки острога, как мы уже знаем, домогался в чрезвычайном воинственном тоне сохранения его прав на дальнейший сбор ясака с местного населения<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ААН, 28, № 35, л. 99.

<sup>2</sup> Там же, 23, № 234, л. 258.

<sup>3</sup> Там же, № 237, л. 259.

Последствия этих набегов были столь разорительны, что буряты сами оказывались вынужденными просить о постройке острогов в их земле.

Часть же родов, вошедших в состав бурят, находилась некогда в прямом подчинении у монгольских ханов. Ф. Ланганс по этому поводу сообщает: «По вернейшим известиям название родов их («российских мунгалов» — Е. З.) следующие: Цонгол, Сартол, Табангот, Хатагин, Езен, Подгородный, Хоринцы. До вступления их в российское подданство первые шесть орд принадлежали к владению монгольского Саин-хана, а последние были в подданстве у монгольского же Цецен-хана»<sup>1</sup>. Эти зависимые в той или иной степени роды, частью монгольского происхождения, естественно, отрывались от остальных бурятских родов, и политическая зависимость, как это было везде, затрудняла процесс консолидации.

Только окончательное разграничение, проведенное в 1727 году, и обоюдная, русского и маньчжурского правительств, политика, направленная к умиротворению на границе, полностью ликвидировали возможность притеснения бурят и российских мунгалов монгольскими феодалами. Как мы знаем, уже создание сети острогов ограничило их возможности, но тогда их посягательство на бурят, отклоненное при попытке добиться их передачи дипломатическими средствами, приняло лишь иную форму. Постоянные набеги, сопровождавшиеся отнятием и угоном стад — главного бурятского богатства, были иной раз более разорительными, чем прежние наезды за данью. Они не только подрывали хозяйство бурят, но и вели к сокращению осваиваемой площади пастбищных угодий.

В итоге мы можем отметить, что та общность территории, которая уже существовала к западу от Байкала и начала складываться у западных и восточных бурят после переселения хоринцев, была закреплена окончательно, распространившись и на те монгольские по происхождению группы, которые вошли в состав бурятской народности. Присоединение к России окончательно закрепило эту территорию за бурятами (чему, разумеется, не мешала крестьянская колонизация) и устранило те явления, которые препятствовали такому закреплению, то есть неразделенность Бурятии с Монголией, способствовавшую вторжениям. Датой такого размежевания является 1727 год.

Единство языка устанавливается медленно. Правда, различия, существовавшие в XVII веке и сохранявшиеся еще в течение очень длительного времени, носили диалектальный

---

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 2.

характер и не создавали непреодолимых трудностей для взаимного общения. Это объясняется тем, что в процессе более раннего этногенеза, когда в состав бурят вливались предположительно тюркоязычные и тунгусские роды, в частности, остатки древних курыкан, что нашло свое отражение в бурятском языке, восторжествовали монголо-язычные племена, и даже самые отдаленные западные диалекты, несмотря на присущее им своеобразие, сохранили основные черты, присущие монгольским языкам. Грамматический строй и основной словарный фонд в основе совпадает с монгольским, но в дальнейшем своем развитии бурятский язык превратился в язык самостоятельный, хотя и принадлежащий к монгольской группе языков.

Наиболее отдаленными от халхаского являются западно-бурятские говоры, тогда как селенгинский диалект к нему гораздо ближе. И это неудивительно, поскольку среди селенгинских бурят значительно число монголов, говоривших в XVII столетии, надо полагать, на чисто-монгольском языке. Диалектальные особенности здесь можно предполагать лишь у табангутов, вследствие их обособленности. Таким образом, подвергнутый известной модификации, монгольский язык в говоре селенгинцев превратился позднее в один из основных диалектов бурятского языка.

Промежуточное положение занимает хоринский диалект, наиболее понятный для всех групп бурят, что и выдвинуло его уже в наши дни на роль литературного бурятского языка, правда, обогащенного материалом, почерпнутым из других диалектов.

Диалектальный характер расхождений между языком трех основных групп, а также многочисленных говоров, существующих в Бурятии, обилие которых вполне естественно, принимая во внимание племенную раздробленность, позволяет говорить о существовании в XVII веке единого языка. Превращение его в действительно общий для всех бурят язык происходит уже в советское время, в связи с формированием литературного языка.

До Октября изолированность диалектов фактически почти полностью сохранилась, так как экономические и культурные связи были крайне ограничены, а общенародная письменность отсутствовала. Более того, использование русского языка как письменного на западе, и распространение основанной на монгольской графике письменности на востоке консервировали диалектальную разобщенность, хотя и не углубляли её, поскольку грамотность в обоих случаях была уделом немногих.

Единство языка было достигнуто к периоду присоединения к России среди западных бурят, но в целом формирование его относится к более позднему времени, поскольку селенгин-

ский диалект возникает лишь в процессе освоения Забайкалья.

Сложным является вопрос об общности культуры и психического склада. Сложным потому, что такая общность в XVII веке была, пожалуй, большей, чем в последующее время, когда и материальная и духовная культура Бурятии приобрели на западе и востоке существенное различие в связи с гораздо большим русским влиянием в забайкальской части страны и значительной консервативностью жизненного уклада, а главное, влиянием ламаизма — на ее востоке.

Для XVII века несомненна близость бурятской и монгольской культуры. Эта тема плохо изучена, и сейчас более чем актуальна задача показать культурную общность и давние культурные связи народов, говорящих на монгольских языках, ибо нет более феодально-теократической Монголии, рассеялись мрачные, бредовые призраки пан-монголизма, пытавшегося надеть на монгольскую шею японский хомут, существуют Бурятская АССР, народная Монголия и Автономный район Внутренней Монголии освобожденного Китая.

Близость тогдашней бурятской культуры к монгольской и позволяет нам понять, что включение в состав народности монгольских групп не нарушало единства психического склада. Разумеется, ссылка на общность не исключает глубокого своеобразия бурятской культуры, проявляющегося в разных ее областях: и в распространении, точнее сохранении, земледелия, и в богатом и самобытном народном творчестве, и в идеологии. Но при всем том культурная общность была велика, особенно в области культуры материальной.

Русские документы показывают, что буряты занимались таким же экстенсивным животноводством, как и монголы. Их хозяйство было, правда, несколько более сложным: им было знакомо земледелие; не довольствуясь выпасом скота на подножном корму, они заготавливали некоторое количество сена, и уже в XVII веке имели утugi. Это подготавливало условия для начавшегося в XVIII веке перехода их к оседлости. Но существенного значения все это еще не имело и экстенсивное животноводство было доминирующей формой хозяйства.

Культура духовная западных бурят и хоринцев была идентичной, их мифы и легенды обнаруживают большое сходство, у тех и у других господствовали шаманские представления. Несколько иначе обстояло дело у бурят селенгинских, где в какой-то мере была распространена средневековая монгольская культура и, главное, начал проникать ламаизм. Уже Колесников и Бекетов видели в начале 50-х годов XVII века в ставке Култуцина ламу, окруженного

большим почетом<sup>1</sup>. Но ламаизм тогда еще только пускал корни в Забайкалье и, сумев завоевать поддержку местных князей, нуждавшихся, как и их монгольские собратья, в освящении религиозным авторитетом феодального угнетения, еще не получил широкого распространения в массах. Решительная схватка между ламами и шаманами, особенно жестокая у хоринцев, была еще впереди. Лишь роды, вышедшие из самой Монголии и, может быть, табангуты были в большей мере затронуты ламайской пропагандой, но и здесь синкретизм, широко распространенный еще и в начале XIX столетия, показывает, что победа ламам давалась не без труда. Свою роль в истории забайкальских бурят ламаизм сыграл позднее. Религиозная разобщенность, — а значение религии возрастает, чем более удаляемся мы вглубь веков, — тогда не нарушала существенно единства психического склада.

Говорить об единстве экономической жизни в XVII веке можно лишь в отношении ее единообразия. Но оно существует и на самых ранних ступенях общественного развития. Экономические же связи между отдельными группами бурят, равно как и внутри этих групп, почти полностью отсутствовали. Простой обмен, который не нарушал глубокой натуральности хозяйства, был направлен, так сказать, во вне. Торговые связи велись, главным образом, с монголами, позднее с русскими, причем у бурят они носили до прихода русских в значительной мере посреднический характер. Данные об обмене между самими бурятами почти полностью отсутствуют, нет оснований говорить даже о географическом разделении труда. Но этот признак нации — общность экономической жизни, как известно, складывается позднее, на пороге торжества капитализма, до которого бурятскому обществу было очень далеко.

Оживление экономической жизни в конце XVII и в начале XVIII века было связано с развитием торговли в Восточной Сибири, причем в эту торговлю втягивались и буряты. Это имело большое положительное значение, но, конечно, не вело к образованию внутреннего рынка. Констатацией этого можно и ограничиться, поскольку данный признак нации не является конституирующим понятием народности.

Итак, основные черты, характеризующие народность, были налицо. Но сила родо-племенных отношений у бурят, особенно у западных, была еще велика. Об этом говорят и авторы «Истории БМАССР», которые полагают, что буряты еще до прихода русских сложились в единую народность, но последнюю составляли «еще слабо связанные друг с другом родовые и племенные группы»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ААН, 22, № 178, л. 269.

<sup>2</sup> «История БМАССР», т. I, изд. II. Улан-Удэ, 1954, стр. 56.

Поскольку у западных бурят еще сохранялись черты родо-племенного строя с характерной для него раздробленностью и междоусобицами, которые не смогло ликвидировать на первых порах и установление русского управления<sup>1</sup>, консолидация их не могла продвинуться особенно далеко, несмотря на распространенность этнонима буряты, который был, вероятно, названием союза племен, в дальнейшем распространявшимся на все племенные и родовые группы, вливавшиеся в состав бурятской народности. В окончательном утверждении этого имени могли сыграть некоторую роль и сами русские. Ведь нет сомнения, что тунгусское название йокол стало повсеместным среди сахаларов (якутов) после присоединения их к России, что неизвестно откуда возникший этноним гольды стал общеупотребительным и до революции единственным названием этой народности, что название одного из ненецких племен — самогиты, нелепо переделанное в самоеды, также было распространено и на все прочие родственные племена.

Поскольку еще жив был племенной строй и прочная связь между племенами отсутствовала, народности не было. Разумеется, столь категорическое утверждение не означает, что процесс консолидации и не начинался. Подобно тому, как процесс сложения нации требует длительного времени, и народность образуется в результате долгого развития. Но у западных бурят этот процесс был еще далек от завершения. Чувство национальной общности отсутствовало, или было очень слабым. Даже перед лицом внешней опасности буряты не могли сплотиться, хотя угроза нападения из-за рубежа является мощным стимулом для объединения.

Завершение процесса сложения народности происходит уже после присоединения Бурятии к России, которое ускорило формирование народности, и это имело большое положительное значение.

Закрепление Прибайкалья в составе России способствовало консолидации территории, ее обособлению от Северной Монголии, где худшие формы феодального угнетения сочетались с маньчжурским деспотизмом, подрывая производительные силы страны и обрекая ее на мучительный застой и отсталость. Вместе с тем, размежевание определило окончательно компоненты, из которых на протяжении нескольких десятилетий и образовалась бурятская народность.

Таким образом, в результате присоединения к России окончательно была закреплена территориальная общность.

Усилилось и языковое единство. Перемещение населения, в частности приток эхиритов и булагатов на земли «рос-

---

<sup>1</sup> См., например, ААН, № 186, лл. 309, 304 или А. П. Окладников. Очерки., стр. 91—96.



сийских мунгалов», обусловило сравнительно быстрый отрыв местного диалекта от халхаского языка и сближение его с другими бурятскими диалектами, менее заметное в области грамматики, но существенно изменившее словарь.

Наибольшее же значение тут имело развитие экономических отношений, установление единой администрации и ускорение в результате политики царизма процесса классообразования в западной Бурятии.

Бурятское хозяйство быстро втягивается в рыночные отношения, в определенные, хотя на первых порах и слабые, связи с народным хозяйством Восточной Сибири. Это стимулирует развитие товарных его отраслей — хлебопашества и овцеводства. Расширяются и внутренние экономические связи. Тункинские буряты обслуживают иркутский рынок продукцией своего скотоводства, организуется уже в XVIII веке прогон скота за Байкал, хоринцы вовлекаются в снабжение казенных нерчинских заводов. Уже в 1760 году в записке секретной комиссии, состоявшей при иркутском генерал-губернаторе Соймонове отмечается значительная роль бурят в снабжении Иркутска хлебом<sup>1</sup>.

Экономические отношения, начавшиеся в XVII веке установлением обмена между улусом и русской деревней, вскоре приобретают более широкие масштабы.

Бурятское хозяйство сохраняло свой натуральный характер, но последний подрывался растущими возможностями обмена, и это способствовало зарождению, пускай на первых порах и робкому, более широких связей с рынком, которые к концу XIX века подготовили условия для проникновения в бурятские ведомства капиталистических отношений.

Для осознания общности и ликвидации прежней межплеменной и межродовой розни большое значение имели административные реформы, унифицировавшие местное управление. Хотя в основе этой системы лежало старое родоплеменное членение бурят, но создание территориальных органов управления — степных контор — уже в конце XVIII века довершало разрушение родовой организации. К тому же в ряде мест, и в первую очередь за Байкалом, родовая организация часто была лишь оболочкой, прикрывавшей совсем другие отношения. Здесь особенно интенсивно проходила передвижка населения, которая нарушала старые родовые связи. Возиться с множеством мелких родов для администрации было затруднительно. А многие монгольские выходцы и вовсе не знали своей родовой принадлежности или оставили своих сородичей в Монголии. Их так же, как и представителей многочисленных родовых групп, попросту причисляли к какому-либо существующему роду, либо образовали новый,

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 3, № 1527, л. 654.

как это было со спутниками Андахая, из которых составили особый Подгородный род. По-видимому, следствием такого «родо-созидания» и является множество «костей», обнаруженных в селенгинских родах.

Очевидно, что подобный род является фискально-административной единицей, а не организмом, сцементированным кровнородственными связями. И, естественно, такие фискальные «роды» в немалой степени способствовали падению родового начала, причем не только в восточной Бурятии, где эта система практиковалась особенно широко, но и к западу от Байкала, где она также применялась, способствуя замене родовой общины территориальной. С утратой или ослаблением идеи родового единства усиливалось представление о национальной общности.

Окончательное сложение феодализованной системы управления как в Забайкалье, так и в западной Бурятии, имело своим следствием разрушение родо-племенного строя, которое способствовало развитию процесса консолидации народности.

Освободительная борьба против царизма также благоприятствовала появлению чувства более широкого единства, нежели прежнее родо-племенное. Уже в Братском восстании 1696 года проявляется чувство солидарности бурят в борьбе против царской администрации, в борьбе, руководимой низами русских крестьян и посадских.

Наконец, чувство национальной общности окрепло в совместном всех родов сопротивлении монгольским вторжениям и в охране границ, в которой активное участие, наряду с хоринцами, принимали и роды монгольского происхождения, изведавшие на своем горьком опыте все прелести кабалы маньчжурского богдыхана и монгольских ханов.

Итак, бурятский народ складывается в процессе присоединения Бурятии к России, и процесс этот завершается уже после присоединения, которое способствует его ускорению.

## Г Л А В А II

### ХОЗЯЙСТВО БУРЯТИИ в XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

Состояние бурятского хозяйства к моменту присоединения к России может быть с относительной достоверностью установлено по различным документальным данным, относящимся к концу XVII столетия. Более ранние сведения, разумеется, имеют наивысшую ценность, но они сравнительно

малочисленны. Поскольку эволюция хозяйственных форм протекает относительно медленно, состояние хозяйства в восьмидесятах—девяностых годах XVII в. в значительной мере соответствует положению дел в более ранний период. Однако следует учитывать, что уже со времени основания первых русских островов, а тем паче с начала крестьянской колонизации Сибири между острогом и русской деревней, с одной стороны, и бурятским улусом — с другой, устанавливаются многообразные экономические связи. Взаимное влияние наложило свой отпечаток на русское крестьянское хозяйство во вновь осваиваемых областях, но гораздо более сильное воздействие испытало отсталое бурятское хозяйство.

Задача, встающая здесь перед нами, и заключается в том, чтобы определить, каков был уровень хозяйственного развития бурят до установления тесного контакта с русской деревней, в чем выражались прогрессивные его тенденции и что нового было внесено в местную экономическую жизнь усиливавшимися с каждым десятилетием связями с народным хозяйством России.

Трудность такого исследования заключается в том, что мы располагаем чрезвычайно скудным материалом, так как восточно-сибирские фонды почти не сохранились, и многие вопросы, поднимаемые темой, остаются пока без ответа. Тем не менее наличные архивные данные позволяют, в одних случаях с большей, в других — с меньшей полнотой, осветить различные стороны хозяйственной жизни бурятского улуса. Поскольку основным хозяйственным занятием бурят было скотоводство, с него и уместнее будет начать наше рассмотрение.

### Скотоводство

Основным занятием бурят было кочевое экстенсивное скотоводство, близкое по своему типу к скотоводству Монголии и Центральной Азии, т. е. тех областей, с которыми буряты имели теснейшие связи в отдаленном прошлом. Амплитуда перекочевок была, по-видимому, достаточно широка. Как свидетельствуют наши документы, они совершались часто на большие расстояния. Лишь в немногих случаях территория, осваиваемая родом или улусом, может быть точно локализована. В большинстве же случаев указания на хозяйственно-используемую, как называли в то время, «породную землю» носят общий и настолько широкий характер, что трудно предполагать, чтобы вся эта «породная земля» была во владении одного рода или даже группы родов. Указание выходцев из Монголии: «А породные наши земли — кочев-

ные места вниз по Селенге, по Уде, по Куде рекам»<sup>1</sup> являются вполне типичным.

Предположение, что претензия на добрый кусок Забайкалья является простым преувеличением, опровергается тем обстоятельством, что действительно существовавший порядок перекочевков охватывал и более широкие территории. Из челобитья табангутского Окин-зайсана 1699 г. явствует, что «для ясачного... промыслу и за скудостью скотских кормов, кочуют они брацкие люди от Байкала моря со скотом вверх по Селенге выше Удинска на Иволгинские и на Оронгойские степи по вся годы с ведома из Селенгинска от приказных людей»<sup>2</sup>. Итанцинские буряты указывали еще более дальний маршрут своих перекочевков: «Они де к Еравнинскому острогу ездят кочевать для конских кормов по Уде, по Хилку, по Темлюю, по Оне и по Кудуну, по Курбе рекам...»<sup>3</sup>.

Соответствие подобных сообщений истине подтверждено авторитетным заявлением группы иркутских казаков о том, что «нерчинские брацкие люди кочуют мимо Удинска от Байкала моря вверх по обе стороны Селенги реки на Чирамскую и на Иволгинскую и на Оронгойскую степи по вся годы»<sup>4</sup>.

Препятствием для перекочевков, как выше уже отмечалось, не являлся, вопреки установившемуся в литературе мнению, и Байкал. В памяти письменному голове Л. Кислянскому указывается: «...в прошлом де в 190 (1682) г. перекочевали из-за Байкала моря на верхоленскую сторону мунгальские выходцы прежние братские народы Коринского и Батурина роду человек с полтретьяста и у Байкала де моря верхоленских ясачных братцких людей истеснили и с жителей згонили»<sup>5</sup>. Кочевья некоторых родов, как это было отмечено еще С. А. Токаревым, распространялись и на западное, и на восточное побережье Байкала<sup>6</sup>.

Это явление сохраняется и в XVIII веке. Ясачная ведомость Селенгинского острога за 1720 г. сообщает об уплате ясака 44 иркутскими и верхоленскими ясачными людьми, «которые преж платили по окладу в Иркутску и Верхоленску и по воле своей платят на оной 719 год на один год в Селенгинску, пото что обретаютца за Байкалом морем близ Селенгинску»<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> Е. М. Залкинд. Из истории Забайкалья в конце XVII—начале XVIII вв., Учёные записки ЛГУ, № 98, 1949, стр. 227.

<sup>2</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 186.

<sup>3</sup> Там же, л. 199.

<sup>4</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 634, л. 3.

<sup>5</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 71, ст. 92, л. 32.

<sup>6</sup> С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII веке. Записки ГИЯЛИ, № 2, стр. 128—129.

<sup>7</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1619, л. 12.

Наряду с систематическими перекочевками, ставшими традицией и проводившимися по «вся годы», необходимость дальних переходов нередко вызывалась случайными обстоятельствами, главным образом, различными стихийными бедствиями, иных средств борьбы с которыми, кроме спешных перекочевок в поисках пастбищ в другие земли, экстенсивное бурятское скотоводство не знало. Так, в 1693 г. «многие ясачные братские люди» откочевали от Байкала на Селенгу «пониже Удинска», выказывая намерение кочевать и выше острога, объясняя свое передвижение тем, «что де у моря выпали снега велики, рогатому скоту и баранам у моря жить невозможно»<sup>1</sup>.

Годом позднее значительные группы бурят вновь ходатайствовали о разрешении им откочевать от Байкала, где «воровские неведомые люди выггли около моря степи», после чего «селенгинским де братцким людям кочевать на тех вызженных степях никоими меры невозможно»<sup>2</sup>.

Все эти факты свидетельствуют, что за Байкалом перекочевки совершались на далекие расстояния, причем основным побудительным их мотивом являлось отыскание лучших пастбищ; охота для уплаты ясака упоминается в этой связи несравненно реже.

Кстати сказать, неустановленность территории перекочевков обратила на себя внимание русских властей и потому, что к острогам иной раз прикочевывали и монголы, ставшие в конце XVII в. подданными маньчжурского богдыхана. К 1695 г. относится упоминание в документе, «что кочуют близ Селенгинска и Удинска вверх по Йволге реке мунгальские тайша лозоновщина и подданные китайского богдыхана многие мунгальские тайши ж»<sup>3</sup>.

Создается впечатление, что перед нами та анархия привольной кочевой жизни, которую в столь ярких красках живописали ранние наблюдатели. Однако, следует учитывать, что документы относятся к концу XVII в. Сложившиеся в Забайкалье земельные отношения были нарушены в связи с тем, что многие роды по разным причинам покинули насиженные ими места, а также с крупными перемещениями монгольских племенных групп во время бурных событий, происходивших в Монголии в 80—90-х годах XVII столетия. Как уже указывалось выше, большие массы выходцев стремились вернуться на свои «породные земли», но реализовать это устремление удавалось далеко не всегда. Во-первых, русская администрация стремилась удалять этих переселенцев, во избежание повторных побегов и иных прояв-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 290, л. 1—2.

<sup>2</sup> Там же, № 330, л. 1—2.

<sup>3</sup> Там же, № 319, л. 36.

лений «шатости», от границы; во-вторых, в это время проходило значительное передвижение племен, и «породные земли» нередко оказывались занятыми иными поселенцами. Приходилось искать новые места, которые, в свою очередь, не были безлюдными. В результате новопришельцы либо оттесняли тех, кто уже успел обосноваться на спорной территории, либо сами вынуждались к дальнейшим поискам. Примером может служить датированное 1701 г. ходатайство зайсана Галзотского рода Бадана: «кочую на Итонце реке на породных своих кочевьях со всем родом и с улусными своими людьми, а нынеча... по Итонце реке в тех местах кочуют многолюдство ясашных твоих великого государя братских людей, и утеснение и скотская бескормица. А есть, великий государь, угодие кочевные места по Курбе реке. Милосердный великий государь, пожалуй меня, холопа своего, великий государь, мне холопу своему и со всеми моими улусными людьми кочевать по Курбе реке для скотского прокормления, чтоб мне, холопу твоему, и с улусными своими людьми на Итонце не помереть голодной смертью»<sup>1</sup>.

Можно было бы значительно расширить иллюстративный материал, но едва ли есть в этом надобность. И по приведенным данным очевидно, что перекочевки иногда совершались на сотни километров, в чем, кстати сказать, трудно усмотреть что-либо исключительное, ибо в Монголии, где кочевой быт сохранился в неизмеримо большей чистоте, чем в Бурятии, подобные и даже большие расстояния для сезонных кочевков были обычны. Специфика заключается здесь в том, что сложившиеся издавна маршруты были нарушены, «породные земли» многими родами утрачены и поэтому порядок передвижений со стадами приобрел случайный и местами хаотический характер.

Разумеется, это было явлением не повсеместным. К западу от Байкала старые формы землевладения сохранились в несравненно большей чистоте, чем на востоке, где они нередко оказывались нарушенными. Приверженность крестьянина, в том числе и кочевника, к родной земле здесь была ослаблена тем, что в большинстве случаев те земли, на которых мы застаем забайкальских бурят в конце XVIII в., не являлись для них «породными», и на протяжении менее чем одного столетия у них еще не выработался взгляд на них, как на свою исконную территорию.

Говорить с уверенностью о составе бурятского стада в те времена, за отсутствием сколько-нибудь достоверных данных, невозможно. Как и позднее, разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и, реже, верблюдов. Верблюдоводство было незначительно, и в XVIII веке, как известно,

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, стр. 743.

верблюды к западу от Байкала встречались очень редко, хотя в XVII в. упоминаются много чаще. Но и тогда их было сравнительно немного. Вспомним, что во время побега балаганских бурят верблюды для перевозки их имущества были пригнаны монгольскими тайшами.

По-видимому, нет оснований распространять на XVII век наблюдение участников академических экспедиций о том, что к западу от Байкала преобладало разведение крупного рогатого скота, а к востоку от него — коневодство<sup>1</sup>. Как сказано выше, самое разделение бурят на западных и восточных складывается, по-видимому, позднее. Наличные материалы не позволяют утверждать, что в хозяйстве различных групп бурят та или иная отрасль скотоводства была более развита. Равным образом нет оснований для определения степени обеспеченности скотом по разным районам. Документы во всех случаях говорят о бурятах, как о скотоводах, но детализированные данные отсутствуют.

Скотоводческое хозяйство бурят велось самым примитивным образом. Оно всецело зависело от климатических условий. Это положение, приобретшее в бурятоведческой литературе сугубо тривиальный характер, распространяется и на XIX век, когда стихийные бедствия и эпизоотии могли, как отмечал еще Н. Бестужев, в несколько дней превратить богатого бурята в нищего. Но все же считается, что распространяющееся с конца XVIII и, особенно в XIX веке, сенокосение несколько улучшило положение. Несомненно, что в широких масштабах заготовка сена стала практиковаться под русским влиянием, но буряты занимались ею и раньше. Не соответствует истине утверждение Вандана Юмсунова о том, что буряты начали косить сено лишь после переселения крестьян «с Кавказа», т. е. не ранее конца XVIII в. Мало правдоподобны и его рассказы о бурятском способе хранить сено, подвязывая его к верхушкам деревьев<sup>2</sup>.

Прежде всего, здесь следует учесть весьма убедительный аргумент, выдвинутый С. А. Токаревым в доказательство существования сенокосения у якутов до прихода русских<sup>3</sup>, полностью приложимый и к бурятам. Так же, как и у якутов, у них почти вся терминология земледельческого хозяйства, — названия культур, земледельческих орудий, части сельскохозяйственных работ, например, бороньбы, — заимствована у русских. Название же косы — х а т у р, сена и всего, относяще-

<sup>1</sup> В. П. Гирченко. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX века о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1940, стр. 32—39.

<sup>2</sup> Летописи хоринских бурят. М.—Л., 1940, стр. 80—81.

<sup>3</sup> С. А. Токарев. Общественный строй якутов, Якутск, 1945, стр. 33.

гося к сенокосению,— свои, кстати сказать, совпадающие с монгольскими терминами.

Но помимо этого гипотетического положения, распространение у бурят сенокосения можно доказать и документально. О заготовке сена в конце XVII века свидетельствует ряд источников. В 1689 году буряты Хонхоторского рода напали на Готельский род, заподозренный в убийстве их сородича. «И у тех де готельских мужиков почали жець огороды и сено травить и скот колоть»<sup>1</sup>. В 1697 году возник конфликт между русскими крестьянами и бурятами, выкосившими сено на острове Бытуе, который крестьяне рассматривали, как свою землю. Не вдаваясь в малосущественное для нас в данной связи дело, следует указать, что буряты накосили более четырехсот копен<sup>2</sup>. В том же году возникла аналогичная тяжба, на этот раз из-за того, что крестьяне косили сено на бурятской «породной земле». «И ныне де они Босига со своими родниками стали без сенных покосов» писали буряты в своем челобитье<sup>3</sup>. Упоминаются сенные покосы и в указе Иркутской приказной избы за 1688 г.<sup>4</sup> В 1701 г. шуленга Бирчикан бил челом на конного казака Евсея Бадорова, который отнял у него и его родичей 100 копен сена и жаловался, что в результате захвата земель поселенцами «не стало скотского выпуску и сенных покосов»<sup>5</sup>. Аналогичные жалобы в то время были поданы и шуленгами других родов. Так в 1700 г. зайсаны и шуленги бурят, приписанных к Итанцинскому зимовью, обвиняя селенгинских служилых людей в различных несправедливостях и земельном стеснении, утверждали: «селенгинские служилые люди и всяких чинов на породной нашей земле в Кударинской степи кочевные наши места и теплые и сенные наши покосы все у нас отняли»<sup>6</sup>...

Приведенные данные позволяют утверждать, что сенокосение в конце XVII в. уже широко применялось в бурятском хозяйстве. Едва ли бы оно сумело внедриться в него так скоро, если бы оно было совершенно неизвестно бурятам раньше. При этом характерно, что наши данные относятся не только к западной Бурятии, хозяйство которой развивалось быстрее, но и к Забайкалью. Разумеется, утверждение о знакомстве бурят с сенокосением не исключает того, что более усердное им занятие несомненно происходило под влиянием хозяйственного опыта русской деревни. Вместе с тем не следует переоценивать бурятского сенокосения. Заготовка кор-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 157, ст. 230, л. 128.

<sup>2</sup> Там же, № 361, (ст. 462), л. 37.

<sup>3</sup> Там же, № 501, л. 12—13.

<sup>4</sup> История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, изд. 2, Улан-Удэ, 1954, стр. 129.

<sup>5</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 54.

<sup>6</sup> Там же, ст. 1422, л. 61.



мов была несоразмерна с потребностью, и судьба стада еще добрых полтора столетия зависела от прихотей погоды.

Скотоводство оставалось основным занятием бурят и в начале XVIII в. Буряты неоднократно сами указывали на это, добиваясь разрешения платить ясак скотом, а не пушниной, которую многие из них не добывали. Еще в 1653 г., стремясь привести к покорности булагатов, воевода пошел на уступки. По заявлению князцов, 17 булагатских родов «по договору они государев ясак платят с роду по две лошади»<sup>1</sup>. Документы же более позднего времени изобилуют ходатайствами бурят о разрешении им платить ясак скотом, потому что соболей им приходится приобретать по дорогой цене у тунгусов. Челобитная 1687 г., в которой «брацкие люди и мунгальские выходцы били челом нам, великому государю, словесно, чтоб для их скудости иметь с них в нашу великого государя казну вместо соболей и иных зверей скотом»<sup>2</sup> является типичным для этого времени. Можно привести еще один пример с более детализированной мотивировкой: «мы, сироты твои, живем на степе, от соболиных промыслов в дальности и сами соболей не промышляем, а в ясак соболи покупаем у всяких людей»<sup>3</sup>. Правильность этого заявления подтверждена иркутским сыном боярским Перфильевым: «а ясак де они платят соболми, покупая у ясашных тунгусов и у русских людей»<sup>4</sup>.

Практическая невозможность взыскивать ясак пушниной побудила взимать его скотом. Кроме того, такая комбинация показалась местной администрации не безвыгодной. Воевода Афанасий Савелов в 1697 г. в своем донесении в Сибирский приказ предлагал: «за скудостью братских людей за соболинное число иметь скотом и тот скот посылать для мены на добрые соболи в баргузинские и нерчинские остроги. И в той де мене нашей великого государя казне будет прибыль немалая»<sup>5</sup>. Савелов учитывал значительно более высокие цены на скот в районе Нерчинска и Баргузина, где преобладало тунгусское население.

Уплата ясака скотом постепенно становится главным видом ясачного обложения забайкальских бурят. «А ясаку с их улусных людей збирывалось по сту по осмидесяти и по сту семидесят скотин на год, опричь соболей и рысей и лисиц», — сообщают в 1696 г. итанцинские буряты<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> ААН, 22, № 190—6, л. 313.

<sup>2</sup> Там же, 28, № 62.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1282, л. 54.

<sup>4</sup> Там же, л. 59.

<sup>5</sup> ААН, 28, № 62.

<sup>6</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 88, ст. 461, л. 106.

## Земледелие

Вступив в Бурятию, русские обнаружили у бурят не только скотоводство, но и земледелие. Наиболее подробные сведения о нем содержатся в описании пути Василия Витязева в 1641 г. по верхней Лене и вокруг Байкала. Приведем некоторые отрывки: «А на усть тое Онги реки по обе стороны живут братские люди, а хлеб у них родитца просо и оне, Васька Витязев с товарищи, то просо у князца Можеуля видели»<sup>1</sup>. «А на Ламе де остров именем Ойхон, а ходу де через Ламу до острова Ойхона судового день, а люди на том острову живут братские многие, а хлеб у них родитца просо»<sup>2</sup>. О посевах проса на Ангаре сообщает в 1641 г. в своей отписке Василий Власьев<sup>3</sup>. Эти и аналогичные сообщения, неоднократно публиковавшиеся<sup>4</sup>, свидетельствуют о том, что верхоленские, а отчасти и приангарские буряты знали земледелие, производя в небольших размерах посевы проса, гречи (курлыча), ячменя.

В старой литературе это трактовалось как свидетельство постепенного перехода бурят от экстенсивного скотоводства к более высокой форме сельского хозяйства — земледелию. Иную, и много более близкую к истине точку зрения высказал А. П. Окладников, полагающий, что для подобных выводов нет никаких оснований. А. П. Окладников рассматривает бурятское земледелие, как реликтовое, как пережиток древней земледельческой культуры, некогда весьма развитой в Прибайкалье, остатки которой обнаруживаются не только в археологических памятниках, но и в разрушенной ирригационной системе в долине Баргузина<sup>5</sup>.

Нам это суждение представляется правильным, но не совсем точным. Действительно, истоки бурятского земледелия следует искать в древнем прибайкальском земледелии, сложившемся, по-видимому, в связи со сравнительно высокой земледельческой культурой племен верхнего Енисея<sup>6</sup>. Но спорным является угасание земледелия у бурят. Советская наука берет под сомнение самый факт существования чисто скотоводческих народов. У такой скотоводческой народности, как казахи, земледелие в ограниченных размерах существовало на протяжении всего XIX в.

В Монголии земледелием занимались еще в XVII веке

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Акты Якутские, к. 2 (187), ст. 19, л. 6. В несколько иной редакции ДАИ, 11, № 94.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Акты Якутские, к. 2 (187), ст. 19, л. 8.

<sup>3</sup> ДАИ, т. II, стр. 251.

<sup>4</sup> См., напр., А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. М.-Л., 1938, стр. 291.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> С. В. Киселев. История южной Сибири, стр. 568 и сл.

в тех местах, где позднее его не было совершенно. По сообщению большой группы селенгинских казачьих десятников в десяти днях езды от Селенгинска на Орхоне стоял каменный монастырь, «а около де того монастыря земли пахотные и мунгалыцы де хлеб пашут ячмень, пшеницу, просо, горох»<sup>1</sup>. И вокруг монастыря на реке Толе (видимо, Гандан) «пашенных земель много и хлеб потому ж родитца всякий»<sup>2</sup>. Очаги земледелия лежали и ближе к Бурятии. Всего в 2—3 днях пути от Чикоя по речке Битигею кочевали «кутухтины пашенные мунгалы»<sup>3</sup>.

Было бы соблазнительно попытаться связать бурятское земледелие с монгольским, но такая связь представляется маловероятной. Во-первых, монгольское земледелие, судя по старинным о нем сведениям, испытало влияние китайской агрикультуры, которое трудно усмотреть в архаическом бурятском хлебопашестве. Во-вторых, между очагами бурятского и монгольского земледелия лежала широкая полоса земли, охватывающая территорию нынешней Бурятии, где хлеба не сеяли вовсе.

Потребность в хлебе, хотя бы и в минимальных количествах, имеется у всех кочевников, и она частично удовлетворяется за счет их собственного производства. У бурят оно, по-видимому, не только обеспечивало их скромное потребление, но и давало некоторые излишки, использовавшиеся для обмена. У В. Витязева находим весьма ценное замечание: «А по Киренге живут многие тунгусы, а ясак государев платят не все, а соболи продают в браны на животину и на просо»<sup>4</sup>.

В этой связи уместно поставить вопрос, не преуменьшаются ли вообще масштабы бурятского земледелия, раз оно преследовало коммерческие цели. К сожалению, для ответа нет решительно никаких данных. Но во всяком случае, земледелие у бурят не могло играть крупной роли в их хозяйстве, учитывая общий его характер и несовместимость развитого хлебопашества с кочевым образом жизни.

Точных данных о раннем бурятском земледелии не имеется, потому что оно исчезает буквально с появлением первых русских отрядов. Еще никому не удалось найти в источниках хоть одно упоминание о земледелии позднее 40-х годов XVII века. Поскольку же оно не могло, конечно, остаться незамеченным казаками, не подлежит сомнению, что оно просто прекратило свое существование. Как справедливо отметил В. И. Шунков, бурятское земледелие оказалось столь

---

<sup>1</sup> ААН, 23, № 294, л. 318.

<sup>2</sup> Там же, л. 319.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 18 (ст. 13), л. 2.

<sup>4</sup> Выше цит., сс. 6—7.

незначительным, что надежды казаков на бурятский хлеб «исчезли полностью при столкновении с действительностью»<sup>1</sup>.

Обычно исчезновение земледелия объясняют разгромом бурятских улусов, передвижением населения, постоянными военными столкновениями, препятствовавшими занятию хлебопашеством, связанным хотя бы с относительной оседлостью. Отдавая должное подобной трактовке вопроса, ибо она действительно объясняет причину падения бурятского земледелия, следует отметить, что она не является единственной. В некоторых районах расселения бурят, в частности, в тех, где земледелие отмечается нашими источниками, жизнь более или менее нормализовалась уже к 70-м годам XVII века. Однако, земледелие там не восстанавливается. Дело заключается в том, что за прошедшие 2—3 десятилетия в ближайшем соседстве с бурятским улусом появляется русская деревня. Конкурировать с русскими, применявшими плуг и другие сельскохозяйственные орудия, примитивное бурятское хлебопашество, конечно, не могло. Хлеб стало выгоднее выменивать у русских, чем производить самим. И русская деревня быстро завладела тунгусским «хлебным рынком», что начисто ликвидировало для бурят возможность «хлебного экспорта». К этому следует добавить, что русские крестьяне выращивали и более ценные продовольственные культуры.

Справедливость сказанного может быть подтверждена и аналогией. В Монголии земледелие тоже исчезает в конце XVII в., хотя маньчжурские хозяева страны, опасаясь сближения освободительного движения китайского и монгольского народов, всячески препятствовали китайской колонизации, и китайское земледелие проникает в Монголию в самых ограниченных размерах много позднее. Но с подчинением маньчжурам для Монголии возникает возможность приобретать сельскохозяйственные продукты из Китая, устанавливается постоянная торговля, к чему монголы неизменно стремились с самого падения Юаньской династии и что было, наряду с грабительскими побуждениями, главным стимулом постоянных вторжений в Китай воинственных монгольских ханов, вторжений, наносивших огромный ущерб Небесной империи. И здесь возможность получения хлеба путем торговли прикончила собственное слабое и отсталое производство.

Бурятское земледелие исчезает и вновь восстанавливается много позднее, под несомненным русским влиянием, что справедливо расценивается как одно из важнейших проявлений культурного воздействия русского народа на бурятское хозяйство. Однако, перерыв не был столь длительным,

---

<sup>1</sup> В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956, стр. 21.

как это обычно изображают. Ф. А. Кудрявцев документально опроверг старую точку зрения, связывавшую возрождение бурятского земледелия с деятельностью пресловутого губернатора Трескина. Он доказал, что западные буряты начали заниматься хлебопашеством с XVIII в.<sup>1</sup> О развитии хлебопашества в XVIII веке говорится и в «Истории Бурят-Монгольской АССР»<sup>2</sup>. Ценным источником для суждения о степени развития земледелия у бурят уже в середине XVIII века является представление учреждений по указу Сената «секретной и о заграничных обращениях комиссии» при сибирском генерал-губернаторе Сойманове, которая в 1760 г. предлагала переложить ясак за живущих в услугах тунгусов на их русских хозяев, обязав последних приохотить их к хлебопашеству «по примеру Иркутского и Балаганского ведомства брацких, которые де имеют у себя довольные пашни и многое число хлеба привозят в Иркутск и продают и тем ясак платят и на прочие свои потребности употребляют»<sup>3</sup>.

К концу XVIII века имел место упадок бурятского земледелия, вызванный тем, что с бурят стали брать оброк. Иркутский вице-губернатор Ланг доносил в 1790 г. по этому поводу: «Некоторые братские и прочие в Иркутской провинции имеющиеся некрещенные ясашные подданные наперед сего в разные времена начали для своего пропитания пашни заводить, но оные опять покинули для того, что тогдашние провинциальные командиры с них стали требовать оброк»<sup>4</sup>. Это сокращение и побудило иркутских администраторов принимать в самом конце XVIII — начале XIX в. меры для восстановления бурятского земледелия, что и создавало впечатление, что хлебопашество здесь только начинало прививаться. К концу XVIII века земледелием начинают заниматься и забайкальские буряты, у которых в XVII веке оно, по-видимому, отсутствовало. В 1797 г. бывший судья Нерчинской области Яншин в своей записке констатировал, что «иноверцы» принялись за хлебопашество<sup>5</sup>, но дальнейшему его прогрессу препятствует недостаток земель. Но при всем том не подлежит сомнению, что уже к середине, а тем паче к концу XVIII столетия земледелие играет несравненно большую роль в бурятской экономике, чем ста годами раньше. Иногда земледелие в это время уже превалирует над скотоводством. В любопытной жалобе на шуленгу Онкотоева рода потерпевший указывает, что постоянные кражи, совершаемые соблазнен-

<sup>1</sup> Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа, ч. I, М.—Л., 1940, стр. 110—112.

<sup>2</sup> История БМАССР, т. 1, стр. 130.

<sup>3</sup> ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 3, № 1527.

<sup>4</sup> Там же, фонд. Сената, именные указы, кн. 57, № 7354, л. 107.

<sup>5</sup> Там же, ф. 1374, п. 1, № 52, л. 20.

ной шуленгой женой его брата лишают жалобщиков «подлежащего своего домоводства и хлебопашества»<sup>1</sup>.

Итак, можно констатировать, что бурятское земледелие, которое с полным правом можно считать примитивным мотыжным земледелием, исчезает в XVII веке вследствие военных погромов и миграционных движений, а также неспособности его конкурировать с русским сельским хозяйством. Но уже в первые десятилетия XVIII века оно восстанавливается на более высоком уровне, по типу русского земледелия, чему способствовала, во-первых, давняя земледельческая традиция части бурятских родов, и, во-вторых, что более существенно, превращение хлебопашества в условиях Прибайкалья, где постоянно ощущался более или менее острый недостаток в хлебе, в основную товарную отрасль сельского хозяйства. Поскольку товарно-денежные отношения в бурятском обществе усиливались, буряты форсировали развитие товарных отраслей своего хозяйства — земледелия и овцеводства, дававшего возможность снабжать казенные фабрики Иркутской губернии шерстью.

### Охота и ремесло

Важным подсобным занятием бурят была охота, которая, однако, отступала на задний план по мере развития скотоводства. Насколько источники, не только письменные, но и фольклорные и этнографические, позволяют заглянуть вглубь бурятской истории, основным занятием бурят являлось скотоводство. Пресловутая эпоха преобладания облавных охот, якобы составлявших основу хозяйственной жизни бурят, черты которой подробно, но, к сожалению, бездоказательно описаны М. Н. Хангаловым в его трудах, посвященных эггэтэ-аба, в действительности никогда не существовала. Но немалое значение охотничьего промысла отрицать не приходится. Не случайно в «шертовальной записи брацких мужиков 1700 г.» в перечне всех бед, призываемых дающими шерть на свою голову в случае измены «белому царю», поминается: «и нам бы за нашу неправду рыбы в воде и зверя в поле и птицы не добыти»<sup>2</sup>.

Однако спорным остается вопрос, действительно ли облавные охоты, сохранившиеся у бурят до XX века, имели приписываемое им хозяйственное значение. Такие охоты могли способствовать увеличению запасов продовольствия, имели известный общественный характер, поскольку, порядок их проведения строился в соответствии с родовой организацией.

<sup>1</sup> ЦГАДА, Ирк. губ. суд, вязка 8, № 84/406, л. 17.

<sup>2</sup> Там же, портфель Миллера, № 133, IV, л. 354.

Наконец, в более отдаленном прошлом они играли роль и в военном обучении родовичей, что практиковалось, например, монголами еще во времена Чингис-хана.

Но основную ценность в XVII веке имели уже не козы или изюбри, а дорогие пушные звери, облавная охота на которых не могла быть достаточно эффективной. Именно пушнина, сбывавшаяся в Монголию и через нее в Китай, становилась наиболее привлекательной добычей для бурятского охотника. Поэтому облавная охота, еще широко практиковавшаяся, сочеталась с занятием пушным промыслом.

Но при всем том, охота была в XVII веке занятием второстепенным, поскольку перекочевка со стадами уводила бурят от тайги. Любопытно, что в известных нам материалах по обычному праву XVII в. находится лишь одна запись, относящаяся к охоте, а именно определение штрафа за коня, подстреленного из «звериного лука» (т. е. настороженного на зверя самострела)<sup>1</sup>. И здесь речь идет собственно не о регламентации самого промысла, что нашло широкое отражение в обычном праве охотничьих народов, а об охране скотоводства от неосторожных охотников:

Охота на пушного и копытного зверя, по-видимому, еще к началу XVIII века сохраняла свое значение для некоторых бурятских групп. Группа «лучших людей» Галзотского рода сообщала, что «они де к Еравнинскому острогу летним временем ездят кочевать для конских кормов по Уде, по Хилку, по Темлюю, по Оне и по Кудуну, по Курбе рекам, а зимою для ясашных промыслов и для прокормления лосей и иных зверей»<sup>2</sup>. Но это, пожалуй, единственное прямое указание на перекочевки в целях охоты, хотя буряты и принуждались к ней ясачной политикой, требовавшей до конца XVII века уплаты ясака пушниной. В большинстве же документов речь идет о малом занятии бурят охотой и о неимении у них пушнины. О хоринцах, например, сообщается: «платят ясак по иноземческому обыкновению натурой — соболями и рысами, и лисицами, и росомахами, и белкой, а за неимением мяхкой рухляди с прошлого 710 году деньгами по два рубли за соболя»<sup>3</sup>.

Верхоленские бурятские шуленги, в связи с недостатком пушнины, просят: «вели государь, нам за ясак за соболя платить деньгами или быками ужинных, за сколько имать доведется»<sup>4</sup>. Местный приказчик поясняет: «А ясак де они платят соболями, покупая их у ясашных тунгусов и у русских людей»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Е. М. Залкинд. Новые данные по истории Бурят-Монголии в XVII в. Ученые записки ЛГУ, № 128, 1952, стр. 116.

<sup>2</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 199.

<sup>3</sup> Там же, портфель Миллера. № 481, VII, л. 96.

<sup>4</sup> Там же, СП, кн. 1282, л. 55.

<sup>5</sup> Там же, л. 59.

Настойчивые просьбы бурят об уплате ясака не пушной, а скотом (число примеров, ввиду их многочисленности, можно было бы увеличить во много раз) достаточно убедительно свидетельствуют о том, что охотой буряты занимались мало, и меха им, как правило, приходилось приобретать на стороне. Но охота тем не менее играла известную роль в их экономике. Да иначе представлять себе дело было бы мудро. Если в XIX веке буряты, став уже не только скотоводами, но и земледельцами, промышляли зверя, то в XVII веке это занятие должно было быть еще более распространенным.

Это подтверждается, например, жалобой бурят в 1688 г. на приказчика Тункинского острога Ерофея Муголева, к которой приложена «ропись брацких людей, у кого что Ярофей взял угрожаючи сильно». Рассмотрим эту «ропись». «У Бициги с товарищи — 200 горностаев, 2 лисицы бурые, 10 песцов, 2 кожи красные, 2 верблюда; у Алахтая — корову дойную с теленком, мех белей хребтовой, 2 песца, 30 белок; у Буйдая — 2 песца, 15 белок, тулуп козлийный, половину лосиную; у мунгальского выходца Менея — кобылу; у Кикиная — 2 песца; у Борчия Босоголдоева — 2 песца, 20 белок; у Берчия — кобылу, тулуп козлийный, войлок большой юртяной, 2 песца; у Айчия — лисий мех; у Барана — 30 белок, 2 песца»<sup>1</sup>. Перечень продолжается в таком же духе. Как видим, почти у всех пострадавших приказчиком отнята пушнина, но в небольшом количестве. Лишь в одном случае в «рописи» упоминается соболев, хотя, конечно, именно он должен был бы стать первым объектом приказчицкой жадности. Можно предполагать, что у остальных бурят соболей попросту не было.

Охота имела, главным образом, если исключить, конечно, копытного зверя, товарный характер. Собственное потребление пушнины было невелико. То, что оставалось после уплаты ясака, шло на рынок.

Этим собственно и исчерпываются наши сведения об охотничьем промысле. Статистика его появляется много позже. Для XVII же века можно лишь констатировать, что охота в качестве подсобного промысла сохраняла свое значение, но нигде не была основным занятием бурят. Они предпочитали платить ясак скотом, хотя русская администрация всячески поощряла занятие пушным промыслом и ограждала охотничьи угодья туземцев от вторжения русских промышленных людей, впрочем, без особого успеха.

Некоторое представление о добываемой бурятами пушнине могут дать ясачные книги острогов, сохранившиеся в довольно большом числе. При этом следует учитывать, что часть сдаваемой бурятами пушнины добывалась не ими са-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 139, ст. 178, л. 15.



мими, но приобреталась у тунгусов. Верхоленские ясачные братские шуленги сообщают: «мы, сироты твои, живем на степе, от соболиных промыслов в дальности и сами соболей не промышляем, а в ясак соболи покупаем у всяких людей»<sup>1</sup>.

Недостаток соболей давал повод к различным спекуляциям. Приказчик одного из острогов указывал: «а много де привозят к ним брацким людям тобольские служилые люди худые соболи, которые они, тобольские служилые люди, купят в Тобольску и на Обе реке в плотину и меняют з брацкими ясашными иноземцами на скот»<sup>2</sup>.

Хотя в одном документе и говорится о покупке всяких зверей, но во всех остальных речь идет исключительно о приобретении соболей, и это понятно: ясачные сборщики требовали прежде всего «соболей добрых», и, вступая в обменные операции, буряты стремились обзавестись именно соболями, чтобы избавиться от вымогательств и злоупотреблений ясачных сборщиков. Сокращение бурятского соболиного промысла к концу столетия вполне естественно: хищническое истребление соболя привело к тому, что его приходилось искать в глубине тайги, куда буряты, занятые скотоводством, отправляться на долгий срок никак не могли.

В начале русского проникновения в Сибирь ясак взимался с бурят соболями без особых затруднений. Например, в перечне ясака, уплаченного бурятскими князьями в 138 (1630) г. фигурируют одни соболи<sup>3</sup>. И позднее соболи встречались у бурят еще в большом количестве. Но к концу столетия типичным является объяснение, данное недобору ясака иркутскими ясачными сборщиками Ст. Жаренниковым с товарищами: «те брацкие люди на соболиные промыслы не ходят и не промышляют, а купить де им было за скудностью не на что»<sup>4</sup>.

Помимо соболей, бурятами добывались лисицы черные, бурые, красные и сиводушки, выдры, росомахи, волки, горностаи и в значительно большем количестве белка.

Однако, всей упромышливаемой и вымениваемой ими пушнины не хватало для уплаты ясака. Судя по ясачным ведомостям последнего десятилетия XVII века, и половина ясака не покрывалась пушшиной, что при отсутствии у бурят денег приводило к накоплению огромных недоимок.

Все изложенное дает нам право рассматривать охоту как подсобный промысел, по-видимому, уже в начале XVII века игравший второстепенную роль, а к концу его еще более падающий. Важным аргументом против переоценки зна-

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 41.

<sup>2</sup> Там же, л. 59.

<sup>3</sup> Там же, кн. 22, л. 504.

<sup>4</sup> Там же, кн. 941, л. 25.

чения охоты является то, что обедневшие буряты собирались по городам и острогам, шли в работники, но не делали ни малейшей попытки переключиться на ведение чисто охотничьего хозяйства.

Столь же, если не более, скудны данные о состоянии бурятского ремесла.

Наиболее развитым был кузнечный промысел. Буряты умели добывать железо (по-видимому, кричным способом, мало отличным от того, который применялся их предшественниками курумчинцами) и обрабатывать его<sup>1</sup>. Их стрелы и копья имели железные наконечники, более зажиточные обладали мечами, панцырями и шлемами. «А приходят де братские люди войною под острог на конях збройны, в куюках с наручи и в шишаках. А бой у них лучной и копейной и сабельной» — сообщалось из Верхоленского острога в 1645 году<sup>2</sup>. Подобные свидетельства многочисленны, общеизвестны, и на них не стоит задерживаться. Бурятское железоделательное мастерство пользовалось такой популярностью, что в конце XVII века, в 1690 г., монгольский кутухта настойчиво добивался, чтобы буряты платили ему ясак, как велось у них издревле, причем в перечне предметов, из которых этот ясак состоял, особо выделялись железо и стрелы<sup>3</sup>. Но бурятскую «металлургию» постигла та же судьба, что и бурятское земледелие. Будучи чрезвычайно отсталой по сравнению с тогдашней русской техникой выплавки металлов, бурятская добыча железа быстро сходит на нет, и сведения о ней содержатся, как и о пашне, только в самых ранних документах, да и то в виде косвенных указаний. Не исключена возможность, что буряты сами добычей железа занимались в самых минимальных размерах, а получали его путем обмена или обложения своих кыштымов из Кузнецкой волости, где развитой железоделательный промысел обратил на себя большое внимание русских, когда они впервые проникли в эти края.

По-видимому, железа было немного, и русские металлические изделия (топоры, котлы и т. п.) находили здесь широкий сбыт. Но и потребность в них была не велика. Поэтому разговоры о «железном голоде» в Сибири, из которых Н. Н. Козьмин и его сторонники делали далеко идущие выводы, являются, по меньшей мере, крайним преувеличением. А в Забайкалье, где существовали гораздо более тесные связи с Китаем, его, надо полагать, и вовсе не было.

Почти все исследователи в своих работах упоминают, а чаще цитируют известное описание приема Култуцином пер-

---

<sup>1</sup> «Под Балаганским острогом находилось месторождение железной руды, которую буряты умели превращать в металл» — сообщает Ф. Ланганс, ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 2, л. 100.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Якутск, к. 3, ст. 2, сс. 2.

<sup>3</sup> ААН. 20. 33, л. 78.

вых прибывших к нему казаков. Но, сосредоточиваясь на дипломатической стороне дела, обращали мало внимания на следующее примечательное место из этого документа: «и у нас де по грехом товары были не на их руку, торговать де с ними было у нас с мунгальскими людьми нечем, были де у нас котлы да олово да сукно красное летчина да топоры и ножи, и тому де товару в Мунгальской земле походу нет, а спрашивают де у нас товару выдер, бобров, соболей<sup>1</sup>. Довольно мудро увязать это авторитетное свидетельство с досужими домыслами о «металлическом голоде». Да и просто трудно верить тому, чтобы Китай, издавна интересовавшийся сибирской пушниной, не покрывал здешних весьма ограниченных потребностей в металлических изделиях, не говоря уж о местном производстве. Не следует забывать, что если западное Прибайкалье имело поблизости Кузнецкую волость, издавна славившуюся своей железоделательной промышленностью, то по соседству с Забайкальем лежала еще более развитая в этом отношении область — Даурская земля.

После оттеснения бурят от верховьев Енисея, с одной стороны, и переселения маньчжурами дауров от Амура вглубь страны, а равно в связи с нарушением традиционных торговых связей начинает ощущаться недостаток в металле, и буряты пользуются любым случаем, чтобы раздобыть его. В этом отношении любопытно донесение в 1696 г. сына боярского Василия Казанцева о разгроме служилыми людьми и ясашными иноземцами «мунгальских воровских людей», в котором между прочим сообщается: «...конные табуны и рогатый скот и верблюды и бараны побрал да девять пищалей целых, а двенадцать пищалей они де воры переломали, видя себе всеконечное безголовье, и те де пищальные обломки взяли ясашные иноземцы на росковку на железца к стрелам и на ножи»<sup>2</sup>.

Если бурятское производство железа быстро исчезло, то кузнечный промысел у них не только сохранился, но и совершенствовался. Как это обычно присуще родо-племенному строю в период его разложения, бурятские кузнецы были мастерами на все руки, выполняя не только простую кузнечную, но и ювелирную работу. Ножи, трубки, седла бурятской работы приобрели впоследствии широкую известность. Недаром искусство простого бурятского ремесленника восхищало такого тонкого ценителя, каким был Н. Бестужев<sup>3</sup>.

В конце XVII—начале XVIII века бурятские кузнецы обслуживали не только кочевья своих соотечественников, но

---

<sup>1</sup> ДАИ. т. III, стр. 393.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Нерчинск, I, № 177.

<sup>3</sup> Н. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 65.

и русскую деревню. Возможность прокормиться кузнечной работой была причиной того, что среди мунгальских выходцев немалое число было кузнецами. Заявление выходца Осентуя о том, что он «с выхода своего с прошлого со 197 (1689) году за скудостью скотишка своего кормился работою своею кузничною около русских людей и ясашных селенгинских и нерчинских брацких иноземцев»<sup>1</sup> является вполне типичным. Среди погромленных бурятами выходцев нередко встречаются люди бесскотные, но обладавшие «кузнешной снастью». О потребности русских в бурятской кузнечной работе свидетельствует также то широко известное обстоятельство, что во время погрома «остальцев» после бежавших обратно в Монголию в начале 90-х годов XVII века тайшей казаки щадили ремесленников-кузнецов.

Кузнечный промысел, имевший наследственный характер, являлся единственным промыслом в какой-то мере обособившимся от сельского хозяйства. Все остальные работы — валание войлоков, выделка овчин, изготовление упряжи и седел, деревянной и берестяной посуды и т. п. производились, как правило, в рамках своего хозяйства. Так же сами улусные люди изготовляли лодки, о чем имеется сообщение, относящееся к 1662 г.<sup>2</sup> Мы не находим в документах никаких указаний на существование ремесленников, кроме кузнецов. Да и эти последние еще не порвали окончательно с сельским хозяйством. Если мы и встречаемся с кузнецами, живущими исключительно своим ремеслом, то это люди разорившиеся, потерявшие свой скот. Как правило же, кузнецы ведут обычный кочевой образ жизни. Это и естественно: при общем уровне развития бурятского общества отделения ремесла от скотоводства произойти не могло. Первые намеки на этот процесс относятся к самому концу XVII века. В 1692 г. под Иркутском жил богатый кузнец Тюлюн-Тархан, имевший по крайней мере 3 холопов<sup>3</sup>. Окончательно порывали с кочевым хозяйством те ремесленники, которые оседали по русским городам и острогам. Но полного отделения ремесла от сельского хозяйства не происходит у бурят и на протяжении всего XVIII века.

## Торговля

Торговля издавна связывала бурятские племена с обитателями северной тайги, с Китаем через Монголию и, при посредстве бухарских купцов, — со Средней Азией. Это отмечается уже в самых ранних русских сообщениях. В уже цитировавшемся описании Василия Витязева говорится: «А по

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 634, сс. 22.

<sup>2</sup> ААН, 28, № 167, л. 262.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 231, лл. 1—2

Киренге живут многие тунгусы, а ясак государю платят не вес, а соболи продают в браты на животину и на прѣса»<sup>1</sup>. Отмечает Витязев и торговлю с Китаем. «А по той Селенге, идучи от Ламы с правую сторону, живут мунгалы кочевные люди, да тою же де рекою Селенгою ходят в Китайское царство, а серебро де в браты и камки и кумачи выходят из мугал, а в мугалы из Китайского государства. А покупают де то серебро и камки и кумачи браты у мунгал на соболи»<sup>2</sup>.

Следует отметить, что правдивый рассказ Витязева или остался неизвестным, или был предан забвению. И лишь после путешествия Ивана Похабова к Цецен-хану сибирская администрация убедилась в тщетности своих надежд отыскать серебряные руды в Прибайкалье. Между тем Витязев точно определяет характер бурятской торговли, носившей в значительной мере посреднический характер. Буряты, равно как и монголы, играли роль звеньев в той цепи, которая связывала Китай с севером Сибири. Продавая продукты своего скотоводческого и земледельческого хозяйства тунгусам, буряты приобретали у них дорогие меха, выгодно сбываемые затем в Монголию.

С момента прихода русских эта обменная торговля получила новый стимул для своего развития; меха были нужны теперь бурятам и для уплаты ясака. Поэтому, несмотря на затруднения, нередко возникавшие в коммерческих связях с Монголией, торг с тунгусами продолжается в течение всего XVII века. Еще в 1709 г. отмечается, что буряты «ни на какие звериные промыслы не ездят и в ясашной платеж соболей и всякого зверя покупали они в Ыркуцку у русских всяких чинов людей и у иноземцев в Мунгалской и в Урянской и в Соетской землях выменивали на кони и на всякой скот»<sup>3</sup>. При этом бурят обвиняли в небезвыгодных для них и убыточных для казны торговых операциях. В 1701 г. из Сибирского приказа последовало строгое распоряжение: «С верхоленских брацких ясашных людей великого государя ясак збирать соболями по-прежнему со всякого человека по соболю. А чтоб соболи ценою менши двух рублей не были для того, что те брацкие ясашные люди нарочно покупают в ясак худые соболи, а добрые знатно продают торговым людям, которые ходят в Китай»<sup>4</sup>.

Несмотря на то, что русская администрация, по указанию Москвы, всячески препятствовала продолжению бурятской торговли с Монголией,—стремясь добиться полной скупки всей пушнины, и в первую очередь соболей, в государеву каз-

<sup>1</sup> ЛОИИ, Якутск, к. 2, ст. 19, сс. 6—7.

<sup>2</sup> Там же, сс. 8.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Иркутск, II, № 79, л. I.

<sup>4</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 62.

ну,— фактически она сохранялась, как свидетельствуют многочисленные документы не только в XVII, но и в XVIII веке.

В начале XVIII века «китайские люди и с крайних городов и со степи с торгами» были нередкими гостями под Селенгинском<sup>1</sup>. «Китайские люди» — это монголы, ставшие китайскими подданными. И картина их торговой деятельности ничем не отличается от изображаемой много раньше, еще в середине предыдущего столетия, в 1656 г., воеводой Афанасием Пашковым: «по степям кочуют большие брацкие Балаганския земли многие люди и приезжают к ним на ту Унгу реку мунгальские люди торговать с большими своими товары»<sup>2</sup>. Аналогичные сведения приводились в 1667 г. и о Забайкалье в период первоначального его освоения. По весне в район Еравнинских озер из года в год «приезжают мунгалы своими мунгальскими товары почасту»<sup>3</sup>.

Таким образом, речь идет об отношениях, сложившихся до русских, но сохраняющихся и дальше, поскольку оставалась взаимная потребность в товарах, бывших предметом обмена. Торговля, как обычно водилось у кочевых народов, сопровождалась иной раз грабежом, и торговые экспедиции носили полукommerческий, полуразбойничий характер. Группа селенгинских казачьих десятников так описывает этот торг: «...Нерчинские брацкие люди чрез указ великого государя от Байкала моря с Кудары и с Уды реки и с Итанцы улусами своими с юрты и со скотом многолюдством самовольно ж выкочевывают в зимнее время вверх по Селенге от Удинска к Селенгинску по левую сторону Селенги реки на Хилок и выше и с китайскими подданными и с мунгальскими людьми чинят съезды беспрестанные и до ясажного платажу с ними мунгалы они торгуют, а иные из них нерчинских брацких людей с китайскими людьми воровствами и кражею чинят споны»<sup>4</sup>.

Традиционная торговля сохранялась, но с приходом русских торговые отношения бурятских родов расширились и видоизменились. Прежде всего, сложился новый и более широкий русско-бурятский рынок. В документах он освещен далеко недостаточно. В донесениях местной администрации фигурирует только скупка мехов у бурят. И это вполне естественно: острожные управители зорко следили, чтоб промышленные люди не осмеливались перехватывать соболей, торговля которыми была монополизирована государевой казной, особенно до полной уплаты ясака. Запретительные меры здесь были очень строги. И они неоднократно подтверж-

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 173, сб.

<sup>2</sup> ААН, 22, № 186, л. 292.

<sup>3</sup> Там же, 23, № 219, № 173.

<sup>4</sup> ЛОИИ, Нерчинск, № 634. «Китайские люди» Здесь-монголы

дались как в XVII, так и в XVIII веке. Можно сослаться, например, на собственноручно подписанное Анной Иоановной в 1790 г. строжайшее указание следить, «чтобы для покупки мяхкой рухляди никто, как приезжие, так и тамошние купцы, по татарским и других ясашных народов деревням и улусам не ездили и кроме того, что в городах и на гостиных дворах и на торгах, нигде инде не торговали»<sup>1</sup>, как на один из самых поздних документов такого рода.

Можно с полной уверенностью полагать, что связи были гораздо шире, что бурятская торговля не ограничивалась обменом дорогих мехов с русскими купцами. Поскольку буряты покинули свои пашни, нет сомнения, что они приобретали хлеб у русских крестьян, причем со своей стороны они снабжали крестьян не собольими и куньими шубами, а скотом, в котором крестьянство должно было нуждаться на новых землях. Но вследствие специфического характера тогдашних документов эта торговля, неизбежно возникавшая между двумя народами — соседями и имевшая важнейшее значение для их взаимного сближения, осталась вовсе неосвещенной, если исключить немногочисленные упоминания о казачьих «скотинных покупках» у бурят.

Русское же купечество снабжало бурят мануфактурой, металлическими изделиями и теми специальными товарами, сбыт которых приносил наибольшие выгоды в Сибири: бусами, зеркальцами, стеклярусами и прочей дребеденью. Подобным торгом не брезгала и государева казна. Еще в 1639 г. с Ленского волоку извещали, «что покупали служилые люди в ясачных волостях у ясачных людей на твои государевы деньги и на товары — на медь и на олово и на одекуй два сорока одиннадцать соболей, а в них в том же числе два недособоля. А дано, государь, за те покупные соболи твоих государевых денег полтора рубля да одиннадцать фунтов с полуфунтом меди зеленой в котлах и в тазех, тридцать два фунта олова в блюдех и в тарелях. А енисейская, государь, цена меди и олову восемь рублей двадцать три алтына две деньги, да полфунта одекую цена десять алтын пять денег. И всего, государь, дано за те покупные соболи твоих государевых денег и товару по енисейской цене десять рублей семнадцать алтын три деньги. А енисейская, государь, цена тем покупным соболям семдесят восемь рублей с полтиною»<sup>2</sup>. Итак, затрачено 10 рублей 17 алтын 3 деньги, приобретено на 78 1/2 руб. Чистая прибыль, примерно, 650 процентов. Комментарии, кажется, излишни.

Приведенная пространная цитата ценна тем, что здесь с исчерпывающей скрупулезностью произведен точный под-

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. Сената, именные указы. кн. 57, № 7354, л. 111.

<sup>2</sup> ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, ч. 1, л. 119.

счет, дающий арифметическую определенность общеизвестному факту неэквивалентной торговли с народами Сибири, процветавшей благодаря тому, что товары представляли перед ними лишь в качестве потребительной стоимости, тогда как о меновой стоимости они, в соответствии с общим уровнем своего экономического и общественного развития, не имели самого отдаленного понятия. От государственной казны не отставали, конечно, промышленные люди, рыскавшие по степям и тайге, и ясачные сборщики. Впрочем, предприимчивость последних не всегда позволяет точно определить, где кончалась «торговля» и где начинался грабеж.

Русская политика старалась положить конец бурятским обменным операциям с тунгусами и другими малыми народами. Поездки для приобретения пушнины в Монголию и Туву запрещались под страхом смертной казни<sup>1</sup> из опасения, что они могут стать причиной измен и «шатости». Торговые операции с эвенками пресекались по иным соображениям: скупка бурятами соболей приводила к тому, что у эвенков часто нехватало их для уплаты ясака, буряты же получали возможность вносить какое-то количество пушнины, не занимаясь охотничьим промыслом. А поскольку ясак представлял огромную ценность для государственной казны, то принимались меры к тому, чтобы принудить все сибирские племена, бурятские в том числе, не уклоняться от промысла. Уже значительно позже рассматриваемого периода, в самом конце XVIII века, когда Сибирь испытывала острую нужду в хлебе, разрешение бурятам заниматься хлебопашеством в именном указе Сената обуславливалось «обязательством и крепким смотрением, чтоб они своих звериных промыслов не оставляли»<sup>2</sup>.

Но, разумеется, эти попытки превратить скотоводов в охотников и пресечь давно сложившиеся взаимно-выгодные торговые связи были нежизненны и успеха не имели. Бурятско-тунгусская торговля сошла постепенно на нет тогда, когда, во-первых, был отменен взнос ясака пушниной и, во-вторых, усиление пограничных караулов сократило до минимума возможности торговли с монголами, превратив её в обычную контрабанду.

Стношение Русского государства ко второй линии бурятской торговли было двойственным. Непосредственный обмен с наезжавшими на русскую сторону монголами, бурятам запрещался. Но, с другой стороны, принимались все меры, чтобы привлечь монгольских купцов к русским острогам. Вспомним, что одной из центральных задач русской политики на Востоке, было, как уже выяснено, стремление установить торговые, а если удастся, и дипломатические связи с Китаем.

---

<sup>1</sup> ЛОИИ, Иркутск, II, 79, л. 2.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. Сената, кн. 57, № 7554, л. 114.



Торг с монголами, казалось, открывал для этого некоторые возможности, а кроме того, обещал в случае неудачи попыток сближения с Цинской династией, получение китайских товаров тем же путем, каким их приобретали буряты, т. е. через монголов.

В своем упоминавшемся донесении Афанасий Пашков, описывая достоинства места, выбранного под постройку Балаганского острога, обращал внимание на то, что отсюда «служилым людям тех мунгальских людей под твою государеву царскую высокую руку приводить будет поблиску и твоими государевы товары с теми мунгальскими... людьми торговать и на товары их менять будет мочно. И от того тебе государю впредь будет прибыль большая»<sup>1</sup>. Как видим, стремление к дальнейшему расширению территории здесь сочетается с соображениями торговым.

Для установления прямой торговой связи с монголами в 80-е годы XVII века велись с монгольскими тайшами переговоры, но последние, опасаясь маньчжуров, которые в это время производили усиленный нажим на монгольских феодалов с целью обострения их отношений с Россией, отвечали уклончиво: «торговые мунгальские люди ныне в разные города с торгами не приходят для того, что тайши де с улусными своими людьми от русских городов кочуют в дальних местах и как де приближатца тайши... к порубежным городам, и тогда де они торговых людей со всякими торгами в русские города посылать будут...» Одновременно монгольские послы, давая такой ответ на обращение иркутского воеводы Ивана Власова, пытались получить гарантии безопасности при перекочевке к русским городам<sup>2</sup>.

Монголы не помышляли об отказе от приносившего им большие выгоды обмена с бурятами. Осторожные управители обнаруживали монгольских людей, пришедших с торгом, в самых различных местах. Буряты тоже по мере возможности ездят с торгом в Монголию.

В 1684 г. казак Степан Жаренников подал доезд, в коем писал, что он обнаружил в бурятских улусах на Китое и на Белой 18 монголов, которых он подозревал в дурных намерениях. Но они занимались и торгом. «И они мунгальские люди ездят и меняют у брацких людей добрых лошадей на мунгальские чаши и танки»<sup>3</sup>.

В 1696 г. из Нерчинска доносили: «брацкие люди кочуют от Итонцынского острогу в дальнем расстоянии по Темнику

<sup>1</sup> ААН, 22, № 186, л. 292.

<sup>2</sup> Там же, 28, № 4, л. 18.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 69 ст. 177), л. 19. Танка (бурят. т а н х а) — чугунный кувшинообразный сосуд, применяющийся при перегонке араки (молочной водки).

по Хилку рекам под мунгальские степи и ходят в Мунгальскую землю во многолюдстве без твоего великого государя указу самовольством и не явясь в Ытонцынском и вывозят де от тамошних мунгальских людей многие себе подарки китайские товары. И мунгальские мужики такожде к ним брацким людям почасту бывают. И они де братские твои великого государя ясачные люди дают им подарки, многой скот и кони»<sup>1</sup>.

Аналогично более краткое сообщение из Баргузина: «а мунгальские люди с торгом были трои от разных тайшей, и все со смирением, а дурна ничего не слыхали, а ясашные наши братские мужики лутчие были тамо у мунгальских тайшей и назад выехали»<sup>2</sup>.

В 1696 г. пишут из Селенгинска: «приезжают де к ним (бурятам) в улусы мунгальские люди с торгами беспрестанно и не в давних де днях у них же де брацких людей на Хилке речке были в улусе их шесть человек с товаром...»<sup>3</sup>.

Все это свидетельствует о том, что стремление пресечь административными мерами взаимно выгодную торговлю было безрезультатно до той поры, пока сибирская администрация не обзавелась достаточно сильной пограничной стражей и полицейским аппаратом, с одной стороны, и Кяхтинский договор не урегулировал торговые отношения и сделал возможным их развитие в более широких размерах — с другой.

Русское население постепенно втягивается в торговлю с монголами. Поскольку монголы продолжают относиться с недоверием к острогу, русским казакам, нуждавшимся в основном монгольском товаре — скоте, приходилось предпринимать далекие и небезопасные поездки вглубь монгольских степей. В 1675 г. группе нерчинских служилых людей было разрешено отправиться «для животинные покупки» в Монголию с наставлением «ехать дорогою с великим береженьем и на станах становитца в крепких местах и караулы ставить крепкие, а самим им Григорью и Игнатию караулы надзирать беспрестанно, чтоб на них безвесно не пришли какие воровские люди и никакова б над ними дурна не учинили...»<sup>4</sup> Что такие предосторожности были не напрасны, показывает печальный исход другой торговой экспедиции, состоявшейся тремя годами позднее: «ездили де они в мунгалы для животинные покупки и торговали де они с мунгалами за Аргуньей рекою у Далай озера и их де мунгалские тарханконтайшины люди пограбили и что скота у них было куплено де, они грабежом взяли»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1388, л. 589.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 3, ст. 243, л. 182.

<sup>3</sup> Там же, № 319, л. 14.

<sup>4</sup> ЛОИИ, Нерчинск, 1, № 27.

<sup>5</sup> Там же, № 59.

Торговые отношения завязывались и на другом участке пограничного рубежа. По их ходатайству, большая группа иркутских казаков была пропущена мимо Тункинского острога в Монголию «для скотинной покупки»<sup>1</sup>. В том же 1682 году последовало распоряжение приказнику Тункинского острога пропустить трех челобитчиков-казаков с их работником «до крайних мунгальских людей для скотинной покупки»<sup>2</sup>. Так начинались складываться торговые отношения русских людей с монголами, расширявшиеся в связи с тем, что монголы начинают предъявлять спрос не только на пушнину, но и на товары русского производства.

Появление спроса на русские товары уже в XVIII веке пытались использовать для расширения своей торговли с Монголией некоторые предприимчивые буряты, в первую очередь ламы, особенно усердствовавшие по части контрабандных операций. В этом отношении чрезвычайно интересен перечень товаров, захваченных у пытавшихся тайно перебраться в Монголию в 1791 г. трех казаков Цонголова рода и трех лам. У них оказалось кож юфтовых черных — 30, котиков морских — 11, белок — 59, мерлушек — 52, бумаги писчей белой — 8 дестей, узд с потвеями и медной оправой — две»<sup>3</sup>. Наличие здесь писчей бумаги показывает, что это уже не прежний натуральный обмен, поскольку бумага могла быть приобретена только у русских. К еще более широким заключениям могло бы привести упоминание морских котиков, если бы была уверенность, что этим громким названием не обозначалась обыкновенная байкальская нерпа. У других нарушителей границы, возвращавшихся с непроданным товаром, были изъяты 60 белок и одна сенокосная коса, опять-таки русского производства<sup>4</sup>.

Попытки русской администрации приохотить монголов к торгу по острогам не приносили серьезных результатов. Надо, впрочем, заметить, что делались такие попытки подчас крайне неуклюже. Примером могут служить события, происшедшие в Нерчинске в 1677 г. Прослышав, что на Шилку пришли монголы и затеяли торговлю с ясачными людьми до сбора ясака, местный воевода отправил служилых людей с трудно совместимой задачей — отобрать у них соболей и привести их лаской и приветом для торгу в Нерчинск, чтоб им «от иноземцев какой обиды не было». Вернувшись, служилые привезли 34 соболя и сообщили, что мунгальские люди с дороги от них убежали», «а отчево де убоялись и они де про то не знают»<sup>5</sup>. Понятно, что такие меры мало содействовали

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 83, ст. 35, л. 74.

<sup>2</sup> Там же, № 35, ст. 657, л. 59—61.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ф. Иркутского губернского суда, № 60/382, в. 6, оп. 5, л. 5.

<sup>4</sup> Там же, № 83, в. 8, оп. 6, л. 11.

<sup>5</sup> ЛОИИ, Нерчинск. I, № 59.

налаживанию торговли, так как сначала монголов пограбили ясачные тунгусы, а затем и сами казаки лишили их наиболее ценного приобретения.

Предпринятая затем попытка поправить дело, по-видимому, не имела последствий, хотя монголов не только приглашали приходить в Нерчинск «с торгом со всякими китайскими товарами и с рогатою животиною», но даже обещали, что «будет из Нерчинского острогу те мунгальские люди похотят идти с торгом к ясашным иноземцам и им мунгальским людям для обережи дадут з государских служилых людей человек двух или трех, чтоб тем мунгальским торговым людям от ясашных людей никакой обиды не было»<sup>1</sup>.

Несмотря на поощрительные меры, торговля налаживалась с трудом. Но она все же прогрессировала, поскольку Монголия, а позднее и Китай проявляют все больший интерес к русским товарам и сохраняют полностью свою потребность в пушнине.

По-видимому, в конце XVII в. в Бурятии появляются и собственно китайские или маньчжурские купцы. Первый их приезд нашел отражение в наших документах. В посланной в 1695 г. в Селенгинск памяти о разных делах говорится: «О приезде в Селенгинской... китайских людей нюк. И тебе б к китайским людям держать ласку и привет, чтоб их с торгами впредь приучить и пошлинами их для приезду первого и чтоб и впредь приезжали, не утеснить»<sup>2</sup>.

Кто же такие нюки? Расшифровка этого термина не представляет больших затруднений. Нюки — это нюичены, джучеры русских документов XVII века, т. е. маньчжуры. Это старинное название маньчжуров, уже исчезнувшее из употребления в Китае, долго еще сохранялось у народов Восточной Сибири.

Русско-китайские торговые отношения имели все данные для своего развития, и только антинациональной политикой маньчжурского двора можно объяснить, что на протяжении XVIII века они неоднократно прерывались<sup>3</sup>.

В целях развития торговли с Китаем сибирская администрация поощрительно относилась к бухарскому караванному торгу, ибо бухарские купцы, приходя в сибирские города для покупки мехов, поставляли китайские товары: шелка и хлопчатобумажные ткани, чай, табак. Издавна торговавшие с Западной Сибирью, бухарцы в 80-е годы XVII века появляются и в Восточной. Сначала они посещают Красноярск, где в 1688 г. была учреждена должность таможенного головы, которому давалась инструкция о количестве соболей, подле-

<sup>1</sup> ЛОИИ. Нерчинск. I, № 59.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 330, ст. 483, л. 2.

<sup>3</sup> См. Е. П. Силин. Кяхта в XVIII в. Иркутск. 1947.

жащих обмену на товары, привозимые бухарскими купцами<sup>1</sup>. Первый бухарский караван пришел в Иркутск в 1685 г., доставив сюда 90 верблюдов, груженных различными товарами. По таможенной описи оказалось «тридцать семь ширей с китайскими товарами большой и средней и малой руки, и даб и кушаков во всякой шире по сту концов. Итого по счету три тысячи семьсот концов китаек большой и средней и малой руки и даб и кушаков китайских. Да у них же бухарцов в привозе чаю и табаку семьдесят пять ширей. Да у них же бухарцов двадцать ширей с овчинами и мерлушками мунгальскими»<sup>2</sup>.

В таких количествах Иркутск еще никогда не получал китайских товаров. Вполне естественно, что об устройстве бухарских купцов была проявлена особая забота. Им была отведена специальная площадь, на которой они прожили около года в ожидании, пока ойратское посольство, под охраной которого они двигались, закончит свои дела.

По-видимому, Иркутск посетили еще два бухарских каравана. Последний из них, отказавшись из-за спешки от проводимых из Тункинска, подвергся разграблению сойотами. Составленная пострадавшими купцами роспись их имущества<sup>3</sup> позволяет нам познакомиться с товарами, которые вывозились из Сибири. Основную часть похищенного составляет пушнина. Белки указано 29 тысяч шкурок, других мехов — немного. Обращает на себя особое внимание совсем мизерное число наиболее ценных мехов — соболей (55) и чернобурых лис (3). Это заставляет предполагать, что часть добра купцам удалось отстоять, ибо естественно предполагать, что наиболее дорогие меха они держали при себе. Подобная догадка косвенно подтверждается тем, что в росписи упоминается ничтожное количество золота, а очень маловероятно, чтобы купцы его не имели вовсе.

Даже с учетом этого обстоятельства, материал сохраняет свою ценность, давая некоторое представление об объеме бухарской пушной торговли. Материй, маржанов, кораллов и т. п. в разгромленном караване было совсем немного. По-видимому, они предназначались для торгового дела в Сибири и были там распроданы.

В 90-е годы XVII в. бухарские купцы уже не появляются в Иркутске, что объясняется, конечно, не плачевной судьбой последнего каравана, ибо отправляясь в дальнюю дорогу, бухарцы всегда рисковали подобным исходом, а расширением прямой торговли путем посылки русских купеческих караванов.

---

<sup>1</sup> ААН, 20, № 43.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 69, ст. 177, л. 35.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 19.

нов в Пекин в соответствии с Нерчинским договором 1689 г., что делало бухарское посредничество ненужным.

Развивающаяся русско-китайская и русско-монгольская торговля подрывают бурятский обменный торг. Не только изделия русской промышленности и ремесла, но и пушнину крупные русские купцы могли предложить в большем количестве, чем самые богатые бурятские «князцы». Но при этом на протяжении XVII и в начале XVIII века торговые связи с Монголией сохранялись, особенно у забайкальских бурят. Наряду с пушниной и скотом отдельные бурятские роды за Байкалом платили ясак китайкой, что убедительно доказывает, что приток китайских товаров, несмотря на ограничительные мероприятия с обеих сторон, не прекращался.

Второй существенный вывод заключается в том, что расстройство монгольско-бурятской торговли и чинимые ей препятствия не привели к падению торговых связей бурятского хозяйства, а вызвали лишь их переориентацию. Укрепляется торговля с русскими, что имело важнейшие последствия экономического характера, так как простой обмен сменяется денежным, и товарно-денежные отношения начинают взрывать натуральное бурятское хозяйство.

### **Развитие товарно-денежных отношений**

Наличие торговых связей бурят с соседними народами неоспоримо. Еще в первых сведениях о бурятах, полученных в 1634 г. Максимом Перфильевым от «шаманских людей», говорилось: «...и товары де в Братской земли соболи и лисицы и бобры, из бухарских товаров... и шелков и бея много, а серебра добре много»<sup>1</sup>. Дальнейший прогресс торговых отношений мы проследили выше. Но надо учитывать, что это кажущееся обилие дорогих товаров могло встречаться лишь у богатых, что подтверждается описаниями казаков посещенных ими ставок крупных забайкальских владельцев, где они видели и юрты, украшенные лазоревыми камками, и серебряную посуду. Основные богатства скапливались в руках социальной верхушки, в частности, благодаря тому, что ей доставалось немалое количество пушнины, собиравшейся в качестве дани с кыштымов. Низы бурятских племен были втянуты в эту торговлю в самых минимальных размерах.

Бурятское хозяйство продолжало оставаться натуральным. Все его несложные потребности покрывались за счет собственного производства. Таковым его рисуют сведения, относящиеся не только к XVII, но и к первой половине XVIII

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, ст. 12, л. 90.

века, а может быть, и к более позднему времени. В сохранившейся в портфелях Миллера «Ведомости Верхотурского дистрикта о имеющихся в нем народах» о местных бурятах говорится «... в пропитании довольствуются всяким скотом и птицами и травами и кореньями»<sup>1</sup>. Еще более детализирована картина в отношении иркутских бурят в хронологически близком, тоже недатированном, описании пути от Красноярска до Иркутска: «Платье носят зимою шубы козлиные и овчинные... Питаютца запасают летом сарану, полевой лук и арца, а больше у них убогих нежели богатых, а богатство их состоит в скоте»<sup>2</sup>.

Нет надобности приводить данные, весьма обильные, о значении сбора съедобных растений для бурятского хозяйства. Важно другое — эти сообщения, подтверждаемые многими другими данными, имеющимися в нашем распоряжении, рисуют уклад бурятской жизни, как чисто натуральный.

О натуральности хозяйства свидетельствует и неразвитость торговли, проявляющаяся прежде всего в том, что обмен, как можно было убедиться на всех приведенных выше примерах, носил натуральный характер. Даже бухарские купцы, масштабы коммерческих операций которых были весьма значительны, вели обменный торг. Чрезвычайно редко упоминается покупка у бурят товаров, причем исключительно скота, на деньги. Сведения о торговле бурят на рынке относятся к середине XVIII века.

Тем не менее, уже к концу XVII века деньги появляются в улусе. Одним из каналов их проникновения была скупка пушнины сверх ясака; но едва ли этот путь являлся основным, учитывая, что буряты, как правило, не имели мехов и для уплаты самого ясака. Можно предполагать, что здесь играла роль непосредственная связь бурят с острогом и русской деревней, по случайному своему характеру и мелочности сделок не нашедшая отражения в наших документах<sup>3</sup>.

Постепенный переход к денежному обращению, сколь ни неожиданным это является, может быть отмечен для конца XVII столетия. Ценнейшим источником тут являются ясачные книги, показывающие, как буряты сами стремились превратить натуральную подать в денежную, используя право взноса ясака, при недостатке пушнины, деньгами. Возможно, как отмечалось уже, тут имела значение и более выгодная реализация пушнины на вольном рынке, где цены часто были выше официальных. Но так или иначе перевод ясака из на-

<sup>1</sup> ЦГАДА, портфели Миллера, № 509, т. I, л. 11.

<sup>2</sup> Там же, № 517, I, т. 21, л. 4, об.

<sup>3</sup> Очень редко проскальзывают случайные сведения о таких сделках. Примером может послужить упоминание казака о покупке им у бурята лука за 2 гривны. ЦГАДА, ИПИ, № 361 (ст. 462), л. 43.

туральной в денежную форму, причем идущий, так сказать, снизу,—факт несомненный.

Обратимся к данным ясачных книг. На нижеследующей таблице приведены сведения по Братскому острогу за три года, с 1702 по 1704 гг. Нас интересует соотношение пушнины и наличных денег, причем за основу взято обычное в то время приравнивание определенного числа прочих зверей к соболю («соболиное число»), расчетная стоимость которого равнялась одному рублю<sup>1</sup>. •

К сожалению, в нашем распоряжении нет более ранних ясачных книг Братского же острога. Но в ясачных книгах Балаганского<sup>2</sup> и Иркутского, и Тункинско<sup>3</sup> острогов за 1688 г. мы не встречаемся со случаями уплаты ясака деньгами, там он взносится исключительно пушниной. Аналогична и картина по ясачной книге Иркутского острога за 1689 г<sup>4</sup>. Поскольку условия жизни бурят близ всех четырех острогов были, надо полагать, и в те времена, и впоследствии тождественны, нет оснований предполагать, что мы имеем здесь дело с географической спецификой. Появление денег в ясачных взносах можно объяснить лишь хронологически, а именно: значительным оживлением экономической жизни в самом конце XVII века. Поскольку здесь явно обнаруживается резкий скачок, можно думать, что не без влияния на рост

№№ пп	У л у с ы	1702 г.		1703 г.		1704 г.	
		пуш.	руб.	пуш.	руб.	пуш.	руб.
1	Чечеулев . . . . .	31	39	—	—	40	27
2	Ангарской . . . . .	28	5	2	9	4	7
3	Подострожный . . . . .	19	18	13	27	13	21
4	Керкин . . . . .	17	16	11	25	15	16
5	Брацкой . . . . .	17	28	20	24	12	30
6	Верхокинский . . . . .	61	27	45	46	59	26
7	Нагатаев и Зонкоев . .	3	3	3	7	4	4
8	Качемарский . . . . .	54	7	41	33	61	12
9	Нижнеангарский . . . .	18	21	11	27	17	22
10	Верхнеангарской Уцкой	29	40	29	55	28	33

<sup>1</sup> Данные для таблицы взяты; для 1702 г. — СП, кн. 1345, лл. 649—658; для 1703 г. — СП, кн. 1357, лл. 705—711; для 1704 г. — СП, кн. 1374, лл. 548—555.

<sup>2</sup> ЦГАДА, СП, кн. 941, лл. 59—73.

<sup>3</sup> Там же, лл. 19—26.

<sup>4</sup> Там же, кн. 941, лл. 40—47.



местной торговли прошло усиление колонизации и увеличение гарнизонов после событий 1688 г. и Нерчинского договора.

• Таблица свидетельствует о том, что денежная доля приближается по размерам к уплачиваемой пушнине, а в отдельные годы, как, например, в 1703 г., превышает ее. Что мы имеем здесь дело не с единичным случайным обстоятельством, а с вполне закономерным процессом, можно подтвердить многими фактами.

В 1701 г. верхоленские буряты ходатайствуют: «Вели, государь, нам за ясак соболя деньгами платить»<sup>1</sup>. Немного позднее, в 1735 г. Селенгинская воеводская канцелярия сообщает: «с семисот пятидесяти пяти человек по окладу берется по два рубля с человека. Итого тысяча пятьсот десять рублей. С тысячи триста шестидесяти человек по окладу берется по рублю с человека. Итого тысяча триста шестьдесят один рубль»<sup>2</sup>. Пушнина здесь уже полностью вытеснена в ясак деньгами. Насколько далеко зашел этот процесс видно и из следующего любопытного сообщения: «А на прошлой 1734 год с вышеписанных иноземцев в сборе было денег 3064 рубля, мяхкой рухляди 7 лисиц красных, 4 росوماхи, 3 волка»<sup>3</sup>.

Переход на денежный платеж явно происходит на рубеже XVII—XVIII веков. О хоринцах мы узнаем, что они «платят ясак по иноземческому обыкновению натурой — соболями, рысами и лисицами и росомахами и белкой, а за неимением мяхкой рухляди с прошлого 710 году денгами по два рубли за соболя»<sup>4</sup>. Об уплате, помимо пушнины, деньгами по 2 рубля за соболя извещают и из Верхоленского острога<sup>5</sup>.

В отписке воеводы Николева в конце XVII в. говорится: «да с мунгальских выходцев и с мяхочин собрано за ясак по самой их нужде деньгами семьдесят четыре рубли»<sup>6</sup>.

Перевод ясачной повинности из натуральной в денежную происходил неравномерно. Полностью он был завершен у селенгинских бурят, чему, помимо изложенного, можно привести еще одно подтверждение. В составленной в 1726 г. ведомости о городах говорится: «а вышеписанные (селенгинские — Е. З.) ясашные иноземцы платят в казну е. и. в. в ясак за соболиное число деньгами и товаром китайскими камками и китайкою повсягодно без доимки»<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1282, л. 55.

<sup>2</sup> Там же, портфели Миллера. № 481, VII, л. 48.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, л. 96.

<sup>5</sup> ЦГАДА, СП, № 509, т. 1, л. 11.

<sup>6</sup> Там же, ИПИ, № 405 (ст. 521), л. 45.

<sup>7</sup> ААН, 28, № 36, 11.

Деньгами же платили в начале XVIII в. и буряты, подведомственные Тункинскому острогу, те самые, которые в 1688 г. еще вносили ясак, как отмечалось выше, исключительно пушниной. О них сообщается: «со всех сих родов ясаку берут по два рубли»<sup>1</sup>.

Но в других районах продолжается уплата ясака либо пушниной, либо скотом, либо и тем и другим, а частично — деньгами. В Удинском остроге, например, с окрестных бурят было собрано в 1693 г. 4 сорока 9 соболей и «за соболинное число 20 лисиц красных и 2 волка»<sup>2</sup>. Итанцинские буряты в 1696 году сообщают в своем челобитье: «А ясаку с их улусных людей збирывалось по сту по осмидесят и по сту по семидесят скотин на год, опричь соболей и рысей и лисиц»<sup>3</sup>.

Таким образом, картина была весьма «пестрая». Но прослеживается ясная тенденция перевода, вопреки правительственной политике, преследовавшей цель максимального выжимания пушнины из сибирских народов, повинностей в денежную форму. Это свидетельствует о постепенном проникновении денежного обращения в бурятскую экономику, т. е. о развитии товарно-денежных отношений, уже начинавших в то время взрывать натуральный строй бурятского хозяйства. Это было прямым следствием усиления русской колонизации Восточной Сибири и возникновения экономических связей между деревней и улусом. И это имело прогрессивное значение для бурятского народа.

### ГЛАВА III

#### ИЗМЕНЕНИЯ В БУРЯТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Вхождение Бурятии в состав Русского государства привело к быстрому прогрессу бурятского хозяйства. Если взять этот процесс в хронологических рамках с середины XVII до середины XIX в., т. е. на протяжении двухсот лет, то за это время развитие совершалось много быстрее, чем за долгий ряд предшествующих столетий. Экстенсивное скотоводство, мало отличавшееся от того, какое существовало у монголов еще в XII—XIII столетиях, вытесняется земледелием и более высокими формами ведения животноводства (особенно в западной Бурятии). При этом значительно быстрее разви-

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, № 517, I, л. 4.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 278, ст. 450, л. 71.

<sup>3</sup> Там же, № 88, ст. 461, № 106.

вается земледелие, тогда как скотоводство на востоке все еще сохраняет свою отсталость и к середине XIX столетия.

Сравнительно быстрым развитием хозяйственной жизни бурятский народ всецело обязан русскому влиянию. Во-первых, включение Восточной Сибири в состав России привело к оживлению местной экономической жизни по мере роста городов, зарождения промышленности и увеличения численности населения и к установлению, хотя и ограниченных, рыночных связей с другими частями империи. Сохранение старого натурального уклада в новых условиях становится невозможным, и бурятский улус начинает быстро втягиваться в товарные связи с городом, с фабрикой, со смежной русской деревней<sup>1</sup>.

Во-вторых, ломка традиционных хозяйственных форм и замена их иными, более прогрессивными, была в значительной мере облегчена близким соседством русской деревни, чей хозяйственный опыт широко использовался бурятами. На переход к новым формам хозяйствования толкала бурят и администрация, озабоченная увеличением местного хлебного рынка и снабжением промышленности сырьем. Однако, широко распространенное мнение о том, что изменения в бурятском хозяйстве были вызваны только повседневным контактом с русской деревней, ошибочно. Новые отрасли хозяйства носили товарный характер и были обременены своим развитием разрушению натурального уклада бурятского улуса и переходу к товарным формам хозяйствования. Это оказывало глубочайшее воздействие на все стороны жизни бурятского общества, и в этом и заключалось главное во влиянии русского народного хозяйства на бурятское.

Основной отраслью бурятского хозяйства продолжало оставаться экстенсивное скотоводство на востоке, на западе постепенно переходившее в стойловое содержание скота со значительным распространением сенокосения. Падение здесь ведущей роли скотоводства связано с распространением земледелия, достигшего у ряда бурятских родов сравнительно высокого уровня<sup>2</sup>.

Неустойчивость животноводства в кочевых районах, зависевшего от прихотей погоды и подверженного эпизоотиям, приводила к тому, что оно не обнаруживает в XIX в. серьезного роста. Численность скота сохраняется примерно на одинаковом уровне, с резким падением в годы стихийных бедствий и очень медленным восстановлением в последующие годы. Типичную картину рисуют данные о скотоводстве в Бар-

---

<sup>1</sup> С м. Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа. М.—Л., стр. 166—168.

<sup>2</sup> Я не ставлю здесь задачи дать картину развития и состояния экономики по отдельным бурятским ведомствам. Это выполнено в «Истории Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954.

гузинском ведомстве, где в середине прошлого века наблюдалась сильная бескормица. Данные могут быть сведены в следующую таблицу<sup>1</sup>.

Наименование скота	К началу 1853 г.	Погибло от скудного корма	К 1 мая 1853 г. (с приплодом)	В 1859 г.
Лошадей . . . . .	8152	1848	6853	6944
Кр. рогатого скота .	10956	2787	9842	14011
Овец . . . . .	57161	13993	48150	39153
Коз . . . . .	11288	507	933	942

Эти данные свидетельствуют о том, что, за исключением крупного рогатого скота, численность которого восстанавливается сравнительно быстро и даже обнаруживает тенденцию к росту, остальные отрасли животноводства и в благополучные годы в лучшем случае сохраняются на прежнем уровне. И это в ведомстве, где земледелие не имело существенного значения: на 8751 душу населения здесь приходилось 3835 десятин пахотной земли<sup>2</sup>.

Аналогична динамика роста количества скота в западной Бурятии, где ведущая роль все более переходит к земледелию<sup>3</sup>.

№№ пп	Роды Верхне-гого-ского ведомства	Лошадей		Кр. рог. скота		Овец		Коз	
		1844	1848	1844	1848	1844	1848	1844	1848
1	1-й Абызевский	2908	2911	3358	3892	3035	1808	1252	1295
2	2-й Абызевский	2126	2110	3337	3238	2452	1505	638	656
3	Баендаевский	1803	1796	1890	1834	1684	1302	733	865
4	Ользововский	2036	2071	2985	2951	2094	1502	589	602

Здесь наблюдается такая же стабильность количества скота, при довольно значительном сокращении числа овец, что было связано с постепенным переходом к оседлости. Детальный анализ не входит в наши задачи, но и приведенных примеров, которые можно рассматривать как типичные.

<sup>1</sup> Для 1853 г. ЦГА БурАССР, ф. 22, № 348; для 1859 г.—ЦГА БурАССР, ф. 22, № 793.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 22, № 793.

<sup>3</sup> Там же, ф. 4, № 2346, лл. 33—36, № 2568, лл. 181—182.

достаточно, чтобы показать сохранение простого воспроизводства в бурятском животноводстве.

Этому выводу противоречит, казалось бы, таблица динамики роста количества скота в том же Верхотенском ведомстве, помещенная в содержательной работе И. А. Асалханова. Оставляя в стороне данные, относящиеся к 1860 г., как выходящие за хронологические рамки настоящей работы, мы остановимся лишь на рассмотрении цифр, характеризующих положение в 1810 и в 1841 гг. Лошадей, по И. А. Асалханову, было в 1810 г. — 5528 и в 1841 г. — 10 978, рогатого скота соответственно 15 473 и 14 641, овец и коз — 6309 и 14 400 голов<sup>1</sup>. Создается впечатление, что при стабильности количества крупного рогатого скота, происходит бурное развитие коневодства и овцеводства, что требовало своего объяснения.

Но сведения И. А. Асалханова не подтверждаются другими источниками. «Ведомость о числе наличного скота», имеющегося в Верхотенском ведомстве, составленная в 1814 г., содержит такие данные: лошадей — 11 503, крупного рогатого скота — 22 896 голов, овец и коз — 11 372 головы<sup>2</sup>. Разумеется, столь большое расхождение между сведениями, относящимися к промежутку в 4 года, не может быть объяснено ни климатическими, ни хозяйственными условиями. При этом, если мы сопоставим данные за 1814 и 1841 гг., то не обнаружим доказательств существенного роста количества скота, что соответствует общему представлению об эволюции западно-бурятского хозяйства в первой половине XIX в. И. А. Асалханов пользовался данными подворного обследования, и расхождения их с официальным отчетом указывает, как осторожно следует относиться к статистическим сведениям того времени. Поскольку данные 1810 г. явно нарушают общую картину состояния скотоводства в Верхотенском ведомстве, можно полагать, что они являются наименее соответствующими истинному положению вещей.

В связи с прогрессирующим имущественным расслоением в улусе и концентрацией скота в руках более зажиточной его части, сохранение численности скота в целом на прежнем уровне означало рост числа бесскотных хозяйств. Суммарные данные камуфлируют этот процесс, но некоторые материалы, сохранившиеся по отдельным ведомствам, позволяют познакомиться со степенью социальной дифференциации. Она раскрывается следующей таблицей, составленной выбороч-

<sup>1</sup> И. А. Асалханов. О некоторых вопросах социально-экономического развития бурят Верхотенского ведомства Иркутской губернии в первой половине XIX века. Ученые записки Бурят-Монгольского педагогического института им. Д. Банзарова, вып. XI, Улан-Удэ, 1957, стр. 44. Кстати, на стр. 46 автор вновь возвращается к вопросу о численности скота у верхотенцев в 1810 г. и приводит другие цифры.

<sup>2</sup> ЦГА, БурАССР, ф. 4, № 164.

но по хозяйственным ведомостям Верхоленской степной думы за 1810<sup>1</sup>.

№№ пп	Род	Улус	Число хоз.	Число душ	Хозяйств. не имеющих:				
					никакого скота	лошадей	кр. рог. скота и овец	овец	посева
1	1-й Абызаевский	Нальский	28	58	11	2	1	4	28
2	Баяндаевский	Аламский	44	76	8	—	2	9	20
3	2-й Абызаевский	Голунтомурский	25	49	4	—	1	7	9
5	Олзоновский	Загатуйский	16	28	—	1	1	9	3
4	Хенхедурский	Никилейский	20	37	—	—	—	2	7

В целом по этим родам число бесскотных хозяйств определяется следующими цифрами:

№№ пп	Роды	Общее число хозяйств	Число хоз-в. не имеющих скота	% бесскотных хозяйств
1	1-й Абызаевский	425	72	16,9
2	Баендаевский	171	30	17,5
3	2-й Абызаевский	226	43	19,0
4	Олзоновский	280	13	4,6
5	Хенхедурский	430	81	19,0

Прежде всего мы видим неравномерную обеспеченность скотом по отдельным родам и улусам. Количество бесскотных хозяйств, за исключением Олзоновского рода, — благополучное положение в котором, в сопоставлении с другими родами, невольно вызывает подозрения в достоверности относящихся к нему данных, — колеблется в пределах от 17 до 19%, а в отдельных случаях поднимается много выше, доходя в Нальском улусе почти до 40%. При этом следует учесть, что хлебопашеством этот улус не занимался, следовательно, лишённые скота хозяева превращались в батраков, либо должны были искать заработка на стороне. И в других родах бесскотные хозяйства земледелием не занимаются. Вместе с тем, мы не находим здесь и крупных ско-

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 451, л. 48

товодов; стада в 60—70 голов имелись лишь у нескольких хсэев, а, например, в наиболее многочисленном — Баяндаевском роде крупнейшее хозяйство держало всего 5 лошадей и 36 голов крупного рогатого скота. И. А. Асалханов приходит к выводу, что к низшей группе, в которую он включает хозяйства, имевшие менее 7 голов скота, принадлежало по ведомству 40,7% всех хозяйств<sup>1</sup>. Налицо кризис кочевого скотоводства, связанный с недостатком пастбищ и обнищанием низших слоев улуса. Выход заключался лишь в переходе к более прогрессивному типу хозяйства — к земледелию. И оно интенсивно развивается у бурят с самого начала XIX века.

К земледелию переходила по преимуществу не неимущая часть улуса, полностью утратившая скот, а социальная его верхушка, располагавшая достаточной тягловой силой и иными экономическими возможностями, необходимыми для развития новой отрасли хозяйства. Поэтому сам по себе переход к хлебопашеству не мог улучшить положения бедняцкой прослойки. Хозяйства, имевшие мало скота, обычно не имели и пашни.

Бурятское земледелие, пережившее катастрофу в XVII в., в XVIII возрождается на новой технической основе и к середине столетия уже превращается в важную не только для самих бурят, но и для хозяйства Иркутской губернии, товарную отрасль хозяйства. Но к концу века оно вновь приходит в упадок. Иркутский гражданский губернатор Нагель объяснял его в 1797 г. заселением бурятских земель русскими, а также взыскиванием оброка с бурятских пашень и покосов<sup>2</sup>.

Замечания Нагеля отражают некоторые колебания в политике царизма. До самого конца XVIII века поощрительные меры к занятию земледелием чередуются с попытками побудить бурят заниматься пушным промыслом. В 1790 г. в Сенате рассматривалось донесение иркутского вице-губернатора Ланга. В числе прочего Ланг касается и интересующего нас предмета: «Некоторые братские и прочие в Иркутской провинции имеющиеся некрещенные ясашные подданные наперед сего в разные времена начали для своего пропитания пашни заводить, но оные опять покинули для того, что тогдашние провинциальные командиры с них стали требовать оброк, а по мнению его, Ланга, ежели они затем звериные промыслы не оставят, такое позволение им дать можно, понеже таким образом в тех краях хлеба умножатца и

<sup>1</sup> И. А. Асалханов, указ соч., стр. 47.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. I, № 25, л. 20.

следовательно со временем дешевле нынешнего будет, а ту-нележащая земля прибыли никакой принести не может»<sup>1</sup>.

Сенат в своем заключении становится на точку зрения вице-губернатора: «В заведении пашни брацким и прочим некрещеным ясачным людям, которые пожелают, дать позволение вовсе безоборочно, токмо с таким обязательством и крепким смотрением, чтоб они своих звериных промыслов не оставляли»<sup>2</sup>.

Нет надобности говорить, что на пороге XIX века попытки обеспечить приоритет звероловства в бурятском хозяйстве были нежизненны, и в дальнейшем к ним уже не возвращаются, тем паче, что развитие хозяйства в крае с быстро увеличивающимся населением требовало совсем иной политики. Хотя вопрос об увеличении сбора ясака пушнинаой волновал кабинет и в 20-х гг. XIX в., в связи с недостатком в лучших мехах для «высочайшей фамилии» и царских подарков, но это уже не связывалось с запретительными мерами по отношению к хлебопашеству<sup>3</sup>.

Экономические потребности и мероприятия сибирской администрации, направленные на увеличение производства хлеба, а также усиливающееся воздействие русской деревни с ее более устойчивым хозяйством вызывают быстрый рост бурятского земледелия, особенно на западе.

В этой связи обращает на себя внимание, составленная в 1817 г. «Ведомость о ясашных народах, в Иркутской губернии обитающих, по их промыслам»<sup>4</sup>.

Суммарные итоги ее таковы (в ревизских душах):

Занимающиеся земледелием, скотоводством и звероловством в совокупности . . . . .	3563
Занимающиеся земледелием и скотоводством . . . .	16424
Занимающиеся одним земледелием . . . . .	21793
Занимающиеся одним скотоводством . . . . .	4146
Занимающиеся скотоводством и звероловством . .	3496
Занимающиеся звероловством и рыболовством . .	3300
Итого:	52722

Было бы соблазнительно подвергнуть эту таблицу подробному анализу, поскольку она дает повод к далеко идущим заключениям. Но, к сожалению, некоторые ее данные, например, отнесение всех без изъятия 7530 верхоленцев к числу лиц, занимающихся одним земледелием, не подтверждаются материалами более позднего времени. Поэтому осторожность побуждает отнестись к цифрам без особого дове-

<sup>1</sup> ИГиАЛ, фонд Сената, именные указы, кн. 57, № 7354, л. 107.

<sup>2</sup> Там же, л. 113—114.

<sup>3</sup> Там же, ф. 1264, оп. 1, 58, лл. 49 и сл.

<sup>4</sup> Там же, лл. 280—284.



рия и рассматривать эту сводку лишь как подтверждение возрастающей роли земледелия в бурятском хозяйстве.

С 1814 по 1815 г. посевы озимых по Балаганскому ведомству возросли с 650 до 1428 десятин. Это не было еще очень значительной цифрой для населения, в котором только ревизских душ насчитывалось 6183, но темпы роста говорят сами за себя. А по отдельным родам они были много выше: в Булутском посев увеличился с 10 до 60 десятин, во 2-м Олзоевом с 15 до 100, во 2-м Муруевом с 36 до 100 и т. д.<sup>1</sup> Одновременно распространяется и огородничество. В том же 1815 г. балаганские буряты посадили 526 гряд картофеля, 80—репы, 30—моркови, 70—капусты<sup>2</sup>.

Успехи хлебопашества были отмечены в 1815 г. и у другой группы западных бурят—у аларцев, причем даже в большей степени, чем у балаганских. Ленский исправник Волюшинов в своем предписании балаганскому тайше Назарову указывал, что он, ознакомившись с донесениями с мест, «нашел, что хотя нынешний посев превышает прошлогодний 3504 десятинами, но только в волостях Кудинской, Оецкой, Идинской, Бадайской и Черемховской и у братских аларских хлебопашество находится против прочих мест в лучшем состоянии и соответствует предположению начальства, а именно, в означенных волостях обходится на каждую ревизскую душу две десятины, а у братских аларских одна десятина засеянной пашни». В прочих местах дело обстояло хуже, а у балаганцев приходилось  $\frac{1}{2}$  десятины на одну душу<sup>3</sup>.

Уже в 1836 г. балаганцы высевали разнообразный набор культур: рожь озимую и яровую, пшеницу, ячмень, овес, коноплю. На их огородах, кроме перечисленных выше овощей, появились огурцы, брюква, редька, свекла, лук и чеснок<sup>4</sup>.

Менее серьезны были успехи хлебопашества на севере Предбайкалья, но и здесь к середине XIX века отмечается значительный прогресс. По Верхоленскому ведомству, насчитывавшему 9983 жителя, засевалось в 1841 г. 1446 десятин яровых<sup>5</sup>. На этом же примерно уровне и посев 1848 г., когда под яровыми было занято 1313, а под озимыми 2270 десятин<sup>6</sup>.

За Байкалом, где кочевой уклад сохраняется в большей степени, земледелие в начале XIX века, когда оно уже прочно укоренилось в Балаганском или Аларском ведомстве, только делает первые шаги. В 1806 г. четыре кударинских рода, в которых числилось 1689 человек, засевали всего 53

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 10, л. 62.

<sup>2</sup> Там же, № 12, лл. 66—67.

<sup>3</sup> Там же, № 9, л. 3.

<sup>4</sup> Там же, № 325, лл. 83—86.

<sup>5</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 2239, л. 12

<sup>6</sup> Там же, № 2570, лл. 188—189.

десятины яровой рожью, 14 десятин ячменем и 21 десятину овсом<sup>1</sup>. В «Ведомости Кударинской степи 4 родов» в 1805 г. указывалось: «По малости посева хлеба пропитываются иные покупкой из урожайных мест, а другие рыбью»<sup>2</sup>. Но с течением времени хлебопашество приобретает и здесь большое значение. По официальным данным, «озимого хлеба не сеют, а в сем 1844 г. ярового хлеба всех сортов посеяно было 2193 десятины»<sup>3</sup>.

Земледелец распространяется и в самом северном уголке Забайкалья—Баргузинской долине. При общей тенденции к повышению оно обнаруживает тут, однако, резкие колебания. В 1840 г. баргузинские 12 родов засевали 520 десятин. В 1841 г. цифра дает резкий скачок вверх—до 1002<sup>1</sup>/<sub>2</sub> десятин и держится на этом уровне в течение двух лет: 1045<sup>3</sup>/<sub>4</sub> в 1842 г. и 1024 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> в 1843 г. В следующем же 1844 г. происходит резкое падение до 623 десятин. В ведомостях содержится объяснение: «В 1844 году в посеве хлеба инородцами последовало уменьшение по неимению собственных семян и по неразрешению высшим начальством из магазина в просимом количестве хлеба»<sup>4</sup>.

К 1859 г. размер хлебопахотной земли в Баргузинском ведомстве возрос до 3835 десятин<sup>5</sup>, но вследствие неурожая перспективы были столь же безотрадны, как 15 лет назад. В марте 1859 г. родовые головы, старшины и «лучшие инородцы» ходатайствуют о выдаче семенной ссуды потому, «что по случаю скудного в прошлом 1858 году, как в ведомстве нашем, равно и по всему Баргузинскому краю урожая хлеба, хотя некоторыми из нас и было приготовлено семенного хлеба через покупку из посторонних ведомств, но по случаю большеснежия и продолжавшейся нынешней длительной весны употреблен таковой в корм скотоводству»<sup>6</sup>.

Занятие земледелием начинает оттеснять скотоводство даже в Хоринском и Селенгинском ведомствах. В последнем в 1831 г. площадь посева достигла 4351<sup>1</sup>/<sub>4</sub> десятины, но о малой устойчивости земледелия свидетельствует то, что лишь 607 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> десятин засеивалось собственными семенами, а остальные 3746<sup>1</sup>/<sub>4</sub>—взятыми взаймы, по-видимому, из хлебозапасных магазинов»<sup>7</sup>.

Степень распространения земледелия в разных родах была различна, причем обнаружить какую-либо закономерность невозможно. Наибольший процент хозяйств, не высевая

<sup>1</sup> ЦГА, БурАССР, ф. 5, № 19, лл. 1—2.

<sup>2</sup> Там же, № 21, л. 3.

<sup>3</sup> Там же, ф. 180, № 661, л. 2.

<sup>4</sup> Там же, ф. 22, № 405, л. 92.

<sup>5</sup> Там же, ф. 22, № 793, л. 4.

<sup>6</sup> Там же, ф. 123, № 20, л. 13.

<sup>7</sup> Там же, ф. 2, № 106.

ющих хлеба, в начале 40-х гг. наблюдается у родов монгольского происхождения. Но для определенного вывода статистика все же не дает достаточных оснований, ибо картина

Роды	Имеющих пашню	Неимеющих пашни	Роды	Имеющих пашню	Неимеющих пашни
Чикойско-Харанутский	170	23	Ашабагатский	795	62
1-й Табангутский	250	10	Бабайхоромчиевский	312	46
Бумоль-Гутульский	329	151	Селенгинско-Харанутский	880	216
Хатагинов	212	144	Атаганов	946	463
Олзонов	229	41	2-й Табангутский	87	5
Алагуевский	120	116	Узенов	56	31
3-й Табангутский	354	154	Подгородный	168	178
Сартолов	871	10	Иринско-Харанутский	294	95
Цонголов	1100	71	Ченорутский	418	148

слишком пестра: в 3-м Табангутском роде примерно треть хозяйств не имеет пашни, но в 1-м Табангутском роде — лишь 10 хозяйств из 260. Таблица, характеризующая постепенный переход к земледелию в середине столетия, заслуживает быть приведенной полностью (указывается число душ).

В итоге 7621 душа, занимающаяся хлебопашеством, и 1964 — не ведущих земледельческого хозяйства<sup>1</sup>. В последующие годы число земледельцев быстро увеличивается.

Забайкальские буряты не только восприняли хлебопашество, но и усовершенствовали его, применив орошение. Это отмечает генеральный отчет об управлении Иркутской губернией за 1840 г.: «К улучшению полей еще заведены в Верхнеудинском уезде у раскольников и частью у инородцев тамошних и с недавнего времени в уезде Нерчинском между поселенными там с 1811 г. кавказскими переселенцами так называемые поливные пашни»<sup>2</sup>. Н. А. Бестужев считал применение оросительных канав бурятским изобретением<sup>3</sup>. Точнее говоря, буряты лишь возродили давние традиции поливного земледелия, существовавшего некогда в Забайкалье вплоть до долины Баргузина.

Буряты Верхнеудинского округа к середине XIX века становятся искусными землепашцами. В отчете о состоянии Иркутской губернии за 1845 г. отмечается: «Первые из них

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 1061, л. 46.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 69, л. 310.

<sup>3</sup> Н. А. Бестужев. Бурятское хозяйство. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 12.

(буряты — Е. З.), кочующие по южной части губернии, различаются между собой в родах промышленности: принадлежащие к Иркутскому и Верхнеудинскому округам с успехом занимаются хлебопашеством, особенно первые, а последние имеют даже поливные пашни»<sup>1</sup>.

Общее представление о распространении земледелия дает «Табель о состоянии земледелия у кочующих инородцев по Иркутской губернии в 1841 г.» в Иркутском уезде на 7126 кудинских бурят приходилось 7768 $\frac{1}{2}$  десятин посева, на 778 китойских — 1279 $\frac{3}{4}$  десятин, на 4098 аларских — 7663 $\frac{3}{4}$ , на 8219 балаганских — 10 707 десятин, на 5797 идинских — 9525, на 4644 верхоленских — 3659 д., на 4809 тункинских — 2629 $\frac{1}{4}$ , на 2818 ольхонских — 5 д., на 4526 ленских — 6950 $\frac{7}{8}$ , на 367 армакских тунгусов — 76 д. Всего по Иркутскому округу на 43182 души инородцев приходилось 50 264 $\frac{1}{8}$  десятин посева.

В Нижне-Удинском округе верх-окинские и ицкие роды бурят, численность которых не указана, засевали 265 $\frac{1}{2}$  десятины.

В Верхнеудинском уезде 16 213 хоринцев засевали 20 478 $\frac{5}{8}$  дес., 9577 селенгинцев — 8478 $\frac{3}{4}$  дес., 2079 кударинцев — 720 $\frac{1}{2}$  дес., 2812 баргузинцев — 1012 $\frac{1}{2}$  десятин. Итого по Верхне-Удинскому округу на 30 681 душу было 30 690 $\frac{3}{8}$  дес. посева.

В Нерчинском уезде: 5541 душа, подведомственная Урульгинской степной думе, засевала 1056 $\frac{1}{2}$  дес., 8800 душ. бывших под ведением Агинской инородной управы, — 1990 дес<sup>2</sup>. Всего по Нерчинскому уезду 14 341 душа имела 3046 $\frac{1}{2}$  десятин пашни.

По всем пяти уездам инородцы обрабатывали 84 914 $\frac{3}{4}$  дес. пахотной земли<sup>3</sup>.

Земледелие, развивавшееся под русским влиянием, особенно распространилось в основных районах крестьянской колонизации, причем южное Забайкалье, где аграрный опыт «семейских» был использован местными бурятами, быстро догоняет Иркутскую округу. На первом месте, однако, по степени развития земледелия продолжают стоять те бурятские роды, у которых, не говоря об естественном плодородии почвы, связь с русской деревней была более длительной. Это аларцы, у которых среднедушевая норма пахотной земли приближалась к двум десятинам, и идинцы. За 1 десятину душевого пахотного надела, считавшегося в начале столетия

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 120, л. 48.

<sup>2</sup> В отчете военного губернатора Забайкальской области за 1860 г. содержится утверждение, что хлебопашество у бурят Агинской степной думы началось только с 1858 г. ЦГИАЛ, ф. 1625, оп. 10, № 139, л. 6.

<sup>3</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 95, лл. 177—178.

хорошим для бурят, перешагнули даже хоринцы, а селенгинцы близко подошли к этой норме.

Земледелие становится важной отраслью хозяйства и у «российских мунгалов» — монгольских выходцев, в таких родах, например, как Подгородный, чье чисто монгольское происхождение не вызывает сомнений. В своем доношении размножившиеся потомки зайсана Андахая, возглавлявшего выходцев и ставшего на русской земле «родоначальником» образованного здесь Подгородного рода, насчитывавшие к 1841 г. в своем семействе семьдесят два человека, писали: «...все по семействам имеют обзаведения, как домашние, равно хлебопахотные и сенокосные, удобренные водопроводными канавами и учушенные расчисткою камней и прочего»<sup>1</sup>.

Лишь в Агинской степи и особенно в суровом в климатическом отношении Ольхонском крае земледелие не сделало существенных сдвигов. Совсем незначительно было оно и в ведомстве Закаменской инородной управы, где при численности населения в 1538 чел. под посев 1845 г. было приготовлено 76<sup>1</sup>/<sub>2</sub> десятин земли<sup>2</sup>.

Распространение земледелия имело значение не только для самого бурятского хозяйства, но и для всей экономики края. Для середины XIX в. соотношение между русским крестьянским хозяйством и бурятским характеризуется следующими данными, приведенными в отчете по Иркутской губернии за 1849 г:

	Озимые	Яровые	Картофель
	В четвертях		
Всего по губернии	95733	346811	62583
У крестьян	70247	217425	47614
У инородцев	25271	114853	10279

Структура посевов, как видим, у бурят была несколько иной, чем у русских. Если посев озимых у них составляет всего 36 проц. от крестьянского, то высев яровых соответственно превышает 50 проц, тогда как картофеля, несмотря на все старания администрации поощрять его распространение в бурятских ведомствах, сажалось лишь немногим более <sup>1</sup>/<sub>5</sub> русских посевов.

<sup>1</sup> ЦГА, БурАССР, ф. 2, № 674, л. 44.

<sup>2</sup> Там же, ф. 180, № 661, л. 71.

<sup>3</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, № 103, л. 109.

Соотношение между двумя основными сельскохозяйственными группами по производству хлеба показано в следующей таблице<sup>1</sup>.

	Озимые	Яровые	Картофель
Всего по губернии	419,921	737,966	218,933
У крестьян	315,608	510,605	170,047
У инородцев	103,446	178,813	30,300

Уровень агрикультуры у бурят был, по-видимому, тогда все же ниже, чем у русских. Если урожайность озимых была лишь немного меньше, то яровых — совсем ничтожной, причем чересполосное расселение русских и бурят не дает оснований предполагать, что одни из них оказались в более выгодных климатических условиях<sup>2</sup>. Но как бы то ни было, буряты производили около четверти всего хлеба, получаемого в губернии. Их доля в обеспечении ее несельскохозяйственного населения была при этом, — хоть цифровыми данными, претендующими даже на относительную достоверность тут оперировать невозможно, — выше, чем в производстве, поскольку гораздо меньшая потребность в хлебе у бурят, чем у русских, особенно в Забайкалье, делала их хлебопашество более товарным.

Таким образом, русское влияние сказалось прежде всего на изменении самого типа бурятского хозяйства, на переходе его от кочевого скотоводства, подверженного случайностям и потому не обеспечивавшего устойчивого жизненного уровня, к более прочному земледелию. Переход этот был не безболезненным; как выше отмечалось, у бурят наблюдались резкие колебания в урожайности. Но постепенно накапливался сельскохозяйственный опыт, и многие роды, начинавшие производить хлеб под давлением русских властей или старавшихся выслужиться перед ними своих родоначальников, убеждались в выгодности нового занятия.

Можно утверждать, что к середине XIX века многие группы бурят, в первую очередь аларцы и идинцы, перешли от скотоводческого к сельскохозяйственно-скотоводческому типу хозяйства.

Если XVIII век, как показано выше, был в этом отношении переломным, то в XIX земледелие уже окончательно вос-

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, № 103, л. 109.

<sup>2</sup> О более низкой урожайности у бурят сообщает ряд официальных документов. См., напр., ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, № 36, л. 51; ф. 1265, оп. 9, № 148, л. 100; ф. 1265, оп. 11, № 96, л. 68; ф. 1625, оп. 10, № 139, л. 80.

торжествовало в бурятских степях. Разумеется, такой вывод не может быть распространен на те бурятские ведомства, как, например, Агинское, где старый хозяйственный уклад сохранялся в существенных чертах не только в XIX, но и в начале XX века.

В этом, т. е. в распространении земледелия, и видят многие исследователи, наряду с новшествами в типе селений, жилищном строительстве и домообзаведении, главный результат экономического воздействия деревни на улус. Нисколько не умаляя прогрессивного значения перехода к земледелию, главное мы видим в другом, о чем обычно лишь вскользь упоминается, а именно: в разрушении натуральности хозяйства и углублении его товарности.

Собственно говоря, это две стороны одной и той же проблемы, поскольку наиболее товарной отраслью на западе, где земледелие приобрело большее распространение, являлось именно оно. И потому влияние русской агрокультуры было столь значительно, что она открывала возможность реализации назревшей в бурятском обществе потребности включиться в рыночные связи. Следовательно, здесь сказывается не только влияние деревни, но, может быть, еще в большей степени влияние города. Бурят берется за плуг не только, а возможно и не столько потому, что он алчет хлеба насущного в буквальном смысле слова. Лишенный возможности, вследствие сокращения стад, продавать большое количество мясных продуктов, он ищет другой товар, который проложил бы ему путь на городской рынок. Постоянный дефицит в хлебе в Восточной Сибири, с одной стороны, и возможность использовать производственный опыт русского крестьянина — с другой, подсказывают ему решение.

Думается, что упорное сопротивление агинцев и некоторых других групп забайкальских бурят переходу к земледелию отчасти объясняется тем, что их несравненно более значительное скотоводство находило сбыт на местном рынке, а с прокладкой дорог получило доступ и в отдаленные места. Поэтому здесь потребность в наличных деньгах удовлетворялась и без ломки хозяйства. Такое предположение кажется тем более естественным, что сводить причины перехода к новому типу хозяйства лишь к осознанию полезности хлебопашества на примере русской деревни по меньшей мере наивно. На западе оно было отчасти необходимо и для удовлетворения собственных нужд, на востоке и эта причина отсутствовала, ибо хлеб в рационе забайкальского бурята не играл существенной роли. Во многих местах вплоть до революции он шел лишь на изготовление затурана и саломата, расход муки на которые несравним с дневным потреблением русского крестьянина.

В конечном счете все сказанное показывает, что переход к земледелию обуславливался русским влиянием, но, следует подчеркнуть, не только деревни, но и города.

О товарной роли земледелия в западно-бурятских ведомствах к середине столетия можно судить на основании «Ведомости о промыслах и образованности инородцев кочевых Иркутского уезда ведомства Верхотенской степной думы 1840 года», которая сообщает о среднем доходе от продажи продукции сельского хозяйства и охоты. Хлеба продавалось на 17 000 руб., сена — на 5000 руб. «Сверх сего,— говорится в «объяснении» к ведомости,— приобретается инородцами в течение среднего года через продажу скота козлого, рогатого, овец и коз ассигнациями на 11 420 р., мяса скотинного, бараньего и жиру скотинного нетопленного на 5500 р., кож скотинных сырых, овечьих деланных и неделанных на 1700 р., войлоков катанных разных сортов, шерсти овечьей, веревок и возжей волосяных, золы, дегтю, деревянной и берестяной посуды, лукошек, чашек и прочего, телег, саней и дровней на 7000 р.» «От промыслу зверей... продажи шкур диких коз, горнаков (горностаев?), хорьков и зайцев на 1000 р. и разного рода птиц, как то гусей, тетеревей, уток и рябчиков на 180 руб., и масла коровьего на 270 р., а всего на 27 070 р., ассигнациями (7734 руб. 28 коп. серебром). И все сие сбывают в городе Иркутске и частью в крестьянских окольных селениях, в особенности из изделий»<sup>1</sup>.

Набор товаров уже весьма обширен, и на продажу идет продукция не только сельского хозяйства, но и ремесла, которое обслуживало соседние деревни. Интересно соотношение отдельных отраслей хозяйства в товарной его продукции. Доход от земледелия и сенокосения составляет 22 000 р., от скотоводства — 18 890 р., от ремесла — 7000 р. и охоты — 1180 р.

Эти данные отражают общую тенденцию хозяйства, которую подтверждает и ведомость 1844 г., несмотря на очень большие расхождения в цифровом материале. В отличие от предыдущей, эта ведомость сообщает о количестве продуктов, идущих в продажу, и о минимальных и максимальных ценах. Предлагаемый здесь подсчет произведен на основании средних цен.

Доход от продажи 13 382 пудов озимого хлеба составлял 2400 р. (цены исчислены в серебре), 6707 пудов ярового — 1100 р., 1314 пудов сена — 80 р., 232 пуда скотского жира — 600 р., 12 пудов бараньего — 48 р., 225 пудов овечьей шерсти — 520 р., 2000 волосяных веревок — 60 р., 1000 ушатов золы — 320 р., 35 ведер дегтя — 100 р. В итоге доход от земледелия доходил до 3500 р., а от животноводства составлял всего

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 2158, лл. 42—45.



1228 р. При этом в ведомости указано, что мясо потреблялось полностью и в продажу не поступало. Доход же от продажи пушнины не превышал (в средних ценах) 1000 руб<sup>1</sup>.

Трудно подумать, чтобы с 1840 г. к 1844 г. картина так резко изменилась. По-видимому и здесь статистика требует очень осторожного к себе отношения. Но как бы то ни было, выдвижение земледелия на роль основной товарной отрасли хозяйства сомнений не вызывает. Обратим также внимание на появление нового для бурятской торговли товара — золы, употреблявшейся, явно, для удобрения полей или, скорее, огородов, а, может быть, также и угугов.

Для суждения о выходе товарной продукции рассмотрим данные по Балаганскому ведомству. В 1815 г. при общем урожае хлеба в 19 953 четверти в продажу поступила 6941 четверть, т. е. примерно  $\frac{1}{3}$ <sup>2</sup>. В 1836 г. было собрано 66 814 четвертей, которые были распределены следующим образом: на посев — 13 500 четвертей, на пропитание — 42 234 ч., на продажу — 10 400 ч.<sup>3</sup> Здесь, как видим, значительно меньшая доля зерновой продукции используется для реализации.

Детализированные данные о денежном доходе балаганцев от хлебной торговли имеются для 1840 г. По различным родам они сильно колеблются, от 4300 р. в Кульметском роде до 300 р. в Харанутском<sup>4</sup>.

Цифры эти не находятся в прямой зависимости от численности населения. Абсолютно они невелики, чем подтверждается общее представление о натуральности бурятского хозяйства в то время, но в сопоставлении с денежным доходом от охоты, бывшей в XVII и отчасти в XVIII веке главной товарной отраслью бурятского хозяйства, они выглядят более внушительно. Так Ашехабатской род, выручавший от продажи хлеба 1000 р., продавал пушнины в «хороший год» на вдвое меньшую сумму, а в «плохой» — много менее. Харанутский род сбывал хлеба на 300 р., а мехов в «хороший год» — на 200 р. Продукция земледелия, следовательно, завоевала первенствующее положение в бурятской торговле, хотя абсолютные цифры и не могли, по тогдашнему состоянию бурятского хозяйства, быть особенно велики.

Во многих документах, составленных в думах и родовых управлениях, стремление к реализации сельскохозяйственной продукции объясняется недостатком денежных средств для уплаты податей и повинностей. Перевод последних, включая и ясак в денежную форму, несомненно способствовал росту товарных тенденций в бурятском хозяйстве, как это имело место всюду с возникновением денежной ренты. «Хотя непо-

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 2346, лл. 28—31.

<sup>2</sup> Там же, ф. 3, № 12, лл. 66—67.

<sup>3</sup> Там же, № 325, лл. 83—84.

<sup>4</sup> Там же, № 501, лл. 99—102.

средственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна быть теперь превращена в товар, произведена как товар»<sup>1</sup>.

Но связи бурятского хозяйства с рынком не ограничивались только целями приобретения денег в количестве, достаточном для покрытия денежных повинностей. Например, Ашехабатский род Нижнеудинского ведомства, насчитывавший 317 душ, уплачивая в 1817 г. в год 2852 р. 12<sup>3</sup>/<sub>4</sub> к. повинностей, продавал сельскохозяйственных товаров и пушнины на 12 000 р. При общем доходе от торговли в 12 000 р. 226 харанутцев платили в казну и на общественные нужды 1875 р. 49<sup>1</sup>/<sub>4</sub> к.<sup>2</sup>.

Разумеется, связь между денежными поборами и рыночными операциями была. Не следует забывать, что основными поставщиками товарной продукции были зажиточные хозяйства, тогда как на основной массе крестьян накапливались недоимки, и для нее, не имевшей излишков хлеба или скота, добывание наличных денег было серьезной проблемой.

Стремление к повышению денежного дохода привело бурят, по примеру местных русских крестьян, и к разведению некоторых технических культур. Помимо конопли, они разводили и табак, который, по словам официального документа, «доставляет собою порядочный доход хозяевам»<sup>3</sup>.

Товарность земледелия ограничивалась низкой его продуктивностью, связанной с весьма несовершенной техникой обработки почвы. В отчете по Иркутской губернии за 1840 г. указывается: «обыкновенные земледельческие орудия: соха, борона и плуг, например, в Верхнеудинском и Нерчинском округах у поселенных там малороссиян»<sup>4</sup>.

Тем не менее буряты завоевали себе прочное положение на хлебном рынке. Цитированный выше отчет обращает на это внимание: «...теперь между инородцами пяти округов Иркутской губернии земледелие уже не редкость и на рынках в городах, особенно в Иркутске, лучшие и более богатые торговцы хлебом есть буряты Балаганского, Аларского и Идинского ведомств и частью буряты торские. Они усерднее даже русских занимаются очисткою своих хлебов и от того запас в их руках вообще почитается лучшим по виду и качеству»<sup>5</sup>.

Рост товарности хозяйства наблюдается и в тех ведомствах, в которых не происходило заметного увеличения хлебопашества. Это позволяет утверждать, что воздействие русского города, а позднее развивающейся горной и золотой про-

<sup>1</sup> К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1953, стр. 810.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. I, № 58, л. 259.

<sup>3</sup> Там же, ф. 1281, оп. 4, № 69, л. 312.

<sup>4</sup> Там же, л. 110.

<sup>5</sup> Там же, л. 311.

мышленности было более широким, чем русской деревни. Именно в этом, а не в меньшем числе русских деревень на территории нерчинских бурят надо видеть причину иного направления их хозяйства.

Возможность для сбыта мясной продукции Забайкалья была значительно расширена с прокладкой купечеством Кругобайкальской дороги, предназначенной, по замыслу ее строителей, для транспортировки грузов из Кяхты. Иркутску же эта дорога дала возможность закупать скот у забайкальских бурят, в чем ощущалась острая потребность, поскольку Енисейская губерния, являвшаяся прежде поставщиком скота для Иркутска, теперь сбывала свою товарную мясную продукцию на открывавшиеся в большом числе золотые прииски.

Местная администрация дает инициативе кяхтинского купечества лестную оценку: «Опыт совершенно удался и через это открывается новый и весьма выгодный источник промышленности для забайкальских жителей, имеющих многочисленные стада скота, а для Иркутска нашелся свой продукт, приобретающийся прежде из Енисейской губернии... По предложению, сделанному всем мясопромышленникам, они уже обратились к закупу скота в том крае (за Байкалом — Е. З.) и по тому самому цена на мясо в Иркутске уменьшилась от 18 до 26 копеек за пуд»<sup>1</sup>.

Благоприятно сказалось на экспортных возможностях и освоение Приамурского края. «Открытие Амура, — замечает в своей записке о состоянии Забайкальской области генерал-майор Жуковский, — оживило торговлю Забайкальского края, дав сбыт в большом количестве хлеба, мяса, сала, пеньки, кож и других произведений края»<sup>2</sup>. Несколько неожиданным последствием открытия Амура было увеличение верблюдоводства в Забайкалье, так как для верблюдов открылся сбыт в Калифорнию<sup>3</sup>.

Товарное значение животноводства повысилось и в связи с расширением объема кяхтинской торговли, а также увеличением номенклатуры обменивавшихся там товаров. Пока на промен шли привозные товары и пушнина, добываемая, главным образом, эвенками, для бурят оставалась, в лучшем случае, роль посредников. Но в XIX веке устанавливается постоянный спрос на мерлушку, что стимулировало развитие забайкальского овцеводства. «Польза от скотоводства определяется сама собой, а для забайкальских жителей она заключается в овцеводстве по причине высокой цены на мерлушку, идущую на промен китайцам на Кяхте. Закуп мерлушки в

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 69, л. 43.

<sup>2</sup> Там же, ф. 1265, оп. 10, № 197, л. 33.

<sup>3</sup> Там же, л. 19.

Забайкалье ежегодно можно определить не менее 700 тыс. рублей ассигнациями» констатирует отчет по губернии<sup>1</sup>.

Участие бурят в кяхтинской торговле не ограничивалось продажей мерлушки. Немалое значение имел и промен скота за границу, причем растущая товарность хозяйства бурят побуждала их добиваться расширения этой, лимитированной правительством, торговли. Первые сведения о бурятской торговле через Кяхту, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся к 1770 г., когда была установлена норма промена скота для четырех казачьих полков в следующем количестве: верблюдов — 35, лошадей — 223, крупного рогатого скота — 277 голов, баранов — 900<sup>2</sup>. Кроме того, особая норма существовала для состоявших при «степном нерегулярном брачном войске» лам. Всего этих лам числилось 126, и они имели право продавать китайцам в Кяхте 20 верблюдов, 60 лошадей, 40 голов крупного рогатого скота, 200 баранов<sup>3</sup>.

В конце 20-х годов прошлого столетия в Министерстве финансов рассматривалось дело о «мелочном торге» в Кяхте. Из него мы узнаем о масштабах этого торгового дела, стремлении крупного купечества придушить его, чтобы полностью монополизировать коммерческие связи с Китаем и, наконец, о настоячивых ходатайствах бурят увеличить установленные для них нормы. Последние определялись указом Сената от 1801 года, которым разрешалось бурятам селенгинским и хоринским, казакам четырех бурятских полков и ламам променивать 234 верблюда, 1573 мерина, 1330 быков и 4978 баранов<sup>4</sup>.

Эта норма не удовлетворяла бурятские общества и в деле приведены ходатайства об ее увеличении<sup>5</sup>, причем наряду с просьбами о большем пропуске скота буряты просили и о разрешении продажи хлеба. Экспортные возможности селенгинских родов степная дума определяла в 3300 пудов<sup>6</sup>.

Масштабы «мелочной торговли» были довольно значительны. Общая стоимость промениваемого скота (кроме быков, пропуск которых был с 1811 г. запрещен) составляла 144 174 р., по 4 р. на каждую душу. Буряты же просили о разрешении промена на 313 450 р., т. е. по 8 р. 75 к. на душу<sup>7</sup>. Эта последняя сумма, немалая по тому времени, свидетельствует о возросшей товарности бурятского хозяйства и его стремлении найти для себя новые рынки.

Но сказанным товарное значение животноводства, естественно, не ограничивается. В цитированном выше отчете

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 69, лл. 314—315.

<sup>2</sup> РО БКНИИ, № 274, л. 3.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. I, № 515, л. 63.

<sup>5</sup> Там же, лл. 26—29, 33.

<sup>6</sup> Там же, л. 26.

<sup>7</sup> Там же, л. 65.

добавлено: «Также не мало приобретается выгод жителями сего края от продажи сырых скотских кож, говядины и сала»<sup>1</sup>.

С развитием земледелия бурятские богатеи стремятся не ограничивать своей заграничной торговли поставками скота, но и реализовать на Кяхтинском рынке часть товарного хлеба. В 1834 г. Селенгинская степная дума направила в Кяхтинскую таможенную палату с просьбой разрешить промен за границу 500 пудов ржи и 500 пудов пшеницы, что мотивировалось необходимостью покрыть недоимки в подати, возросшие до 12 000 руб. Получив ответ, что разрешение может быть дано лишь высшим губернским начальством, дума переадресует свое прошение начальнику Верхнеудинского округа, повышая уже предлагаемое количество хлеба до 500 пудов ржи и 1000 пудов пшеницы<sup>2</sup>.

Продажа хлеба за границу была, по-видимому, выгоднее, чем на внутреннем рынке, потому что в том же 1834 г. дума отклоняет предложение запродать хлеб в казну, ссылаясь на неурожай и малый посев в предшествующие годы<sup>3</sup>.

Эти материалы позволяют дополнить имевшиеся сведения о продаже бурятами в Кяхте юфтевых кож, мерлушки и мехов<sup>4</sup>.

Буряты различных местностей обширного края приспосабливали свое хозяйство к новым условиям в зависимости от прежней его экономической структуры, региональных особенностей, количества земли, почвенных и климатических условий. Это обуславливало разделение бурятских ведомств на две основные хозяйственные группы. «Из инородцев хлебопашцев первое место занимают балаганские и верхоленьские буряты, затем все Иркутского округа и частью Верхнеудинского округа селенгинские буряты. Из скотоводов первое место занимают агинские буряты Нерчинского округа и Верхнеудинского хоринские, селенгинские и баргузинские»<sup>5</sup>.

Из приведенной оценки, датированной 1841 г., мы видим, что эти два основных хозяйственных типа к тому времени уже сложились. Но разграничение не было абсолютным. Отдельные ведомства еще сочетали животноводство с увеличивающимся земледелием. Это, прежде всего, селенгинцы, у которых эти две отрасли, из коих в разных родах преобладала та или другая, продолжали сосуществовать и много позднее. И это понятно: с одной стороны, расселение селенгинцев связывало их с верхнеудинским и троицкосавским хлебным рынком, а природные условия благоприятствовали хлебопашест-

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 69, л. 315.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 215, лл. 1—4.

<sup>3</sup> Там же, № 216, л. 6.

<sup>4</sup> Е. П. Силин. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947, стр. 164.

<sup>5</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 95, лл. 25—26.

ву, с другой — близость к Кругобайкальскому тракту и Кяхте стимулировала развитие животноводства, вследствие удобного сбыта его товарной продукции. Сказывался также, хотя это и не имело решающего значения, меньший чем в западной Бурятии контакт с русским крестьянством.

Некоторое представление о торговых оборотах в бурятских ведомствах дают отчетные данные об устраивавшихся там ярмарках. Из числа довольно многочисленных ярмарок мы выделяем те, которые проходили в сельской местности с преобладающим бурятским населением. В 1844 г. таковыми являлись: Кударинская, с оборотом в 3105 р., Онинская — 10 779 р., Агинская — 5931 р. 39½ коп.<sup>1</sup> Эти ярмарки, за исключением Агинской, сохраняются и в пятидесятые годы.

Эти цифры можно было бы привести за ряд лет, но, к сожалению, ценность их весьма относительна, ибо невозможно выделить по имеющимся данным характер бурятской торговли, и они сохраняют известный интерес лишь для иллюстрации общего уровня экономической жизни. С другой стороны, буряты могли участвовать и в ярмарках, организуемых в русских деревнях, оборот которых не отличался существенно от приведенных выше данных. Поэтому основной вывод заключается в том, что самое проведение ярмарок в пунктах расположения степных дум (позднее к ним прибавилась Улюнская при Баргузинской степной думе) служит дополнительным свидетельством укрепления рыночных связей бурятского и русского хозяйства, ибо оптовыми скупщиками и продавцами мануфактуры, сельскохозяйственных орудий и посуды, чем и ограничивался, в основном, сбыт на этих ярмарках, были в те годы только русские купцы.

Хотя русское влияние и сказалось, главным образом, в экономической области — в разложении натурального хозяйства и развитии товарно-денежных отношений, этим, разумеется, оно не ограничивалось.

Оно повысило культуру бурятского хозяйства вообще, даже старинной его отрасли — животноводства, в частности. В этой области влияние было обоюдным, старожилое русское население многое почерпнуло из богатой скотоводческой практики бурята в новых для русского крестьянина условиях. Иные нерчинские казаки, особенно из числа богатеев, обзаведясь огромными стадами скота, даже перешли к кочевому образу жизни, тогда как буряты уже начинали его оставлять. Но и животноводство под воздействием русских претерпевает значительные изменения.

Главное заключалось в том, что ослабла, хотя нигде, за исключением, быть может, немногих уголков западной Бурятии, не была уничтожена полностью, зависимость от

---

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, № 106, л. 97.

произвола стихии. Если версия о знакомстве бурят с сенокосением только после прихода русских и оказалась в свете новейших исследований несостоятельной, то широкое распространение его лишь с XVIII и во многих местах с XIX века не подлежит сомнению.

Тут сказался не только непосредственный пример русской деревни, не страшившейся буранов и гололедец, но и появление более совершенной русской косы, быстро вытеснившей из хозяйственного обихода старые бурятские приспособления.

Сведения о значительных заготовках сена имеются во всех хозяйственных ведомостях начала XIX века. Пожалуй, сенокосение распространяется даже быстрее хлебопашества, поскольку для бурят была очевидна его хозяйственная целесообразность. Лишь в Агинском округе, где сохранение старого уклада способствовало большей консервативности, мы по-прежнему находим преобладание тебеневки при минимальной заготовке кормов.

Переходу к сенокосению способствовало, особенно на западе, и сокращение земельных угодий, которое вынуждало переключаться на стойловое содержание скота. Несмотря на обилие статистических данных, невозможно точно определить обеспеченность скота кормами, так как сбор сена исчислялся в копнах, точный вес которых неизвестен, да едва ли он и был стабильным.

Косвенные данные дают основание полагать, что заготовка сена далеко не соответствовала подлинным потребностям. Уже известная нам катастрофа, постигшая баргузинских скотоводов, объяснялась ими следующим образом: «Упадок скота произошел большею частью от недостатка кормов и по случаю выпавших больших снегов, жестокости зимы, сопряженной с ветрами, так что с половины февраля до первых чисел мая продолжались непрерывные ветры и от чего самого приготовленное сено в течение 1852, даже с оставшимся от 1851 года, не могло поддержать всего скотоводства»<sup>1</sup>.

Подобные события происходили неоднократно и в других ведомостях. Но при всех их плачевных для бурятского хозяйства последствиях губительная сила таких ударов судьбы была в сильной мере ослаблена возможностью поддержать в трудный час хотя бы часть скота и тем избежать полного разорения, бывшего в прошлом в особо неблагоприятные зимы уделом и богатых скотоводов.

Сено шло в значительном количестве на собственное потребление, и товарность сенокосения в общем была ниже, чем хлебопашества. Буряты Балаганского ведомства, выделившие на продажу в 1839 г. 3000 пудов хлеба, заготовленные 63 000 копен сена и 18 550 копен соломы, предназначали для исполь-

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 22, № 348, л. 37.

зования в своем хозяйстве<sup>1</sup>. Даже справочная цена на сено и солому, в отличие от всех других продуктов, продававшихся балаганцами, не приводится, чему дается объяснение: «в остатке нисколько не имелось».

Продажа сена вообще практиковалась, но товарный выход его был незначителен. По Верхоленскому ведомству в 1844 г. при заготовке сена в 204 000 пудов, на продажу было выделено 1314 пудов, т. е. менее одного процента<sup>2</sup>.

Если усовершенствование бурятами земледелия выразилось в устройстве поливных каназ, то в кормодобывание они тоже внесли свою лепту, широко практикуя устройство так называемых утугов, т. е. расчищенных от камней и кустарников, унаваживаемых и орошаемых небольших участков луга, расположенных обычно в непосредственной близости от зимников. Утуги давали высокий урожай трав и очень ценились бурятами.

Таким образом, хозяйственный опыт русской деревни приспособлялся бурятами к местным условиям. Как утуги, так и покосы располагались обычно поближе к зимникам, тогда как летники строились обычно вблизи от основных пастбищных угодий.

Распространение сенокосения привело к сокращению цикличности перекочевов с 4 до 2 раз в год.

Менее сказалось русское влияние на бурятских промыслах, которые, во-первых, сохранили свой самобытный национальный характер, а, во-вторых, не имели почти никакого товарного значения, почему развитие товарно-денежных отношений затронуло их меньше, чем другие отрасли бурятского хозяйства.

Скорее даже, наоборот, некоторые промыслы пришли в упадок, так как старые предметы обихода, изготовлявшиеся в своем доме или приобретаемые у местных умельцев, заменялись фабричными изделиями.

Но вместе с тем бурятское ремесло начинает приспособляться к спросу русской деревни. Вспомним, что в перечне товарной продукции по Верхоленскому ведомству фигурируют сани, дровни, лукошки, посуда и деготь. Техника производства некоторых из этих изделий, прежде всего телег и саний, была заимствована у русских.

Укрепление рыночных связей привело, как это происходит повсеместно, к появлению нового спроса. «Буряты просили привозить на ярмарку: сукна синего, красного и желтого цветов, дабы синие, простые пекинские и калганские, китайки черные, фанзы красные, белые и голубые, затем сошники, железо, олово, свинец, чаши и танги чугунные, чашки красные,

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 2151, л. 1.

<sup>2</sup> Там же, № 2346, л. 28.



деревянные, китайские, табак листовой, чай кирпичный, иглы швейные, холст толстый, платки бумажные и шелковые, корольки (бусы) разных цветов, персты медные, наперстки железные, пуговицы медные»<sup>1</sup>.

Частично возможность приобретения товаров на ярмарке или в лавке подорвала кустарные промыслы. Сыграло тут некоторую роль и изменение жизненных условий. С началом строительства деревянных домов сократилась, например, потребность в войлоке, хотя кошмы и остались обязательным элементом в убранстве любого бурятского дома.

Но сохранился у бурят кузнечный промысел, сочетавшийся у них с тонким ювелирным мастерством. Работы бурятских кузнецов по серебру: седла, трубки, ножны, женские украшения и т. п. пользовались большим спросом и в русской деревне. Вообще бурятские кузнецы, начиная, как нам уже известно, с XVII века обслуживали частично и русскую деревню. Запоминающийся характерный образ бурятского кузнеца оставил Н. А. Бестужев<sup>2</sup>. Но в документальном материале никаких сведений о кузнечном промысле обнаружить, к сожалению, не удалось.

Кузнечный промысел был в прошлом и оставался единственным ремеслом, частично, а в некоторых случаях и полностью обособившимся от сельского хозяйства. В Балаганском ведомстве, например, в 1852 г. насчитывалось 20 кузниц<sup>3</sup>.

Войлоки, овчины, домашняя деревянная посуда, гутулы и даже деревянные бороны или катки производились в своем хозяйстве. Незначительная эпизодическая продажа войлока или волосяных веревок, а равно и других, перечисленных выше изделий, не может изменить общей характеристики бурятского ремесла, как сугубо домашнего. Лишь овчины шли в некотором количестве на рынок; но это относится в гораздо большей степени к продукции скотоводства, нежели ремесла.

Занимствований от русских в этой области немного, но все же они были. Строительство деревянных домов повлекло появление новой для бурят профессии — плотников, и уже в XIX веке были искусные мастера. Появляются и печники. Но существенного влияния на хозяйственный уклад улуса это не оказало, тем паче, что подобные ремесленники занимались в подавляющем большинстве случаев и сельским хозяйством.

Русское влияние проявилось и в строительстве богатыми бурятами мельниц, что соответствовало хозяйственной потребности бурятского сельского общества.

В середине столетия в том же Балаганском ведомстве

---

<sup>1</sup> «История БМАССР», т. I, стр. 189.

<sup>2</sup> Н. А. Бестужев. Гусиное озеро, стр. 64.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 2225, лл. 85—90.

действовали 20 мельниц. В некоторых поселениях мукомольное дело было особенно распространено. Так, в среднем по численности населения Одисинском улусе Зунгарского рода было 4 мельницы<sup>1</sup>.

Эксперимент декабристов по привитию бурятам ремесленных навыков не прошел бесследно, но и не оставил глубоких следов. Памятником от него осталось лишь широкое распространение в забайкальской деревне изобретенной Бестужевым телеги — сидейки да рассказы о первом бурятском самородке — механике и оптике — Сарампиле Убугунове.

Малые изменения в бурятском ремесле связаны, во-первых, с тем, что оно не имело товарного значения; во-вторых, сибирская деревня, не имевшая длительных традиций, сама была небогата в этом отношении и, наконец, ремесло имеет глубокие корни в прошлом народа и тесно связано с его житейскими навыками.

Распространение земледелия и сенокосения, переход к стойловому содержанию скота привели к такому важному по своим последствиям процессу, как постепенный переход к оседлому образу жизни. Здесь буряты широко использовали русский опыт, обзаведясь деревянными домами. Полностью оседание было завершено при Советской власти, когда были созданы для него экономические и иные предпосылки. Но начинается оно еще в XVIII веке, а к началу XIX уже значительная часть бурят переходит к оседлому или к полuosедлому образу жизни.

По «Статистическим сведениям о Восточной Сибири» за 1823 г. в Иркутской округе числилось среди бурят: оседлых земледельцев — 4285 чел. и кочующих — 77 238 чел. По Верхнеудинской округе соответственные цифры: 4824 чел. и 71 020 чел. Более успешно проходило оседание в Нижнеудинской округе, где на 3771 оседлых жителей приходилось 8163 кочующих<sup>2</sup>. Пашня, утуг, домовое обзаведение — все это привязывает бурята к месту.

В 1840 г. потомки тайши Дулкицы Олдоева, отклоняя предложение о перечислении в казаки, мотивировали свой отказ, в частности, тем, что «если мы поступим в пограничную службу, то должны лишиться получаемых нами... выгод, т. е. построенных нами при жительстве разных заведений и производимых нами хлебопашеств»<sup>3</sup>.

Переход к оседлости вместе со связанными с ним изменениями в типе хозяйства был крупнейшим положительным явлением. И этим буряты всецело обязаны влиянию русского крестьянина.

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 2225, лл. 85—90.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 28, лл. 26—27.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 674, л. 35.

Резюмируя все сказанное, можно констатировать, что изменения, происшедшие в бурятском хозяйстве, объяснялись, прежде всего, медленным и постепенным, но неуклонным включением его в экономическую жизнь Восточной Сибири. Развитие товарно-денежных отношений вызывало необходимость в повышении товарности хозяйства. Это становилось возможным лишь в результате перехода к земледелию, широкое распространение которого в XIX в. приводит к превращению бурятского хозяйства в ряде районов в земледельческо-скотоводческое. Переход к новому типу хозяйства облегчался заимствованием аграрного опыта русской деревни.

Значительная роль, которую продолжало сохранять скотоводство во многих районах Забайкалья, объясняется меньшим земельным стеснением и, главное, возможностью повышения товарности самого животноводства, а не более слабым контактом с русским крестьянством, что имело второстепенное значение.

Русское влияние сказалось и на исконной отрасли бурятского хозяйства — скотоводстве, ибо сенокошение, широко распространившееся среди бурят, сделало его более устойчивым и, с другой стороны, подготовило условия для перехода к оседлости.

Сближение с русским народом после присоединения Бурятии к России, вопреки политике царизма, способствовало экономическому подъему бурятского народа, разрушению натуральности его хозяйства, развитию товарно-денежных отношений и переходу к более прогрессивным формам хозяйствования. То, что такая ломка происходит на фоне подъема, а не упадка экономической жизни, и является характерной чертой в развитии народов Сибири, бурят в частности.

#### Г Л А В А IV

### ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ БУРЯТ В XVII в.

Проблема общественного строя бурят очень сложна. Состояние архивных фондов пока не дает возможности для полного ее выяснения, и все построения являются вынужденно более или менее гипотетическими, так как исследователи могут оперировать очень ограниченным материалом. Не является дискуссионным лишь то, что родоплеменной строй подвергся значительному разрушению и уступил свое место отношениям ранне-классового общества. Вопрос заключается в том, насколько далеко зашел этот процесс и можно ли характери-

зовать бурят в XVII в., как народ, у которого уже сложились и стали господствующими патриархально-феодалные отношения<sup>1</sup>.

Сохранение родовых отношений в XVII веке ярко прослеживается по документам, хотя род претерпел уже значительную трансформацию и не был выражен так четко, как у соседних с бурятами эвенков, о чем можно судить хотя бы по такому, бросающемуся в глаза, обстоятельству, что русские сравнительно поздно разобрались в родовой структуре бурятского общества и в ранних отписках преобладают указания, как уже отмечено выше, на принадлежность отдельных групп бурят к какому-либо улусу или подчинение их тому или иному князю.

Термины, обозначающие род, довольно многочисленны, причем в большинстве случаев они совпадают с монгольскими, хотя и не все соответствуют монгольским по своему значению. Употребление различных терминов в одном и том же смысле, а также вариации, встречающиеся в различных говорах, создают здесь значительную путаницу, которая была усугублена впоследствии мероприятиями русских властей, в результате коих бурятский «род» был превращен в административно-фискальную единицу, мало связанную с подлинным родовым членением бурят.

Наиболее распространенными терминами были оток и обок (омок). Наряду с ними употреблялись термины яһан (кость) и аймаг. Последний, однако, в бурятских исторических хрониках встречается много реже, обозначая, по-видимому, мелкие подразделения в родах, почему мы и не будем задерживаться на нем специально. Значение термина «обог» в Монголии Б. Я. Владимирцов определяет как род, т. е. «своеобразный союз кровных родственников»<sup>2</sup>. Термин же «оток», возникающий позднее, лишь в XV веке, обозначал группу кочевых аилов, занимавших определенную территорию. «Оток» в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей<sup>3</sup>. У бурят же, повторяем, эти термины, также как и другие, упомянутые выше, равнозначны<sup>4</sup>, причем, в документах-жалобах, всевозможных ходатайствах и отписках родовых учреждений — преобладает оток.

Однако, имеются указания на то, что эта путаница сравнительно недавнего происхождения. В приложении к проекту свода степных законов, составленному в 1837 г. указывается:

<sup>1</sup> «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Изд. 2, Улан-Удэ, 1954, стр. 72.

<sup>2</sup> Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Ленинград, 1934, стр. 46.

<sup>3</sup> Там же, стр. 132.

<sup>4</sup> См. напр., «Летописи селенгинских бурят», М.—Л., 1936.

«Первые из бурят и монголов, вступившие в подданство России, не переписывались из одного племени в другое, или из рода в род. Тогда племя, колено называлось по-монгольски обок или ясу... Но когда местное правительство для удобства управления небольшие монгольские и бурятские племена начало соединять в одно общество, тогда слово обок (кость) заменено словом оток (станция, наслег)»<sup>1</sup>.

Таким образом, возникновение новой социальной единицы, основанной на территориальной общности, какой являлся так называемый «административный род», и привело к употреблению слова «оток», а с общим разрушением родовой структуры точное значение каждого из этих двух терминов было полузабыто. Но знатоки старины еще в середине прошлого века разбирались в этом вопросе. В 1834 г. Троицкосавское пограничное правление запросило Селенгинскую степную думу, «существуют ли ныне у ясашных бурят из ныне состоящих трех табангутских родов название Хачинутский и Батанаевский»<sup>2</sup>. Запрос этот был переадресован думой заседателю Юмову. Ответ его гласил: «в первом табангутском отоке батанаевский омок имеется, во втором табангутском отоке хачинутский омок имеется»<sup>3</sup>. Отсюда можно заключить, что словоупотребление заседателя соответствует старому значению терминов: отоками он называет первый и второй Табангутские роды, появившиеся на свет в результате административного устройства выходцев-табангутов и, конечно, не являвшиеся родами в точном смысле этого слова. Что же касается батанайцев и хачинутов, то это остатки действительно существовавших родов, и их Юмов именует обоками.

Но эта дифференциация терминов, как видим, еще сохранявшаяся в бурятском обществе, почти не нашла отражения в документах, что подтверждает тенденцию к их унификации, порожденную разрушением родового уклада.

Наряду с терминами, общими для монгольских народов, хотя и употребляющимися часто в ином значении, существует и чисто бурятское обозначение рода, а именно эсэгэ (что буквально значит отец). Насколько нам известно, употребление этого слова в смысле «род» впервые было отмечено Г. Н. Румянцевым<sup>4</sup>. Эсэгэ в значении рода встречается неоднократно и в хрониках<sup>5</sup>, и в документах. В частности, в цитированном выше донесении Юмова говорится о «трех-отцовых табангу-

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. I, № 212-6, л. 67; то же у Ф. Буссе. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири. Записки по отд. этнографии, т. VI, СПб, 1880, стр. 2.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 235, л. 1.

<sup>3</sup> Там же, л. 4.

<sup>4</sup> См., напр., Г. Н. Румянцев. Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956, стр. 76.

<sup>5</sup> «Летописи хоринских бурят». Ленинград, 1940, стр. 43.

тах». Интересен этот термин в том отношении, что он явно связан со становлением у бурят отцовского рода и отлично согласуется с патронимистическими легендами о происхождении различных родов.

Сохранались у бурят следы и иной организации — членения на сотни и пятидесятни. Судя по единичным упоминаниям в документах, эта система или не сложилась в прошлом полностью, или находилась в состоянии глубокого упадка. Рассмотрим показания источников. В 1662 г. в отписке сына боярского Никифора Качина упоминаются «Верхоленского острожку ясачные люди Багуновы сотни»<sup>1</sup>. «В перечневой выписке из переписной книги Верхоленского острога» за 1687 г. находим: «того ж Абызаевского роду Унгиневы сотни Цорокова улусных людей — 85 человек». «Ченоруцкого роду Туткеевы сотни — 88 человек», «того ж Ченоруцкого роду ево Бутукеевы сотни дороги Евшина — 17 человек», «того ж Ченоруцкого роду ево же Бутукеевы сотни — 61 человек», «того ж Ченоруцкого роду ево же Бутукеевы сотни — 6 человек захребетников», «Булагацкий род, князец Ноенко Торобов — 61 человек; ево же ноенковы сотни Курунчинского роду — 38 человек», «Карануцкий род, Пушкаевы сотни — 42 человека; ево ж Пушкаевы сотни Баяндаевщина — 89 человек», «ево ж Абызаевы сотни Хилкыдырского роду — 69 человек», «род Олзенской — 56 человек; того ж Олзенского роду ево же Батунаевы сотня баяндаевщина — 45 человек»<sup>2</sup>.

Аналогичные упоминания встречаются и в других документах. В 1697 г. в отписке Афанасия Бейтона из Енисейска фигурируют «братские мужики Ченоруцкого роду абуковы пятидесятни»<sup>3</sup>. В окладной ясачной книге Верхоленского острога за 1700 г. упоминаются в Абызаевском роде Олунгина пятидесятни и в Ченорутском роде Буткеева сотня и «Буткеевы сотни Абуковщина»<sup>4</sup>. В сметной книге следующего 1701 г. названы лишь Олунгина пятидесятни Абызаевского рода и Бутукеева сотня Ченорутского<sup>5</sup>.

Материал в целом недостаточен для полного решения проблемы, но некоторые заключения можно сделать. Прежде всего следует констатировать, что власть князцов не ограничивалась пределами рода. Князец Ноенко Торобов (он же Ноен Торомов) назван здесь князем Булагатского рода, и, в то время, под его властью находилась сотня из Курунчинского рода. Сам этот князец не раз упоминается в документах<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ААН, 28, № 167, л. 262.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 102 (ст. 118), лл. 2—3.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 94.

<sup>4</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 55.

<sup>5</sup> Там же, кн. 1316, лл. 153—154.

<sup>6</sup> ААН, 28, № 122, л. 213; 23, № 53, л. 78.

С другой стороны, Ченоруцкий род лишь частично входил в состав Бутукеевой сотни («Тукеева сотня» нашего документа — очевидная ошибка переписчика, пропустившего первый слог). Самое же название Бутукеевой сотни происходит, очевидно, от имени князца Ботока<sup>1</sup>. По князцам именуются и другие сотни и пятидесятни. Главой Багуновой сотни был, надо полагать, князец Багун<sup>2</sup>, Унгинева сотня, вероятно, обязана своим названием князцу Унигедю (чье имя встречается в вариантах: Унигидей, Удиныгей, Негодей, Негутей)<sup>3</sup>.

Аналогично образованы и названия пятидесятень, замеченные аморфными терминами «Баяндаевщина» и «Абуковщина». Что речь идет о понятиях тождественных доказывається тем, что в одной из упомянутых выше ясачных ведомостей говорится о «Ченоруцкого рода абуковой пятидесятне», а в другом уточняется: «Буткеевы сотни Абуковщина». И это название происходит от имени князца Абучко Шиктухиева, бывшего в 1701 г. шуленгою у верхоленских бурят<sup>4</sup>, сын которого Багай Абуков в 1735 г. исправлял ту же должность в четвертом Ченоруцком роде<sup>5</sup>. Кстати, последнее, т. е. сохранение за потомством Абука должности шуленги в Ченорутском роде служит подтверждением правильности нашего сопоставления, ибо абуковщина входила в состав этого рода.

Название «баендаевщина», видимо, того же происхождения, что и «абуковщина». Правда, князца Баендая в районе Верхоленска найти не удалось, но не все они нам, конечно, знакомы, а князцы с этим именем попадались в других частях Бурятии.

Хотя изложенные выше соображения и недостаточны для категорических выводов, можно полагать, что князцы, возглавлявшие пятидесятни, не только были менее значительными персонами по сравнению со своими коллегами, стоявшими во главе сотен, но и зависели от последних, поскольку документы указывают на вхождение пятидесятни в состав сотни.

Кардинально же важным фактом следует признать то, что документы при всей их недостаточности показывают, что «князцы» русских отписок, как отмечено выше, не являлись, по меньшей мере, в ряде случаев родовыми старшинами. Термин «сотня» уже в начале XVIII века исчезает и проследить дальнейшее развитие этого института не удастся. Попытаться же определить истинный характер сотни было бы занятием безнадежным, если б делу не помогли часто встречающиеся в

---

<sup>1</sup> ААН, 22, № 193, л. 323.

<sup>2</sup> Там же, 28, № 177, л. 271.

<sup>3</sup> Там же, 17, № 136, л. 202; № 281, л. 549; 22, № 73, л. 101.

<sup>4</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 53.

<sup>5</sup> ЦГАДА, портфель Миллера, № 509, л. 119.

источниках «улусы», имеющие самое непосредственное отношение к интересующему нас вопросу.

Термин «улус» встречается в документах несколько ранее, чем род, затем улусы в донесениях и ясачных ведомостях до первых лет XVIII века соседствуют с родами и, наконец, подобно сотням, исчезают совершенно. Если сотни попадают в редких делах, то жаловаться на недостаточность упоминаний об улусах не приходится. В некоторых случаях термин «улус», который тоже не отличается в русских документах абсолютной определенностью, заменяет термин «род». Так, Ашахабатский род называли иногда Ашахабатским улусом<sup>1</sup>, Кульметский род Кулметовым улусом<sup>2</sup>, Шаранутский род Шаранотовым улусом<sup>3</sup>. Но такие случаи немногочисленны, и все относятся ко времени не позднее пятидесятих годов XVII в. Позднее разница между родом и улусом была уже уяснена русскими. Но названия ряда улусов продолжают совпадать с названиями сотен. Таковы улусы Багунов<sup>4</sup> или Негодеев<sup>5</sup>. Многие другие улусы нигде не фигурируют в качестве сотен и не идентифицируются с именами известных нам князцов, но самые их названия не оставляют сомнений в их происхождении. Улусы Ирбанов, Босоголдоев и им подобные названы, очевидно, так же, как и указанные выше, по князцам, в подчинении которых они находились. В других случаях эта связь не столь очевидна; нет оснований, чтобы определенно высказаться о происхождении названий улусов Керкина, Тойбина или Тогонского. Наконец, некоторые названия, вроде улусов Уцкого или Подострожного, очевидно, возникли случайно. Но подавляющее большинство улусов названо по именам князцов. Это подтверждается челобитной нерчинских бурят 1703 г., в которой перечислены следующие улусы: Баданов, Дашеев, Ачихаев, Кондохоев, Былутаев, Баендаев, Абулдаев, Окниеев, Учиров и др.<sup>6</sup>

Итак, наряду с родовым делением бурят обнаруживаются следы и социальной организации, основанной на господстве князцов, узурпировавших власть и придавших ей, в ряде мест по крайней мере, наследственный характер. Не всегда источники позволяют доказать, что власть князца переходила по наследству, но в ряде случаев это возможно. В 1653 г. упоминается князец Тором<sup>7</sup>. С 1662 г. встречается князец Ноен (Ненек) Торомов, о котором выше уже шла речь. Наряду с князцом Унигедаем (Негодеем) мы обнаруживаем

<sup>1</sup> ААН, 23, № 2, л. 2.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> ААН, 17, № 264, л. 524.

<sup>4</sup> ААН, 23, № 88, л. 134.

<sup>5</sup> Напр., ААН, 17, № 281, л. 549.

<sup>6</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 168.

<sup>7</sup> ААН, 28, № 92, л. 182.



в более поздних документах Долона Негодеева. В середине XVII века действовал князец Кадай (Кандей), кстати, названный князцом Тотонской земли, т. е. Тотонского улуса<sup>1</sup>, а на рубеже XVII и XVIII столетий в тех же местах подвизается Кокочко Катаев, шуленга верхоленских бурят<sup>2</sup>. Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, и, хотя нет прямых указаний на родственные связи названных лиц, самое обилие таких случаев не оставляет сомнений в том, что мы имеем здесь дело с принципом наследования.

По числу входящих в них людей улусы или сотни очень разнились друг от друга. Приведенные выше данные показывают, что в Бутукеевой сотне числилось более 170 человек. Значителен был и Багунов улус, из которого в 1667 г. насильственно перевели в Енисейский острог 115 человек<sup>3</sup>. К началу XVIII в. в Чечеулевым улусе, например, числилось 35 человек, а в Керкином — всего 13<sup>4</sup>. При всех несовершенствах тогдашней статистики, можно полагать, что к концу столетия некоторые улусы пришли в полный упадок. Впрочем, этот вывод нуждается в дополнительной проверке, так как не исключена возможность того, что к концу XVII века термин изменил свое первоначальное значение и стал употребляться примерно в том смысле, какой он имел у бурят впоследствии. К этой оговорке побуждает то обстоятельство, что в ясачных книгах упоминаются и улусы у эвенков, у которых едва ли могли существовать социальные единицы, подобные бурятской сотне.

Источники не дают оснований для определения сущности бурятского улуса. Но с общеметодологической точки зрения его существование легко объяснимо. С разложением первобытно-общинного строя выдвигаются предводители, обязанные своим возвышением военным успехам, не связанные старыми родо-племенными отношениями и взламывавшие эти отношения. Их власть очень скоро приобретает наследственный характер<sup>5</sup>. По-видимому, такими предводителями и были бурятские князцы, хотя не исключено, что этим термином русские обозначали и представителей родо-племенной знати. Естественно, что с установлением русской власти для части князцов, не сумевших приспособиться к новым порядкам, настали черные дни. В числе их оказался, например, князец Ерубугар, — чьи похождения привлекли внимание А. П. Окладникова, — который в более поздних документах именуется просто «лучшим мужиком»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ААН, 22, № 109-а, л. 306.

<sup>2</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 53.

<sup>3</sup> ААН, 23, № 88, л. 134.

<sup>4</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1345, лл. 649, 651.

<sup>5</sup> Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 185.

<sup>6</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 495, 2.

Несмотря на то, что уже первые сведения, которые мы можем почерпнуть из ознакомления с социальной организацией бурятского общества, какой она вырисовывается по русским документам, свидетельствуют о процессе разрушения родо-племенного строя, род играл еще важную роль в жизни бурят.

Это ярко прослеживается на материалах, относящихся к землевладению и к формам собственности, существовавшим у бурят в XVII веке. Источники не позволяют дать полной характеристики аграрных отношений в тот период, но они свидетельствуют о наличии общинного землевладения. Свои земли буряты обычно именуют «породными землями», причем почти во всех случаях речь идет о «породных землях», принадлежащих более или менее крупному коллективу. Кроме того, обычно территория, указываемая в качестве породной земли, столь широка, что исключается возможность владения ею отдельными семьями. Приведем типичные примеры. В 1667 г. выходцы Боскокова рода(?) просили о пропуске их на породные земли, лежащие на реке Унге<sup>1</sup>. В 1675 г. даруги и шуленги, представлявшие около 1000 человек, вышедших из Монголии, обратились в Нерчинский острог с аналогичным челобитьем о возвращении на породные земли к Байкалу и на Ольхон<sup>2</sup>. Число таких документов очень велико, и они указывают на то, что хозяйственное освоение земель сложилось еще задолго до прихода русских, ибо даже выходцы, в течение долгого времени, иногда доходящего до нескольких десятилетий, прожившие под властью монгольских ханов, неизменно стремятся на старые породные земли. Но отсюда невозможно заключить, были ли породные земли в прошлом или по возвращении на них во владении родов, улусов, или же отдельных семейств.

На этот вопрос проливают некоторый свет документы, свидетельствующие о столь широкой амплитуде перекочевок, которая практически исключает возможность закрепления угодий за обособившимися от рода хозяйствами. В 1701 г. жители Тресковой деревни жаловались на обиды, причиняемые им, «как де они брацкие мужики нерчинские и селенгинские покочуют от Байкала моря на Иволгинские и на Оронгойские степи летом, а назад де кочуют с Иволгинских и с Оронгойских степей к Байкалу морю»<sup>3</sup>. Разумеется, не всегда перекочевки совершались на столь дальние расстояния, но самый тип кочевого экстенсивного хозяйства не создавал предпосылок к развитию частновладельческого начала. Не обнаружено пока никаких его признаков в Монголии, где при

---

<sup>1</sup> ААН, 23, № 133, л. 174.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Нерчинск I, № 29, № 55, л. I.

<sup>3</sup> Там же, Нерчинск III, № 634, л. 42.

относительно развитом феодализме сохранилось общинное землепользование.

Но это, сохранявшее свой общинный характер, землепользование регулировалось в Монголии нойонами, являвшимися фактическими владельцами земель, лежащих в их уделах. Установив это, Б. Я. Владимирцов доказал, что в основе феодальных отношений в кочевом обществе, также как и в оседлом, лежит феодальная собственность на землю<sup>1</sup>.

Не существовало ли подобных порядков и у бурят? По этому вопросу источники не содержат никаких прямых указаний. К тому же сложившийся порядок землевладения был во многих районах нарушен в связи с большими передвижениями населения. В документах не раз встречаются просьбы о пропуске на новые земли, мотивированные ссылками не на искони установившийся порядок, а на соображения большего хозяйственного удобства или лучшего обеспечения безопасности. Так, в 1682 г. некий Тохум-дарга просил о переселении: «и великий государь пожаловал бы его Тохума, велел бы ему со всеми своими улусными людьми кочевать к Тункинскому острогу меж речек»<sup>2</sup>. Переходы на новые земли происходили и вследствие случайных обстоятельств: бескормицы, выгорания степи<sup>3</sup>.

Ни в одном из известных документов XVII века не найдено до сих пор указаний на признание собственности князцов на землю. Везде речь идет об улусных людях, находившихся в подчинении у князцов, но нигде — о земле того или иного князца. И это естественно, так как с разложением первобытно-общинного строя зависимость личная от предводителей дружин, усиливавшихся военачальников, возникает раньше, чем поземельная, до которой бурятское общество в XVII веке, видимо, еще не дошло. Справедливость этого тезиса доказывается тем, что следов владельческих прав верхушки бурятского общества на землю мы не находим и позднее — в XVIII—XIX веках. Захват земель представителями степной аристократии оформлялся общественным приговором<sup>4</sup>.

Трудно думать, что князцы не использовали своих возможностей для захвата в свое пользование лучших земель, что они не вмешивались в хозяйственную деятельность простых родовичей, но им еще не удалось разрушить старые порядки общинного землевладения, и при всех возможных на практике посягательствах на родовое право, собственности

---

<sup>1</sup> Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 111.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 25 (ст. 28), л. 4.

<sup>3</sup> См., напр., ЦГАДА, ИПИ, № 330, (ст. 483), лл. 1—2.

<sup>4</sup> РО БКНИИ, № 580, лл. 8, 34, 57—58, и др.

князцов на землю, как юридического института, судя по всем имеющимся данным, не существовало. Более того, не везде род или улус владел строго ограниченной территорией, на что указывает челобитная верхоленских шуленг 1701 г., где говорится «а мы, сироты твои, жили с тунгусами сповал»<sup>1</sup>.

Проблема осложняется тем, что в условиях чисто-скотоводческого быта росту крупного землевладения не предшествует возникновение аллодиальной собственности, как это имеет место у земледельческих народов. Но хозяйство бурят, особенно к западу от Байкала, было более сложным, чем у монголов. Здесь имелось земледелие. В XVII веке распространялось сенокосение, причем наличие специальных покосных угодий, вероятно, привязывало скотовода к определенной местности. Это обуславливало выделение участков общественных земель в более или менее постоянное пользование. О наличии этого явления свидетельствуют документы о породной земле, исходящие уже не от целых родов или улусов, а от отдельных лиц или небольших групп бурят. Примером может послужить челобитная двух «братских мужиков», которые указывают на реку Бугулдеиху, как на свою породную землю<sup>2</sup>. Но на основе подобных документов можно говорить лишь о закреплении части общинных земель за отдельными хозяевами.

Однако в XVII веке процесс разложения общинного землевладения зашел дальше и источники сохранили следы возникновения аллода. Прежде всего из общинного владения и переделов исключаются везде пахотные земли<sup>3</sup>. В условиях Бурятии существовал стимул и для закрепления сенокосных угодий. И уже в XVII столетии мы встречались с фактами не только владения, но и частной собственности на землю.

В 1693 г., согласно челобитной, поданной верхоленской приказной избе казаком Афанасием Шеметовым, «поступили де ему Офоньке конными покосы вверх по Куленге реке от Тармы речки верхоленские ясачные брацкие люди Джибага Таджин з братом и на те покосы ему, Офоньке, и поступную запись дали»<sup>4</sup>. В этом документе буряты выступают как полные собственники земли, ибо право свободного отчуждения и является той гранью, за которой владение переходит уже в частную собственность. Дело рассматривалось приказной избой и было признано законным, причем интересна мотивировка передачи земли: «а Джибага с братом в допросе сказал, покосами де они ему, Офоньке, поступили для того, что у них тех покосов за своими в лишке вдоволь»<sup>5</sup>. Сделка не пресле-

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 53.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 35 (ст. 657), л. 16.

<sup>3</sup> Ф. Энгельс. Маркс, изд. 1933 г., стр. 9.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 278, (ст. 450), л. 152.

<sup>5</sup> Там же.

довала коммерческих целей и была, по-видимому, отражением добрососедских отношений, сложившихся между бурятским и русским населением.

Еще более интересно другое дело, с которым, вследствие его уникального характера, следует познакомиться подробней. В 1697 г. в Иркутске били челом буряты Харанутского рода Абагал и Бадан Эмегеновы с товарищами на мунгальских выходцев Шиптура Колколоева и других, захвативших обманным путем «природные их изстари купленные луга на сенные покосы». Жалобщики просили о розыске путем опроса шуленг разных родов. Призванные в качестве экспертов шуленги Буяновского рода Чиб Манаков и Шурук Бакунаев «в распросе по своей шерти вправду сказали: в прошлых де годах назад тому лет с шездесят косили де те сенные покосы Алгуевского роду братцкие мужики, а как де те Алгуевского роду братцкие мужики в мунгалы побежали и в то де время те сенные покосы купил брацкой мужик Эмегейко Энкеркуев, а дал де за те сенные покосы два коня, а после де Эмегейка те сенные покосы косил сын ево Эмегейков Баданко с родниками своими»<sup>1</sup>.

Мы узнаем, что существовала продажа земли, причем шуленги относят ее ко времени столь давнему, когда русские еще не могли оказать влияния на сложившуюся в Бурятии систему землевладения. Продажа земли чужеродцам свидетельствует о разложении родового начала, и то, что буряты Алгуевского рода совершали эту сделку при чрезвычайных обстоятельствах, собираясь бежать в Монголию, ничего здесь не меняет. Очевидно, для Эмегея Энкеркуева было выгоднее купить эту землю, а не занять ее безвозмездно после ухода законных владельцев потому, что таким образом он закреплял ее за собою. Наконец, шуленги признают законными права сына покупателя и, следовательно, земля, приобретенная путем покупки, передавалась по наследству. Перед нами, таким образом, не что иное, как аллод, естественно возникающий при разложении родового или общинного землевладения.

Документы, которыми аргументируется тезис о возникновении аллода, единичны, но следует учитывать, что документальный материал, дошедший до нашего времени, очень ограничен, причем менее всего сохранились источники по имущественным отношениям. Но рассмотренное дело заслуживает доверия, хотя бы потому, что свидетели, допрошенные по жалобе Бадана Эмегеева, говорили о покупке земли как о вещи вполне естественной—ничто не обнаруживает их сомнения в законности такой сделки.

Указания на владения покосами истари со ссылками

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 411 (ст. 449), лл. 16, 20.

на «отцов и дедов наших» встречаются довольно часто. Опираясь на них, а также анализируя текст двух, относящихся к началу XVIII века документов, напечатанных в приложении к его «Очеркам», А. П. Окладников приходит к выводу, что расслоение рода и выделение частной собственности «дополнялось закреплением обрабатываемых участков земли (автор имеет в виду не только пашни, но и поливные сенокосы — Е. З. за определенными семьями, т. е. реализацией земельной собственности в ее чистом виде»<sup>1</sup>.

Полностью солидаризируясь с этим заключением, мы считаем нужным добавить, что закрепление земли за отдельными семьями уже спорадически приводило к возникновению аллода и что все это, вместе взятое, свидетельствует о значительном разрушении родовых отношений.

Но черты последних все же еще отчетливо видны в повседневной хозяйственной практике. Во всех документах, в которых речь идет о собственности или частном владении землей, имеются в виду лишь сенные покосы, которые в силу вложенного в них труда являлись первым объектом частновладельческих вождений. Пастбища же и выгоны продолжали оставаться в общинном владении. С выделением пахотных земель (в местных условиях — сенокосов) «община из всех прочих своих прав на эти земли не уступила ни одного»<sup>2</sup>. Следовательно, обзор форм землевладения рисует нам бурятское общество, как переходное от первобытно-общинного строя к более высокой стадии общественного развития.

К аналогичным выводам приводит и рассмотрение форм собственности, существовавших на другие, отличные от земли, средства производства. Скот уже издавна находился в частной собственности отдельных семей, обеспеченность которых была весьма различной. Ни одного упоминания о сохранении родовой или общинной собственности на скот не содержится в наших документах, хотя можно согласиться с А. П. Окладниковым, что совместное кочевание было широко распространено<sup>3</sup>, причем не только среди бедняков. Помимо хозяйственной целесообразности, совместный выпас облегчал защиту стад и табунов от нападений с целью их угона, бывших на протяжении XVII века повседневным явлением. Отписки о монгольских отгонах, где обычно фигурирует значительное количество скота, отнятого у многих людей, не могут быть использованы в качестве доказательства, так как там имели место погромы целых улусов. Но документы Иркутской приказной избы, относящиеся пре-

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 296.

<sup>2</sup> Ф. Энгельс. Маркс, стр. 9.

<sup>3</sup> А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 295.

имущественно к концу XVII в., в которых зафиксированы мелкие относительно хищения, не оставляют сомнения в том, что совместная пастьба скота тогда широко применялась. Надо полагать, что в более отдаленном прошлом такая практика тоже существовала. Примером может служить происшествие 1692 г.: воровские люди отогнали у «братских мужиков у Бахулы и у родников его конного табуну сто двадцать пять лошадей... да у братских же людей у Даланция и у родников его конного ж табуну сто лошадей»<sup>1</sup>.

Для суждения о численности скота у бурят в XVII веке имеются по преимуществу лишь косвенные данные. Источником здесь служат многочисленные челобитные и донесения об уплате анзы (виры), жалобы на воров. Этот материал представляет значительную ценность, но, к сожалению, установить по нему истинное положение вещей невозможно. Во-первых, очень немногие жалобы на похищение скота дают основание судить, весь ли скот, принадлежащий данному лицу, был отогнан или только его часть. Во-вторых, при отгонах, учитывая практиковавшийся у бурят общинный выпас стада, пострадавшей оказывалась целая группа лиц. Равным образом, при уплате анзы скот доставлялся не только самим виновным, но и его сородичам, против стад которых также направлялись набеги пострадавших, носившие, как нам уже случилось упоминать, процедурный характер<sup>2</sup>. Наконец, в-третьих, заступничества русского суда искали, главным образом, зажиточные и влиятельные буряты. Их же потери при вражеских набегах, как более значительные, фиксировались в донесениях местной администрации.

Сказанное выше определяет два основных недостатка, присущих нашим источникам: они не позволяют с достоверностью определить размер стада отдельных хозяев и рисуют картину сильно идеализированную, потому что большие цифры потерь родоплеменной верхушки способны создать впечатление об исключительно высоком материальном благосостоянии бурят-скотоводов, что опровергается хотя бы данными о наличии в Бурятии в XVII веке вовсе бесскотных людей — м я х а ч и н о в.

Однако, при всех своих недостатках материалы позволяют утверждать о глубоком уже в то время имущественном расслоении среди бурят и о наличии в забайкальских степях наряду с неимущей гольтьбой крупных скотоводов, чье богатство являлось источником их силы и влияния.

Материалы целиком подтверждают правильность сделанного в 1701 г. сыном боярским Остафием Перфильевым заяв-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 194 (ст. 280), л. 5.

<sup>2</sup> Е. М. Залкин д. Из истории обычного права западных бурят Советская Этнография, 1952, № 1, стр. 187.

ления, что «у иных де ясашных иноземцев конного и рогатого скота множество»<sup>1</sup>. Обратимся к цифровым данным. В своей жалобе, одновременной с показанием Перфильева, шуленга Баджидай в челобитье на русских людей, согнавших его вместе с сородичами с их земли, жалуется: «и от того утеснения и изгони померло у меня сироты твоего Баджидэйка шездесят коров, сорок лошадей, пятьдесят овец»<sup>2</sup>. В аналогичном челобитье зайсан Дакий Бороев сообщает об угоне у него конного табуна 250 голов<sup>3</sup>.

Значительно более ранние документы содержат также крупные цифры отогнанных во время казачьих погромов стад и табунов. Так, при нападении Михаила Ярлыкова на бурятские улусы было отогнано более 500 скотин<sup>4</sup>. Но мы исключаем эти данные из рассмотрения, поскольку для определения численности скота в отдельном хозяйстве они совершенно бесполезны, и сосредоточиваем внимание на последних десятилетиях XVII века, когда более разнообразные сведения позволяют хоть в какой-то мере разобраться в этом вопросе.

Итак, какие цифры нам сообщают документы о богатых скотоводах? В 1697 г. у некоего братского мужика Бадмы были отогнаны 32 лошади<sup>5</sup>. В 1690 г. 3 бурята Абызаевского рода жалуются на бурят Онкотоевского рода, что последние отогнали у них 98 коней<sup>6</sup>. «Воровские мунгальские люди» в 1692 г. отогнали у братского мужика Бахулы и его родичей 125 лошадей<sup>7</sup>. Эти цифры значительны, но, в случае отгонов у целых родов, они повышаются до тысячи и более голов, причем преобладают покражи табунов, поскольку с ними можно было скрываться значительно скорее, чем с иным скотом.

Наряду с богатыми скотоводами документы содержат некоторые сведения и о средних и мелких. Здесь размеры покраж и отгонов гораздо скромнее. Во взаимных жалобах на угон скота Шармая Камнагадаева и Хаянка Койдаева фигурируют цифры в 17 и 20 лошадей<sup>8</sup>. Бурят Зунгарского рода Тахай Туракин жалуется на Абучина Зангоева, что тот свел вдову его брата со всем имуществом, состоявшим из 9 коров<sup>9</sup>.

Любопытная картина имущественного расслоения вырисовывается из жалобы зайсана Бадана Туракина на табан-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1282, л. 59.

<sup>2</sup> Там же, л. 54.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1372, л. 191, об.

<sup>4</sup> ААН, 22, № 190, л. 310, об.

<sup>5</sup> ЛОИИ, Иркутск, I, № 64.

<sup>6</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 181, ст. 234, л. 1.

<sup>7</sup> Там же, № 194, ст. 280, л. 5.

<sup>8</sup> Там же, № 250, л. 54.

<sup>9</sup> Там же, № 357, л. 36.



гутов, систематически на протяжении ряда лет нападавших на его род и подвергших его крайнему разорению. Всего было угнано полторы тысячи человек, двадцать верблюдов и 30 больших быков. Сам Бадан лишился 163 коней, его убитый родич Цособой — 30 коней, 20 быков и коров, 100 баранов. Три другие родича зайсана потеряли 200 коней. Это, очевидно, люди, зажиточные. Но другая группа — «Хеденко с товарищи», насчитывавшая более 10 хозяйств, лишившись 73 лошадей, очутилась на грани катастрофы — «стали пеши и твоего великого государя ясаку промыслить им стало нечем»<sup>1</sup>.

Представление о скотоводстве зажиточного бурята дает дело, в котором речь идет о полном разорении. Бурят Булугуй пишет в своем челобитье, что на свадьбу свою (т. е. в основном, на калым) он издержал конного и рогатого скота 95 голов. По прошествии нескольких лет некий Чюбухан отнял у него жену и заодно свел 350 лошадей<sup>2</sup>. Последней цифрой и определяет Булугуй свое благосостояние. Если полное его разорение и было некоторым преувеличением, имевшим целью изобразить действия Чюбухана в самом черном свете, то и приведенная цифра весьма значительна.

Наряду с этим, мы обнаруживаем в документах и картину подлинной нищеты. В 1662 г. казаки полностью разграбили, по их собственному донесению, людей князца Мохана, по-видимому, довольно крупный улус, судя по тому, что ясыря было взято 46 человек, а убито и разогнано было, как обычно происходило в то время, много больше людей. Скота же досталось казакам — лошадей, коров и овец — всего 231 голова<sup>3</sup>.

В наибольшей степени разорены были, конечно, выходцы, которым приходилось обходить монгольские заставы и которые были тогда самым удобным объектом для грабежа, как люди, лишенные чьего-либо покровительства и защиты. Перешедший на русскую сторону в 1696 г., во время второго похода Галдана на восточную Монголию, тайша Хандук привел с собою 60 человек. Скота же на всех приходилось: 130 лошадей, 20 верблюдов, 30 быков и коров, 100 овец<sup>4</sup>. Ясно, что подобная обеспеченность скотом в условиях кочевого быта равнозначна полному разорению.

Следовательно, хотя абсолютные цифры обеспеченности различных социальных групп и не могут быть установлены, наличие богатства и бедности, тайшей и зайсанов, остающихся богатыми и после того, как они горько оплакали потерю тысячных стад, и людей, все достояние которых заключалось

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск III, № 503.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 450, л. 57.

<sup>3</sup> ААН, 28, № 138, л. 215.

<sup>4</sup> Там же, № 64, л. 143.

в паре коней, коровенке и нескольких баранах, вскрывается с достаточной ясностью. Тем самым опровергаются лживые утверждения о всеобщем равенстве и благоденствии в бурятском родовом обществе, пока патриархальный его строй не был разрушен русскими, которыми изобиловали писания бурятских буржуазных националистов. Перед нами общество, очень далекое от идиллии, в котором под покровом все еще сильных родовых отношений резко прогрессирует имущественное неравенство.

Наряду с несомненной и давно установившейся частной собственностью на скот, прослеживаются еще в имущественных и, главным образом, судебных делах пережитки родовых отношений. Степень их сохранения может быть установлена по памятникам обычного права. К XVII веку восходит составление «Скаски» балаганских бурят, представляющей собою отписку приказчика Стефана Коробына, в которой излагались некоторые нормы обычного права<sup>1</sup>. Потребность в кодификации последнего вызвала составление в 1697 г. первого свода «братских обычаев», текст которого, за исключением 3 статей, до сих пор, к сожалению, не найден<sup>2</sup>. Но поскольку русская администрация с конца XVII столетия проявляла большой интерес к бурятскому праву и руководствовалась им при решении судебных дел, возникавших между бурятами, в документах сохранилось значительное число ссылок на «брацкий извычай»<sup>3</sup>.

По своему характеру бурятское право обнаруживает много черт, сближающих его с «варварскими правдами» раннего европейского средневековья. Основное назначение его — защита личности и имущества, и содержание многих статей как бы воспроизводит capitula Салической или Бургундской правды. Дело, разумеется, не в том, что ход исторического процесса был одинаков на берегах Рейна и Байкала, а в том, что «варварские племена» V—VI веков и буряты XVII века находились примерно на одной стадии социально-экономического развития.

Рассмотрим основные положения бурятского права. За убийство полагалась выплата поголовщины, повсеместно вытеснившая кровную месть. Однако, старые традиции не умерли окончательно, и неуплата анзы могла повлечь за собой кровавую распрю. Потомки «Балаганского острогу мужика Зива» бьют челом на убийцу своего отца: «Велите государи... его Харина казнить смертной казнью или взять нам на нем

<sup>1</sup> С. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. «Исторический архив», II, 1939 г.

<sup>2</sup> Е. М. Залкинд. Новые данные по истории Бурят-Монголии в XVII в. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческая, вып. III, 1952.

<sup>3</sup> См. Е. М. Залкинд. Из истории обычного права западных бурят. «Советская Этнография», 1952, № 1, стр. 184—187.

Харине за нево Зиву по нашим брацким правам головщину полную, как у нас ведетца, чтоб впредь у нас в том иного смертного убийства не учинилось»<sup>1</sup>. Хотя угроза весьма недвусмысленна, ни одного случая кровавой мести в документах не обнаружено. Зато дела, завершающиеся уплатой выкупа, встречаются неоднократно.

Размер анзы не был твердо установлен и колебался в довольно значительных пределах, видимо, в зависимости от местных обычаев. В отписке Ст. Коробьина говорится: «емлют де на виноватых, буде кто убьет кого до смерти, анзу, а по-русски головщину, за мужеский пол за человека по штидесят по шти скотин... а за женский пол вполы, по тридцати по три скотины»<sup>2</sup>. Проверить правильность последнего утверждения не удалось, так как ни в одном известном нам споре из-за убийства женщины не возникало дела об уплате анзы, и все ограничивалось в лучшем случае претензиями на возмещение калыма. Что же касается таксы за мужскую голову, то сумма, указанная в «Скаске», не была универсальной. Более того, анза была значительно выше, однако, стремление «лучших людей», чьей консультацией пользовался Ст. Коробьин, уменьшить размер анзы не было, как увидим далее, случайным.

Высшая ставка анзы за убийство, судя по документам, равнялась 300 головам скота<sup>3</sup>, низшая — 120<sup>4</sup>. Разнообразие было большое: уплачивалось, например, 220<sup>5</sup> или 150 скотин<sup>6</sup>. Почти во всех случаях содержится ссылка на их «братцкий извычай», но «извычай» этот, как видим, отнюдь не отличался стабильностью. Лишь в одном случае названа анза, неограниченная уплатой скота. Верховенский шуленга Базигадай Ухагалов в челобитье на потомков убийцы своего отца утверждает: «А у нас, сирот твоих, исстари договор у всех брацких мужиков: по нашей вере будет кто кого до смерти убьет и тому за убийство дают по два человека людей, по два верблюда, по три кукя, по три котла с кубами, по десяти коней добрых, по десяти быков самых больших, ужинных, по триста скотин крупных больших, oprичь овец»<sup>7</sup>. Поскольку эта претензия расходится со всеми известными ссылками на «братцкий извычай», можно заподозрить здесь влияние монгольского права. На то, что аппетиты шуленги были чрезмерны, косвенно указывает то обстоятельство, что

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 257, л. 2.

<sup>2</sup> С. Токарев. Указ. соч., стр. 44.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 133 (ст. 157), л. 9; № 509 (ст. 587), л. 18.

<sup>4</sup> Там же, № 538 (ст. 184), л. 3.

<sup>5</sup> Там же, № 181 (ст. 587), л. 19.

<sup>6</sup> Там же, № 301 (ст. 432), л. 56.

<sup>7</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 75.

убийца, не дал ему ни людей, ни котлов, а ограничился уплатой 16 лошадей и 4 коров.

Дела об уплате анзы возникали не только при преднамеренном убийстве, но и при обстоятельствах, на первый взгляд несколько неожиданных. Так за человека, ставшего жертвой несчастного случая или собственной неосторожности, полагалось платить анзу. Об этом мы узнаем из челобитной бурята Буяновского рода Кугурена Иматханова: «В прошлом, государь, во 205 (1697) году ездил я, холоп твой с баендаевскими мужиками з Буркейкой Бороловым да з Доновым сыном Борджунком с товарищи в двенадцати человеках в степь для гуляния и стреляния по примете из луков. И в то, государь, время убился досмерти с коня братцкой вышеписанный мужик Буркейко. И за того убитого мужика Буркейка взяли меня, холопа твоего, головою к Кобойкойку Боролову, потому что у меня, холопа твоего, платить было головщины нечем». Челобитчик не оспаривает самого права на взыскание головщины, он лишь вызывает к справедливости — «а довелось бы, государь, головщина платить всем двенадцати человекам, а не одному мне холопу твоему»<sup>1</sup>. Заметим попутно, что этот документ свидетельствует об обращении ответчика в рабство при отсутствии у него возможности уплатить головщину.

Что право на взимание анзы трактовалось очень широко, подтверждает сложный казус, потребовавший вмешательства русских властей. Буряты Хенхедурского рода в 1689 г. напали на один из улусов Готельского рода, обвиняя жителей его в убийстве своего сородича, приехавшего к ним «для женитьбы». Казаки, обследовавшие место происшествия, доносили: «по осмотру де тот брацкой мужик... Хехенгуев, зная, что с коня о дерево на бегу ушибся, потому что у него с левой сторсны голова и щеки и бок расшиблено и черно. И на том месте, где о дерево расшибся, нашли серьгу его, что была у него в левом ухе да на дереве, зная от малахая ево, песовово волосье»...<sup>2</sup> Ни обстоятельства дела, полностью исключавшие злой умысел со стороны готелов, ни угловы казаков не смогли, однако, охладить воинственный пыл родичей убитого. Смерть в чужом улусе должна быть возмещена — таково их требование, которое для вящей убедительности подкреплялось явно несостоятельной версией об убийстве.

Наконец, анза выплачивалась за людей, погибших при исполнении общественных поручений, что является, по видимому, трансформацией какой-то более древней правовой нормы. В 1693 г., согласно челобитной Зугея Аюшеева, его

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 447, (ст. 559), л. 9.

<sup>2</sup> Там же, № 151, (ст. 230), л. 128.

отец был отправлен по выбору в подводчиках при перевозке хлебных запасов из Тункинска. «... а по договору де брацких шуленг Конкодорского их же роду Адай да Бадана с товарищи, естли в том вышеписанном походе под запасы воровские мунгальские люди из них, подводчиков брацких людей, кого убиты и на них де шуленгах и на брацких людех выборщиках взять родникам за убитых головушину по их брацкому извычаю и по договору скотом».

По дороге случилась беда: воровские люди убили «подводчиков Эмегенка с товарищи да его Зюгейкова отца». За Эмегена и других головашина была выплачена, но «шуленги Адай да Бадан с товарищи по своему договору за убитого отца его Аюши ему Зюгейку головушины ничего не дают»<sup>1</sup>. Род отвечал, таким образом, за своего сочлена, перед его семейством.

Всякий инцидент, имевший своим результатом смертный исход, влек за собой дело по взысканию анзы. Как показано выше, анза в ряде случаев выплачивалась теми, кто с современной точки зрения не нес бы ни малейшей ответственности, ввиду полной непричастности к преступлению. Право взимания анзы распространялось и на ущерб, невольно причиненный жизни или здоровью детей их сверстниками. Бурят Ильбун жаловался в 1701 году на читинского тунгуса Леподу, что когда у того утонула игравшая на берегу годовалая дочка, то он обвинил его четырехлетнего сынишку, «будто тое его девку годовую спехнул в воду» и взял «насильством» головушину<sup>2</sup>. Правда, размер ее в этом случае ограничивался коровой с теленком, в чем, может быть, можно усмотреть подтверждение сообщению «Скаски» балаганских бурят о меньшей анзе за женщину, что вполне согласуется с представлениями бурятского общества того времени.

Головушка уплачивалась не только за убийство, но и за погон или членовредительство, но уже, естественно, в меньших размерах. В 1690 г. бурят Онгоева рода Цакур Чокуев взял с обидчика за увечье, причиненное его отцу, «20 скотин»<sup>3</sup>. Столько же голов скота было взыскано с бурята Харбатовского рода Тыкея «за бесчестье и за увечье руки»<sup>4</sup>. Верховенский мужик Бодохой Бахатов удовлетворился 15 головами за его «изломанную руку»<sup>5</sup>.

В отдельных документах претензия на выкуп трактуется как возмещение расходов за лечение. В 1696 г. «верхоленский ясачной брацкой мужик Кайтальского рода Аласей Данчиев», возбуждая дело против ясачного мужика Чено-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 354, (ст. 422), л. 23.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 6, л. 7.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 182, (ст. 236), л. 7.

<sup>4</sup> Там же, № 452, л. 13.

<sup>5</sup> Там же, № 301, ст. 432, л. 73.

рутского рода Хобона Тужеханова («бил он, Хобон, меня, холопа твоего, изувечил и пихал меня и топтал под грудь и разбил печень») подкрепляет свой иск приложением росписи скоту и деньгам, израсходованным на «лечбу»<sup>1</sup>. Бурят Хонхдорского рода Херенцей Додоков бил челом на своего одородовича Угуя Багуева: «В прошлых годах наехал на меня си, Угуйко, напрасно и бил и увечил и приломал голову всю. И от того убойства лечась, я издержал своего скота семь скотин...»<sup>2</sup>. Возможно, что умеренность Додокова, не требовавшего никакого дополнительного возмещения, объяснялась тем, что конфликт возник между людьми, принадлежащими к одному и тому же роду.

Однако, в подавляющем большинстве случаев анза за увечье рассматривалась как состоящая из двух элементов: покрытие расходов на лечение, включая компенсацию за временную или постоянную потерю трудоспособности и выкупа за преступление против личности, что сближает раннее бурятское право с соответствующими положениями варварских «правд». Наиболее четко эта двойственность анзы за членовредительство выражена в челобитной бурята Онгоева рода Саяхая на его одородовича Зимея, который бил отца челобитчика «смертным боем и, бив, голову проломил и коня под ним резал». Обидчик столь поусердствовал, что пострадавший «лежит болен и скорбует третий год». Саяхай просит: «Велите, государи, по розыску в том... за увечье отца моего и за пролежные годы по нашему иноземскому извычаю доправить скотом»<sup>3</sup>.

Позднее у западных бурят вторая сторона анзы за увечье отпала. Обычай их к XIX столетию предусматривали лишь, что «увечного должен обидчик за свой счет вылечить»<sup>4</sup>. У хоринцев же сохранялся выкуп, но лишь в особо тяжелых случаях. Только если по истечении 6 месяцев, в течение которых лечение производилось также, как и у западных бурят за счет обидчика, больной не встанет на ноги, он получает анзу в размере 50 голов. Этим актом прекращались всякие дальнейшие отношения между виновными и потерпевшими. Ни последний, ни его родичи не могли более предъявлять каких-либо претензий, «хотя он умрет или выздоровеет»<sup>5</sup>.

Бурятское же право XVII в. не ограничивалось только покрытием прямого имущественного ущерба причиняемого болезнью. В нем существовала и дифференциация между постоянной и временной потерей трудоспособности. В челобит-

<sup>1</sup> ПГАДА, ИПИ, 250, л. 28.

<sup>2</sup> Там же, № 324, л. 8.

<sup>3</sup> Там же, № 182, ст. 236, л. 6.

<sup>4</sup> Сборник обычного права сибирских инородцев. Издание Д. Я. Савокова. Варшава, 1876, стр. 98.

<sup>5</sup> Там же, стр. 112.

ной шуленги Хенгендурского рода Федора Камнагадаева на бурята Тыкея, сломавшего руку его племяннику, указывается, что за «бесчестье» с обидчика взыскана «анза в 20 скотин». «А на том договор был, буде племянник мой станет рукой владеть и нам, холопом твоим, на нем Тыкине больше того увечья и бесчестья не искать. А будет племянник мой рукою владеть не станет и ему Тытыке (видимо, Тыкину—Е. З.) платить нам, холопом твоим, головщина»<sup>1</sup>. Можно усомниться в том, что приговор 1697 г. «почем брать за перст»<sup>2</sup>, могущий создать впечатление точной регламентации анзы за увечье, строго соответствовал установившейся практике, которая, судя по всем относящимся сюда документам, допускала значительные колебания, но самое появление такой статьи в первом своде писанного права у бурят весьма характерно.

Понятие анзы у бурят шире, чем головщина, так как анза выплачивалась и при имущественных преступлениях, особенно при покражах скота. Эта норма существует у всех кочевых народов, но у бурят размер анзы был много ниже, чем у их соседей—монголов. Монголо-ойратские законы предусматривали анзу за хищение скота в астрономических, по тогдашним бурятским понятиям, размерах: за верблюда — 15 девятков скота, за коня — 10 девятков, за кобылу — 8 девятков и т. д.<sup>3</sup>. По-видимому, здесь сказалось стремление феодалов оградить свои табуны и стада от посягательств простых людей. К тому же обеспеченность скотом у монголов, надо полагать, была выше, чем у бурят, и такой штраф был реален для богатых скотоводов.

У бурят же анза за кражу скота обнаруживает такие же колебания, как и головщина. Сумма 7 скотин, указанная в «Скаске»<sup>4</sup>, являлась наиболее распространенной. «По их иноземской вере за тое лошадь анзы семь лошадей»,—говорится в одном из документов<sup>5</sup> и подтверждается во многих других. Однако в некоторых случаях размер анзы был ниже, и мы встречаемся и с таким утверждением: «по нашему иноземскому извычаю водитца вместо наказания за кражу на ворах на скотину по три скотины анзы имать»<sup>6</sup>.

Поскольку определение анзы в то или иное количество скота само по себе было недостаточно, сложилась оригинальная система, не оставлявшая лазейки для ответчиков и гарантировавшая уплату скотом среднего достоинства. Выкуп по-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 452, л. 13.

<sup>2</sup> См. Е. М. Залкинд. Новые данные..., стр. 117.

<sup>3</sup> К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб. 1880, стр. 47.

<sup>4</sup> С. Токарев, указ. соч., стр. 45.

<sup>5</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 360, л. 61.

<sup>6</sup> Там же, № 236, л. 75.

лагалось вносить по третям, т. е. равной долей скота хорошей, средней и низкой упитанности. Упоминание одного из документов «и у разделки взяли у него Бакунайка добрым и средним и плохим скотом по третям сто тридцать скотин»<sup>1</sup> является типичным.

Самое существование анзы и крупные размеры выкупа свидетельствуют о сохранении родовых отношений. Для индивидуального хозяйства уплата ста и более голов скота была в подавляющем большинстве случаев практически невозможна. Известно, что крупный выкуп сохраняется лишь там, где родовая взаимопомощь еще является живым институтом, с отмиранием которого исчезают и большие штрафы. Наглядным подтверждением этого тезиса может послужить сопоставление «Салической правды» с ее огромными выкупными платежами и близкого к ней по времени составления византийского «Земледельческого закона», не сохранившего черт родовых отношений, где штрафы, практикующиеся наряду с другими наказаниями, невелики и вполне посильны для хозяйства, если не бедного, то среднего достатка.

Таким образом, значительная величина анзы сама по себе могла бы рассматриваться как доказательство несения ответственности всем родом за своего сочлена, если бы мы не имели прямых тому доказательств. В мировой челобитной 1690 г. содержится прямое указание на круг плательщиков анзы: «и ныне мы, холопи ваши, меж собой сыскав правду, помирились, а на миру договорились взять нам Харатуйку да Кибыкенку на них Буре с братьями и с родом за убийство отца моего поголовщины»<sup>2</sup>. На эту правовую норму опирался, по-видимому, окольный Ф. Головин, повелевший по переданному на его рассмотрение делу об убийстве «... за поголовщину взять с того рода, которого тот убоец, поголовщины сто двадцать скотин, чтоб то было братцким людям не в тягость»<sup>3</sup>.

Сила родовых связей была еще столь велика, что даже в случае длительного разрыва ответчика со своим родом, ответственность последнего за действия такого отщепенца не прекращалась. Об этом узнаем из запутанного дела, суть которого вкратце такова. Некий Моджи Олзенова рода в 1652 г. «дался в срок» к Оленге и Обызаю. Женившись на дочери первого, он прижил трех сыновей, один из которых, Баянга, в 1688 г. убил человека из рода своей матери. Родичи убитого предъявили иск шуленге Аню Батунаеву «с родники своими», ссылаясь на то, что Моджи пришел к ним, за 36 лет до прискорбного происшествия, из этого рода. И вот пе-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 301, ст. 432, л. 58.

<sup>2</sup> Там же, № 181, ст. 234, л. 19.

<sup>3</sup> Там же, № 538, ст. 184, л. 14.



ред нами челобитье Аню Батунаева и его родичей. Они отрицают принадлежность Моджи, а следовательно и убийцы к своему роду и просят отменить взыскание анзы «потому что он Модзи ушел к ним и дался в срок не из нашего роду,—родники ево, которые были и те все примерли»<sup>1</sup>. Отрицая лишь свою ответственность, челобитчики не подвергают ни малейшему сомнению самый принцип сопричастности родовичей к ответственности за человека, фактически с самого своего рождения не имевшего с родом никакой связи.

Исключения допускались, по-видимому, в одном единственном случае: если принадлежность к роду была неизвестной. Такой казус возник в 1696 г. при разборе ходатайства бурят Баендаевского рода о взыскании анзы в связи с убийством одного из сородичей Кугуруем Имахановым. За несостоятельностью убийцы претензия была адресована его брату Кичику, но последний категорически отрицал свою родственную связь с Кугуруем. По установившейся практике для выяснения истины и приведения приговора в соответствие с «бращим извычаем» к воеводе Савелову были вызваны в качестве экспертов шуленги «икерецких родов». Их заключение гласило: «... тот де Кугурюнка ему Кичику Имаханову не брат, а кто де у него отец, и тово де они не ведают, потому что мать де ево родила, скитаючись меж юрт без мужа. И живет де он, Кугурюнка, не с ним Кичиком и не в ево Буяновском роду, а живет де он у Коджунка. А головщины де за убитого Буркейкова сына на нем Кичике имать по их братским правам не доведетца, а доведетца имать та головщина на нем Коджунке, потому что де он Кугурюнка у него Коджунка вместо сына живет дватцать пять лет»<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что принадлежность ответчика к определенному роду установить было невозможно, принцип коллективной материальной ответственности за преступление не отменялся. В данном случае обязанность платить анзу возлагается на приемного отца. Остается, к сожалению, неизвестным, рассматривалось ли воспитание безродного человека с младенчества, как инкорпорация в род и должны ли были сородичи прийти на помощь Коджуну в выплате анзы за его питомца.

Право на получение анзы не прекращалось со смертью ответчика; за преступление, совершенное отцом, должны были расплачиваться его сыновья<sup>3</sup>.

Взыскание головщины производилось в пользу ближайших родственников убитого по мужской линии: сыновей, братьев и т. п. Встречаются, правда, случаи, когда анза

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 538, ст. 184, л. 14.

<sup>2</sup> Там же, № 360, л. 57.

<sup>3</sup> Там же, СП, кн. 1292, л. 75.

выплачивается жене потерпевшего. Так, мировую, определяющую размер головщины за убитого мужика Зиву, подписывает его жена Аранзейко, которой и выплачивается договоренное количество скота<sup>1</sup>. Поскольку такие эпизоды исключительны, маловероятно, чтобы они свидетельствовали о столь серьезном потрясении родовых отношений, чтобы женщина самостоятельно вела дело о головщине<sup>2</sup>. Скорее женщина в таких случаях лишь представляет от имени своих малолетних сыновей. В частности, хотя при заключении упомянутой мировой Аранзейко и выступает вполне самостоятельно, в иске, предъявленном убийце, она ставит на первое место имя своего сына.

Обычно переговорам об уплате анзы и ее размере предшествует угон скота потерпевшими у обидчиков или их ближайших родственников, а иногда просто у сородичей, что вынуждало идти на мировую. Во-первых, нередко угонялось большее количество скота, чем полагалось в качестве выкупа; во-вторых, постоянные набеги и хищения лишали обидчика возможности вести нормальное существование. В 1692 г. бурят Анюй обвинял бурят Ользонского рода в отгоне у него из табуна 50 лошадей. Ответчики, оспаривая размер иска, признали факт ночного нападения, объясняя его предшествующим похищением у них скота Анюем. Судя по существовавшей традиции, их заявление, что они «брали за свои кони за кобылу, за коня конь»<sup>3</sup> едва ли соответствует истине. Заключению мировой по делу об убийстве в 1693 г. бурята Негугаева предшествовал угон скота у убийцы<sup>4</sup>. Бурят Бохон Бурнуев жалуется на Бочехона Бухуруева, что тот, заподозрив его в краже лошади, «приехав с родом своим, угнали у него Бохонка осмнадцать лошадей да рогатого скота осмнадцать же скотин». Не довольствуясь таким количеством скота, Бочехон «отнял сильно» у истца его сноху<sup>5</sup>.

На угон скота как на своего рода процедурную меру, предшествующую заключению мировой, прямо указывают в своем челобитье буряты Онкотоевского рода. «А ныне проведали подлинно, что убил он Молахайко. И по своему буряцкому извычаю отогнали мы, холопи ваши, у племянника его Кульгунка<sup>6</sup> табун лошадей, чтобы они за тем табуном пригнались и учинили с нами мир».

Эти нападения не только на ответчиков, но и на их сородичей, совершаемые к тому же нередко не самими потер-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 257, л. 23.

<sup>2</sup> Такое, не совсем удачное, предположение было высказано в моей работе «Из истории обычного права западных бурят», стр. 186.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 250, лл. 6—9.

<sup>4</sup> Там же, № 301 (ст. 432), л. 56.

<sup>5</sup> Там же, № 182 (ст. 236), л. 3.

<sup>6</sup> Там же, № 181 (ст. 234), л. 6.

певшими, но и членами их рода, лишний раз обращают наше внимание на то, что конфликты, связанные с анзою, были делом всего рода.

Спорные дела решались двумя способами: третейским разбирательством и дачей шерти (присяги) на священных листах. В первом случае избирались одно или несколько лиц — «общая правда», на которых полагались обе стороны. Этот способ выяснения истины был, по-видимому, не всегда надежен. Поэтому более распространенной процедурой для установления истины являлось принесение шерти. Частое в конце XVII века вмешательство русских, хотя и приводило к исследованию подлинных обстоятельств дела, не изменило сложившихся традиций, так как при судопроизводстве учитывались нормы бурятского права. Казаки сами нередко приводили бурят к шерти.

Наиболее почитаемым местом для шертования был «Усть-ангарский камень» (он же «Шаманский камень на морской стреме») — скала, стоящая посреди Ангары в ее истоке, еще и в XIX веке служившая бурятам для той же цели. Но упоминаются и другие места для шертования: шаманский камень ниже Верхоленска<sup>1</sup> и «Колон озеро»<sup>2</sup>. Выбор места для дачи шерти зависел от местожительства тяжущихся и традиции. На силу традиции указывает значительно более поздний документ — приговор, вынесенный в 1823 г. главной канторой Верхоленского ведомства по тяжбе некоего Бодонцова с шуленгой Кужиловым: «привести по иноверческому обряду к божбе на шаманском месте, где пожелает проситель Бодонцов, но токмо где с издревле положено оные бывшим старейшинством... выше Верхоленска и внутри ведомства в трех местах, а не в каком другом, ибо и по нашему бурятскому закону считается во вред отпущать божбу куда-либо в постороннее место»<sup>3</sup>. Обряд шертования описывается следующим образом: «...и тот ясашный верхоленской Бакунайка у того шеманского камени по своей вере клялся и тот камень обымал»<sup>4</sup>. Этот обряд сохранился, судя по позднейшим этнографическим описаниям, вплоть до того времени, когда самое шертование стало отходить в область преданий.

Связь шертования с родовыми отношениями несомненна. Достаточно указать на то, что к шертованию в подавляющем большинстве случаев приводился не сам ответчик, а один из его близких родственников. Хотя шуленги нескольких родов в ответ на запрос осторожной администра-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ № 405 (ст. 521), л. 27.

<sup>2</sup> Там же, № 203, л. 25.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 14, № 1447, л. 35.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 143 (ст. 271), л. 24.

ции показали, что «у них де иноземцев так водитца, что де в воле бывает у истца, хотя сам к шерти поедет или кого пошлет»<sup>1</sup> во всех известных нам документах, где речь идет о шерти, в качестве шертовальщиков фигурируют родственники тяжущихся. По делу о покраже овцы бурятом Гулюгоном к даче шерти был назначен его племянник Дарбай, но, поскольку последний отсутствовал он был заменен братом ответчика<sup>2</sup>. Истец Ильбей послал к «божбе» своего брата<sup>3</sup>. По иску бурята Ченорутского рода Бакуная Алакова с бурята «Хенкедырского рода» Тугая Музилова в 16 головах скота, недоданного в приданое, «к шерти был приговорен» дядя ответчика Турбей Болоев<sup>4</sup>. Бурят Буяновского рода Баран Батахаев, возбуждая иск в покраденной овце, послал к шерти своего племянника<sup>5</sup>. Лишь в одном деле ответчик изъявлял согласие явиться сам к шертованию и настаивал на личной явке истца, но последний отговорился тем, что «приводить к шерти его, ответчика, своего холопа или сородича пошлет»<sup>6</sup>.

В приводе к шерти сородича ярко обнаруживаются живые черты родового строя. Но обособление семьи, естественно сопутствовавшее разложению родовых отношений, вызвало ограничение круга лиц, могущих шертовать за своего сородича, его ближайшими родственниками. Однако такое ограничение было, по-видимому, недавнего происхождения. В этом отношении показателен конфликт, возникший при посылке к шерти Алехчином Батохаевым, обвиненным в убийстве некоего Машки Бакунаева. Истец отвел эту кандидатуру, ссылаясь на то, что Машка не состоит в близком родстве с Батохаевым. Были запрошены шуленги, которые разошлись во мнениях. Шуленга Ашахабатского рода признал Машку правоспособным, ибо он с ответчиком «одного роду, одной пятидесятни»<sup>7</sup>. Шуленга же «Кугурдеева роду» не согласился со своим коллегой: «А Бакунаеву сыну Машке за ответчика Олекчинка к шерти итти нельзя для того, что де в их братских правах за убитого человека давать к шерти из ближних родственников, а не из дальних»<sup>8</sup>. В результате для шертования было назначено другое лицо.

Любопытно, что в дальнейшем, с разложением родовых отношений, ограничение круга лиц, допускаемых к шертованию, пошло, в некоторых районах по крайней мере, совсем

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 405 (ст. 521), л. 95.

<sup>2</sup> Там же, № 203, л. 25.

<sup>3</sup> Там же, № 201 (ст. 521), л. 113.

<sup>4</sup> Там же, № 405 (ст. 521), л. 95.

<sup>5</sup> Там же, № 405 (ст. 521), л. 14.

<sup>6</sup> Там же, л. 32.

<sup>7</sup> Там же, № 450 (ст. 598-6), л. 11.

<sup>8</sup> Там же, л. 19.

по другой линии, а именно: к присяге перестали допускать родственников. В составленном в 1820 г. обзоре судопроизводства бурят Кудинского ведомства говорится: «Когда ответчик полагает себя быть правым, тогда представляет тритцать человек посторонних людей, из коих истец избирает одного, который бы за ответчика принял божбу»<sup>1</sup>. Но в XVII в. о шертовании посторонних и речи не было.

Право на шертование за сородича ограничивалось одним разом, но лишь в случае выступления по делам равного значения. В споре между ответчиком и истцом о назначении к шерти Шебухана Буркиева первый утверждал: «дать его, Шебуханка, нельзя потому, что де по их братским извычаям один человек также за одного человека в другой ряд к шерти не ходит». Но истец возражал: «для чего ему, Шебуханку, о человеке не шертовать. По лошади де он, Шебуханко, за него ответчика шертовал». К этому последнему суждению присоединились и запрошенные по делу шуленги<sup>2</sup>.

Существовало еще одно ограничение, обусловливавшееся взглядом на шертование, как на тяжелое и ответственное дело: старики, как правило, к шерти не допускались: «...а старым де было Кучейку и его стветчикову брату Галюганке к шерти нейти»,—говорится в одном документе<sup>3</sup>.

Страх перед шертованием и особенно перед последствиями ложной клятвы был столь велик, что случаи уклонения от уже назначенной шерти были нередки. Отказ от шерти или неявка рассматривались как свидетельство вины. Одно дело завершается следующим резюме: «А Бакунайка Алаков сродича своего в том приданном скоте божитца не привел... И по сыску ему Бакунайку в том деле отказано против братских прав»<sup>4</sup>. В челобитной Асахая Бальбюрова повествуется о постигших его злосключениях. Обвиненный ложно в покраже кобылы, он был вынужден уплатить анзу, но позднее проведаль, что кража была совершена тем самым Ильбеком, на показаниях которого было основано обвинение. Возникло новое дело, на этот раз против Ильбека, которое завершилось таким финалом: «и о том у нас с ним, Ильбечком была очная ставка и с очной ставки по нашей брацкой вере велено божитца брату моему родному Гохойку и брата моего он Ильбечко на срок к божбе не повел и потому он Ильбечка обвинен и тот мой скот, который я платил напрасно Сободайку, велено отдать мне»<sup>5</sup>. Аналогична жалоба Барана Батахаева на непривод его племянника истцом к шерти<sup>6</sup>. Иногда уклонение от

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 554, л. 1.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 450 (ст. 589), лл. 3, 4, 10, 11.

<sup>3</sup> Там же, № 203, л. 25.

<sup>4</sup> Там же, № 405 (ст. 521), л. 27.

<sup>5</sup> Там же, № 201 (ст. 514), л. 112.

<sup>6</sup> Там же, № 405 (ст. 521), л. 14.

шертования сопровождалось признанием вины и заключением мировой. Так, в 1690 г. «мунгальские выходцы» Гаму-батор с товарищами украли у мунгальского же выходца Ухутая Гумурзина три коровы. По челобитью пострадавшего воры были приговорены к даче шерти. «И они, Гаму-батор и зайсан с товарищи, зная кражи своей вину, к шерти не пошли, а отдали они три ж коровенки»<sup>1</sup>.

Шертование считалось столь страшной процедурой, что даже присутствовать при нем избегали. Назначенный для привода к шерти тунгус Сыламей не рискнул и приблизиться к камню<sup>2</sup>. Группа бурят разъясняла русским: «... у нас де того мужика, который к шерти идет, из юрты не пускают, потому что де по нашей вере дело большое»<sup>3</sup>.

Все сказанное неоспоримо свидетельствует, что право бурят опиралось на еще сохранявшиеся институты родового строя. Но самой разительной особенностью этого права, придающей ему черты более архаические по сравнению с любой варварской «правдой», является полное отсутствие в нем элементов социальной дифференциации внутри самого бурятского общества. Особые нормы судопроизводства были только для холопов, т. е. рабов. Здесь действовал принцип: голова за голову. За преступления, даже не очень значительные, они отвечали часто жизнью<sup>4</sup>. За кражу или убийство чужих холопов свободные обязаны были отдать своих, может быть, с незначительной дополнительной компенсацией. Бурят Ченоручского рода Конко Ковин бил челом на бурята Хенгельдурского рода Шарому Камнагодаева, ложно обвинившего его в убийстве двух беглых холопов: «А взял с меня, холопа твоего, он Шарамойка за тех вышеписанных поклепных холопей двоих холопей моих да три скотины: быка большово да корову добрую да коня доброво»<sup>5</sup>.

Но если право предусматривает более суровые наказания для рабов, если оно выпукло отражает приниженное их положение, то мы не найдем в нем никаких следов привилегированного положения князцов или других представителей социальной верхушки. На это указал С. А. Токарев: «Нойонство и рядовые общинники еще имеют одинаковые права перед судом»<sup>6</sup>. Он же обратил внимание на то, что лучшие люди, причастные к составлению отписки Ст. Коробьина — «Скаска» балаганских бурят, не рискнули поколебать традиции, оговорив для себя какие-либо привилегии<sup>7</sup>. Этим бурят-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 236, л. 75.

<sup>2</sup> Там же, № 145 (ст. 271), л. 24.

<sup>3</sup> Там же, № 145 (ст. 271), № 24.

<sup>4</sup> См. С. А. Токарев, указ. соч., стр. 45.

<sup>5</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 405 (ст. 521), л. 15.

<sup>6</sup> С. А. Токарев, указ. соч., стр. 42.

<sup>7</sup> Там же.

ское право XVII века резко отличается от сводов степных законов конца XVIII — начала XIX века, где уже проводится четкая грань между сайтами и простыми людьми.

Во всей судебной практике и в сведениях, собранных русскими о нормах бурятского судопроизводства, мы не найдем ни одного упоминания о каких-либо преимуществах для князцов или лучших людей. Более того, лица, известные из других документов, как князцы или шуленги, предстают перед нами в конфликтных делах в качестве истцов или ответчиков наравне с рядовыми родовичами. В числе жалобщиков мы найдем шуленгу Базигадаю Ухагалова<sup>1</sup>, взыскивающего анзу с «брацкого мужика», простые мужики Абызай и Оленга предъявляют такую же претензию к шуленге Аню Батунаеву<sup>2</sup>; в качестве главных ответчиков фигурируют шуленги и в деле об уплате анзы, возбужденном Зугеем Аюшеевым<sup>3</sup>. Шуленга Готельского рода Кострома Момин судился с простым ясашином Абочином Зонгоевым по взаимным обвинениям в краже скота<sup>4</sup>. Число подобных дел значительно и везде шуленги или лучшие люди предстают перед судом на равных правах с простыми улусными людьми.

Обособившаяся социальная верхушка в XVII веке еще не закрепила своего командного положения в обществе юридически. И в этом заключено несомненное свидетельство большой стойкости правовых норм, уходящих своими корнями в эпоху первобытно-общинных отношений.

Но анализ обычного права дает нам свидетельство разрушения родовых отношений, отражая переходное состояние бурятского общества в ту эпоху. Важным симптомом этого процесса является возникновение дел о головшине внутри рода, немислимое с точки зрения ортодоксальной идеологии родового строя. Если Херенцей Додоков искал на обидчике лишь возмещения за «лечбу», то Саяхой требовал выплаты полной анзы, хотя покалечил его отца выходец из того же рода. Более того, происходили внутри рода и убийства, в отношении которых сложилась определенная традиция, как это явствует из заключительных слов мировой двух бурят Бабаевского рода: «и я Куячка на нем Галбанке по нашим брацким правам за свойство, как и в иных родах бывало, за отца своего иск свой весь сполна взял при многих брацких людях и впредь мне Куячку на него Галбанку... не бить челом и отца своего убийственной головы не отыскивать, потому что и в иных родах бывали такие убийства промеж собою и боль-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 75.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 538 (ст. 184), л. 14.

<sup>3</sup> Там же, № 854 (ст. 422), л. 23.

<sup>4</sup> Там же, № 337, л. 9—10.

ших головщин не бывало, потому что за свойство»<sup>1</sup>. Подтверждением истинности этого утверждения может служить мировая 1690 г. по делу об убийстве бурятон Онгоева рода своего однородовича, но которой размер анзы определялся всего в 20 голов скота<sup>2</sup>.

О большой анзе не могло идти речи по вполне понятной причине: она выплачивалась при помощи однородовичей, которая становилась совершенно бессмысленной, если убийца и ответчик принадлежали к одному и тому же роду. Следовательно, размер анзы не должен был превышать платежеспособности правонарушителя. С другой стороны, разорять сородича при любых обстоятельствах тоже не полагалось. Но самая материальная ответственность за убийство внутри рода, за преступление, по воззрениям родового общества, наиболее тяжкое, является отражением глубоких противоречий в тогдашней бурятской жизни и показывает, как далеко зашло разложение родовых институтов, на первый поверхностный взгляд еще сохранявших былую силу.

Другим важным показателем того, что старые правовые нормы были стеснительны для верхушки бурятского общества, является стремление ликвидировать их вовсе. Отчасти приговоры о прекращении старых дел вызывались тем, что длительные тяжбы, сопровождавшиеся отгонами скота и завершавшиеся уплатой большой анзы, были слишком обременительны для бурятского хозяйства. К тому же, приводя в исполнение приговоры, вынесенные на основе обычного права, «ис той большой головщины искали приказные люди себе скотом многое число»<sup>3</sup>.

Известны ходатайства бурят о прекращении старых дел. Это нашло отражение в своде 1697 г.: «Которые прежние всякие убойственные дела выше 204 году хто станет бить челом великому государю и челобитье вчинять о тех прежних вышеписанных делах, по нашему брацкому приговору бить тех челобитчиков кнутом нещадно, чтоб впредь от таких челобитчиков брацким людям продажи не бывало. А сего нашего приговору никому брацким людям не порочить»<sup>4</sup>.

По старым делам Сосой Багунов с товарищи предлагали ограничиваться взиманием одной головы за голову<sup>5</sup>. Составители свода 1697 г. пошли, как видим, дальше, требуя полного прекращения затянувшихся тяжб. Но речь шла не только о прошлом. Уже свод 1697 г. отражает тенденции сайтов к уменьшению анзы и введению дополнительных наказаний,

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 203, л. 24.

<sup>2</sup> Там же, № 182 (ст. 236), л. 7.

<sup>3</sup> Там же, СП, ст. 1214, л. 42.

<sup>4</sup> Там же, ИПИ, № 465 (ст. 564), л. 4.

<sup>5</sup> С. А. Токарев. Выше ук., стр. 46.



направленных уже не против имущественного благосостояния, а самой личности правонарушителя. «В братцких договорах в третьей статье написано: кто у кого крадет скотину большую и сыщется про ту кражу допряма и за ту краденую большую скотину иметь на ответчиках по пяти скотин и отдавать исцам, а за то воровство... тем ворах чинить наказанья, бить кнутом и нос резать»<sup>1</sup>.

Дополнительное наказание не применялось на практике, хотя русские и руководствовались «договором». Можно полагать, что статья сия противоречила существующим правовым нормам и отражала устремления составителей этого документа. Тут нет ничего исключительного: с падением родового строя возвышающаяся знать стремится избавиться от таких, связанных с ним, институтов, как взаимопомощь и коллективная ответственность. Эти высшие слои достаточно сильны и богаты, чтобы не нуждаться в помощи своих сородичей и для них обременительна обязанность помогать последним в экстраординарных случаях. Отсюда вытекает тенденция к уменьшению, если не к уничтожению анзы, к чему в договоре 1697 г. был сделан первый шаг.

В то же время сайты превращаются в крупнейших собственников и защищать свое добро они готовы самыми жестокими средствами, чтобы устроить тех, кто еще рисковал посягать на их стада. Старые родовые порядки кажутся им недостаточными и они требуют введения физического наказания. Начинается наступление на обычное право, уже не соответствовавшее фактическому состоянию бурятского общества.

Наконец, используя свое влияние и богатство, князцы и лучшие люди пытаются непосредственно воздействовать на ход судопроизводства. При рассмотрении дела бурята Харина, обвиненного в убийстве, сторонами были избраны три человека в качестве «общей правды», которые согласно вынесли решение в пользу ответчика. Но казаки, посланные для разбирательства, видимо, заподозрили обман и продолжали следствие. То ли боязнь разоблачения, то ли проснувшаяся совесть повлияла на «общую правду», но все трое отказались от своих первоначальных показаний. Подтвердив факт убийства, они заявили, «что вчера они сказали неправду для того, что говорили де им Култуну с товарищи брацкие люди, ево Хариновы сродичи и хлебоядцы идинской братцкой мужик Сосой Багунов с товарищи, чтоб ево Харина в допросе поберець и подобрить»<sup>2</sup>.

Сосой Багунов в публикации С. А. Токарева назван «лучшим мужиком». Харин, судя по тому, что он был богат не только сородичами, но и «хлебоядцами», относился к той

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 450 (ст. 598), л. 101.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 257, л. 10.

же социальной категории. Понятно, что просьбы «подобрить» и побересть столь влиятельную особу, подкрепленные, возможно, и приличествующими случаю посулами, поколебали беспристрастность «общей правды». В данном случае богатей не имели успеха. Но где гарантия, что им не удалось склонить весы правосудия в свою пользу во многих других? Как бы то ни было, покушение на родовое судопроизводство несомненно, и по мере того, как лучшие люди набирали силу, их влияние на исход судебных дел, в ущерб справедливости, должно было все усиливаться.

Семейное право носит в XVII веке еще родовые черты. Строгая экзогамия и выплата калыма за жену, подтверждаемые нашими документами, сохраняются у бурят и много позднее<sup>1</sup>. Экзогамия, кстати, как это установлено у целого ряда народов, является наиболее устойчивым из родовых институтов и сохраняется тогда, когда первобытно-общинные отношения окончательно разрушены. У бурят экзогамия соблюдалась и в XX веке. Поэтому нет надобности рассматривать подробно брачные нормы XVII века, так как установление наличия экзогамии ничем не может обогатить аргументацию в пользу живучести родовых отношений того времени, а проблема генезиса бурятского рода выходит за рамки нашей темы.

Социальная структура бурятского общества подтверждает тезис об его переходном состоянии, хотя данные для полной ее характеристики в источниках отсутствуют.

На вершине социальной лестницы стояли князцы. Мы не рискуем последовать примеру А. П. Окладникова и на основе немногих и недостаточно определенных данных категорически высказаться о положении князца в бурятском обществе. Власть его, несомненно, была значительна, но решал ли он самовластно самые важные вопросы, остается неясным. Отвечать на этот вопрос утвердительно, опираясь на такой шаткий базис, как утверждение в одном из документов князца «братские люди слушают»<sup>2</sup>, по меньшей мере, рискованно. Столь же мало убедительны и другие аргументы, приводимые А. П. Окладниковым в его очерках: забота князцов о выкупе своих родственников, при полном безразличии к судьбе ясыря из простых людей, или необходимость, с русской точки зрения, брать аманатов только из княжеского «рода». Все это может служить подтверждением лишь и без того очевидного факта, что князцы возвышались над простыми родовичами, но отнюдь не проливает света на границы и характер их вла-

---

<sup>1</sup> Мы не можем понять, почему выплату калыма (именуя ее покупкой женщин) можно трактовать как показатель разложения родовых отношений. См. Е. А. Черкасова. К вопросу о разложении первобытно-общинного строя у бурят XVII—XVIII вв.

<sup>2</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 336 и сл.

сти. Сомнение вызывает и то, «что у бурят,— как пишет А. П. Окладников,—за все родовое или даже племенное объединение решает самые важные дела князец»<sup>1</sup>. Это не подтверждается документами; бурятские челобитные возбуждаются обычно от имени не только князцов, но также и лучших, а иной раз и улусных людей. Если ссылка на улусных людей была, возможно, фиктивна, то активное участие лучших людей в решении общественных дел более чем вероятно. Документы столь обильны и приводятся, кстати, в таком большом количестве и в книге А. П. Окладникова, что точные ссылки на источники тут, пожалуй, и не нужны.

Некоторые сведения о князцах уже были приведены выше, в связи с попыткой определить истинный характер сотни или улуса. Они подводят нас к заключению об аморфности этого термина, которым русские называли всех бурятских вождей, не вдаваясь, естественно, в вопрос о происхождении и характере их власти. Этот термин прилагался, конечно, к родо-племенной знати, как полагает А. П. Окладников, но он равным образом обозначал в русских документах и предводителей дружин, чьи улусы и сотни, как установлено выше, не совпадали с родом, а тем более с племенем. А. П. Окладников упустил из виду, что в период становления классового общества появление эксплуататорского класса связано не только и, может быть, не столько с усилением могущества родо-племенной знати, сколько с появлением новых предводителей — вождей дружин, чье возвышение обусловлено их военными успехами и которые способствуют разрушению первобытно-общинных отношений.

Несчастье заключается в том, что ни А. П. Окладникову, ни нам, ни какому-либо другому исследователю не удалось обнаружить ни одного документа, по которому можно было установить внутренний строй бурятского рода или улуса XVII в. Мы знаем, что князцы были основными контрагентами русских, что они выступали от имени своих улусных людей при шертовании «белому царю» и даче ясака и явно возглавляли все военные предприятия бурят. Но вместе с тем, как выше указано, лица, именовавшиеся в прошлом князцами, а равно шуленги, в отношении которых может быть точно установлено, что они являются потомками прежних князцов, в конце столетия судятся с простыми бурятами на равных правах. Отсюда возможен только один, гипотетический, за отсутствием документальных доказательств, вывод, что хотя власть князцов была реальна и велика, она не являлась достаточно прочной.

Этот вывод может быть подкреплён тем, что князцы исчезают из наших документов, как только русские прочно обо-

---

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 336 и сл.

сновались в Прибайкалье и ближе познакомились с социальным устройством бурят. С частью князцов или их потомков мы встречаемся в качестве шуленг бурятских родов, другие же перекочевывают в разряд «лучших людей», как это произошло с Ербугаром или с Сосоем Багуновым, сыном князца Багуна<sup>1</sup>. Если бы князцы были действительно полновластными и деспотическими правителями, они не могли бы сойти с исторической сцены так незаметно. Предположение А. П. Окладникова, подкрепленное ссылкой на Чепчугуя, об их физическом истреблении недостаточно аргументировано; подавляющее большинство князцов, судя по документам, в конечном счете признало русскую власть и так или иначе приспособилось к новым условиям. Если бы власть князцов была ликвидирована русской администрацией, то это, конечно, нашло бы отражение в документах.

Вероятно, при определении князцов играли роль и представления самих русских приказчиков и служилых. Так, князцами, придавая этому термину чуть ли не сословное значение, называли всех сыновей князцов. Неоднократно встречаются, например, такие формулировки: «князцы Бараканова улуса Кутугур, Толтокуй и Бохай Баракановы дети»<sup>2</sup>.

Оставаясь на почве фактов, мы вынуждены ограничиться констатацией, что термин князцы, который, к слову сказать, применялся русскими по отношению к народам севера и для обозначения родовых старшин, обозначал всех предводителей отдельных бурятских родовых и территориальных групп, а часто и ближайших их родственников. Судя по общему состоянию бурятского общества это могли быть и представители старой родо-племенной знати, и главы улусов. Впоследствии многие из них получили титул шуленги.

Столь же неясно и правовое положение «лучших людей», прослойки близкой к князцам, но гораздо более многочисленной. Хотя понятие «лучший мужик» сохраняется много дольше, чем князец, встречаясь часто и в документах начала XVIII века, ключа для его расшифровки найти не удалось. По-видимому, природа «лучших людей», как и князцов, была двоякой. С одной стороны, в эту категорию могли попасть потомки родовой верхушки, влияние которых могло броситься русским в глаза, с другой же, — и чем позднее, тем вероятней, лучшими называли просто зажиточных бурят, чье привилегированное положение определялось не родовитостью и не прошлыми заслугами, а просто наличием больших стад и добрых табунов коней. Не следует забывать, что глубокая имущественная дифференциация создавала условия для возвышения тех, в чьих руках были сосредоточены основные бо-

<sup>1</sup> См., напр., ААН, 28, № 175, л. 270.

<sup>2</sup> См. ААН, 22, № 167, л. 250.

гатства. Наконец, лучшие люди могли рекрутироваться из прежних дружинников, ибо близость к удачливому князю была ступенькой и к богатству, и к почету.

Кстати сказать, очевидное разрушение у бурят племени, которое совсем не отражено в исторических документах, позволяет полагать, что выделение улусов уже сильно подорвало старую родо-племенную структуру.

За Байкалом, где феодальная система в ее монгольском варианте существовала с давних пор, русские только при первых встречах именуют местных владетелей князьями. Уже с 60 годов мы встречаемся здесь почти исключительно с титулами, часто заменяющими подлинные имена. Может быть, и в том, что на востоке русские быстро усвоили различие между тайшой и зайсаном, а на западе продолжали называть всех предводителей князьями, можно видеть лишнее подтверждение того, что последние еще не являлись феодалами. За Байкалом у табангутов и других монголизированных групп существовали, по-видимому, и более или менее систематические поборы. Что ж касается Западной Бурятии, то ни одно упоминание в документах не позволяет нам говорить о каких-либо повинностях рядовых родовичей по отношению к князьям. Можно лишь с уверенностью высказаться о том, что вопросы войны и мира решались князем, и его улусные люди обязаны были следовать за ним во время походов. Но руководство военными действиями — это прерогатива и родового старшины, и предводителя дружины.

При нынешнем состоянии изученности прошлого бурят, формы эксплуатации князьями улусных людей остаются загадкой. Приписываемое же им право полновластно распоряжаться жизнью и имуществом своих подданных не подтверждается основным для решения этого вопроса источником — обычным правом. Улусные люди, по-видимому, — свободные общинники, и хотя власть князей велика, но она еще недостаточно прочна для уничтожения старых законов, защищавших личность улусных людей. И здесь наличные данные показывают, что положение простых бурят в XVII веке близко к положению основных производителей раннего классового общества. Их влияние в общественных делах сведено к минимуму, их свобода уже сильно ограничена произволом князцов, но она еще не уничтожена вовсе.

Мы не имеем прямых доказательств имущественных поборов князцов с улусных людей. Но на другие источники их обогащения указания довольно многочисленны. Это, прежде всего, военная добыча, львиная доля которой доставалась князьям и лучшим людям. Первенствующая роль князцов в военных набегах и междоусобицах подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении документами. В 1654 г. ашабагаты били челом на князя Игнатцкого улуса Баахая

и «ево улусных татар»: «приходил тот Баахай на них ясашных людей войною и их повоевал и многих ясашных людей побил, и скот отогнал, и жены и дети их в полон поимал, и животы их все пограбил, и с своей земли их згонил впредь де он им угрожает войною и убойством»<sup>1</sup>. Дальнейшие жалобы не оставляют сомнений, что Баахай многое захватывал в свою личную пользу. Кроме крупных погромов за ним числились такие грехи: у мужика Кочемарского улуса Узунова кыштыма отнял жену, у брацкого полоненника Ашабагатского рода отобрал кобылу с жеребенком, захватил трех полоненных женок, отпущенных из Красноярского острога «для выкупу» и держал их у себя «многое время», поживившись заодно их добром и конями, и т. д.<sup>2</sup>.

Примерно в таком же духе действовали и другие князцы. И это естественно: эксплуатации сородичей везде предшествует обогащение верхушки в результате войн и грабежа. «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения или расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»<sup>3</sup>.

Другим средством обогащения князцов были поборы с кыштымов, которые присваивались, судя по ряду косвенных указаний, непосредственно князцами<sup>4</sup>.

А. П. Окладников совершенно правильно отметил, что русские власти относились благосклонно к князцам и лучшим людям, проявляя к ним милосердие в случае «шатости» и измен и всячески старались склонить их на свою сторону. Это отражало общее стремление закрепить новые земли по возможности мирным путем, а помощь князцов тут могла иметь, как полагали в острогах, решающее значение. Поэтому даже «изменники» из князцов получали прощение, тогда как с «худыми людьми» не церемонились и им приходилось расплачиваться за мятежные порывы своих повелителей. Эпизод с побегом князца Куржума, которого после поимки пощадили, избив плетями сопровождавшего его тунгуса<sup>5</sup>, достаточно показателен. Но дело часто завершалось не только батогами. В многочисленных казачьих донесениях о победах над «изменниками» почти нигде не встречаются в числе погибших князцы.

Понимание различия в положении князцов и простых людей проявляется в том, что русские уже с момента первого соприкосновения с бурятами стремились брать в аманаты только ближайших родственников князей, а отнюдь не «ху-

---

<sup>1</sup> ААН, 22, № 190-а, л. 303.

<sup>2</sup> Там же, л. 303—304.

<sup>3</sup> Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 185.

<sup>4</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 327—328.

<sup>5</sup> Там же, стр. 339.

дых» людей. Впрочем, не следует слишком переоценивать систему аманатства: сколько раз казакам приходилось сетовать на то, что князцы бежали или восставали, «покиня жен и детей своих в аманатах».

Еще меньше сведений, чем о князцах, находим мы о лучших людях. Генезис этой социальной прослойки, как выше показано, весьма неясен. Термин «лучшие люди» держится несколько дольше, чем князцы, и встречается в первой половине XVIII века. С течением времени он, по-видимому, стал обозначать просто людей зажиточных. Какими-либо правовыми привилегиями они не пользовались ни по нормам обычного права, ни по распоряжениям русских властей. Если князцы порой, и притом довольно часто, освобождались от уплаты ясака, то на лучших людей эта льгота не распространялась нигде. Оно и не удивительно: лучших людей было немало, а политика русской администрации имела своей целью максимальное увеличение числа плательщиков ясака.

Сохраняя в силу традиции или, может быть, что еще вероятнее, вследствие большого богатства влияние в общественных делах, лучшие люди представляли вместе с князцами от имени своих родов или улусов. К ним же обычно адресовались казаки при решении вопросов, касающихся бурят. В ходе бурных событий конца XVII—начала XVIII века часть лучших людей, видимо, оскудела и, с другой стороны, многие из богатых бурят, о которых шла речь выше, насколько можно судить по нашим источникам, никогда не причислялись к разряду лучших людей. Углубляется пропасть между основной массой бурят и богатеями и одновременно стирается грань между последними и лучшими людьми. Правовое же положение и тех и других было унифицировано: все они превратились в ясачных мужиков. Почвы для существования особой социальной группы больше не существовало и она постепенно сходит на нет.

Суждение об отсутствии материалов для характеристики внутреннего строя бурятского общества полностью распространяется и на улусных людей. Не случайно А. П. Окладников, озаглавив один из параграфов своего очерка общественно-политического строя Бурятии «Улусные люди», сразу же сбивается на характеристику положения кыштымов и не подкрепляет ни одного из немногих своих тезисов, касающихся непосредственно улусных людей, ссылкой на источник, что совсем необычно в его превосходно документированной книге. За 20 лет, протекших после ее издания, в научное обращение были введены только материалы по обычному праву, которые позволяют отклонить версию о полном бесправии рядовых общинников. Да и развивалась эта версия на довольно слабом основании. А. П. Окладников ссылается на казачью отписку, в которой объяснялась неудача в попытке получить выкуп за

пять человек пленных: «тот ясырь — улусных людей худых, и племяни у них в братах нет, и выкупить их некому». Отсюда следует неожиданный вывод: слово «улусный мужик», как мы видим, является синонимом слов «худой», «презренный», «бедный». Одним словом,—это «черная кость»<sup>1</sup>.

Трудно согласиться с таким толкованием документа. Ведь речь в нем идет о том, что данные улусные люди были «худыми», без «племяни», т. е. не имели родни. Скорее, слова казаков надо понимать в том смысле, что были и другие, не «худые» улусные люди, которые могли выкупить своих сородичей. Это подтверждается совсем не редкими случаями выкупа пленных улусных людей. Например, в 1662 г. было выкуплено большинство из 46 бурят, взятых на погроме<sup>2</sup>. Доказательством того, что термин «улусные люди» не понимался бурятами как нечто зазорное, служит то, что в первые годы XVIII в. шуленги верхоленских бурят, среди которых были и наши старые знакомые — князцы, сами называют себя «улусными мужиками»<sup>3</sup>.

Отвергая тезис о полном бесправии улусных людей, как ничем не аргументированный и не соответствующий положению бурятского крестьянства в последующее время, мы не имеем и решительно никаких оснований для идеализации архаического бурятского общества. Не следует забывать, что правовые нормы, соответствовавшие мировоззрению родового общества, находились в состоянии разложения, что за исключением сравнительно узкого круга вопросов, рассматриваемых этим правом, власть князца была велика и улусные люди оказывались во все большей от него зависимости, что характерно для раннего классового общества. Единственное, что мы хотим здесь подчеркнуть, это то, что степень зависимости простых людей была меньшей, чем при сложившихся феодальных, а тем паче рабовладельческих отношениях.

В целом же проблема положения улусных людей в XVII в. еще ждет своего исследователя. Право все же указывает на то, что и под властью князцов рядовые буряты сохраняли личную свободу, хотя бы и в урезанном виде. Но некоторые общественные дела уже решались князцами единолично. Вспомним, что принесение князцом шерти означало обязательство платить ясак со всех его улусных людей.

Сочетание единовластия князцов и личной свободы поданных не должно нас удивлять; последняя в течение длительного времени уживается и с королевской властью, классическим примером чего является франкское общество периода «Салической правды».

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки., стр. 338.

<sup>2</sup> ААН, 23, № 53, лл. 78—79.

<sup>3</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 53.



Улусные люди не представляли собой однородной массы. Несмотря на сохранение пережитков родовых отношений, обособление семей в качестве основной хозяйственной единицы и упрочение частной собственности на скот — основу благосостояния крестьянина-бурята, привели уже в XVII в. к глубокой имущественной дифференциации. Данные, рассмотренные в связи с характеристикой бурятского хозяйства, служат красноречивым тому свидетельством.

Трудно согласиться с тем, что «лишь зыбкая и неустойчивая грань отделяла в реальной действительности XVI—XVII вв. бурятские низы от кыштымов»<sup>1</sup>, ибо самые формы зависимости тут были очень различны. В одном случае, дело заключается в закабалении свободных в прошлом общинников, в другом — в сборе ясака с чужих племен и родов, причем, если часть кыштымов, живущая поблизости, а иногда и «сповал» с бурятскими родами, находилась постоянно в пределах досягаемости для князцов, то в отношении других дело ограничивалось лишь спорадическими наездами за данью с торговыми целями, а иной раз и просто для грабежа. Формы зависимости кыштымов — уплата ясака и обязательство выставлять вспомогательное ополчение хорошо выяснены в содержательной работе С. А. Токарева, к которой мы и отсылаем читателя<sup>2</sup>.

Проводить параллель между низами бурят и кыштымами нельзя потому, что социальная организация последних копировала, у части родов во всяком случае, таковую бурят. У кыштымов были свои князцы и лучшие люди, положение которых могло быть ближе к положению бурятских верхов, нежели низов. Поскольку все известные данные подтверждают мысль С. А. Токарева о том, что кыштымы эксплуатировались непосредственно князцами, собиравшими ясак в свою пользу, то их князцов можно рассматривать как своего рода вассалов бурятских повелителей.

Вопрос о происхождении и характере кыштымства заслуживает специального исследования. Этот своеобразный институт возникает в Центральной Азии и прилегающих к ней странах очень рано. У енисейских кыргызов кыштымы — покоренные племена, платящие дань соболями и белкою, существовали уже в XI веке. Отметим попутно, что китайские источники, откуда заимствованы эти сведения, ничего не сообщают о повинностях общинников по отношению к своей аристократии<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 335.

<sup>2</sup> С. А. Токарев. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. Записки ГИЯЛИ, вып. 2, Улан-Удэ, 1940, стр. 136—156.

<sup>3</sup> С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 573.

Дальнейшим развитием этого института были унаган-боголы древних монголов. Зависимость унаган-боголов от их патронов заключалась в службе и в мирное, и в военное время. В эту зависимость попадали побежденные, а иногда просто обедневшие и нуждавшиеся в покровительстве роды. Считалось, что унаган-боголы находятся в зависимости от целого рода, но с возвышением в монгольском обществе батуров типа Чингиса или Джамуги, т. е. с ростом феодальных отношений, положение должно было изменяться. Согласно Б. Я. Владимирцову, «древне-монгольские унаган-боголы были крепостными вассалами, которые не могли свободно распродавать связи, скреплявшие их с владельческим родом»<sup>1</sup>.

Зависимость, возникающая у целого рода по отношению к другому более сильному роду, несмотря на отличие конкретных обязанностей, — вот что сближает унаган-боголов с бурятскими кыштымами. Эта форма подчинения не согласуется с родовыми отношениями и в своем дальнейшем развитии способствует возвышению верхушки в родах-повелителях. Эксплуатация кыштымов, следует согласиться с академиком Владимирцовым, напоминает раннее крепостничество. Это — очень своеобразная, отражающая специфические условия кочевого хозяйства, форма патроната. И поэтому исследование кыштымства очень важно для изучения генезиса феодализма у бурят. К сожалению, выявленные источники пока не открывают такой возможности.

Чрезвычайно важным для выяснения социальной структуры бурятского общества является вопрос о рабах. Если в ранних документах рабство почти вовсе не отражено, что, кстати сказать, породило ошибочное представление о занесении этого института в Бурятию русскими, то к концу столетия холопы упоминаются часто и можно смело утверждать, что речь идет о форме эксплуатации, прочно укоренившейся у бурят. Изучая рабовладение, Е. А. Черкасова пришла к выводу, что источниками приобретения рабов были военные захваты, торговля рабами, «наказание» и неуплата долга<sup>2</sup>. Эта классификация, в основном, соответствует истинному положению вещей, но не является вполне точной. Обращение в рабство, как наказание, у бурят не существовало, а то, что здесь понимает Е. А. Черкасова — отдача «головой» при невозможности возместить анзу — должна трактоваться иначе. Это потеря свободы, как следствие имущественной несостоятельности, т. е. нечто аналогичное порабощению неисправного должника.

Основных источников приобретения рабов у бурят было два: насильственный захват, причем не обязательно в ходе

<sup>1</sup> Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 65.

<sup>2</sup> Е. А. Черкасова. К вопросу о разложении первобытно-общинного строя у бурят XVII—XVIII вв., стр. 57—60.

военных действий, или покупка холопов у бурят же или у русских людей.

События конца XVII века создали благоприятную обстановку для роста рабовладения, ибо в это время по степям бродило немало людей, отбившихся от своих сородичей, преимущественно выходцев, которые становились легкой добычей для зажиточных бурят. В 1690 г. на погроме выходцев были взяты 2 «бабы», из которых одна была тут же продана<sup>1</sup>. В 1682 г. били челом выходцы Бинтук да Боргил на верхоленских ясачных мужиков Бадана и Абука, которые их ограбили, а кроме того «отняли» у них «родника нашего именем Дугак»<sup>2</sup>. Именно такие захваты, по одному или по несколько человек, являются типичными.

С прекращением междоусобных войн и урегулированием положения с выходцами, которых русская администрация стремилась расселить по бурятским ведомствам и обложить ясаком, приобретение рабов стало затруднительным. Но увеличение общей численности холопов открыло тут новые возможности. Рабов отнимают попросту у их хозяев, и число жалоб на подобного сорта покушения весьма велико. Приведем несколько примеров. Бурят Кокодоровского рода Илизей Хатаханов жаловался на своего однородовича, что «отнял де у него Ильзейка он Харандейко парня мунгальской породы да тринадцать скотин да четыре турсука братцкого корму — сметаны напрасно»<sup>3</sup>. Чубухан Момоев отнял у Булугуя жену и разграбил его имущество, в описании которого обнаруживаем «холопа моего мунгальской породы, именем Аралчинка»<sup>4</sup>. В 1697 г. Боргочин Моксоев из Хенгельдурского рода бил челом на толмача Евсея Бодороева, судя по фамилии, бурята: «... украл он, Явсей, у меня дворовую мою бабу мунгальской породы»<sup>5</sup>.

Иногда дела столь запутаны, что трудно определить точно, как возникла в действительности зависимость холопа от его хозяина. Выходец Баца, добиваясь освобождения, ссылался на насильственный и незаконный его захват. Привлеченные же по делу свидетели утверждали, что челобитчик был ими куплен<sup>6</sup>. Подобные конфликты нередко возникали между похолопленными выходцами и их новыми хозяевами.

Покупка холопов была явлением весьма распространенным. На оба источника приобретения рабов указывает жалоба нерчинских бурят, которые в 1701 г. сетовали: «и холопи наши купленные и погромные мунгальской породы ушли по-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 183 (ст. 237), л. 17.

<sup>2</sup> Там же, № 35 (ст. 657), лл. 16—17.

<sup>3</sup> Там же, № 203, л. 4.

<sup>4</sup> Там же, № 450 (ст. 598), л. 76.

<sup>5</sup> Там же, № 452, л. II.

<sup>6</sup> Там же, № 230, лл. 33—36.

кратчи<sup>1</sup> нас многие»<sup>2</sup>. О том, как происходила покупка, рассказывают многие документы. Верховенский братский мужик Абахай Олиев утверждал, что купил «безъясачного мунгальского детину» у другого бурята, а дал «за того парня две скотины добрые». Сам «детина» категорически отвергал это заявление и можно полагать, что подобные челобитья были порой средством приобретения холопа, даже без расходов в пару скотин. Иной раз удачная сделка по приобретению живого товара завершалась неожиданным финалом. Так, в 1691 г. нерчинский «брацкой мужик» Заяхан Сенкуров сбыл по-дешевке «выходцев мужика с бабою». Но когда он погнал вырученных за них коня и корову «за море», покупатель «постигши на дороге, и тот вышеписанный скот отнял, а тех ясырей ему не отдал»<sup>3</sup>. Но, разумеется, подобные происшествия были исключением, а «купленные холопы» встречаются постоянно.

Собственность на холопа была столь полной, что случаи продажи детей от живых родителей не казались чем-либо экстраординарным. Мунгальский выходец Кульгун принес челобитную на некоего Абагала, который подговорил его сынишку съездить с ним за Байкал, а там его продал<sup>4</sup>. Еще более показательна печальная история выходца Очира Букчуконова: «И как я, холоп твой, пришел с дочеришкой своею девкою Ангахаем на море и он Бадан да Конкурей, шесть человек с товары (видимо, с товарищи—Е. З.), ухватя меня, холопа твоего, и с дочеришкою моею и привезли в Булгуденху. И брацкой же мужик Тюденко был с ним же Бадалком тут же за морем и держал меня, холопа твоего, у себя года з два, а дочеришко мою Ангахую в то число он Бадан взял к себе и держал вместо холопки с полгода и продал брацкому же мужику Сондонку»<sup>5</sup>. Самого Очира Тюден отпустил на волю, но когда он, работая по бурятским хозяйствам, нажил около десяти скотин, его бывший хозяин не преминул отнять этот скот.

Холопами буряты торговали и с русскими. Обвиненный в побеге холоп Колбо в допросе говорил, что «жил де он Колбо впреж сего в холопстве у иркуцкого сына боярского у Григория Иванова сына Турченинова», у которого его лет двадцать назад купил «нерчинских брацких мужиков Бадан зайсан»<sup>6</sup>. Бокой Икиреев приобрел в 1696 г. у русских казаков «бабу» за коня и три головы крупного скота. Икиреев бьет челом на казаков, что они отняли у него холопку обратно. Казалось бы

<sup>1</sup> Вероятно, обокравши.

<sup>2</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 614, сс. 3.

<sup>3</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 328 (ст. 471), л. 4.

<sup>4</sup> Там же, № 271, л. 11.

<sup>5</sup> Там же, № 140 (ст. 182), л. 7.

<sup>6</sup> Там же, № 88 (ст. 461), л. 46.

весьма трафаретная история, но расследование ее приняло неожиданный оборот. Дело это очень хорошо иллюстрирует нравы эпохи. Оказалось, купленная Икиреевым «баба» была женой «изменника», мунгальского выходца Мосуйки. Последнему, несмотря на причастность к побегу Тайшина, удалось уцелеть и именно он, а не казаки, похитил «бабу». Казак Пирожков, привлеченный к суду в качестве ответчика, недоумевает: «и тое, государь, бабу у тех брацких мужиков, он Мосуйко, взял неведомо за что». Холопство, в представлении и русских и бурятских участников дела, разрывало все семейные и родственные связи. Но на сей раз все завершилось полюбовной сделкой: выходец сохранил свою жену, уплатив за нее «шесть скотин рогатых да за убытки рубль денег»<sup>1</sup>.

В свою очередь, буряты продают холопов русским. Холоп рассматривался как полная собственность своих владельцев, и акт захвата или покупки предоставлял право полного распоряжения его судьбой.

Право свободного отчуждения холопа не ограничивалось куплей-продажей, он становился объектом и других сделок. «Брацкий мужик Онгоевского роду» Сосой, по-видимому шаман, лечил некую вдову, «а она от той лечьбы дала мне холопу твоему девку мунгальской породы»<sup>2</sup>. Рабов давали в качестве калыма или приданого. Ильбей Табуев бил челом на бурята Абызаевского рода Баргуна Курегоева, который «збил» свою жену, дочь челобитчика. Разгневанный отец подробно перечисляет убытки, которые он потерпел на этом неудачном предприятии: «приданного з дочерью своей дал я, холоп ваш, ему Бургую шестдесят скотин да юрту добрую совсем. И после, государи, того дал ему Баргуну дочери своей в работу купленную ясырку бабу мунгальской породы да восемь скотин и давал всякой одежды»<sup>3</sup>. В жалобе на своего шурина, который ухитрился похитить его жену и вторично выдать замуж, ясачный мужик Абызаевского рода Бирай Бачиктуев упоминает: «а взяли у того Дохокойко сто скотин конного и рогатого скота и овец да мужика з бабою»<sup>4</sup>.

Холопы нередко входили в состав анзы. При шертовании по поводу украденного мелкого скота, явившиеся на церемонию отец истца Кучейко и брат ответчика Галбанко, которым за преклонным их возрастом к шерти идти не полагалось, затеяв спор, подрались, причем второй проколол первому руку ножом. «И за то ножевое резаниз, за смертное убойство брат ево Галбанко дал ему Куячку (сыну пострадавшего — Е. З.) анзы девку да куяк да котел да танку, да тулун

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 441 (ст. 539), лл. 25—30.

<sup>2</sup> Там же, № 405 (ст. 521), л. 11.

<sup>3</sup> Там же, № 236, л. 23.

<sup>4</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 71.

дал»<sup>1</sup>. Буряты Куркутского рода Барбан и Тузирян, рассказывается в другой челобитной, посылали своего холопа Ноноху воровать овец. Когда он попался в этих проделках, «Барбак и Тузирян без челобитья и без суда отдали за кражу свою холопа своего Ноноху при многих братцких людях головою нам, холопом вашим, вечно»<sup>2</sup>.

Наконец, мы сталкиваемся и с таким явлением, как отдача холопа в заклад. В июне 1691 г. ясачный мужик Лэгай Гутомачков сказал в словесном извете: «взял де Иван Кобунь (тункинский казак — Е. З.) у отца моего в долг ненадолго быка трех годов, мунгальскую девку десяти годов да кобылу яловую дал стицу». Долг послужил причиной ссоры, во время которой Кобунь убил мунгальского выходца Гутомачка<sup>3</sup>.

Мы установили наличие рабов в бурятском обществе и право полного распоряжения ими со стороны хозяев. Очень важен вопрос, из кого рекрутировались рабы, были ли они только иноплеменниками, что соответствует ранней стадии развития рабовладения, или же в XVII в. была уже возможность обращения в рабов и самих бурят. В документах, как это можно обнаружить и в приведенных выше извлечениях, преобладают люди «мунгальской породы» или мунгальские выходцы. Нередко рабами были и тунгусы. Например, Колбочья печальная история была рассказана выше, именуется «малым онкотской породы», т. е. тунгусом. Но среди рабов встречаются и буряты. Следовательно, уже была пообита брешь в тех гарантиях личной свободы, которую, казалось бы, обеспечивало обычное право.

В упоминавшемся челобитье на верхоленских бурят, захвативших их родича, жалобщики — Бинтук и Боргил подчеркивают, что ни «ясашные люди брацкого роду»<sup>4</sup>. Мунгальский выходец Эмеген, насильно превращенный в холопа, оказывается при ближайшем рассмотрении бурятом, ибо он, выйдя из Монголии в 1689 г., собиравшись идти к своим родичам — селенгинским бурятам<sup>5</sup>. И вообще, не следует забывать, что эпитет «мунгальский выходец» оставляет открытым вопрос, идет ли речь о монголе, действительно вышедшем в Россию, или же о буряте, возвращающемся на родину. Но мы имеем указания, которые не оставляют места сомнению. Кугурен Иматханов, отданный головой в холопство из-за происшедшего в его присутствии на игрищах несчастного случая, приведшего к смертному исходу, был ясачным человеком Буяновского рода, т. е. бурятом<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 203, л. 25.

<sup>2</sup> Там же, № 240, л. 1.

<sup>3</sup> Там же, № 143 (ст. 271), л. 56.

<sup>4</sup> Там же, № 35 (ст. 657), л. 16.

<sup>5</sup> Там же, № 435 (ст. 525), л. 45.

<sup>6</sup> Там же, № 447 (ст. 559), л. 9.

Существование рабства является подтверждением уже значительного углубления социального неравенства. Но вместе с тем его нельзя рассматривать как показатель разрушения родовых связей, ибо патриархальное рабство возникает еще в недрах родового общества. А рабство у бурят носило именно патриархальный характер, ибо никаких условий для сложения крупного рабовладельческого хозяйства при тогдашнем уровне развития их экономики не существовало. Это подтверждается всеми материалами о рабстве.

Что рабовладение не было основным источником богатства можно заключить из того, что не наблюдается концентрации рабов в руках князцов и лучших людей. Хотя шуленги и богатеи и имели рабов, но число их, по-видимому, было невелико. О наличии нескольких рабов у одного владельца свидетельствуют уже приведенные сведения об отдаче в калым или в анзу двух холопов, вероятно, не последних. На убийство чужим человеком двух же своих беглых холопов жаловался бурят Ченоруцкого рода Конко Ковин<sup>1</sup>. Наивысшее число холопов, принадлежавших одному хозяину, по нашим документам, ограничивается сравнительно скромной цифрой в три человека. В 1692 г. у кузнеца Тюлюна-Тархана, жившего под Иркутском, сбежали сразу три холопа. На пытке беглецы объясняли свой побег неблагоприятным поведением их владельца: «хозяин де их, Тархан, крадет в Ыркуцку у русских людей по скотине рогатой и ест с родниками, а как де съест и после той скотины иную украдет да ест же»<sup>2</sup>. Можно полагать, что количество холопов у отдельных бурят могло быть и большим, чем в приведенных примерах, но даже косвенных указаний на крупное рабовладение в источниках отыскать невозможно.

О занятиях рабов имеются лишь одиночные сообщения, которые показывают, однако, что круг их деятельности не выходил за пределы обычных повседневных дел скотоводческого хозяйства. Холоп Осентуй говорил, что «с прошлого 197 (1689) году и з женою своею Донохоем у них нерчинских брацких людей в невольном холопстве жил и работал, и со всякими табунами их водился и берег пасбою беспрестанно»<sup>3</sup>. Тождественен и рассказ холопа Колбо: «и у него де зайсана жил в холопстве лет з дватцать и пас де, у него Бадана живучи, баранней табун»<sup>4</sup>. Холоп Улцагай, заподозренный в измене, утверждал, что оказался на степи по приказу своего хозяина, пославшего его «луку щипать»<sup>5</sup>. Жизнь раба проходила в за-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 405 (ст. 521), л. 15.

<sup>2</sup> Там же, № 231, л. 2.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 634, сс. 23.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 88, л. 46.

<sup>5</sup> Там же, № 361 (ст. 462), л. 66.

ботах по хозяйству и в разных домашних работах, что и характеризует обычно использование подневольной рабочей силы при домашнем рабстве.

Наиболее веским доводом в пользу того, что рабство сохраняло свой патриархальный характер, является наличие рабов в хозяйстве простых улусных людей. Уже знакомый нам Осентуй, повествуя о своих злоключениях, рассказывает, что после ограбления выходца Андохоя осталась вдова последнего и «отдали тое женку Донохойка нерчинскому брацкому Кондохоя шуленги улусному Цормодю в холопство неволею, а ево де Осентуйка, жена на той женке Донохойке неволею, силою, и отдали ему ж Цормодю в холопство»<sup>1</sup>. Здесь подчеркивается, что Цормодой был простым улусным человеком. И почти во всех рассмотренных нами выше случаях хозяевами рабов оказываются ясачные мужики. Следовательно, говорить не только о складывании, но даже о зарождении особого класса рабовладельцев не приходится.

Обращает на себя внимание и полное отсутствие упоминаний о наследственном рабстве: ни один из холопов, с чьей биографией можно познакомиться по скудным показаниям источников, не называет себя сыном холопа. Поскольку материал весьма ограничен, осторожнее не отрицать существования наследственного рабства, которое, весьма вероятно, встречалось на практике, а полагать, что различие между рабом и свободным не было еще столь значительным, как при развитом рабовладении и что возможность обретения свободы для раба не исключалась. Косвенным свидетельством тому является то, что вступление в брак с холопкой отнюдь не считалось делом зазорным. В качестве примера можно сослаться на то, что «лекарь» Сосой холопку, доставшуюся ему в качестве гонорара за его врачебательное искусство, выдал замуж за своего брата<sup>2</sup>. Такого рода браки не были необычны и среди русских. Казачий десятник Кабанского острога Кузьма Корнилов в своем челобитье сообщает: «В прошлых годах купил я, холоп ваш, у селенгинского казака у Бориса Уварова мунгальскую девку именем Мирчуня, а во крещении Анна и понял ея за себя женою»<sup>3</sup>.

Патриархально-родовые традиции, естественно, смягчали положение рабов, но участь этих людей, лишенных защиты и отданных на произвол хозяев, была достаточно тяжелой. Об этом нам красноречиво свидетельствуют многочисленные побег рабов и их стремление вновь обрести утраченную свободу.

Присоединение к России не укрепило, а наоборот поко-

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 634, сс. 23.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 405 (ст. 521), л. 27.

<sup>3</sup> Там же, № 210 (ст. 149), л. 52.



лебало основы рабовладения у бурят. Несмотря на невмешательство во внутреннюю жизнь бурятского улуса, характерное для всего XVII века, русские власти по практическим соображениям ограничивают возможности захвата новых рабов. Здесь сказалась заинтересованность в увеличении сбора ясака. За холопов ясак не платили и, следовательно, охолопливание свободных людей было невыгодно царской администрации. А порядок этот строго соблюдался. Когда в ясачной ведомости Иркутского и Тункинского острогов за 1681 г. был записан соболь, взятый с холопа, ясачные сборщики в в следующем году сочли нужным разъяснить: «а который де соболь написан взят в ясак в окладной книге прошлого 189 году за Даланчиева холопа Сапа и тот де соболь Даланчий платил за сына своего Абахая вновь, а не за холопа, а с холопей брацкие люди преж сего и ныне ясаку не плачивали»<sup>1</sup>. В связи с этим обращение в холопов людей, внесенных в ясачные списки, было запрещено. И достаточно было холопу доказать, что в прошлые годы он платил ясак, чтобы закончить со своим рабским существованием.

Такой юридической возможностью пытались воспользоваться многие из холопов, по преимуществу выходцев, и это вызывало сложные расследования, так как многие выходцы, скитаясь в поисках работы или кочевий, ссылались на то, что они прежде платили ясак в остроге, лежащем на другом конце Бурятии. Добиваясь освобождения, выходец Эмеген ссылался на то, что «он Эмегенко вышел в прошлом 197 году в Селенгинск... в вечное подданство в ясачной платеж з братьями своими и с родники и ясак платил в казну великого государя он Эмегенко по два годы и в селенгинских де ясачных книгах он Эмегенко с прошлого 197 году написан и потому он Эмегенко подлинной ясачной великого государя выходец»<sup>2</sup>. На уплату ясака в течение 6 лет указывал и выходец Баца. «А шлетца де он Баца на селенгинские ясачные книги, что де он человек ясачный, а не громленный ясырь»<sup>3</sup>. Подобную аргументацию мы встречаем и во многих других челобитных мунгальских выходцев.

Остается неизвестным, скольким холопам удалось добиться освобождения, но противоречия между тенденцией к росту рабовладения в Бурятии у русских и у бурят, с одной стороны, и государственными интересами — с другой, привели в конечном счете к полной ликвидации рабовладения и поверстанию всех холопов в ясак. На основе решения Сената от 1733 г. и именного указа 20 июля 1748 г. Сибирский приказ повелел «находящихся в Якуцку, а затем и во всей Сибир-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 32 (ст. 49), л. 5.

<sup>2</sup> Там же, № 435, л. 48.

<sup>3</sup> Там же, № 230, л. 36.

ской губернии и Иркутской провинции у разных чинов людей в холопстве ясашных новокрещенных и не крещенных, мужеска и женска полу иноверцов, отобрав у них, от того холопства свободить в самой крайней скорости... а при том отпуске мужеска полу, которые ныне и впредь находиться будут осьмнадцать лет и выше, а в ясак не положены, тех всех написать в ясак, как указы повелевают...»<sup>1</sup>.

Если о рабстве можно получить более или менее ясное представление, то материалы о других формах эксплуатации носят весьма туманный характер. Упоминаются, например, срочные работы, но суть возникающих при этом отношений точно установить не удастся. Обычная формулировка «дался в срок» мало что поясняет. По-видимому, мы имеем здесь дело с двумя явлениями. Во-первых, дача в срок связана со старинным бурятским обычаем отработки за жену. Бурят Олзенова рода Моджи «дался в срок» некоему Оленге. «И он Оленга выдал за него Моджи невестку свою замуж»<sup>2</sup>. Прямого отношения к формам эксплуатации это не имеет.

Но, с другой стороны, «дача в срок» была средством для бедняков, большей частью из мяхочинов, обзавестись кое-каким скотишкой. Очир Бючионов, освобожденный от холопства своим хозяином, работая «по братцким людям», нажил себе «скотин десять»<sup>3</sup>.

Начиная с шестидесятих годов XVII в. встречаются захребетники, но определить, что скрывается за этим термином, пока не представляется возможным. В отличие от холопов захребетники облагались ясаком, так как ясачным сборщикам вменялось в обязанность отыскивать тех из них, которые достигли восемнадцати лет и писать их в ясачные книги, наравне с «подрослями» из сыновей и племянников ясачных бурят<sup>4</sup>.

Кабала по «дворовым записям», по-видимому, возникла под русским влиянием. Во взаимоотношениях между бурятами она не встречалась. Но самый факт дачи ими на себя кабальных записей свидетельствует лишний раз о безысходной нужде, которую терпели обедневшие скотоводы. В записи, данной «крещеным парнем мунгальской породы» Иваном Леонтьевым балаганскому казаку Льву (Леонтию) Можееву предусматривается, что Иван должен жить у казака до самой его смерти и выполнять всякую работу, «дворную и задворную». «Да ему ж Леонтию меня Ивана инож на сторону не кому не продавать и не закладывать, держать до смерти своей. И буде я Иван против сей записи до ево

<sup>1</sup> Иркутский об. архив, № 49, св. 17, л. 395.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 538 (ст. 184), л. 14.

<sup>3</sup> Там же., № 140, л. 7.

<sup>4</sup> ЦГАДА, СП, кн. 1292, л. 89, ИПИ, № 324, л. 2; ААН, 23, № 88, л. 134.

Леонтьевы смерти у него жить не буду или к иному хозяину отойду, и на мне Иване взять ему Леонтию пятьдесят рублей денег. И по смерти по ево Леонтьеве взять мне Ивану из ево Леонтьевы статков коня да корову да двадцать пуд ржи доброй и жить мне собсь»<sup>1</sup>.

Перед нами типичный документ, закрепощавший крещеного бурята или монгольского выходца. Но возникающая на такой основе зависимость уже выходит за пределы отношений внутри самого бурятского общества.

Архаическому состоянию бурятского общества соответствовали и неразвитые формы классовой борьбы. Открытых вооруженных выступлений улусных людей против князцов в источниках не зафиксировано. Те смутные сведения о «шато-сти» и набегах в приграничной полосе, на которые ссылается А. П. Окладников, едва ли дают право говорить о «своего рода партизанской борьбе в Тункинских Альпах»<sup>2</sup>. Да и истинный характер деятельности главного героя этой борьбы—Богачея еще требует проверки, материал для которой пока не обнаружен.

Разница в формах классовой борьбы за Байкалом и в добайкальской Бурятии сразу бросается в глаза. Вспомним о выступлении простых табангутов против Окин-зайсана, о разгроме Кунделен-нойона его улусными людьми и многих других аналогичных инцидентах. Но это были, по преимуществу, выступления против монгольских феодалов. Подобных восстаний, направленных против бурятских князцов, мы не знаем. Но поскольку существовали противоречия между интересами закабаляемой улусной массы и князцами, проявления классовой борьбы были неизбежны.

Социальный протест выражался, главным образом, в побегах. Среди массы людей, оторвавшихся от своих родов и улусов, немалое число бежало, «покиня своих князцов». Еще более показательным проявлением классовой борьбы были частые «изветы» простых бурят на злой умысел своих князцов. О намерении последних побить ясачных сборщиков или откочевать «в мунгалы» служилые люди обычно узнавали от улусных людей, «прибегавших» в остроги. Сказывающийся в этом антагонизм между князцами и их подданными во второй половине столетия усиливался и потому, что князцы продолжали свою фронду, когда основная масса их людей уже окончательно связала свою судьбу с Россией.

Массовый характер носили побегі холопов. У иных, очевидно особенно жестоких хозяев, холопы пострянно были в бегах. Большая группа хоринцев во главе с зайсаном Баданом била челом на селенгинского пятидесятника Антона Бе-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 192 (ст. 272), л. 33.

<sup>2</sup> А. П. Окладников. Очерки..., стр. 213—214.

резюмского: «убегают у него Антона холопы ево по три пойма, а у нас, сирот ваших угоняют многие табуны, а он Антон за своих холопей нас, сирот ваших, разоряет напрасно»<sup>1</sup>.

Если шуленги и богатеи охотились за беглыми рабами, то среди простых улусных людей такие беглецы находили порой защитников. Об одном подобном происшествии доносил в 1699 г. денщик приказной избы Никифор Полубенцов. Он был послан для розыска беглой крещеной холопки, которую, по слухам, приютил бурят Конюкой. Найдя в доме последнего беженку, Полубенцов намеревался «весть ее в Ыркутской», но до отъезду согласился отдать ее на поруки жене Конюкою. Очень скоро денщик убедился, как он оплошал: «и та порука з беглою бабою ушли неведомо куда». Проискав их полдня Полубенцов отправился в обратный путь, прихватив с собою в качестве заложника сына Конюкою. Но на этом его злоключения не кончились: «и постигли меня на дороге шесть человек Гутарко с товарищи с сайдаками и с ними тут Конюкойкова баба, которая по беглой бабе ручалась, и стали меня бить и Конюкойкова парня у меня отнимать»<sup>2</sup>.

Но как ни горька была участь холопа, он предпочитал терпеть неволю на родине. Рабство у монгольских ханов было еще горшим, и в числе выходцев начинают попадаться к концу века прежние беглые холопы. Как на характерный пример можно сослаться на показание вышедших в 1699 г. из Монголии двух «новокрещенов», которые убежали двумя годами раньше от своего хозяина итатинского казака Василия Гурылева. «Бегали де они в мунгалы от изгони хозяина своего Васьки и жили они Федотко и Сенька в бегах в Мунгальской земле у мунгальских тайш у Бинтуахая и у племянника ево Чювана. И от тех тайш, не похотя они жить, убежали из мунгальские земли Ытонцынской попрежнему»<sup>3</sup>.

Сопротивление угнетенных низов проявлялось в стихийных вспышках протеста, которые были нередким явлением в те годы и выливались в самые различные формы. Характерно, что, будучи направлены против произвола и лихоимств приказных людей, враждебные им выступления не нарушали дружественного отношения к простым казакам. Интересен бесхитростный рассказ иркутского казака Тихона Гаврилова о бесчинствах приказчика Ерофея Могулева в бурятских улусах. Напившись в юрте у бурята Бочиги, Ерофей затеял драку с хозяином, в которой изрядно досталось и ему самому, — «и бороду у него Ярофея он Бочига драл». Рассказчик с явным сочувствием останавливается на этих кра-

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 278, л. 55.

<sup>2</sup> Там же, № 517, л. 13.

<sup>3</sup> Там же, № 468, лл. 53—54.

сочных подробностях, симпатии его на стороне бурята, что явствует из заключительных слов: «И саблю он Ярофей на него Бочигу из ножен вынимал и от того де у них учинилась драка и он де Бочига, не стерпел, с серцо, убил быка своего, Не достанься де тот мой бык тебе Ярофею. И ис того быка нам дал мясо на варю»<sup>1</sup>. Последняя деталь показывает, что яростную ссору с насильником-приказчиком завершает дружеский жест по отношению к казакам.

Встречаются и случаи прямой поддержки социального протеста бурят со стороны простых русских людей. Так, казак Бикчигирь был посажен под караул за помощь холопу Сапу в его побеге<sup>2</sup>.

Заступничество русских спасло жизнь холопа Андрея Иванова, купленного Петром Перфильевым. Человек это был, очевидно, энергичный. Из дома он убежал, сломав замок у цепи, на которую был посажен. Заключенный в остроге, он изловчился снять кандалы и бежать вторично. За побег и совершенные им пять краж Иванов был приговорен к повешению, но финал дела оказался иным: «и мая в 24 он Андрюшка привожен к виселице. И для упрощения иркутских и приезжих заморских священников, также иркутских, и селенгинских, и удинских, верхоленских, идинских, и ильинских и кабанских и байкаловских острогов и иных городов детей боярских, и пятидесятников, и десятников, и рядовых конных и пеших служилых людей, и посацких, и пашенных крестьян и промышленных и гулящих людей он Андрюшка смертью не казнен»<sup>3</sup>. Наказание было достаточно жестоким, но жизнь человека, виновного лишь в неукротимом стремлении к свободе, была сохранена.

В деле остается немало неясного. Трудно предположить, чтобы данный случай получил столь широкую огласку, чтобы привлечь к себе внимание в самых отдаленных острогах. Скорее, тут сказалось стремление широких кругов смягчить наказания вообще, ограничить применение смертной казни. Но как бы то ни было, протест русского населения против крайних жестокостей по отношению к холопам-выходцам весьма показателен.

Все это свидетельствует о постепенно развивающемся явлении — новом размежевании сил. Если до середины столетия буряты, как правило, идут за своими князьями, то теперь, к концу его, они все чаще выступают в контакте пассивном, а в отдельных случаях и активном, с угнетенными слоями русского населения. В наиболее яркой форме этот

---

<sup>1</sup> ЦГАДА, ИПИ, № 139 (ст. 178), л. 12.

<sup>2</sup> Там же, № 53 (ст. 661), л. 1—4.

<sup>3</sup> Там же, № 446 (ст. 546), л. 70.

процесс отразился в значительнейшем революционном выступлении XVII в. — Братском восстании.

Как видно, многие стороны общественного бытия бурят в XVII в. все еще остаются невыясненными. Но нигде мы не обнаружили бурятских «сеньоров», о которых красочно, но вполне бездоказательно писал в свое время Н. Н. Козьмин<sup>1</sup>. Ни сеньориального землевладения, ни самих «сеньоров», как обособившихся полностью от народа и стоящих над ним феодальных владетелей, в Бурятии, безусловно, не было. Все рассмотренные материалы подводят к выводу о господстве в Бурятии в то время дофеодальных отношений. Анализ норм обычного права, основного для решения этого вопроса источника, дает, как представляется, основания для выдвижения такого тезиса.

Но в то же время первобытно-общинный строй находился к приходу русских на последней стадии разрушения. Тогдашнее бурятское общество — общество с далеко зашедшим процессом классовообразования, где власть сосредоточена в руках князцов родо-племенной знати или удачливых предводителей дружин.

На публикацию С. А. Токарева акад. Б. Д. Греков откликнулся следующими словами: «Перед нами бурятское общество переходного периода от родового строя, а к какому именно—это вопрос очень серьезный и сложный»<sup>2</sup>. На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в следующей главе.

## ГЛАВА V

### РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ БУРЯТ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Вхождение в состав Русского государства завершило процесс окончательного разложения родовых отношений и становления классового общества.

Дальнейшую трансформацию претерпевает бурятский род. По видимости все остается по-прежнему: каждый бурят принадлежит к определенному роду, но содержание самого «рода» уже совсем иное. Учреждая новую систему управления, русская администрация использовала старую бурятскую родо-

---

<sup>1</sup> Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934, стр. 133—135.

<sup>2</sup> Б. Д. Греков. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? «Историк-марксист», № 4, 1939, стр. 135.

вую организацию. Но в ходе присоединения к России эта организация, в значительной степени подорванная в предшествующий период, подверглась еще большему разрушению.

Прежде всего, многие роды оказались раздробленными на части и расселенными в различных, подчас отдаленных друг от друга, местах. В Селенгинском ведомстве насчитывается немало родов западно-бурятского происхождения. Во-вторых, и это главное, мелкие родовые группы и отдельные люди, отбившиеся от своих родов, причислялись к более крупным родам, ибо русские власти, рассматривавшие род как административную и фискальную единицу, естественно, стремились иметь дело с крупными объединениями. Причисление к роду, игнорировавшее действительную родовую принадлежность, носило в XVII и в первой половине XVIII века массовый характер. Как выше было показано, выходцы и мяхочины часто приписывались для уплаты ясака и совместного кочевания к существовавшим родам и постепенно вливались в их состав.

Процесс смешения отчетливо прослеживается в делении родов на кости. Часть последних, по-видимому, возникла в процессе дробления разраставшихся старых родов. Но среди названий костей встречается немало совпадающих с родовыми именами, что может быть объяснено только как результат инкорпорации в состав административного «рода» выходцев из других родов. По записям П. Баторова, в Аларском ведомстве, состоявшем из 8 Хонгодорских, 9-го Шаранутского и 3-го Холтубаева родов, насчитывалось около 40 костей. Среди них имелись кости Тэртэ, Готол, Сартул, Узон, Шараит, Харанут и др.<sup>1</sup> По-видимому, это были выходцы из одноименных родов, оказавшиеся в Алари и причисленные к более значительным местным родам.

Аналогична картина и на другом конце Бурятии. В начале нынешнего столетия в Ашебагатском роде селенгинских бурят зарегистрированы, в числе прочих, кости Табангут, Хатагин, Авзай (Абызай). В Сартольском роде — Харнут, Атаган, Хуркут; в Олзонском — Булгат, Ашебагат и т. д.<sup>2</sup>

Таким образом, то, что в XVIII—XIX веках называли в Бурятии родом, было административно-территориальным объединением, имевшим обычно в своей основе действительный род, но сложившимся исторически в результате присоединения к последнему людей, оказавшихся расселенными в итоге массовых передвижений населения в XVII в. на его территории. Общность управления, совместная экономиче-

---

<sup>1</sup> Из рукописного фонда П. Баторова, хранящегося в Иркутском краеведческом музее.

<sup>2</sup> Ю. Д. Талыко-Грынцевич. Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии. Вып. 1, Записки Академии наук СССР, VIII серия, т. XXXVII, № 2, Ленинград, 1926, стр. 60—61.

ская жизнь, единые общественные интересы,—все это приводило к тому, что разрушение старых родовых отношений заметно ускорилося, и хотя они не отмерли еще и к середине XIX в., их значение все более и более падало.

Расселение родов, из которых многие значительно выросли чересполосно с другими родами, с чем мы познакомимся далее при рассмотрении форм землевладения, приводило к тому, что общие хозяйственные интересы становились более мощным стимулом к объединению, нежели прежние родовые связи, отступавшие на второй план. Конкретным проявлением этого процесса были начавшиеся в конце XVIII века и все более учащавшиеся с каждым десятилетием перечисления из рода в род, которые приобрели столь массовый характер, что местные и даже центральные власти не раз пытались ввести их в определенные рамки. Мотивированные обычно ссылками на большую хозяйственную целесообразность или соображения удобства уплаты податей и несения общественных повинностей, ходатайства о выходе из прежнего рода и причислении к новому убедительно свидетельствуют о том, что род консервировался как административная единица, уже лишенная в XIX веке своего первоначального социального содержания.

Поскольку при закреплении родов в начале XVIII века многие люди попадали в них по случайным обстоятельствам, самовольные переходы были и тогда нередким явлением. Это затрудняло управление и создавало трудности в исчислении и сборе ясака, почему уже в 1728 г. в инструкции пограничному дозорщику Анисиму Михалеву предписывалось: «которые ясашные иноземцы из рода в род перебежали, тех собирать и в прежний род с женами и с детьми и с пожитками отсылать без укуснения, дабы каждого роду улусные люди жили под ведением своих начальников и были бы у оных начальников во всякой послушности»<sup>1</sup>. Но осуществить эту меру полностью было невозможно, и позднее администрация оказалась вынужденной санкционировать перечисления при условии согласия старого рода отпустить своего члена с предварительным покрытием всех числящихся за ним недоимок и нового — принять его.

О масштабах перехода из рода в род можно судить по тому, что в 1812 г. Иркутская ревизская комиссия разрешила увольнение из Баендаевского рода сразу 126 ревизских душ во главе со старшиной Анкичелдоновым и принятие их в Хенхедурский род по причине их проживания и «обзаведения с давних лет домами» на землях этого рода<sup>2</sup>. Очень показательны, хотя и относятся ко времени более позднему,

---

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1. № 58, л. 197.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 744, лл. 101—102.



сведения по Селенгинской степной думе. За период с 1858 г. по 1879 г. здесь было перечислено из рода в род немало людей. Например, к Селенгинско-Харанутскому роду были приписаны: из Гунитского рода Хоринского ведомства 5 душ, из I Табангутского — 3 души, из Алагуевского — 9, из Бумол-Готольского — 2, из Подгородного — 4 души. Отчислены были в Цонголов род — 1, во 2-ой Атаганов — 3, в Олзонов — 1. Кроме того, имело место перечисление во 2-ой Селенгинско-Харанутский род, но число душ не указано. Из Бумол-Готольского рода имели место перечисления в 1-й Табангутский, Селенгинско-Харанутский и Цонголов роды. К Иринско-Харанутскому роду были причислены 4 души из Узонова и столько же переведено в Узонов род. К 1-му Ченорутскому роду, насчитывавшему в этот период от 414 до 482 душ, были приписаны 68 душ из Бабай-Хурумчиевского рода и переведена в этот последний 31 душа. Из Подгородного рода отчисления производились в 4 других рода. Из всех селенгинских родов только о Чикойско-Харанутском роде, о котором сведения приведены лишь за 3 года, с 1858 по 1860 г., отмечено: «перечисления и причисления не было»<sup>1</sup>.

Ходатайства о перечислении из рода в род обычно мотивировались жительством на территории чужого рода или близостью к другому родовому управлению, что облегчало несение повинностей. В 1829 г. ясашный Бабажiev просил перевода из Хатагинова в Атаганов род, потому что он жил и кочевал совместно с членами последнего. «Жительство имею,—писал он,—на землях, принадлежащих Атаганову роду, каковое последовало по заселению в давних годах еще от предков и потому имею зимние и летние стойбенные заведения; пользуясь же добрым расположением атаганцев, имею городбы и хлебопахотные места. Кочевья же собственно Хатагинова рода отстоят в расстоянии около 100 верст и потому при уплате казенных податей, земских повинностей, при исправлении очередного отношения и при взносе экономического хлеба переносу затруднения и безвозвратной убыток»<sup>2</sup>. Столь пространное извлечение приведено потому, что оно является типичным, и очень редко мы сталкиваемся с иной мотивировкой. Она остается той же самой и в том случае, если мы имеем дело с переходом не отдельных хозяйств, а целых групп их. В отношении к главному тайше Верхоленского ведомства Питону Имееву шуленга Ольхонского 2-го Черноорукского рода Намчей Алдаров уведомлял последнего, что несколько подведомственных ему хозяев просили «как они имеют свои юрты и хлебопашество да и смежно с вашими родовичами живут, записаться по нынешней ревизии

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 2786.

<sup>2</sup> Там же, ф. 2, № 13, л. 2.

в 1-й Абазаевский род» и что он с увольнением этих людей согласен. К делу, датированному 1811 г., приложен регистр, в котором насчитывается 15 душ, считая малолетних<sup>1</sup>, что позволяет определить общее число переходящих в Абызаевский род примерно в 30 человек.

Перечисления не ограничивались пределами одного ведомства. Особенно широкий характер такие переводы имели, по-видимому, в первой половине XIX в. в Баргузине, куда продолжался прилив переселенцев из Ольхонского ведомства. С 1836 по 1838 г. туда было переведено 98 душ работников, около 8 проц. общего их числа по Баргузинскому ведомству. Особенно вырос Бурский род, куда было причислено к имевшимся в 1836 г. 52 душам работников еще 38<sup>1</sup>. Исходя из обычного соотношения между числом работников и всех членов семьи, переселенцев по ведомству должно было быть не менее 400 человек.

Мы намеренно исключаем из рассмотрения многочисленные случаи раздробления родов или перевода их из одного ведомства в другое, как обусловленные чисто административными соображениями. Из этой группы дел остановимся лишь на одном, превосходно иллюстрирующем ту путаницу, которая была внесена в родовую организацию. В 1828 г. ясачная комиссия представила генерал-губернатору Восточной Сибири пять прошений инородцев Баргузинского ведомства «о дозволении им отчислиться от настоящих родов и составить особые, а именно: 1. Из Чаноевского и Сборного в числе 336 душ под названием Галзутского. 2. Из Чиндылдурского в числе 324 душ под названием 1-го Чендылдурского. 3. Из Сборного в числе 63 душ под именем 2-го Чаноевского. 4. Из Баендаевского и Сборного в числе 98 душ под наименованием Абызаевского и 5. Чиндылдурского и Сборного в числе 209 душ под наименованием Олевского. Причины, поставляемые инородцами означенных родов к просимому ими отчислению и составлению особых родов, следующие: рассеянное и удаленное жительство инородцев, изъясненных в первых четырех пунктах, от своих родоначальников и старшин и затруднение при взыскании податей и повинностей, а показанных в последнем пункте, что предки их, состоя прежде в Абызаевском роду, перечислились одни в Сборный, а другие в Чиндылдурский род; но ныне они не желают находиться в разных родах, как происходящие от одного рода»<sup>2</sup>.

В первых четырех пунктах мотивировка обычна. Но привлекают к себе внимание те названия, которые хотят дать вновь образованным родам. Сборный род, судя уже по са-

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. № 741, л. 20.

<sup>2</sup> Там же, ф. 22, № 4, л. 112.

<sup>3</sup> Там же, лл. 55—56.

мому его названию, состоял из представителей различных родов. Но выходцы из Ченоевского желают именовать себя галзутами, а из Баендаевского — абызаевцами. Не является ли это косвенным указанием на то, что большинство в числе этих выходцев принадлежало к тем родам, имена которых они ныне намереваются присвоить своим вновь образуемым родам? Иначе объяснить такое переименование невозможно. Но тем не менее эти люди объясняют свое стремление к реорганизации не соображениями консолидации действительных родов, а лишь большим удобством внесения податей.

Лишь в одном, последнем, случае речь идет о восстановлении прежней родовой принадлежности. Но, странное дело, ссылаясь на то, что их предки состояли прежде в Абызаевском роде, просители ходатайствуют о присвоении их новому роду наименования Олевского. Это ставит под сомнение, действительно ли их предки, состоя в Абызаевском роде, принадлежали к последнему, или и туда они попали случайно. Как бы то ни было, приписанными к чужим родам оказались многие сотни людей. Поскольку общее их число составляло 1030 душ, можно полагать, что имеются в виду не ревизские души, а лица обоего пола, так как по всем родам Баргузинского ведомства в 1838 г. числилось 1253 души работников. Хотя и маловероятно, чтобы почти всё ведомство пришло в движение, но оно охватило несомненно значительную его часть.

Данное ходатайство, как и некоторые другие, было, по видимому, удовлетворено. Но процедура перечисления, особенно индивидуального, была столь сложной, что переход из рода в род осуществлялся иногда явочным порядком. В 1842 г. ясашный Чикойско-Харанутского рода Банзаракца Саномов, ссылаясь на то, что он, «распространив хлебопашество, укрепив себя через это и дабы не лишиться такого благоприобретенного состояния», был перечислен из Ашебагатского в Чикойско-Харанутский род, просил о таком же перечислении проживающего при нем сына<sup>1</sup>. При расследовании выяснилось, что сведения, сообщаемые Саномовым о своем перечислении, не соответствуют истине, «а он Саномов находится в его (головы Чикойско-Харанутского рода Грудина — Е. З.) роде только по одному жительству и платит подати ему Грудину вместо ясачного его Чикойско-Харанутского рода Очиртар Мадонеева, проживающего в Ашебагатском роде, который платит подати и повинности в Ашебагатский род»<sup>2</sup>. Пока он не привлек к себе внимания, Саномов 15 лет фактически пользовался всеми преимуществами,

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 772, л. 1.

<sup>2</sup> Там же, ф. 2, № 779, лл. 25—26.

которые он усматривал для себя от перечисления в Чикойско-Харанутский род.

Далеко не всегда ходатайства о перечислении завершались благополучно для тех, кто их возбуждал. В 1844 г. четыре жителя Захатского улуса, перебравшиеся в Иркутск, просили о перечислении их из 1-го Олзоева в Булутский род. Но так как они не имели постоянного жительства в Булутском роде прошение было общим собранием родовичей отклонено<sup>1</sup>. Частые просьбы о перечислении вызвали в 1843 г. гневный окрик иркутского гражданского губернатора, предписавшего, «чтобы все инородцы Иркутского округа не осмеливались ни под каким видом утруждать начальство неправильными и затейливыми своими просьбами о перечислении их из рода в род и вообще входить с таковыми помимо степных дум и инородных управ»<sup>2</sup>.

Поскольку перечисления создавали известные затруднения для администрации, она пыталась, если не прекратить их вовсе, то, во всяком случае, значительно ограничить. В 1828 г. Иркутское губернское правление, утверждая, что «просьбы таковые возникают не от существенной необходимости, но более от склонения к тому инородцев неблагомыслящими из них по одним каким-либо личным неудовольствиям на родоначальников своих и более по привычке к тяжбам», требовало, чтобы никто не осмеливался просить перевода без законных на то оснований. Правление грозило даже строгим взысканием «за утруждение начальства незаконными просьбами о переводе их из одного ведомства в другое»<sup>3</sup>. Но на практике, насколько нам известно, никаких мер к нарушителям этого и подобных повелений не применялось.

Удовлетворяя ходатайства, которые представлялись им законными, местные власти испытывали затруднения, так как каких-либо формальных оснований для этого не существовало. В журнале Иркутской казенной палаты от 3 октября 1846 г. упомянуто, что «буквальных правил для перечисления инородцев из одного ведомства в другое в существующих законах не имеется и казенная палата при порешении их руководствуется правилами, установленными для государственных крестьян»<sup>4</sup>.

Только в 1858 г. был утвержден в Сибирском комитете проект «правил для разделения инородческих родов и перечисления инородцев из одного рода в другой», представленный генерал-губернатором Восточной Сибири. Эти правила имели целью предупредить земельные конфликты, часто воз-

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 688, лл. 10—11.

<sup>2</sup> Там же, л. 13.

<sup>3</sup> Там же, ф. 22, № 4, л. 47.

<sup>4</sup> Там же, ф. 3, № 716, л. 42.

никавшие после переходов. Поэтому предусматривалось отобрание подписки «от инородцев, переходящих из одного рода в другой, в том, что они не будут иметь претензий на земли, которыми владели в оставляемом роде, и от инородцев, принимающих к себе этих переселенцев, в том, что они имеют в своем роде землю для наделения принимаемого»...<sup>1</sup> Далее, перечисление предполагалось допускать только для целых семейств, но не для отдельных лиц, за изъятием тех, которые вовсе «не принадлежат ни к какому семейству».

Обосновывая необходимость перечисления, генерал-губернатор отмечал: «часто случается, что кочующие инородцы, быв причислены к одному какому-либо роду, отлучаются из оного по недостатку удобных земель или для промысла в другие весьма отдаленные места, и находя там больше средств к существованию, поселяются в этих местах, образуют кочевья и остаются в них на постоянном жительстве, а родовые управления, в коих они числятся, поставляются чрез это в большое затруднение и даже невозможность управлять ими»<sup>2</sup>.

Так, устами главы восточно-сибирской администрации подтверждены и факт причисления бурят к родам и то, что связь с этими последними была не столь сильна, чтобы удерживать их от ухода в другие роды в поисках земли или средств к существованию. Забота об урегулировании переходов была продиктована тем, что они, как это прямо утверждается в официальных документах, были широко распространенным явлением.

Разумеется, все сказанное доказывает лишь неадекватность рода официального роду фактическому. Родовые пережитки у бурят сохранялись и в XIX в. и, в значительно ослабленной форме, в начале XX в. При этом, удержавшись в большей степени в быту, они оказывали известное влияние и на экономическую или социальную жизнь улуса. Но трансформация рода, бывшая следствием установления новых административных порядков после присоединения к России, способствовала окончательному крушению родового начала. Этот процесс протекал сравнительно безболезненно потому, что родовая структура бурятского общества была существенно подорвана еще до присоединения. Вспомним, что в XVII в. наряду с родом существовал уже улус, объединявший своих сочленов на основе совсем иных принципов.

То, что только в одном случае мы обнаружили в качестве мотива для перехода ссылку, да и то сомнительную, на желание объединиться в действительный род показывает, что с ролью рода, как основного социального организма,

---

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 7, № 99, л. 3.

<sup>2</sup> Там же, лл. 13—14.

уже было покончено. Его место занимает другая организация, основанная не на кровно-родственной, а на территориальной связи, т. е. община.

В свое время проф. Н. В. Кюнер писал: «Социальные отношения бурят до последнего времени определялись господством родового строя, на основе которого возникла мелкая общинная единица—улус, объединяющая у добайкальских бурят членов «большой семьи», связанных тесным родством и общими хозяйственными интересами»<sup>1</sup>. Это утверждение много и справедливо критиковалось<sup>2</sup> в связи с явной идеализацией патриархальщины, которая открывала возможность отрицания классового расслоения и классовой борьбы. Но в оценке состояния бурятского общества, данной Н. В. Кюнером, содержится и внутреннее противоречие, ибо утверждение «большой семьи», как основной хозяйственной единицы, свидетельствует не о господстве, а о разложении родового строя. Путь развития, намеченный Н. В. Кюнером, не вызвал бы возражения, если бы речь шла о XVI или даже о XVII веке, но отнесение его к «последнему времени» является явным и абсолютно неприемлемым отклонением от исторической действительности. Если мы здесь задерживаемся на этом давнем эпизоде из истории изучения Бурятии, то лишь потому, что эволюция общественных форм — от рода к общине—изложена здесь правильно.

Большая семья или, как называл ее Энгельс, домашняя община, возникающая еще в пределах рода, нарушает его единство и подготавливает условия для становления соседской общины<sup>3</sup>. Возникновение большой семьи связано с развитием частной собственности и стремлением сохранить накопленные богатства за своими потомками. У бурят большая семья еще не изучена в достаточной степени, может быть, за отсутствием материала, ибо в документах XVII в и в выявленных источниках по XVIII веку нет сведений о составе семьи и об организации ее хозяйственной деятельности. Но тем не менее существование ее может быть доказано. Во многих документах имя того или иного улусного человека неоднократно сопровождается дополнением «с родники», причем по самому смыслу документов можно заключить, что речь идет не о сородичах, а о какой-то более узкой группе лиц. В пережиточных формах большая семья, хотя и вытесненная, в

<sup>1</sup> Буряты. Большая Советская Энциклопедия, т. VIII, М., 1927, стр. 238.

<sup>2</sup> Справедливости ради следует заметить, что покойный профессор Н. В. Кюнер, замечательный знаток памятников и литературы по истории Дальнего Востока, никогда не занимался специально историей бурят и руководствовался имевшимися в то время весьма ограниченными пособиями, которые ввели его в заблуждение.

<sup>3</sup> См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 159—160.

основном, малой семьей, продолжала существовать не только в XVIII, но и в XIX веке. Ее еще мог наблюдать А. П. Шапов<sup>1</sup>, хотя она уже далеко не представляла собой того «архаического остатка первобытной человеческой общины», какой он ее описывает.

Стойкость социальных форм проявляется в том, что большая семья не была редким исключением и в первой половине XIX века, когда экономически она уже изжила себя и сохранялась лишь в качестве архаического пережитка. Наличие ее в Верховенском ведомстве в 1810 г. установил И. А. Асалханов, по подсчетам которого 31 семья имела в своем составе от 15 до 20 душ обоего пола, 22 семьи от 20 до 30 душ, 3 семьи от 30 до 40 душ и 3 — от 40 до 56 душ<sup>2</sup>. По отношению ко всему населению ведомства, подворные данные которого были изучены автором, общее число таких семей не составляет заметного процента, но они все же были.

Встречаются большие семьи и в других ведомствах, хотя их численный состав не достигает крайних цифр, приведенных И. А. Асалхановым. Приведем некоторые примеры, относящиеся к концу 20-х годов XIX в. В семью Даши Баргаева из Атаганова рода входили три его брата со всем своим потомством мужского пола общим числом 9 человек, среди которых названы сын Золту Баргаева Очир 14 лет и «Очиров сын Цыбен» одного года отроду. Вместе с 16 женщинами эта семья состояла из 29 человек. 12 мужчин насчитывала семья однородовича Баргаева Занбала Таванова<sup>3</sup>. Представление о составе такой семьи можно получить из описания семейства Биликту Мункуева из Цонгольского рода, умершего в 1829 г.: «Биликту Мункуев, его сын Цырен 38 лет, Цырена сын Намаджил—1 года, Цыренова братья Ганжур (в 1825 г. умер), Ирдыни — 25 лет, Биликту брат Билик — 67 лет, его сын Тубшин—39 лет, Тубшина сыновья Гарма—6 лет, Буда—3 лет, Биликов брат Бичикту — 60 лет, сын его Лундун—4 лет»<sup>4</sup>. В семье было 11 женщин и, следовательно, всего, если исключить двоих умерших, в нее входило 22 человека.

Перед нами большая семья, в которой братья живут нераздельно и ведут общее хозяйство. Но и тут число таких семей невелико. Место большой семьи заняла, как господствующая форма, малая семья, которую следует считать типичной у бурят во второй половине XVIII века, если не раньше. Основанием для такой датировки, может быть, даже слишком осторожной, служит то, что замена большой семьи ма-

---

<sup>1</sup> А. П. Шапов. Бурятская улусная родовая община. Собр. соч., дополнительный том, Иркутск, 1937, стр. 198—199.

<sup>2</sup> И. А. Асалханов. Выше ук., стр. 53.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2. № 90, лл. 5, 9.

<sup>4</sup> Там же, ф. 2, № 91, л. 6.

лой — процесс длительный, а в начале XIX века, судя по приведенным данным, он в основном уже был завершен.

Семейная община подвергается быстрому разложению, вследствие ускоренного, в результате присоединения к России, становления классового общества. Для определения характера последнего необходимо рассмотреть прежде всего формы поземельных отношений. Это даст нам и ответ на вопрос о том, какие социальные отношения становятся господствующими в уже сложившемся классовом обществе в Бурятии.

По существу, порядки землевладения, складывавшиеся в бурятских землях уже в XVII веке, наблюдаются и в дальнейшем. Здесь продолжается сосуществование общинного землепользования и частновладельческого начала. Но аллодиальная собственность, с робкими ростками которой мы встречались на рубеже XVII—XVIII вв., была уничтожена с превращением земли в государственную собственность. Государство стало активно вмешиваться в землевладение, предоставляя «инородцам» определенные угодья и закрепляя обмежевание соответствующими документами. Хотя значительное количество таких грамот встречается лишь с начала XVIII в., но восходит этот порядок еще к XVII веку. В указе Иркутской провинциальной канцелярии шуленге Мураевского рода М. Номоторову в связи с возбужденным им в 1749 г. делом о возвращении ему «породных земель» говорится: «в прошлом де 7182 (1674 г.) году июля 25 дня отведены де были деду твоему Мураевского рода ясашному иноверцу Инкею в Балаганском ведомстве на Унге реке... сенные покосы, на которые дано де показанному деду твоему даная, которую ты объявил при тсм челобитье»<sup>1</sup>.

Закрепляемая за бурятами земля передавалась им в пользование без права свободного отчуждения. В грамотах оговаривалось: «до указу державнейшего царя государя владеть самим и на сторону не продать и не заложить»<sup>2</sup>, «а на сторону отнюдь не продать и не закладывать под опасением себе немалого штрафа»<sup>3</sup> и т. д. Наделение земель в индивидуальном порядке произеодилось, главным образом, на основе давности, т. е. было юридическим оформлением частного землевладения, возникшего еще в XVII в. Основанием для отвода ясачному Онготоевского рода Кочюгаю просимых им угодий по реке Осе послужило то, что «по скаске по розыску служилых людей и ясачных людей иноземцев старожиллов», «и то де та дедовская и отцовская их Кочюгаева

<sup>1</sup> Г. Н. Румянцев. Материалы для истории землевладения у бурят. Записки БМ НИИК, вып. XXIII, Улан-Удэ, 1957, стр. 90.

<sup>2</sup> Там же, стр. 81.

<sup>3</sup> Там же, стр. 88.



прежняя земля и он де Кочюгай на той и ныне земле стоит юртами, а не иных каких иноземцев та земля»<sup>1</sup>.

Давалась в надел и «залищечная», т. е. лишняя земля, находившаяся в пользовании других улусных людей, но не осваиваемая ими полностью. В 1713 г. трое ясачных Муруева рода, в связи с тем, что «в прошлом де 1712 г. дедов и отцов их и их... старинные юртенные зимние кочевья и сенные покосы и скотинной выпуск вниз по Ангаре и Большом Талкине отведены иркуцкому дворянину Федору Клепикову», после чего им стало негде косить сена, просили отвести им надел в другом месте, где уже кочевал их родич Дарсуй Божиев и где земля имелась в избытке. Несмотря на то, что основными владельцами указанной челобитчиками территории были буряты из другого, Холтубаева, рода, но поскольку, во-первых, последние не имели данной (т. е. документа на право владения), во-вторых, учитывая давность кочевания здесь названного Божиева и наличие свободных мест, ходатайство было удовлетворено<sup>2</sup>.

Передавались во владение новым хозяевам и выморочные участки, которые представляли тем больший интерес для новых владельцев, что обычно имели улучшенные покосы<sup>3</sup>.

Итак, в XVIII веке утверждение угодий за отдельными хозяйствами имело более или менее широкое распространение. Однако основной формой было землевладение общинное, при котором земля закреплялась за целым родом или улусом. Такой порядок сохранялся и в первой половине XIX в. В дальнейшее разделение земельных участков, которое должно было производиться по приговору общинников, русская администрация, за исключением конфликтных дел, не вмешивалась. В тех ведомствах, где преобладающим был оседлый образ жизни и где основной отраслью хозяйства становилось земледелие, было проведено в начале XIX в. землеустройство, имевшее целью отвод земель уже не родам, а улусам, причем принцип неразделенного родового владения землей здесь часто нарушался.

В качестве примера познакомимся с землеустройством Балаганского ведомства, произведенным, в основном, в 1821 г. Ныкытский, Саган-Шоротский и Хамхорский улусы Булутского рода, а также Ныкытский, Хамхорский и Усть-Хамхорский улусы Онгоева рода имели общую дачу в смежности с владениями не своих однокоренников, а бурят 1-го и 2-го Муруевых, 1-го и 2-го Олзоевых и 2-го Икинатского родов. Совпадение названий улусов в разных родах тут явно объясняется не единообразием в выборе наи-

---

<sup>1</sup> Г. Н. Румянцев. Указ. соч., стр. 80.

<sup>2</sup> Там же, стр. 81—83.

<sup>3</sup> Там же, стр. 84—87, 87—88, 89.

менований, а тем, что в одних и тех же улусах проживали люди, числившиеся по разным родам. Это еще более очевидно в сообщении об Улейском улусе Булутского рода и Улейском же улусе Онхотоева рода: «оных двух родов улусы не имеют отведенной им дачи, а пользуются вообще Идинского ведомства Онхотоева рода с братскими в урочищах Улее, папаям Ижегелгаю, Коресты»... и т. д. Заселение булутцами одного из улусов Онхотоева рода привело фактически к тому, что и землями они стали пользоваться в этом роде.

О Тотомском улусе Онгоева рода с населением в 22 души степная дума сообщает: «оной улус имеет отведенную ему дачу по плану июля 2-го 1821 г. без жительства других улусов». И эта дача окружена опять-таки владениями не Онгоева рода, а других родов и русских крестьян. Далее следует Хуйтинский улус Булутского рода и «разные улусы все вообще» Кульменского рода, о которых говорится, что они имеют дачи, отведенные им по плану 1821 г. вместе с Хуйтинским улусом и по плану 1825 г. «одним Кульметского рода братским». Окружение такое же, как и в предыдущих случаях.

Разные улусы Шарайтского рода и 4 улуса Ноетского рода пользовались особыми дачами. Другие два улуса того же Ноетского рода имели «отведенную дачу вообще Идинского ведомства с братскими» в определенных урочищах. Выражение «отведенную дачу вообще» следует понимать так, что теми же урочищами могли пользоваться и другие буряты Идинского ведомства. Земельные угодья 1-го и 2-го Муруева рода были ограничены, но не разделены между самими родами.

Пестрота земельных порядков подчеркивается данными о Холтубаевом роде. Улусы Чертуйский, Бильчирский и Ишетойский имели дачи, общие с «Идинского ведомства Халтубаева рода братскими», но улус Орловский пользовался землей совместно с бурятами Иркидеева рода Идинского ведомства, а Харханатский улус, хотя получил особую дачу, но в смежности с владениями не своего Халтубаева, а 1-го Икинатского рода<sup>1</sup>.

Землеустройство не означало, разумеется, перекройки сложившихся порядков и не было связано с заселением новых земель. Оно лишь упорядочивало и регламентировало отношения, развивавшиеся в бурятском обществе. Но самая эта регламентация, естественно, способствовала закреплению территориальной связи, т. е. в конечном счете становлению и развитию соседской общины.

Столь строгое размежевание земель коснулось лишь незначительной части территории, заселенной бурятами, причем преимущественно со значительным процентом оседлого

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 140, лл. 18, 30—31.

населения. В кочевых же районах индивидуальное владение землей простыми родовичами не получило сколько-нибудь заметного распространения.

Сложившиеся на практике формы землевладения были закреплены юридически в 1822 г. уставом об управлении инородцев в следующих законоположениях: § 26. Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли. § 27. Подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям<sup>1</sup>. В подготовленном в 1837 г. проекте свода степных законов инородцев Восточной Сибири эти положения были детализированы. Из земель, данных во владение обществу, часть подлежала отведению под общественный выгон, а остальное—разделу на участки по числу душ мужского пола от 18 до 50 лет и в зависимости от местных условий. Участки предполагалось закрепить за каждым семейством с правом наследственного пользования, которое ограничивалось лишь в двух случаях: «когда инородец окажется несостоятельным к платежу ясака и повинностей» или когда увеличение населения потребует общего передела<sup>2</sup>.

При сборе соображений местного начальства на проект были сделаны предложения об изменении отдельных статей, в частности, была выдвинута идея о разделении земли на равные доли для передачи ее отдельным хозяйствам. В заключении это предложение отвергалось: «Известно, что каждый род и даже ведомство пользуются угодьями в нераздельных статьях, но целыми полосами, выгодность и безвыгодность которых либо частей совершенно известна каждому одного рода инородцу. Следовательно, каждый из них на мирской сходке, зная качество угодий, будет делить их между собой уравниательно... инородцы делают раздел покосов не по пространству, но сообразно урожаю на них трав, лесами и звероловными местами пользуются без всякого между собой дележа»<sup>3</sup>.

Только по отношению к оседлым бурятам имела место попытка отступить от этих правил. Она выразилась в актах о наделении земель отдельных хозяйств, примеры чего рассмотрены выше. Эта практика нашла высшее свое выражение в законе, принятом 12 сентября 1818 г., коим представлялось «инородцам» Иркутской губернии, «которые уже водворены и занимаются хлебопашеством, буде сами того пожелают, отмежевать по 30 десятин земли на душу и землю сию за ними утвердить на праве помещичьем, распространив меру сию на будущее время, т. е. кто из сих кочующих наро-

<sup>1</sup> ПСЗРИ, т. XXXVIII, стр. 396.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 212-6, лл. 10—11.

<sup>3</sup> Там же, ф. 1264, оп. 1, № 211, л. 264.

дов пожелает водвориться и заниматься хлебопашеством, то и им таковое же число и с таковым же правом отмежевать, предоставляя впрочем на ответственность местного начальства, чтоб земли отводимы были только, которые на онных действительно водворены»<sup>1</sup>.

Закон допускал возможность выделения хозяйств на праве помещичьем, т. е. с передачей земли в полную собственность. Но случаев использования этого права в документах не обнаружено. Очевидно, сохранение прежних общинных порядков было выгодно для зажиточной части улуса, предоставляя ей возможность использовать под выпас своих стад общественные выгоны, и серьезный стимул к полному выделению земельного пая у нее отсутствовал, тем паче, что для фактического захвата земли непреодолимых препятствий не существовало. Поэтому частное землевладение феодального типа, имевшее некоторое распространение в Сибири<sup>2</sup>, не привилось среди бурят в первой половине XIX в.

Установление государственной собственности на землю с наделением ею основных производителей за уплату ими натуральной ренты определяло феодальные отношения, при которых само государство выступало в качестве верховного собственника земли—феодала.

Рассматривая эту форму феодализма, К. Маркс говорит: «Суверенитет здесь—земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»<sup>3</sup>.

В. И. Шунков справедливо отметил, что «объявив себя суверенном и собственником земли, оно (государство—Е. З.) требовало за пользование этой землей ренту продуктами—пушниной»<sup>4</sup>. Ясак, таким образом, является ничем иным, как натуральной рентой. Правильность такой трактовки ясака может быть подтверждена документально. В 1781 г. старшина Узонова рода Е. Доржиеву был выдан билет на бывшее владение ясадного П. Кудрекова при речке Гурульбе площадью в 10 десятин. Владение исключалось из оброка и отдавалось новому хозяину за платеж ясака<sup>5</sup>. Выше уже упоминалось, что и в XIX веке сохранение владельческих прав на землю обуславливалось уплатой ясака.

Следует лишь сделать одну оговорку. То совпадение ренты и налога, на которое указывает К. Маркс, по-видимому, не

---

<sup>1</sup> Цитирую по экземпляру, хранящемуся в архиве Бороевых. РО БКНИИ, № 506.

<sup>2</sup> В. И. Ш у н к о в. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 368.

<sup>3</sup> К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

<sup>4</sup> В. И. Ш у н к о в, указ. соч., стр. 362.

<sup>5</sup> Г. Н. Р у м я н ц е в, указ. соч., стр. 92.

имеет места в Бурятии в период присоединения ее к России. Отсутствие связи между землевладением и ясаком, проявляющееся во взыскании ясака с людей, лишенных земли, в попытках получить ясак с князей, чья территория не была присоединена к России, в сборе ясака с выходцев до их поземельного устройства,— все это придает ясаку в ранний период характер дани. Эволюция его в земельную ренту происходит тогда, когда положение стабилизируется и землепользование приобретает большую или меньшую устойчивость, т. е. во второй половине XVII столетия, а в некоторых районах и к концу его.

Решением этой проблемы дается ответ и на вопрос, поставленный в предыдущей главе. С присоединением к России начинается становление феодальных отношений, причем это не привело к крутой ломке сложившихся отношений, потому что бурятское общество было подготовлено к феодализму всем предшествующим ходом своего развития.

§ 24 устава об управлении инородцев гласит: «Кочевые инородцы составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оно́го в образе управления»<sup>1</sup>. Таким образом, закон проводит различие между крестьянами и инородцами лишь в образе управления. Перечисление оседлых инородцев в крестьянское сословие допускалось и не было затруднено сколько-нибудь сложными формальностями.

Формально земля передавалась в условное держание без права продажи, залога и аренды. Но на практике нарушения этих запретов были не редкостью. При ознакомлении с документами XVIII в. бросается в глаза явное противоречие: угрозы суровыми карами за передачу земли мирно соседствуют с упоминаниями о подобных случаях. Очевидно, государственные органы, заинтересованные в своевременном и полном получении ренты, не придавали слишком большого значения тому, кто фактически распоряжался землею. О ясашном Холтубаева рода Запе Бабухоневе мы узнаем, что у него «отводной иной земли нигде нет. А кочевал с вышеписанным Намызаком, а иные покосы косил ис кортому у олзоевских иноземцов»<sup>2</sup>. Во владетельном указе 1736 г. буряту Оленгутского рода Х. Дармаеву говорится: «Да в прошлом де 733 году заложил тебе братский мужик Олзоева роду Бортой Орагинов онных покосов островом на Унге реке впредь на 15 лет»<sup>3</sup>. На 3 года арендовал за 5 рублей покос у русско-го крестьянина бурят Ч. Окинов.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> ПСЗРИ, т. XXXVIII, стр. 397.

<sup>2</sup> Г. Н. Румянцев, указ. соч., стр. 86.

<sup>3</sup> Там же, стр. 89.

<sup>4</sup> Там же, стр. 92.

В XIX в. случаи сдачи земли в аренду, часто являвшиеся способом скрытной ее продажи, столь умножились, что их ввели в законные рамки. В проекте свода законов 1837 г. было записано, что «владелец участка может сенокосные места, или другие из отведенных ему угодьев, с дозволения родового начальства, отдавать в наем (кортом)»<sup>1</sup>. Согласие общества, как необходимое условие для сдачи земли в наем, было предусмотрено и 1132-й статьей 9-го тома устава о состояниях. За нарушение этой статьи у некоего Гысурова, отдавшего в 1850 г. свой надел в 15 десятин за долги верхнеудинскому купцу Ивану Труневу, земля была отобрана вовсе, в связи с чем Забайкальское областное правление сочло нужным «подтвердить всем инородцам, чтоб они не осмеливались каждый от своего лица передавать во владение посторонним лицам земель общественных»<sup>2</sup>.

Подобные запрещения повторялись в первой половине XIX в. неоднократно. Например, в 1841 г. верхнеудинский окружной начальник, в связи со многими жалобами, поступавшими к нему, предписал объявить жителям, чтобы они не покупали землю у бурят без общественного согласия<sup>3</sup>.

Уравнительный порядок землепользования не препятствовал углублению имущественной дифференциации. Свободное пользование общинными угодьями было выгодно для богатых скотоводов, которые, располагая большими стадами скота, фактически осваивали львиную долю выпасов, несколько не стесняясь прижимать своих юридических совладельцев. Жалобы на земельное стеснение, причиняемое крупными скотоводами, подавались в правительственные учреждения, а чаще в органы родового управления многократно, но без особого успеха. Как правило, зайсаны или заседатели думы были на стороне своего брата-богатей. Характерна жалоба, поданная в 1867 г. группой бурят Сартолова рода на то, что в принадлежащем к их урочищам местечке Китуй проживает их однокоротович Баин Тугутов, который «имея большое скотоводство вытравливает их покосы и, несмотря на принятые ими меры к выселению его с их дач в свое урочище, он упорствует в этом и по-прежнему остается на настоящем месте». Ходатайство завершалось просьбой о выселении Тугутова из Китуя «на свои дачи». Тугутов не замедлил представить свои возражения, отказываясь переселиться в Торей из Китуя, «потому что в этом местечке он заселился сиздетства, где имеет летние и зимние стойбы, при них русские дома, бурятские деревянные юрты, скотные дворы, два колодца, хлебопахотную и сенокосную круглую огорожу примерно на 5 верст, боль-

---

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 212-б, л. 11.

<sup>2</sup> РО БКНИИ, № 581, л. 74.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 751, л. 1.

шею частью заключающую скотский выпуск». Переселение в дачу Торей на расстояние в 10 верст приведет его, якобы, к полному разорению и несостоятельности в платеже казенных повинностей. Прося о перечислении его семьи в составе 4 душ мужского пола из Торейской дачи в Алцакскую, к которой принадлежал Китуй, Тугутов выбрасывает свой главный козырь: «все земли сартольских инородцев отведены во владение целому роду, а не раздельно на участки».

Описание, которое дает Тугутов своему хозяйству, показывает, что мы имеем дело с богачом. Строительство «огорожи на 5 верст» явно нарушает общественный характер землепользования, лишая сородичей значительных площадей выгонов, причем, как явствует из дела, Тугутов не стеснялся пасти свой скот и за пределами «огорожи». Но, игнорируя эту сторону дела, дума, опираясь на приведенные выше статьи устава об управлении инородцев, решила спор в пользу Тугутова. Основанием послужило то, что проживание семейства Тугутовых в Китуе на протяжении 4 поколений не вызывало возражений родовичей, что дало ему «неоспоримый повод к устройству и занятию там земледелием и местными выгодами». Дума оспаривает и право владельцев Алцакской дачи требовать выселения Тугутова, ибо «земли Сартолова рода инородцев отведены в дачи по силе § 26 целому поколению, а не части оногo»<sup>1</sup>.

Постановление аргументируется уравнительным характером землепользования, хотя именно принцип уравнительности в данном случае, как и во многих других, подобных ему, оказался нарушенным. Таким образом, существовавший порядок не препятствовал земельным захватам, к чему наделение земель целых ведомств не создавало серьезных затруднений.

Феодальные отношения в Бурятии определялись государственной собственностью на землю в ее феодальной форме. Но пока остается открытым вопрос, как сказалось оно на самом бурятском обществе, какие элементы феодального землевладения наблюдались внутри его. На захваты нойонством земель неоднократно обращалось внимание в литературе<sup>2</sup>. Они имели место в различных ведомствах и везде приводили к одному и тому же результату — земельному стеснению простых родовичей и их обнищанию.

Но частновладельческое сеньориальное землевладение, характеризующее развитые феодальные отношения, в Бурятии все же не сложилось. Решающую роль тут сыграли два момента: во-первых, сопротивление общины, все еще доста-

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 3573, лл. 16—18.

<sup>2</sup> См., напр., Ф. А. Кудряцев. История бурят-монгольского народа, стр. 170—172.

точно сильной, которая и в Бурятии давала крестьянам «локальную сплоченность и средство к сопротивлению»<sup>1</sup> и, во-вторых, политика государства по отношению к нойонству была двойственной. С одной стороны, поскольку нойоны являлись главной социальной опорой царизма, он попустительствовал их земельным притязаниям, но, с другой,—озабоченное сохранением платежеспособности населения,—ибо феодальная эксплуатация предполагает поддержание определенного минимума благосостояния производителя, достаточного для исправного отправления всех лежащих на нем повинностей,—правительство ограничивало приобретательские инстинкты нойонства строгими предписаниями, чтобы родовичам «никакого стеснения чинимо не было». Здесь можно провести аналогию: как в XVII веке государство ограничивало произвол своих местных агентов для обеспечения полной уплаты ясака, так и в начале XIX в., озабоченное исправным получением ренты, оно не слишком потворствовало нойонам, сменившим былых приказчиков в качестве низшей администрации.

Но и здесь практика не соответствовала законоположениям. Прежде всего, нойоны, производя раздел угодий, хотя формально он считался проводимым по приговору всех общественников, не упускали случая приобрести себе лучшие участки. Во-вторых, как уже отмечено, нераздельное пользование выгонами, или раздел их не по душам, а в зависимости от численности скота, что практиковалось в ряде ведомств, открывал для нойонов и улусных богатеев широкие возможности. В-третьих, имел место и прямой захват обширных пространств пастбищ, иногда самостийный, а чаще оформлявшийся общественным приговором.

Вскоре после того, как была введена должность тайши, нойоны, забравшиеся на высшую ступеньку иерархической лестницы, пытаются наложить свою руку на общественные земли. В 1744 г. тайша Иринцей Шодоев подал в Нерчинскую воеводскую канцелярию прошение о расширении предоставленной ему в 1740 г. территории, так как она недостаточна для выпаса табунов и стад. Границы намечаемых тайшоу владений весьма обширны: по Уде от Крылатого луга (выше впадения Оны) до речки Кул, по обе стороны Оны и Кудуна вверх от их устьев. Запрашивая так много, тайша ссылаясь на то, что это «места пустые и ни у кого не в отводе, и не под кочевьями». Проверив истинность этого утверждения, воеводская канцелярия выдала владетельный указ на просямые места на праве условного держания, предписав тайше теми урочищами «владеть самому по себе и наследником твоим на сторону не продавать»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 162.

<sup>2</sup> РО БКНИИ, № 581, лл. 57—58.



Запрет продавать землю на сторону подчеркивает, что земля передавалась лишь в пользование, а не в частную собственность тайши. И хотя в тексте приведенного указа и в других, более поздних, аналогичных документах указывается на сохранение владетельных прав, действительная передача земли по наследству сомнительна, ибо каждый почти последующий тайша представлял приговоры об отводе ему земли и добивался их утверждения. В 1791 г. главный тайша хоринских бурят Дамба Дугар Иринцев представил согласие хоринских родов на отвод ему земель по реке Кудуну, но Иркутское наместническое правление воздержалось от окончательного решения дела впредь до выяснения, действительно ли земли, на которые претендовал тайша, являются свободными, и нерчинский обер-комендант фон Гантвих лишь уведомил тайшу, что «до получения резолюции означенным названным от общества урочищем пользоваться можете»<sup>1</sup>.

В первой четверти XIX в. вновь составлялись приговоры об отводе крупных земельных наделов хоринским тайшам. Тайше Дамба-Дугарову был выделен участок, простиравшийся, якобы, по прямой линии на 150 верст. Приведя эти сведения, Ф. А. Кудрявцев заключает: «Этот участок закреплялся за теми лицами, которые занимали должность главного тайши в Хоринском ведомстве»<sup>2</sup>. Такое утверждение не подтверждается, однако, более поздними документами. Преемник Дамба-Дугарова главный тайша Тарба Жигжитов в середине века владел лишь небольшими наделами пахотных земель, а отнюдь не огромным пространством в 150 верст. В 1852 г. на запрос начальства Хоринская степная дума представила «удостоверение кочующих по Оне инородцев», где говорилось: «Тарба Жигжитов во владении своем собственных земель не имеет, ибо он сенокосным местом пользуется с ними наравне, по разделу, производимому ежегодно, также не имеет особ отведенных хлебопахотных земель, но по усмотрению своему он нашел удобную для засева хлеба землю, которую и разрабатывает собственным капиталом, в 1839 году удобрив поливом водою, посредством провода канав с прочими строениями, пользуется таковою в трех местах в небольшом количестве десятин»<sup>3</sup>.

Суть правительственной политики по отношению к нойонскому землевладению хорошо раскрывается из тянувшейся целых три года, с 1851 по 1854 г., тяжбы крещеных инородцев Николая Сологуба с товарищами против тайши Жигжитова. Просители утверждали, что они с давних времен владели пахотной землей по речке Березовке близ Верхнеудинска,

<sup>1</sup> Г. Н. Румянцев, указ. соч., стр. 93—94.

<sup>2</sup> Ф. А. Кудрявцев, указ. соч., стр. 171.

<sup>3</sup> РО БКНИИ, № 581, л. 73.

но 12 лет тому назад главный тайша Дымбылов продал эту землю без всякого согласия владельцев бывшему городничему Юдину. О причинах, заставивших Сологуба безропотно покинуть свою землю, говорится с полной откровенностью: «хотя мы вправе были жаловаться по начальству, но боясь мщения за то Дымбилова, как главного начальника нашего, и оставались в молчании». По миновании срока «продажи» (продажей земли в то время называли передачу ее в долгосрочное пользование, что, кстати, может ввести в заблуждение неискушенного читателя) бывшие ее держатели, которых насчитывалось в ту пору 35 платежных душ, рассчитывали вновь воспользоваться землею. Узнав, однако, что новый тайша Жигжитов оказался не менее оборотистым, чем его предшественник, и снова «продал» эту землю на 10 лет верхнеудинскому купцу Овсянкину, вторично ограбленные родовичи не стерпели и подали на него жалобу.

Жигжитов, признав, что ему неизвестно, в чьем владении был спорный надел в прошлом и подготовлена ли та земля под посев просителями или кем иным, обосновывал свое право общественным согласием на уступку ее, представив в качестве доказательства приговор, составленный хоринскими родоначальниками в 1850 г.

Лишь в 1853 г. Забайкальское областное правление приняло решение. Установив по заключению чиновников и путем опроса местных жителей, что спорная земля в 1820 г. по распоряжению Сперанского была отобрана у верхнеудинских жителей, пользовавшихся ею без всяких отводных актов, и передана кочевавшим поблизости предкам Николая Сологуба и его товарищей, а затем самовольно захвачена тайшами, правление признало приговор родоначальников незаконным и предписало Жигжитову вернуть землю, сделав ему строгий выговор. Правление указывало, что тайша, «как главный начальник инородцев... обязанный принимать меры к усилению между инородцами хлебопашества и поощрять эту важную отрасль хозяйства, не только не должен был принимать от инородцев в исключительное владение себе означенной земли с явным стеснением чрез это пользовавшихся оною инородцев, но удерживать и других от подобных поступков»<sup>1</sup>.

Возмущенный тайша отказался выполнить предписание областного правления и обратился непосредственно к генерал-губернатору Забайкальской области, о чем уведомил земский суд в столь дерзкой форме и с нарушением порядка обращения в «высшее место», что получил новое внушение<sup>2</sup>. О дальнейшем производстве сведений не сохранилось.

---

<sup>1</sup> РО БКНИИ, № 581, лл. 70—74.

<sup>2</sup> Там же, лл. 77 и 85.

Это дело, в котором обе стороны проявили максимум энергии для достижения победы, раскрывает перед нами яркую картину борьбы за землю. Мы узнаем, что полной частной собственности на землю нойоны добиться не могли, ибо «продажа» наделов ограничена определенным сроком. Но система захватов общинных земель высшим нойонством по приговору раболопствующих перед ним «родоначальников», судя по обилию таких приговоров, была широко распространена. Ее несколько ограничивало, по-видимому, то обстоятельство, что захватывалась такая земля, которую нойоны намеревались использовать для коммерческих операций (заклада, отдачи в аренду), ибо для ведения собственного хозяйства они могли удовлетворяться общинными угодиями, учитывая, что раздел последних производился в зависимости от количества скота.

Николай Сологуб со своими товарищами, может быть, добился успеха. Но едва ли это было частым явлением. Целых 12 лет, по признанию самих жалобщиков, их уста были скованы страхом перед мщением тайши. К тому же следует учитывать, что противники Жигжитова были крещеными и, следовательно, менее зависели от тайши, чем их собратья-ламаисты, и могли рассчитывать на более благосклонное отношение начальства.

О захвате нойонами земли в первой половине XIX в. мы имеем многие свидетельства. В цитированной выше ведомости о землевладении по Балаганскому ведомству в 1830 г. при описании наделов. Кульметского рода поминается, что они граничат с «владением особо отведенной дачи балаганскому тайше Назарову»<sup>1</sup>. Это было явлением новым для западной Бурятии, так как о верхоленском главном тайше Александре Ертагорове, избранном в 1817 г., сообщалось: «отведенной особо земли не имеет, а занимает землю, всему роду принадлежащую, при означенных речках, где кочует»<sup>2</sup>.

Тенденция к расхищению общественных земель прослеживается и в сводах обычного права, что вполне естественно, учитывая, что последние составлялись нойонством, не забывавшим о собственных интересах. В хоринском своде записано: «Находящиеся во время исправления должностей в конторе и сугланных избах, начальники с юртами должны пользоваться покосами в тех местах от общества; при возвращении же их в свои кочевья, если они собственно не огородили покосов или пашень, то те места должны остаться в обществе»<sup>3</sup>. Как видим, здесь оставляется лазейка, а именно: огороженные земли уже не поступают в раздел, а закрепляются

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 140, л. 18.

<sup>2</sup> Там же, ф. 4, № 1458, л. 2.

<sup>3</sup> Сборник обычного права сибирских инородцев. Издание Д. Я. Сазонова. Варшава, 1876, стр. 117.

за начальниками, причем из текста явствует, что никакого согласия родовичей им не требуется.

Дальнейшее развитие эта тенденция получила в проекте свода степных законов 1837 г., где имелся такой пункт: «предоставляется обществам, вошедшим в состав одного ведомства, выделить на общественных сходах из мирских дач особые участки земли во владение главных родоначальников, заседателей в думах, голов, выборных, родовых у бурят... доколе они исправляют должности по сим званиям»<sup>1</sup>. Может создаться впечатление, что речь идет о своего рода бенефициальных пожалованиях, но это, конечно, не бенефиции, потому что отсутствует главный элемент этого института—наделение бенефициария вместе с землею и сидящими на ней людьми.

Во всех случаях нойонских захватов земля изымалась из общественного пользования и становилась недоступной для родовичей. Но никаких прав на людей, пользовавшихся прежде отнятыми землями, нойоны не приобретали. Людей этих, как случилось с Сологубом и его товарищами, попросту прогоняли. Поэтому важное отличие захватов земли нойонами от чисто феодального крупного землевладения заключается в том, что округление земельных владений не было связано с закрепощением населения. В этом проявлялась неразвитость феодальных отношений в бурятском обществе. То, что складывание их проходило в составе русского государства, под сильным влиянием его и контролем, нарушило «нормальное» развитие феодализма и придало ему специфические черты.

В наибольшей степени эта специфика, наряду с формами землевладения, прослеживается в положении феодализировавшихся, но так и не превратившихся в заправских феодалов представителей социальной верхушки бурятского общества.

Когда мы знакомимся с составом тех, кого официальные документы зачисляют в число «родоначальников», то бросается в глаза обилие титулов, которые им присвоены. Тайши, зайсаны, шуленги, даруги, ясаулы (засулы), дамалы — таков неполный перечень этих феодальных званий. Нетрудно убедиться в том, что звания эти монгольского происхождения. До середины XVII века мы не найдем в документах, относящихся к западной Бурятии, иного обозначения местных правителей, кроме «князцов». За Байкалом же русские сразу сталкиваются и с зайсанами, и с ясаулами. Кроме того, во многих случаях упоминаются шуленги среди выходцев. Все это говорит о том, что такие звания существовали у бурят еще в дорусскую эпоху, причем большее распространение их в

---

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, п. 1, № 212-б, л. 11.

восточной Бурятии, где контакт с монголами был гораздо теснее, вполне естественно.

Говорить о строгой иерархии тут не приходится. Той стройной системы управления,— хотон под управлением зулу, объединение нескольких хотонов под властью шуленги, наконец, поколение во главе с зайсаном или тайшоу,— о которой писал Георги<sup>1</sup>, судя по архивным документам, никогда не существовало. Деление родов было разным и в функциях и полномочиях различных по рангу родоначальников было большое разнообразие.

Русское феодальное государство использовало существовавшую среди бурят систему, основанную на возвышении оторвавшихся от народа «родоначальников», укрепило их власть и перенесло более соответствовавшие его целям формы управления из Забайкалья в западную Бурятию. Главным новшеством было появление в западных ведомствах тайшей, которых там раньше не было.

Царизм лишь частично сохранил у руководства старую родоплеменную знать или владельцев улусов. Поскольку эти люди, пользовавшиеся большими правами в прошлом, могли счесть для себя стеснительным контроль местной администрации и являлись, по своему былому положению, потенциальными конкурентами этой администрации, многие из них были удалены от дел и заменены другими людьми, всецело обязанными своим возвышением воле царских воевод или губернаторов и потому более покладистыми. Выше уже отмечалось, что часть бывших князцов к началу XVIII века оказалась низведенной до положения «улусных мужиков». Такая же горькая участь постигла иных зайсанов и шуленгов или их ближайших потомков.

Единой линии тут не проводилось. Многие шуленги, насколько можно судить по их именам или фамилиям, вели свой род от князцов XVII в. Более гибкие из старых тайшей или зайсанов, вроде Окин-зайсана, не только сумели снискать расположение русских властей, но и сделали недурную карьеру. Но в то же время многим пришлось уступить свое место не столь родовитым, но более удачливым деятелям, обычно вышедшим из рядов низших родоначальников.

Ярким примером такой метаморфозы является судьба потомков весьма популярного в конце XVII века зайсана Балана Туракина. Он возглавлял делегацию хоринцев к Петру I, его имя обычно стоит на первом месте в челобитных «нерчинских брацких людей», он явно был самой влиятельной фигурой в Хоринском ведомстве. Естественно было бы ожидать, что именно из рода Бадана Туракина и выйдут

---

<sup>1</sup> Георги. Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов, ч. IV, стр. 25.

главные хоринские родоначальники. Но случилось иначе. Первым хоринским тайшой был назначен, по представлению русского посла в Китай Саввы Рагузинского, Шодой Болтриков, отличившийся своим усердием при разграничении русско-китайских рубежей в 1727 г. Отец Шодоя Болтурик был по сравнению с Баданом персоной незначительной: в 1701 г. его имя упоминается в качестве одного из ясаулов Баданова улуса<sup>1</sup>.

Старая знать не сдавала позиций без боя, и в этом, видимо, один из истоков той борьбы «партий» в бурятских ведомствах, на которую указывал еще М. Н. Хангалов. Но поддержка царской администрации имела здесь решающее значение. В частности, она помогла Болтурику в его борьбе против сыновей Бадана Туракина—зайсана Шаракина и шуленги Эрденея (Эрдени?). В ответ на жалобу Болтурика в 1711 г. ему же было предписано «впредь смотреть, чтоб от них людям обид и налогов и грабежу не было. И буде от них зайсанов и от шуленг тебе учинитца какое разорение и улусным людям обида и тебе ясаулу говорить им и унимать от такого самовольства». Бадановых же детей указ предупреждал, что если они Болтурика не послушают, то будут «из зайсанства отставлены» и ясак на них будет наложен «против улусного мужика вдвое»<sup>2</sup>.

Введя, по-видимому, с конца XVII в. утверждение в званиях родоначальников, администрация поставила последних в зависимость от себя. Если в этот ранний период утверждения носят единичный характер и преобладает сохранение звания по старой традиции, то в XVIII веке уже складывается определенная система назначений, и санкция на занятие должности в родовом управлении становится совершенно обязательной. В практике преобладает замещение должности по наследству, что, конечно, не исключает возведения в достоинство зайсана или шуленги людей, прежде таковыми не являвшихся, которые и превращались в родоначальников тех своеобразных нойонских «династий», коих было немало в бурятских ведомствах.

Смена родоначальников и назначение их наследников на тот же пост производилась обычно по их собственной просьбе, мотивированной старостью или болезнью, если, конечно, место не оказывалось вакантным вследствие смерти родоначальника. Типично челобитье шуленги Кудуцкого рода Кондохоя в 1701 г.: «Милосердый великий государь, ...пожалуй меня холопа своего. Вели, великий государь, за мою старость и за увечье из шуленг выверстать, а в мое место приверстать в шуленги племянника моего родного Кульзу»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 614, сс. 1.

<sup>2</sup> РО БКНИИ, № 580, л. 7.

<sup>3</sup> ЛОИИ, Нерчинск, III, № 637, сс. 6.

Наследственный принцип в подавляющем большинстве случаев соблюдался до середины XIX в., и устав 1822 г. существенно не изменил положения. Образование нойонских «династий», удерживавших за собой должности в родовом управлении долгими десятилетиями, общеизвестно. С приведенным выше челообитием перекликается составленный 125 годами позднее, в 1826 г., приговор родичей 2-го Муруева рода Балаганского ведомства об избрании на место умершего шуленги Малакшинова его племянника Шелона Хараева<sup>1</sup>. В том же 1826 г. в Балаганском ведомстве были избраны вместо шуленги Онгоева рода Миная Аюшина его сын Торой Минеев и вместо шуленги Онхотоева рода Микишки Агеева также его чадо Шолон Микишкин<sup>2</sup>. Та же картина наблюдается и в середине столетия. В 1841—42 гг. в Захатском улусе 1-го Олзоева рода на место умершего старшины избран его брат, освободившееся «по старости» место родового старшины замещено сыном старого старшины<sup>3</sup>. На наследственность, как традицию, скрепленную, по мнению бурятских органов управления, законом, прямо указывает текст «выбора» инородцев 1-го Муруева рода: «родовой наш шуленьга Баргуй Дареев за слабостию своего здоровья и преклонных лет не может без помощника управлять родовичами, от чего и сам отозвался, почему вынужденными находимся со общего всех нас согласия... избрать ему Дарееву в помощники родного его племянника Пахана Бабушкина, как прямого наследника по линии, на основании существующих законов»<sup>4</sup>.

Те же порядки существовали и в других ведомствах, где система замещения должностей по наследству укреплялась уже в XVIII веке. В указе об утверждении в должности хоринского тайши избранного в 1765 г. Юмсана Иринцева отмечается: «а твой Юмсанов отец Иринцей по законному наследству в тайши был произведен». В мотивировочной части подчеркивается подготовленность Юмсана к несению своих обязанностей, «понеже де ты еще при жизни отца твоего тайши Иринцея довольно видел, как оный твой отец по указанным повелениям исполнения чинил и должность свою исправлял»<sup>5</sup>.

Даже младенческий возраст наследника не препятствовал его избранию в должность. В этом случае одновременно избирался обычно и «регент», на которого возлагалось ведение дел до совершеннолетия законного родоначальника. После смерти в 1834 г. головы 3-го Табангутского рода Цывана Норбоева на его пост был избран несовершеннолетний его сын Цыренджап Цыванов, согласно «наследственному праву, пре-

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 43, л. 120.

<sup>2</sup> Там же, № 43, лл. 112, 113.

<sup>3</sup> Там же, № 557, лл. 10, 28.

<sup>4</sup> Там же, № 557, л. 3.

<sup>5</sup> РО БКНИИ, № 580, л. 13.

доставленному инородцам», а «в управление должности его Цыванова до совершенного возраста избран таковым же общественным выбором упомянутый заседатель Цыбык Юмов»<sup>1</sup>. Лишь в связи с отношением Министерства юстиции по поводу избрания родовым шуленгою Идинского ведомства тринадцатилетнего Ерная Хантакова с передачей его обязанности, по молодости лет, «на распоряжение Идинской степной думы»<sup>2</sup>, представленным в Сибирский комитет в 1848 г., последний принял по истечении пяти лет, в 1853 г., решение о запрещении избирать в общественные должности лиц, не достигших 21 года. Юридически это обосновывалось ссылкой на общие постановления о дворянских выборах, где существовал тот же ценз для права быть избранным<sup>3</sup>.

Много реже встречаются выборы без ссылки на родственные связи кандидата со своим предшественником. Иногда такой выбор был просто продвижением по служебной лестнице. Например, в 1834 г. почетные родовичи Иринско-Харанутского рода избрали на место умершего головы его помощника Цыдыпа Цыбенова, который, с их точки зрения, «возложенное на него должностью исправлять может без опущения»<sup>4</sup>. Часто новые люди приходили к власти в результате смещения прежних родоначальников за неисправное несение службы или злоупотребления. Так, в 1818 г. на смену агинскому тайше Мохуеву, уволенному за растрату, пришел Семен Начинов<sup>5</sup>. В 1838 г. в Ашехабатском роде вместо старшины Нелтана Шабидонова, «отрешенного от сей должности по нерачительности и недеятельности, к должности сей избрали мы на место его изсреди себя в старшины инородца Василия Черепанова»<sup>6</sup>. Наряду с этим встречаются, и в немалом количестве, выборы, мотивированные лишь способностями и высокими качествами кандидатов, что в большинстве случаев означало их приемлемость для заправлявших выборами сайтов.

Но преобладало при замещении должностей начало наследственное. Оно восходит еще к старинным порядкам, возникавшим в период разложения родового строя, когда, как это отмечалось выше, передача власти по наследству уже упрочилась в бурятском обществе. Этот институт был использован царизмом для закрепления привилегированного положения нойонов, превращавшихся в верную его агентуру. Но,

---

1 ЦГА БурАССР, ф. 2, № 228.

2 ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 2, № 63, лл. 2—3.

3 Там же, л. 40.

4 ЦГА БурАССР, ф. 2, № 228.

5 Летописи хоринских бурят, стр. 30.

6 ЦГА БурАССР, ф. 3, № 400, л. 22.



сохраняя по форме свой родовой характер, порядок этот приобрел уже совсем иное социальное содержание.

Законом обязательство выбирать родоначальников с соблюдением принципа наследования установлено не было, но в административной практике оно соблюдалось. Постоянные требования избирать обязательно из числа ближайших родственников привели к тому, что в бурятском обществе такие выборы рассматривали, как соответствующие закону. Попытка обосновать и закрепить наследственное замещение должностей была предпринята иркутским гражданским губернатором Трескиным в 1811 г. в проекте под громоздким названием «Положения в подтверждение и восстановление действия узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений»<sup>1</sup>. Отмечая, что «ныне нередко выбирается в родоначальники простой инородец», «положение» ставит своей целью покончить с этим злом. «Когда родоначальник бывает наследственный,— говорится там,— сын или, по неимению его, ближайший родственник прежнего родоначальника, то он более бывает уважаем иноверцами и слова его имеют лучший вес, нежели простолюдина. Он бывает образованнее и сведущее в разбирательстве дел и в управлении; ибо, так сказать, воспитан в духе управительства под руководством прежнего родоначальника, отца его или родственника. Напротив того родоначальник из простого рода не может иметь тех способностей и навыка в делах и управлении, но желая из свойственного всем иноверцам тщеславия удержаться в своей должности, принужден бывает потворствовать всем иноверцам, и особливо той партии, которая наклоняла выбор в его пользу».

Продиктованное, по мнению Трескина, заботой о благополучии родовичей, его «Положение» по-существу имело целью закрыть доступ к выборным должностям для выходцев из народа, что вполне соответствовало общей политике царизма, делавшего ставку на укрепление нойонства. Эта идея, обоснованная в мотивировочной части «Положения», откровенно звучит в части резолютивной: «назначение иноверческих родоначальников, согласно с приведенными узаконениями и собственною их пользою, должно быть наследственно от мужского колена семейства родоначальника». Преемником уходящего в отставку должен быть его старший сын, за исключением случаев доказанной и подтвержденной приговором его «совершенной неспособности». Малолетство не должно являться препятствием к избранию, но в таком случае выбор родоначальника должен дополняться избранием временного его заместителя.

---

<sup>1</sup> ИГОА, ф. 9, № 3, св. 1, лл. 1—4.

«Положение» не оставалось лишь проектом. Оно усилило административный нажим при выборах с целью обеспечения наследственного занятия должностей и, насколько можно судить по архивным данным, явилось для местных властей руководством к действию. В качестве одного из многих примеров можно сослаться на приказ, поступивший в Кударинскую степную контору в 1822 г. Заседатель Перов, проведая, что на место умершего зайсана Полусурова избран преемник «из дальнего колена», предписывает «выбор сей делать из настоящих наследников Полусурова, а буде почему они недостойны, то показать причины». В пространном объяснении контора аттестует избранного зайсана Мудая Бартаева, как человека «поведения и состояния честного, а особливо трезвого, занимающегося хлебопашеством и скотоводством и заслуживающего доверия». Вместе с тем контора докладывает земскому суду: «а хотя по узаконениям и следовало бы избрать из братьев того Имышкея Полусурова Борте и Ирышкина Полусурова, которые поведения и состояния распутного, сей должности относить не в состоянии», то такой выбор причинил бы обществу вред<sup>1</sup>.

Для обеих сторон вопрос об обязательности избрания ближайших родственников не является дискуссионным.

Ничего нового не внес устав 1822 г., который лишь санкционировал существовавшее положение вещей, как это явствует из текста статьи, посвященной сему предмету: «звание наследственное остается наследственным, звание избирательное остается избирательным»<sup>2</sup>. И практика после издания устава не обнаруживает каких-либо существенных изменений. Когда, к примеру, в Иркутское губернское правление поступил в 1842 г. мирской приговор о выборе заседателей степной думы, оттуда не замедлил последовать запрос: «не имеют ли старые заседатели детей; если не имеют, то родственников, на которых и следовало составить выбор»<sup>3</sup>.

Строго говоря, у бурят все должности замещались по выбору, но самый выбор этот был ограничен узким кругом кандидатов. На это обратил внимание еще генерал-губернатор Муравьев, который сообщал в 1853 г. в Сибирский Комитет, что «у инородцев Восточной Сибири все начальнические должности суть двух родов: одни замещаются по выбору общества лицами из среды всех инородцев своего ведомства, другие же замещаются порядком тоже избирательным, но с тем лишь ограничением, что после отца избирается один из его сыновей и если нет детей мужеского пола, то по выбору общества—один из родственников, независимо степеней родства»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 5, № 184, лл. 1, 3.

<sup>2</sup> ПСЗРИ, т. XXXVIII, стр. 348.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 557, л. 22.

<sup>4</sup> ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 2, № 63, л. 22.

Именно второй род выборов, по терминологии Муравьева, преобладал у бурят, причем, как показано, эта система насаждалась администрацией. Отклонения от нее были; подчас даже на самые высшие должности избирались люди, не принадлежащие к родовитым семьям, но это было не нормой, а исключением. Следовательно, власть сосредоточивалась в руках сравнительно узкой прослойки, командующее положение которой поддерживалось и охранялось царизмом.

Поскольку эксплуатация бурят государством носила феодальный характер, закрепление низшего слоя феодально-бюрократического аппарата не могло не способствовать проникновению феодальных отношений и в само бурятское общество, точнее говоря, феодальной эксплуатации простых людей их родоначальниками. Но вместе с тем следует отметить, что ссылка на сложение тайшинских «династий», в качестве часто выдвигавшегося аргумента в доказательство господства у бурят феодализма, не может быть признана основательной. На Востоке при развитом феодализме часто не было прямой наследственности и, с другой стороны, передача должностей по наследству характерна и для общества дофеодального. Решающим здесь является не самый порядок наследования, а те взаимоотношения, которые складываются между господами, наследственными или ненаследственными, и их подданными.

Рассматривать бурятских родоначальников, как феодалов, «ленд-лордов» (такой термин некогда, и очень неудачно, употреблял Н. Н. Козьмин) невозможно потому, что они были, в первую очередь, должностными лицами, которых государство за их службу отнюдь не наделяло бенефициями. Главная их задача состояла в создании в их ведомствах условий, обеспечивающих регулярное и полное поступление ренты в государственную казну. Это ставило определенные пределы их произволу, и за недобросовестное, с точки зрения администрации, исполнение своих обязанностей или за чрезмерные и разорительные поборы с населения они отстранялись от своих должностей.

Не будучи феодальными землевладельцами, родоначальники не были и чиновниками в строгом смысле слова. За несение своих обязанностей они не получали почти никакого вознаграждения; тайшам забайкальских бурят полагалось скромное пособие в 20 руб. в год<sup>1</sup>. Но они пользовались, во-первых, некоторыми привилегиями и, во-вторых, могли использовать свое положение для небезвыгодных, хотя и незаконных операций, приносявших немалый доход.

---

<sup>1</sup> Денежное и хлебное жалованье устанавливалось и для некоторых других родоначальников. Зайсан Амур Андахаев и его сын Хонгор Амунов получали по 15 р. и 24 пуда хлеба в год. ЦГА БурАССР, ф. 2, № 674, л. 45.

Нойоны, избранные на общественные должности, освобождались от уплаты ясака, при этом высшие родоначальники—потомственно. Это и рассматривалось первоначально, как основная компенсация за их деятельность. «Все те начальники,—писал в 1788 г. Ф. Ланганс,—оставляют звания своих сыновьям или ближним родственникам наследственно; однако ж по согласию народа и с подтверждением от правительства они за себя и за детей своих не платят в казну никаких податей и напротив того от подвластных им ничего себе на содержание требовать не могут»<sup>1</sup>.

Хотя освобождение от ясака распространялось на потомство, в XIX в. размножившихся потомков первых тайшей и зайсанов стали включать в ясачные ведомости, а выплата жалования была прекращена раньше. С 1831 г. по 1841 г. тянулось дело, возбужденное потомками князя Гантимурова, тайшей Дулкицы, Шодоя и Лобсана и зайсана Андахоева, об освобождении их, общим числом в 72 души от платежа ясака на основании патентов, данных их дедам и прадедам<sup>2</sup>. Право это толковалось просителями расширительно, как касающееся не только сыновей и внуков родоначальников, но и представителей побочной линии — племянников и т. п. Власти, ссылаясь на формулу «и дондеже он тайша и наследники будут служить», трактовали пожалованное по патентам освобождение от ясака, как сопряженное со вступлением в службу. Но предложение перечислиться в казаки и тем восстановить свое право на льготу наследники отклоняли, считая, что это нанесет ущерб их хозяйству. Финал этой волокиты нам неизвестен, но тенденция к сокращению круга почетных родовичей, вполне понятная по фискальным соображениям, является фактом несомненным.

Юридическое положение нойонства в сословной структуре царской России было весьма неопределенным. Возвышаясь над простыми родовичами, они в то же время не были причислены к высшему сословию. По-видимому, это и имел ввиду Георгий, заметивший о положении бурятских тайшей: «Величие их весьма малозначущее; ибо, кроме собственного своего имени, не имеют они никаких доходов и состоят под ведением сборщиков, или приемщиков подати и комиссаров или начальников в острогах, кои обыкновенно бывают мало-чиновные люди»<sup>3</sup>. На это же обратил внимание и б. судья Нерчинской области Яншин в составленной в 1797 г. записке о состоянии китайской границы: «Земской полиции чины обращаются не только с простым народом грубо, но и с самим тайшею без всякого уважения, почитая его бесчиновным»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, № 2, л. 121.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 674, лл. 43—47.

<sup>3</sup> Георгий, указ. соч., стр. 25.

<sup>4</sup> ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 1, № 52.

Только в XIX веке часть нойонов начинает получать чины и возводиться в дворянское сословие; некоторые по приобретению соответствующего чина, другие — за особые заслуги. Но, если нойоны третировались порой даже не очень значительными русскими чиновниками, их власть в пределах своих вedomств была велика. В руках нойонов были сосредоточены вопросы внутреннего административного управления, сбор всех налогов и повинностей и, наконец, право судопроизводства.

Передача сбора ясака самим туземным начальникам восходит еще к XVII в., когда князец представлял ясак со своего рода или улуса. Тогда такой порядок не был единственным; во многих случаях сборщики ясака сами разъезжали по улусам, разыскивая плательщиков и пополняя их списки «подрослями» и вновь приисканными людьми. Право монопольного сбора ясака впервые официально было предоставлено родоначальникам забайкальских бурят Рагузинским.

Неслучайно, что предоставление тайшам и зайсанам права сбора ясака было дано первоначально в Забайкалье. Это было проявлением того курса, который искусно проводился русским послом. Бегство тайшей, бросивших своих подданных или, наоборот, приход этих подданных, покинувших своих господ в Монголии, создавал нежелательную, с русской точки зрения, пустоту, которую надо было спешно заполнить. Тонкий политик и дипломат Рагузинский рассудил, что присвоение высоких титулов низшим представителям феодальной иерархии, уже показавших свое усердие на русской службе, сделает их послушным орудием, а расширение их прав по отношению к подданным еще теснее свяжет их с царизмом. Выражением этой политики было присвоение Окин-зайсану, а затем Шодою Болтрикову высокого звания тайши и передача в руки родоначальников сбора ясака, открывшая широкий простор для «темных поборов».

Другой важнейшей прерогативой нойонства было судопроизводство. Еще инструкцией Рагузинского право юрисдикции по всем делам, кроме «криминальных», т. е. крупных уголовных, было передано родоначальникам. В XIX в., как и двести лет назад, это мотивировалось ссылками на «иноверческий обычай». Но самый этот «обычай» стал иным. В XVII в. к разбирательству привлекались родовичи, и решающее слово, если дело не решалось «шертованием», принадлежало старейшим, умудренным знанием старых законов. Теперь же тайши и головы судили самовластно. И старый судебный порядок, дошедший из глубин родового строя, эволюционировал в ограниченный иммунитет, институт чисто феодальный. Иммунитет этот являлся ограниченным в двойном смысле: во-первых, он касался только имущественных дел, к которым по бурятской правовой традиции причислялись

и кражи; во-вторых, русские судебные и административные органы сохраняли право надзора за действиями степных слушателей Фемиды.

Да и самое право стало иным, оно отражало изменения, происшедшие в общественной жизни. В XVII в. судебная практика не сохранила следов преимущественного положения князцов; перед лицом закона, основанного на обычном праве, они были равны простым людям. По степным же законам, усиленно собиравшимся в конце XVIII—первой четверти XIX в., классовое членение прослеживается с большой отчетливостью. Это новое право закрепляет подчинение родовичей нойонам. «Оказывающихся в неправильном неповиновении начальству своему инородных людей начальники, вообще с почетными старшинами, сначала уговаривают добрым порядком, ласково, но по недействию сего подвергают их также наказанию лозами» — гласит соответствующая статья свода обычаев бурят Верхотурского ведомства<sup>1</sup>. В сводах степных законов за оскорбление родоначальников или старшин положено наказание гораздо более строгое, чем за причинение равных обид простолюдину<sup>2</sup>. Применение этих законов зависело обычно от воли родоначальников. Это дает право говорить, что нойоны обладали феодальной юрисдикцией, хотя и в неразвитой форме.

Если в судопроизводстве бурят мы обнаруживаем черты феодальные, то в финансовой деятельности нойонов они были очень слабы. Юридически нойоны не имели права производить какие-либо поборы в свою пользу. Правда, некоторые ограниченные легальные возможности для этого у них имелись; часть своих расходов они, под разными предлогами, покрывали за счет общественного бюджета. Сохранился контракт, заключенный с группой бурят Баргузинской степной думы на перенос и перестройку приобретенного для главного тайши Сахарова дома за 112 руб., «каковые деньги должны получить из оброчных общественных сумм полностью». На установку печи и штукатурку дома дума израсходовала из того же источника еще 105 руб.<sup>3</sup> Расходы на благоустройство жилищ родоначальников производились и в других ведомствах.

Но основной источник доходов нойонов — сборы сверх положенного в свою пользу, так называемые «темные поборы», не могут рассматриваться, как чисто феодальная форма эксплуатации. Феодальная повинность — норма, обязательно, санкционированное правом или кутюмом-обычаем. Побо-ры же нойонов — это нарушение закона, превышение их

---

<sup>1</sup> Д. Я. Самоковсов, указ. соч., стр. 72.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 166—170.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 22, № 2248, лл. 1—6.

прав, использование служебного положения в корыстных целях, т. е. они совершенно тождественны казнокрадству и лихоимству сибирских чиновников всех рангов, вскрытому в таких огромных даже по тому времени масштабах ревизией 1819 г. Разумеется, всех этих трескиных и лоскутовых нельзя рассматривать как феодальных владельцев Иркутска или Нижнеудинска. В равной степени это относится и к бурятским тайшам и шуленгам.

Если, как правило, лихоимство и сходило родоначальникам с рук, то в тех случаях, когда их аппетиты оказывались чрезмерными, их предавали суду и взыскивали с них растроченные деньги. Взыскания растроченных сумм были весьма нередки, причем, в случае смерти или несостоятельности виновного, родоначальники несли коллективную ответственность. Так, по выяснению растраты, произведенной бывшим головой Шадаевым, степная дума предписала взыскать эти деньги равными долями с 7 «наличных бывших во время растраты членов думы», включая главного тайшу Ниндака Вампилова, и с 5 умерших заседателей путем описи на нужную сумму оставшегося после них имущества<sup>1</sup>. Заметим, что смерть почти половины членов думы, состоявших в ней во время совершения преступления, свидетельствует о тех темпах, которыми шло обычно разрешение подобных дел.

О масштабах нойонских хищений можно судить по шумевшему делу Дымбыла Галсанова, который в 1818—1819 гг. присвоил 128 000 руб., собранных с населения сверх казенного оклада. Привлекался к ответственности за подобные же проделки, по материалам ревизии Сперанского, и балаганский тайша Андрей Назаров<sup>2</sup>. Старались не отставать от этих крупных хищников и нойоны рангом поменьше.

Царское правительство сурово преследовало хищения податных сумм и неукоснительно взыскивало растроченные деньги. Но на присвоение нойонами сумм, собранных сверх положенного оклада, что непосредственно интересы казны не задевало, оно смотрело сквозь пальцы. В этом отношении очень показателен приговор Иркутского губернского суда по делу селенгинского тайши Юмдылыка Ломбоцыренова, отстраненного от должности за растрату более 3000 руб. общественных денег.

Суд не признал обвинение доказанным и счел некоторые доносы сомнительными; более того, прямые поборы были извинены все тем же пресловутым «инородческим обычаем». «Хотя он Ломбоцыренов,— говорится в приговоре,— сначала признался в получении от инородцев подарков скотом и прочими вещами всего на 2201 руб. 25 коп., но впоследствии от самого

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 3911, лл. 1—2.

<sup>2</sup> Ф. А. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 177.

сознания сделал отрицательство. Подарки сии относятся к давнему времени, между инородцами по обычаям их делается из доброй воли и в даче их никаких доказательств на притеснения не представлено, то за силою 15-го тома Свода уголовных законов статей 107, 108 и 109, не подвергая его той строгой взыскательности, какой подлежал он в случае изобличения в вводимых на него преступлениях, оставить его по растрате общественных денег и получению подарков на замечании». В результате, дело ограничилось взысканием с тайши 253 руб., от обвинения в растрате которых он не сумел отпереться. Установив неправильности в сборе и расходовании общественных денег, небрежное ведение дел, различные служебные упущения и проступки, суд не только ограничивается строгим выговором, но даже находит возможным представить на благоусмотрение высшего начальства «может ли он быть допущен на будущее время к должности главного тайши от которой он удален»<sup>1</sup>. Весьма либеральное отношение к «шалостям» главного нойона!

Преимущества, предоставлявшиеся нойонам, и в еще большей степени возможности обогащения, открывавшиеся со вступлением в должности, делали последние притягательными для «степной аристократии» и крупнейших богатеев. Соперничество за власть выливалось в бесконечные распри, которые принято называть «борьбой партий», разумея под последними нойонские группировки. Известна борьба за должность тайши, проходившая почти во всех ведомствах. Острые столкновения происходили и за менее важные места. Выборы систематически опротестовывались ссылками на их незаконный характер. Во многих случаях такие протесты были обоснованны и отражали недовольство широких масс начальниками, навязанными им нойонами. Но очень часто мы сталкиваемся с жалобами, основанием для которых являлись ссылки на законность притязаний на должность, поскольку таковая должна достаться жалобщикам по наследству от их отцов и дедов. Тут уж не остается сомнений в истинных мотивах заявлений, сводящихся к стремлению удержать власть за своим семейством.

Такова, например, рассматривавшаяся в 1836 г. жалоба ясачных Сартольского рода Арсолоновых, происходящих «от поколения тайши Дулкицы Олдоева», на то, что шуленга их рода Банзаракцан занял эту должность без всякого на нее права, лишь по протекции некоего ламы, своего дяди, «тогда как то звание шуленги по прямой наследственной степени принадлежит им и сродному брату их Манжур Юмчинову, на которого и общественный приговор был уже составлен». Арсолоновы требуют отмены выбора Банзаракцана и переда-

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 180, № 397.



чи должности шуленги в их руки, а заодно и возведения одного из них в звание тайши с выплатой соответствующего жалованья<sup>1</sup>. Типичен спор из-за должности шуленги между сыном тайши Назарова и его внуком<sup>2</sup>. Бесконечными тяжбами о должностях заполнены архивы XIX в.; весьма значительное число выборов оспаривалось, причем каждой из тяжущихся «партий» удавалось привлечь на свою сторону часть родовичей для составления приговоров в пользу своих ставленников.

Лишь должность заседателя думы, связанная с разъездами и административными хлопотами, по-видимому, мало прельщала нойонов. В 1842 г., по представлении Иркутскому губернскому правлению списка вновь избранных заседателей, последнее запросило думу, не имели ли старые заседатели детей, из которых и следовало бы произвести выбор. Но родоначальники и старшины, собравшись в думу, возражали против соблюдения наследственного принципа, «ибо желающих продолжить эту должность на два или три и более лет никто оказаться не может». Нойоны заявили: «согласуясь с прошедшими годами, желаем мы избрать в заседатели думы на один только год по очереди, не передавая эту службу детям или родственникам старых заседателей к отягощению их в хозяйственном занятии»<sup>3</sup>. Но и это не означало, конечно, отказа от борьбы за проведение своего ставленника.

Но сколь ни велика была власть нойонов, им не удалось полностью исключить активное вмешательство простых родовичей в выборы. Укрепляющиеся феодальные отношения переплетались в жизни бурятских ведомств, хотя и с угасающими, но сохранявшимися еще пережитками патриархальных отношений. Прочно утвердить передачу должностей по наследству нойонам так и не удалось. Во-первых, нередко встречаются выборы без всяких ссылок на наследственные связи, и, во-вторых, иногда решительный протест родовичей приводил к тому, что им удавалось добиться удаления особенно ненавистного нойона, и администрация оказывалась вынужденной утверждать других лиц, так как формально выборы производились по большинству голосов, хотя на практике, как мы видели выше, этот принцип часто попирался, и под давлением властей проводились на должности «законные», т. е. наследственные кандидаты.

В большинстве случаев нойоны располагали значительными богатствами. Уже приведенные данные о земельных захватах и о суммах, прилипающих к рукам нойонов в результате их «темных поборов», показывают, что они были людьми

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 674, л. 5.

<sup>2</sup> Там же, ф. 3, № 400, л. 33.

<sup>3</sup> Там же, ф. 3, № 557, л. 22.

весьма состоятельными. Известно составленное в 1812 г. завещание вдовы хоринского тайши Дамба-Дугар Иринцева, которым все ее имущество оценивается в 25 тысяч рублей<sup>1</sup>. После смерти в 1842 г. хоринского зайсана Борки Ноптуева на его должниках числилось много больше 10 тысяч рублей<sup>2</sup>. Из 8 высших нойонов Верхоленского ведомства 7 по своему имущественному положению принадлежали к «богатой верхушке общества»<sup>3</sup>.

Но нойоны не обязательно были богатыми. После смерти зайсана Батуева его имущество в 1841 г. было описано по иску купеческой вдовы Сотниковой. В описи числятся 2 мерина, 5 коров и 32 овцы на общую сумму в 250 руб<sup>4</sup>. Несостоятельным оказался после отстранения от должности селенгинский тайша Ломбоцыренов. Дума не могла взыскать с него присужденных за растрату общественных сумм 297 руб. 50 коп., «так как имевшееся у него небольшое имение было описано еще до сего по частным взысканиям»<sup>5</sup>. Но, разумеется, не личным богатством определялось имущественное положение нойонов, а теми возможностями эксплуатации сородичей, которые открывались с занятием ими постов в органах «кинородческого управления».

Формы эксплуатации были разнообразны и основывались, главным образом, на внеэкономическом принуждении. Отдельные случаи принуждения родовичей трудиться на их земле, выполнять по прихоти родоначальников различные работы нельзя рассматривать, как установившуюся отработочную ренту. Рента является нормой, санкционированной законом или обычаем. Использование же дарового труда простых улусных людей рассматривалось как эксцесс, и никаких следов регламентированной барщины ни в чистом, ни в замаскированном виде не сохранилось в наших документах. Это, скорее, использование служебного положения, так же как и в сборе «темных поборов», которые отнюдь не являлись денежной рентой, а были, как показано выше, близки к столь же «темным» поборам, практиковавшимся в Восточной Сибири русским чиновничеством. Поэтому, хотя такие формы эксплуатации и носили феодальный характер, но им были присущи черты крайне неразвитого феодализма, потому что нойонам, несмотря на все их старания, не удалось добиться придания этим поборам законного характера. О крепостничестве, при котором только и возможно преобладание отработочной ренты, в бурятском обществе говорить не приходится.

---

<sup>1</sup> РО БКНИИ, № 580, лл. 35—36.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 180, № 211, л. 5—36.

<sup>3</sup> И. А. Асханов. Выше ук., стр. 55.

<sup>4</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 722, л. 4.

<sup>5</sup> Там же, ф. 180, № 397, л. 32.

Перевод ренты в денежную форму, развитие товарно-денежных отношений, рост поборов на общественные нужды, включение улусной верхушки в коммерческую деятельность — все это способствовало развитию ростовщичества<sup>1</sup>. Промышляли им и богатые крестьяне, но главными ростовщиками были нойоны, пускавшие в оборот собственные или выманенные у простых родовичей деньги. Масштабы их деятельности были весьма различны. По-видимому, ростовщиком средней руки был инородческий голова Банай Куреганов, который в 1864 г. взыскивал через Киренский земский суд по векселям, подпискам, заемным письмам и тому подобным документам долги с 27 крестьян. Сумма долга колебалась от 225 р. 80 к. до 5 р. В книге должников, предъявленной Курегановым при разбирательстве, насчитывалось 119 чел. Ссужая значительные суммы, Куреганов не брезгал и малым: один из его клиентов одолжился всего на 1 р. 70 к.<sup>2</sup>

Наряду с подобными хищниками, попадаются и подлинные акулы. Очень яркое представление о последних дает обширное и запутанное дело о взыскании долгов, полученных от умершего зайсана Хоринского ведомства Борки Ноптоева за 25-летний срок, с 1809 по 1834 г. Поскольку речь идет лишь о непогашенных долгах, судить о размерах всей «коммерции» Ноптоева трудно, но и то, что имеется в деле, дает о ней достаточное представление. В списке должников значится 51 человек, в том числе зайсаны, шуленги, старосты, дама-лы и простые ясачные, принадлежащие ко всем 11 родам Хоринского ведомства. То, что долги раздавались по всем родам, а также обилие в числе должников различного ранга родоначальников было следствием того, что Ноптоев ссужал деньги родовым управлениям для уплаты податей и покрытия недоимок. Общая сумма иска составляла 12.481 р. 44 к.<sup>3</sup>

Деньги Ноптоев ссужал из 25, 35 и даже 40 процентов годовых, не стесняясь к тому же обсчитывать малограмотных. При расследовании Тугутхон Одоев с товарищами показали, «что в 1815 г. хотя они занимали у Ноптоева 900 р., полагая процентов на каждый рубль по 40 коп., всего 1260 руб. и заплатили по 1819 г. 1270 руб. После того Ноптоев, полагая процентов и якобы еще не доплачено, взыскивал 1486 руб.». Допрошенные ясачные Заман Бабаев с товарищами просили избавить их от дальнейших притязаний наследников ростовщика: «хотя они в 1809 г. занимали у Ноптоева под проценты денег 800 руб., и с того времени по 1818 г. заплатили ему всего 2233 р. 35 коп. и посему просят избавить их от платежа

<sup>1</sup> См. «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 214—215.

<sup>2</sup> ИОГА, ф. 9, св. 55, № 586.

<sup>3</sup> ЦГА БурАССР, ф. 180, № 211, лл. 9—10.

взыскиваемых еще Ноптоевым 1625 руб. насчитанных им незаконных процентов»<sup>1</sup>.

Поскольку речь идет в деле преимущественно о деньгах, взятых на общественные надобности, можно судить о том, что ростовщики не только разоряли отдельных крестьян, но и грабили целые общины, используя необходимость срочно изыскать деньги для покрытия недоимок. Характерно, что во многих долговых обязательствах в качестве срока уплаты указан «суглан текущего года», но деньги собрать не удавалось, покрытие долга растягивалось на много лет и по нему нарастали чудовищные проценты.

Ростовщичество, наряду с «темными поборами» и принудительным трудом, может быть отнесено к числу форм эксплуатации, типичных для феодального общества.

Сложнее обстоит дело с наемным трудом, сравнительно широкое распространение которого в последнее время пытаются толковать, как возникновение капиталистического уклада в бурятской деревне.

Наемный труд, как известно, применяется, хотя и в ограниченных масштабах, и при докапиталистических формациях, причем ему свойственны черты либо патриархальных, либо полуфеодальных отношений. Трудно рассматривать как чисто наемный труд многочисленные сообщения обнищавшего люда о том, что они существовали «разной работой» у русских или бурят, ибо этих работников только кормили да давали им несколько голов скота и их положение в хозяйстве, можно полагать, мало чем отличалось от положения холопов.

Небольшое количество материалов сохранилось о найме рабочей силы в XVIII в., причем и тогда это были, по-видимому, отношения, основанные на кабальной зависимости. В самом конце XVIII в. в Иркутском губернском суде слушалось дело по обвинению шуленги Онгоева рода Тубшинова в различных злоупотреблениях, проливающее некоторый свет и на эти отношения. В числе прочего родовичи обвиняли Тубшинова в зверском отношении к его работнику буряту того же Онгоева рода Хамтакову. Взбешенный тем, что заболевший работник направился домой, шуленга учинил с ним зверскую расправу: «начал бить, стегал по нагому телу конской плетью, а потом крапивою и, сбив с ног, топтал ногами, паки ж стегал плетью, а потсм привязал оного Хамтакова конским поводом под пазухи и повел подле коня». Несчастного батрака еле сняли прохожие люди. Дело разбиралось на суглане, где выяснилось, что Хамтаков должен хозяину 2 р. 84 к. Весь наличный капитал работника — 20 к. был тут же вручен Тубшинову, а остальные 2 р. 64 к. Хамтакову велели вернуть из будущих заработков. Но Тубшинов отказался при-

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 180, № 211, л. 22.

нять деньги, а «через вкоренившееся его усильство» требовал «те деньги зарабатывать работою»<sup>1</sup>. Трудно сказать, где кончается тут кабала и начинается труд по найму.

С фактами такого же безудержного произвола приходится сталкиваться и в более позднее время. В 1829 г., например, бурят Балаганского ведомства Дандар Сергеев взыскивал с вдовы покойного шуленги Малакшинова «за бытие в работе» 290 р. и с двух родовичей также заработанные им 30 р. и 22 р. После разбора этого дела родоначальниками стороны пришли к «полюбовному примирению», по которому Сергеев получил с вдовы шуленги вместо 290 всего 20 р. и с остальных по 10 р.<sup>2</sup> Невыплата денег за несколько лет была самым заурядным явлением. Иски, подобные предъявленному ясачным Галзутского рода Ирдыном Сыркуевым шуленге Ванчикову о взыскании с последнего 300 р. «за нахождение у него в работе 3 года»<sup>3</sup>, встречаются в большом количестве.

Отпуск рабочей силы в бурятских малообеспеченных хозяйствах, особенно в западной Бурятии, заметно увеличивался с каждым десятилетием. Отметив рост наемного труда в Верхоленском ведомстве по официальным данным, И. А. Асаланов сопровождает свои статистические выкладки справедливым замечанием: «Но характер найма в значительной мере носил полукабальный характер»<sup>4</sup>. Правильность этого вывода подтверждается обычным правом западных бурят. В своде обычаев бурят Тункинського, Балаганского и Идинского ведомств говорится: «Буде между собой братские задолжаются и платить ему будет нечем, то таковой не лишаясь за долг своего имения, чтобы не разориться, отдается заимодавцу или кому другому у работу...»<sup>5</sup>.

О том, что уход крестьян не всегда был связан с наймом, можно судить по составленному в самом начале двадцатых годов XIX в. «Имянному списку Иркутской округи верхоленского тайши Ертагарова о живущих в разных волостях инородцах и ясашных в работах у крестьян и своими домами». В списке числится 48 хозяйств (104 мужчины и 112 женщин), которые распределяются по занятиям: «хлебопашество и скотоводство — 20, ружейный промысел, хлебопашество и скотоводство — 8, кузнечный (промысел), хлебопашество и скотоводство — 4, кузнечным и скотоводством — 1, плотники и срочною работою частно у бурят — 1, ружейным промыслом и срочной работою частно у бурят — 1, кузнечным мастерством и частно срочною работою у своих родовичей — 1, сроч-

<sup>1</sup> ИОГА, ф. Иркутского губернского суда, оп. 5, в. 9, № 92/414, л. 9.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 58, л. 4.

<sup>3</sup> Там же, ф. 2, № 56, лл. 2—3.

<sup>4</sup> И. А. Асаланов. Указ. соч., стр. 52.

<sup>5</sup> Д. Я. Самоковсов. Указ. соч., стр. 99.

ной работой частно у бурят—5, срочной работой частно у бурят и у разных людей русских — 1, частно работают у своих родоовичей — 1, не показано—5»<sup>1</sup>.

Но при всем том работа по найму несомненно свидетельствовала о прогрессирующем расслоении улуса. Процесс этот охватил все ведомства, причем особенно работа по найму была распространена среди оседлых «инородцев». Среди последних, например, в Балаганском ведомстве числилось в 1840 г. работающих по найму в Ашехабатском роде—75 чел. и в Харанутском—15 чел.<sup>2</sup>.

Применение наемного труда у бурят в первой половине XIX в. нельзя рассматривать как свидетельство проникновения капиталистических отношений в улус. Маркс указывал, что распространение денежной ренты (а рента у бурят переводится в денежную форму почти повсеместно к концу XVIII в.) сопутствуется образованием класса неимущих поденщиков. «В течение периода их возникновения, когда новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обычных оброком крестьян развивается по необходимости обыкновенное эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих,— совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных»<sup>3</sup>. Именно это явление, т. е. эксплуатация общинников в результате обогащения части крестьян, для которого денежная рента и рост товарности хозяйства открыли некоторые возможности, и наблюдается в бурятских улусах.

Если мы приходим к выводу, что наемный труд в бурятском обществе в рассматриваемое время имел докапиталистический характер и еще сохранял черты кабальной зависимости, то нам остается выяснить, что же собой представляла имущественная верхушка бурят, в какой мере она, порвав со старыми полуфеодальными формами, вступила на стезю предпринимательства, основанного на капиталистических методах эксплуатации. «Забывают,— писал В. И. Ленин,— что освобождение одной части производителей от средств производства необходимо предполагает переход этих последних в другие руки, превращение их в капитал»...<sup>4</sup>. Отнюдь не отрицая развития капиталистических элементов в экономике Восточной Сибири в целом, следует сказать, что процесс, о котором говорит В. И. Ленин, выражен в бурятских ведомствах крайне слабо.

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 1461, лл. 89—95.

<sup>2</sup> Там же, ф. 3, № 504, лл. 137—138.

<sup>3</sup> К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 812.

<sup>4</sup> В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 20.

Методы, так сказать, «классической» нойонской эксплуатации очень далеки от капиталистических. Рост народного хозяйства, расширение внутреннего рынка побуждали часть нойонов, сумевших приспособиться к новым условиям, и улусных богатеев переключиться на предпринимательство, но их достижения в этой области в первой половине XIX в. были еще весьма скромными. Новые отношения начали оказывать свое воздействие на бурятское хозяйство, но оно еще не было значительно. Зажиточные буряты начинают заниматься торговлей, преимущественно мелкой, строят мельницы — основные «промышленные предприятия» на селе. Количество этих торговцев и предпринимателей сильно колебалось по отдельным ведомствам. В Верхоленском ведомстве уже в 1823 г. приторговывали многие хозяева<sup>1</sup>, но в отчете Балаганской степной думы за 1852 г. говорится, что «торгующих купцов и инородцев по ведомству не состоит»<sup>2</sup>.

Строительство мельниц развернулось в середине XIX в., причем порядки, связанные с отводом для них земли свидетельствуют о сохранении общинного землепользования, так как земля давалась на определенный срок с выплатой обществу компенсации. В 1857 г. общество 1-го Кульметского рода «предоставило сородцу своему Петру Танхабаеву выстроить в общественной даче на р. Заларе мукомольную мельницу с отводом к ней... двух десятин земли и иметь оную в содержании 50 лет из платежа оброка по 4 р. с надбавкою через каждые 10 лет по 10 проц»<sup>3</sup>. За 1858 г. министр гос. имуществ представил Сибирскому комитету несколько подобных приговоров. Родичи 3-го Готольского рода разрешили Шелону Шелаеву построить мельницу в общественной даче на р. Иде с отводом к ней 1 десятины и содержать ее 12 лет с выплатой 3 р. серебром с надбавкой через каждые 5 лет по 10<sup>0</sup>/<sub>100</sub>. В 1 м Холтубаевом роде разрешение на постройку и содержание в течение 12 лет мельницы на р. Осе дано старосте Хундан Хамосоеву. Помощник старосты Антон и старшина Хундан Халбаевы получили приговор трех родов о позволении построить мельницу с правом дальнейшего ее содержания на 24 года<sup>4</sup>. Условия в этих и еще трех аналогичных случаях совпадают примерно с приведенными выше.

Арендатор нес полную ответственность за ущерб, причиненный им родовичам, о чем узнаем из относящегося к 1841 г.

---

<sup>1</sup> И. А. Ас а л х а н о в. Указ. соч., стр. 60. Автор по-видимому, переоценивает развитие торговли, понимая термин «свойственная торговля», как разрешенная законом, превращая тем самым этих крестьян в купцов. Скорее слово «свойственная» здесь указывает просто на продажу продуктов своего хозяйства.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 3, № 2225 л. 55.

<sup>3</sup> ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 6, № 159, л. 2.

<sup>4</sup> Там же, ф. 1265, оп. 7, № 89, лл. 2, 5, 8, 11.

конфликтного дела, возникшего в связи с тем, что Имыхен Борхонов, ясачный Ользоновского рода, построив на речке Загатуе мельницу, не укрепил как следует слань и вода затопила утуг Мукура Тукеева, на котором в урожайные годы ставилось до 150 копен сена. Суглан, по рассмотрении всех обстоятельств, постановил: «Борхонову отдать на место Тукеева утуга свой таковой утуг сколько доведется, а ему Тукеевым владеть утугом»<sup>1</sup>. Был, таким образом, произведен не частый в те времена передел угодий, причем виновнику порчи утуга он и был предоставлен во владение. Нам неизвестно, было ли приведено в исполнение постановление суглана, так как Борхонов его опротестовал, но само по себе оно очень характерно. Общинное начало не было еще окончательно уничтожено и в середине прошлого века.

Рвавшиеся к «большой коммерции» бурятские богатеи устанавливали связи с русскими купцами, частенько выполняя функции их местных агентов. Участвовали они совместно с русскими и в некоторых иных предприятиях. В 1841 г., к примеру, селенгинский мещанин Наквасин передал контракт на аренду рыбных тоней на Гусином озере на сумму в 250 р. ассигнациями в год компании, состоявшей из селенгинского же мещанина Кубаинова и двух бурят, «зайсана Амба и Ульке Тарба Цыреновых»<sup>2</sup>. В западной Бурятии примеров такого альянса можно найти много больше, но все они были ласточками, многое предвещавшими, но еще не делавшими весны. Некоторые буряты записывались в гильдии или перечислялись в мещане, но для того времени это были факты одиночные. До развития капиталистических, в точном смысле слова, отношений бурятскому улусу было еще далеко.

Разделения труда, которое характерно для капитализма, в бурятском обществе еще не произошло. «В земледелии оно затруднялось парцеллярной обработкой земли, наряду с которой возникла домашняя промышленность самих крестьян»<sup>3</sup>. Эти слова Маркса полностью приложимы и к Бурятии. Сказанное, разумеется, не исключает того, что развитие капитализма в России оказало сильное воздействие на бурятское хозяйство, но оно сказалось на нем в более позднее время.

Итак, мы установили, что в Бурятии существовала феодальная земельная собственность в государственной ее форме, что феодальное землевладение нойонов не сложилось окончательно и что процесс превращения нойонов в класс феодалов остался незавершенным<sup>4</sup>. Феодальные формы эксплуатации

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 4, № 2228, л. 1.

<sup>2</sup> Там же, ф. 2, № 681, л. 1.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соц., т. 3 (2-е изд.), стр. 23.

<sup>4</sup> Я намеренно опускаю здесь вопрос о роли дацанского землевладения в укреплении феодальных отношений, ибо крупное хозяйство буддийских монастырей складывается позднее, во второй половине XIX в.



в неразвитом виде применялись нойонством по отношению к простым улусникам, но они сочетались с патриархально-родовыми, такими, как использование труда своих сородичей, как отдача скота на выпас, как так называемая «родовая взаимопомощь», за которую нойоны компенсировали себя принуждением обедневших получателей этой помощи к оказанию себе разнообразных и, конечно, безвозмездных услуг.

Все это дает нам право солидаризироваться с определением уровня социально-экономического развития бурят в первой половине XIX в., данным в «Истории Бурят-Монгольской АССР», где указывается на сочетание полуфеодальных и патриархальных форм эксплуатации<sup>1</sup>. Общественный строй бурят в тот период следует определять, как полуфеодальный-полупатриархальный.

Следствием сочетания полуфеодальных и патриархально-родовых отношений, часто маскировавших социальное угнетение, является смягченный, по сравнению с русской деревней, характер классовой борьбы. Классовые противоречия внутри бурятского общества были остры, политика царского правительства, давившего и грабившего бурят, не могла не вызвать сопротивления. Община, устоявшая в условиях жесточайшего гнета, оставалась организацией, сплачивавшей простых «улусных мужиков» в их борьбе против произвола чиновничества и нойонов, против непомерных, подрывавших хозяйство, поборов, против антинародной национальной политики царизма.

Но формы этой борьбы были незрелыми. Ни в XVIII, ни в первой половине XIX в. не было крупных выступлений бурятского крестьянства. Типичны для этого времени узко-локальные движения, ставившие перед собою ограниченные цели. Преобладала пассивная форма борьбы — подача жалоб и петиций и составление приговоров об удалении наиболее ненавистных родоначальников. Не всегда нойонам удавалось использовать свое влияние для проведения на выборах нужных им кандидатов, и власти из опасения серьезных волнений оказывались вынужденными считаться с народным протестом.

Во многих случаях на общественные должности оказывались избранными лица, против которых решительно выступали «законные» претенденты. Не всегда, к сожалению, можно установить, что играло решающую роль — воля народа или конкурентная борьба враждующих нойонских «партий». Но количество сохранившихся в архивах жалоб и контр-приговоров о выборах весьма велико.

Насколько далеко заходило народное сопротивление, можно судить по тому, что в 1832 г. «инородцы Ашехабат-

---

<sup>1</sup> «История Бурят-Монгольской АССР», т. 1, стр. 210—216.

ского рода» ходатайствовали об отделении их от Селенгинской степной думы, в чем они усматривали возможность избавления от излишних поборов и притеснений<sup>1</sup>. Прошение это не только было отклонено, как незаконное и безосновательное, но и вызвало следствие, тянувшееся целых 10 лет и завершенное постановлением Иркутского губернского правления в августе 1843 г. Правление, самым пренебрежительным образом отозвавшись об ащехабатах, всю вину возложило на руководителя этого движения простого ясачного Аюку Цыбденова, видимо, непримиримого врага нойонов. Его «за таковое возмущение тишины и спокойствия» подлежало переселить в другой род, но от приведения в исполнение этого решения пришлось отказаться — Цыбденов умер, не дождавшись конца следствия. Козлом отпущения стал Балчин Баинзуров, которого посылали доверенным, так как Цыбденов из-за хромоты не мог ездить на лошади. Признавая, что Баинзуров не мог отказаться от общественного поручения и что общество одобряет его действия, правление за то, что он поехал с жалобой, а не доложил о возмущении родовому начальству, «каковое бы могло по убеждению о несправедливости воздержать и прочих инородцев», повелело наказать доверенного публично лозами (20 ударами) с запрещением выполнять в дальнейшем любые общественные поручения<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что царизм защищал и поддерживал нойонство, родовичи иногда добивались победы там, где удавалось обеспечить общую солидарность крестьян. Характерным примером являются события 1816 г., происшедшие в Шантойском улусе, где, несмотря на бешеную энергию, развитую местными богатыми, поддержанными самим тайшой Верхоленского ведомства, объединенные общинники на сугланах двукратно добивались отстранения ненавистного им старшины Бакаева и избрания на его место бедняка Бахеева<sup>3</sup>.

Крупнейшими народными выступлениями были известные хоринские события: борьба против тайшей Дымбыла Галсанова в первой четверти XIX в. и Галсана Дымбылова в сороковых годах. И тот и другой, расстратив крупные суммы денег, изводили народ огромными поборами. К тому же Дымбылов, пристрастившийся к понятому им на свой лад русскому образу жизни, т. е. к той убогой пышности, которой окружили себя местные чиновники, отличался крайним самодурством. После поджога Дымбыловым думы с целью замести следы своих преступлений негодование стало столь сильным и всеобщим, что правительство было вынуждено, во избежание

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, № 188, л. 2.

<sup>2</sup> ЦГА БурАССР, ф. 180, № 612, л. 2.

<sup>3</sup> «История Бурят-Монгольской АССР», т. 1, стр. 240—241.

крупных волнений, сместить тайшу, крестника самого Николая I, и отправить его на каторгу<sup>1</sup>.

Классовая борьба в Бурятии в XVIII—XIX веках еще недостаточно изучена, но и то, что известно, показывает, что народ не был пассивен, что острые столкновения происходили повсеместно, но родовые пережитки искусно использовались нойонством для обмана народа, и это позволяло им часто приглушать борьбу.

Каковы же результаты присоединения к России? Какое влияние оно оказало на развитие общественного строя бурят? Прежде всего, вовлекая бурятский народ в экономическую систему всего государства, оно способствовало разрушению основ общинной организации с ее замкнутостью, натуральностью хозяйства и глубокой патриархальностью. Оно ускорило завершение процесса классообразования, причем, поскольку бурятское общество было подготовлено к становлению классового общества всем предшествующим ходом своего развития, этот процесс прошел без коренной ломки ранее существовавших отношений. Хотя националистически настроенные писатели горько сокрушались над отмиранием патриархальщины, в которой они пытались отыскать своеобразные черты народной жизни и негодовали на привнесенный царизмом феодальный гнет, не следует забывать, что сколь ни отвратительна была феодальная эксплуатация, развитие феодализма у народа, только-только выходявшего за пределы первобытно-общинного строя, было явлением исторически прогрессивным.

Но развитие феодальных отношений у бурят, складывавшихся под непосредственным воздействием русской государственности, совпало с эпохой разложения феодализма в России. Поэтому наряду с феодальными институтами в Бурятию проникают и новые отношения, взрывавшие феодализм в самом Русском государстве. Разложение феодализма в России, что нейтрализовало в известной мере политику правительства, с одной стороны, и сопротивление общины наступлению нойонов — с другой, привели к тому, что буряты избежали крайностей феодального режима. Крепостничества не существовало в сибирской русской деревне, не утвердилось оно и среди бурят.

Феодальные отношения не получили, как выше сказано, полного развития, и этим в значительной мере и объясняется то, что к концу XIX в. под воздействием русской экономики бурятское хозяйство начинает сравнительно легко переключаться на рельсы капиталистического развития.

---

<sup>1</sup> Подробно об этих событиях см. в «Истории Бурят-Монгольской АССР», т. 1, стр. 241—244.

Следствием роста производительных сил является, как известно, рост народонаселения. Сибирские областники, справедливо критикуя казенную национальную политику, но не понимая прогрессивного значения вхождения народностей Сибири в состав России, поднимали вопрос о вымирании малых народов. Хотя демографическое изучение Бурятии и оставляет желать лучшего, статистика не подтверждает этого, может быть, продиктованного добрыми намерениями, но неправильного утверждения. Ограничимся одним примером, относящимся к концу рассматриваемого периода. По данным о движении населения в Селенгинском ведомстве с 1823 г. по 1831 г. вырисовывается такая картина (данные приводятся только о мужчинах): в Подгородном роде состояло 286 чел., за 8 лет умерло 26 и родился 91, ежегодный прирост 2,8<sup>0</sup>/<sub>0</sub>; в Бумолготульском роде числилось 415 чел., умер 51 и родились 113, ежегодный прирост 2<sup>0</sup>/<sub>0</sub>; в Сартоловом роде состояло 747 чел., умерло 71, родилось 209, прирост 2,3<sup>0</sup>/<sub>0</sub> и т. д. Примерно на таком же уровне прирост населения и в остальных родах<sup>1</sup>. Процент этот не велик, но он говорит не о вымирании, а о росте населения. Бурятский народ, как и другие народы, показал высокую жизнеспособность и устоял в трудной борьбе со своими угнетателями. Включение в состав России, способствуя росту производительных сил, тем самым создало более благоприятные условия и для роста населения.

Политика царизма причинила неисчислимые страдания бурятскому народу, как и другим народам нашей страны. Но положительное влияние русского народа, его более развитого хозяйства, его более высокой культуры способствовало движению бурятского общества по пути прогресса. Царизм, консервировавший на национальных окраинах отсталость и патриархальщину, разжигавший национальную рознь, мог замедлить этот прогресс, но не остановить его вовсе. И в области хозяйства, и в сфере общественных отношений мы наблюдаем подъем, развитие прогрессивных явлений. Так было в самой России, то же происходило и в Бурятии. И постоянный контакт с русским народом облегчил и ускорил, даже в условиях тяжелого гнета самодержавия, прогрессивное развитие бурятского народа.

Вместе с русским народом вел бурятский народ борьбу с царизмом в дни великих революционных потрясений, и в братской дружбе, в тесном единении со всеми народами нашей многонациональной страны строит ныне новое, коммунистическое общество.

---

<sup>1</sup> ЦГА БурАССР, ф. 2, №№ 75, 83, 88.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Архив Академии наук СССР.

ДАИ — «Дополнения к актам историческим», издание Археографической комиссии.

Записки НИИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры.

ИОГА — Иркутский областной государственный архив.

ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.

РО БКНИИ — Рукописный отдел Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР.

ЦГА БурАССР — Центральный государственный архив Бурятской АССР.

ЦГАДА, ИПИ — Центральный государственный архив древних актов, фонд Иркутской приказной избы.

ЦГАДА, СП — Центральный государственный архив древних актов, фонд Сибирского приказа.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив, Ленинградское отделение.

---

## О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие . . . . .	3
<b>Часть I. Присоединение Бурятии к России</b>	
Глава I. Присоединение западной Бурятии. . . . .	15
Глава II. Присоединение Забайкалья. . . . .	46
Глава III. Русско-монгольские отношения 70—80-х годов XVII века. . . . .	60
Глава IV. Закрепление Забайкалья в составе России. . . . .	75
Глава V. Зарождение дружбы. . . . .	114
<b>Часть II. Влияние присоединения к России на хозяйственное и общественное развитие Бурятии</b>	
Глава I. Образование бурятской народности. . . . .	133
Глава II. Хозяйство бурят в XVII—начале XVIII в. . . . .	164
Глава III. Изменения в бурятском хозяйстве в XVIII—первой половине XIX в. . . . .	196
Глава IV. Основные черты общественного строя бурят в XVII в. . . . .	221
Глава V. Развитие общественного строя бурят после присоединения к России. . . . .	272
Список сокращений. . . . .	319

Залкинд Евгений Михайлович

## П Р И С О Е Д И Н Е Н И Е Б У Р Я Т И И К Р О С С И И

Редактор *Г. Г. Богданов*

Оформление худож. *С. П. Чеботарева*

Художественный редактор *П. С. Гурьянов*

Технический редактор *Ц. Б. Аханов*

Корректор *А. И. Туромша*

---

Сдано в набор 19 IX-1958 г. Подписано к печати 29 XI-1958 г.

Н-01261. Заказ № 5086. Объем 20 п. л. Уч.-изд. л. 205.

Тираж 2000. Бум. 60х92 1/4. Цена с перепл. 14 р. 30 к.

---

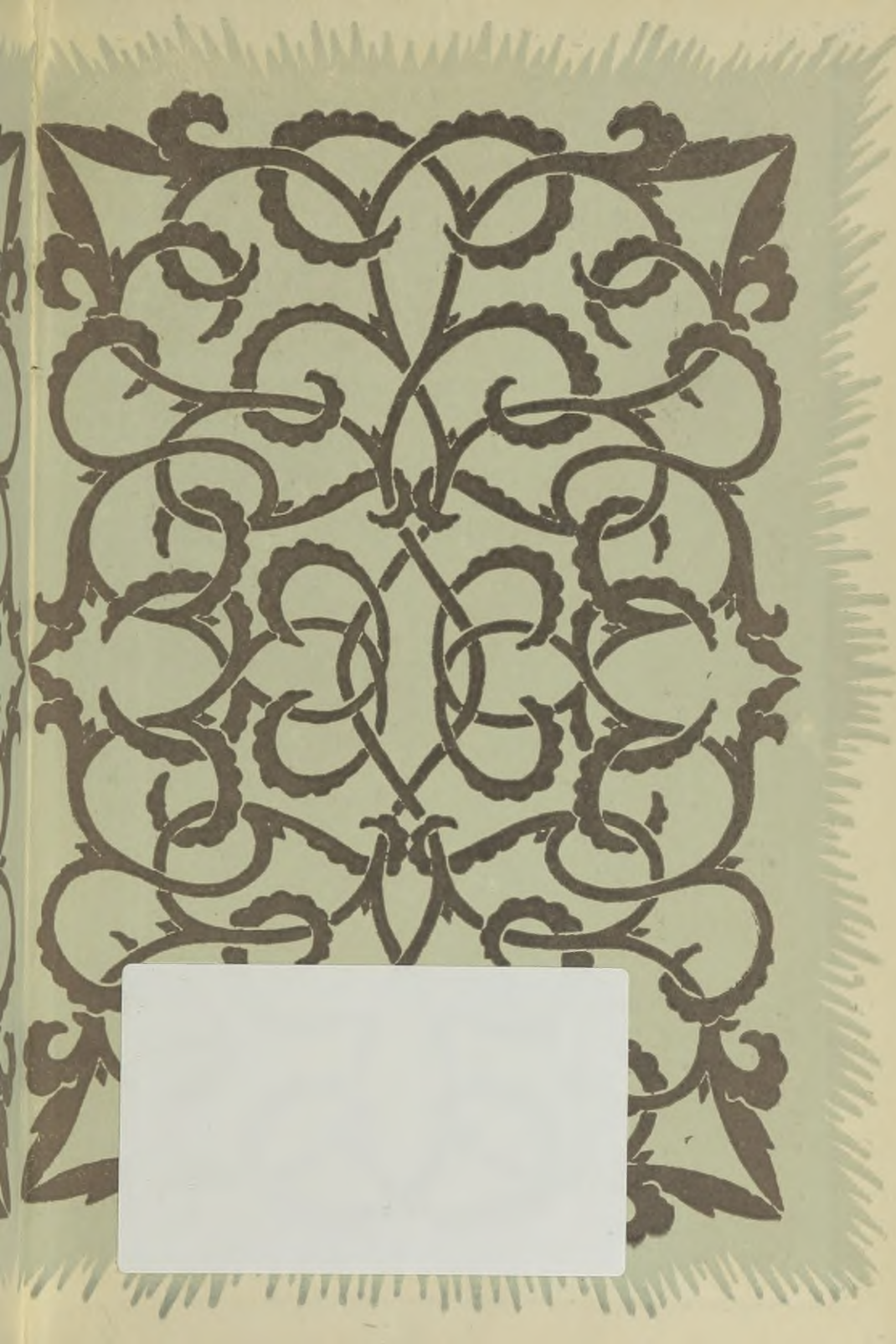
Типография Министерства культуры БУРАССР

### Замеченные опечатки и исправления

Стр.	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
72	10	—	ясычные	ясачные
82	—	1	Amsterbam	Amsterdam
86	2	—	Эти	Это
112	—	16	Тушуту-хана	Тушэту-хана
125	5	—	за землях	на землях
207	13	—	учучшенные	улучшенные
224	3	—	патронимистическими	патронимическими
233	22	—	сородичам	сородичами
248	—	5	№ 24	л. 24
264	—	19	что ни	Что они





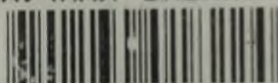


BURYAT  
STATE  
UNIVERSITY



БУРЯТСКИЙ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА



6702130018224